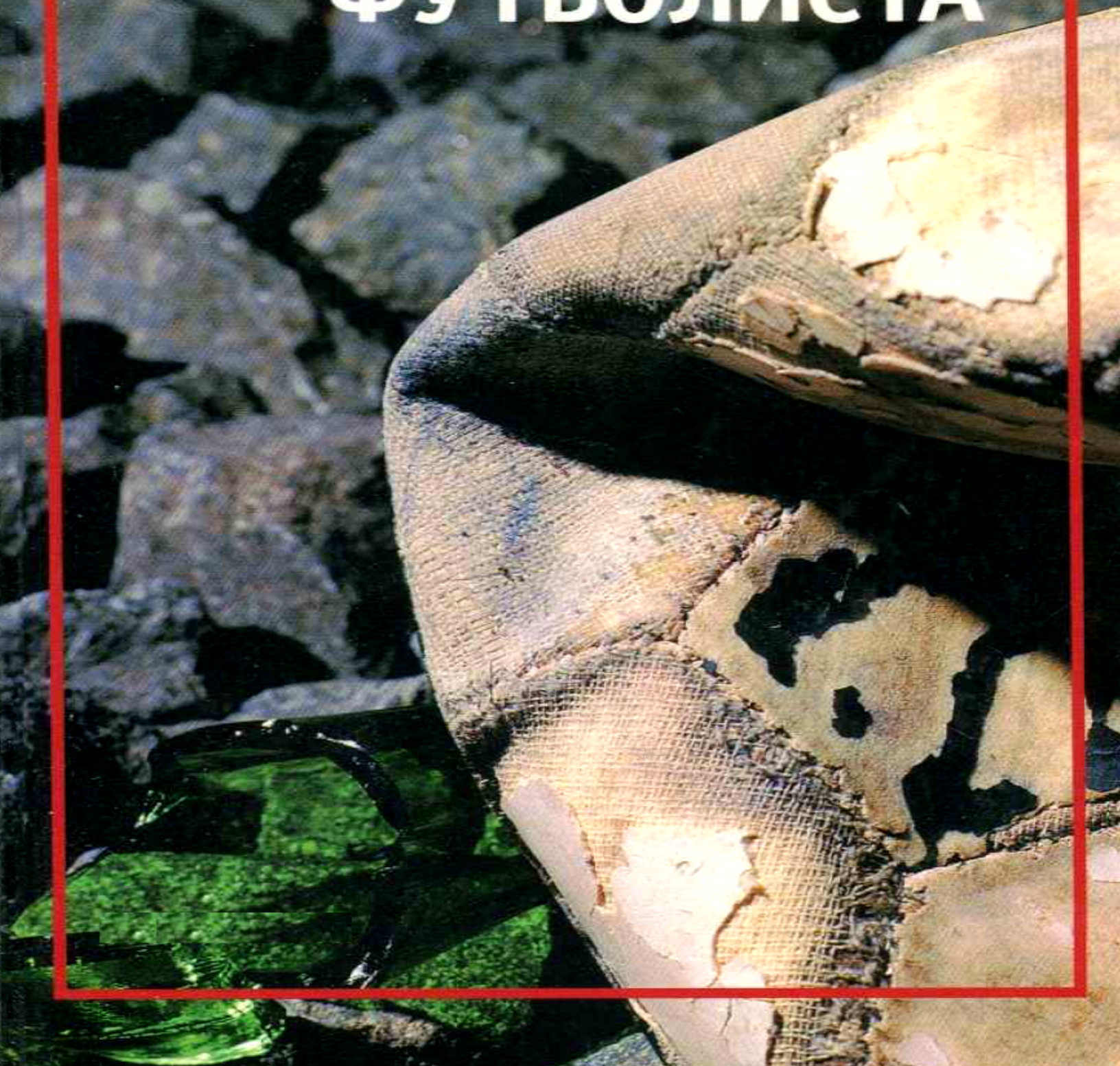

Фёдор Раззаков

УБИТЬ ФУТБОЛИСТА

Annotation

В столице происходит очередное заказное убийство. На чердаке, откуда стрелял киллер, следователь «убойного» отдела МУРа находит медаль чемпиона СССР по футболу. Выясняется, что она принадлежит бывшему нападающему московского «Спартака»...

* * *

В столице происходит очередное заказное убийство. На чердаке дома, откуда стрелял киллер, находят медаль чемпиона СССР по футболу. Следователь отдела заказных убийств МУРа и братки ставят всю Москву на голову в поисках свидетеля преступления.

- [Федор Раззаков](#)
 - [День первый](#)
 - [НЕНУЖНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ](#)
 - [ВАЖНАЯ УЛИКА](#)
 - [СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ](#)
 - [УЖЕ ЕСТЬ ВЕРСИИ](#)
 - [БРАТВА ВЫХОДИТ НА СЛЕД](#)
 - [ЗАСАДА](#)
 - [День второй](#)
 - [НА МЕСТЕ УБИЙСТВА](#)
 - [СТЕНКА НА СТЕНКУ](#)
 - [БОМЖ И ПУТАНА](#)
 - [СТРЕЛЫ АМУРА ДЛЯ СЫЩИКА МУРА](#)
 - [В ПЕРЕСТРЕЛКЕ](#)
 - [ВЫРВАТЬСЯ ИЗ КОЛЬЦА](#)
 - [ОБЛАВА В ПОДЗЕМКЕ](#)
 - [УБОЙНЫЙ КОМПРОМАТ](#)
 - [АВАНТЮРА НА СТО ТЫСЯЧ БАКСОВ](#)
 - [День третий](#)
 - [РОКОВОЕ СВИДАНИЕ](#)

- [СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ](#)
 - [ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ В ГОРОХОВСКИЙ](#)
 - [ПУЛЯ ДЛЯ КИЛЛЕРА](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [Фёдор Раззаков](#)
 -
-

Федор Раззаков
Убить футболиста

День первый

*Даже если жизнь кидает тебя на самое дно,
найди в себе силы подняться.*

НЕНУЖНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Наверное, в тысячный раз Кадилин видел один и тот же сон: мяч стоит на одиннадцатиметровой отметке, он разбегается, бьет и попадает в левую от вратаря штангу. Все — победа уходит к сопернику. Сколько лет прошло с того злополучного дня, сколько прекрасных голов он потом забил в ворота соперников, но этот, не забитый им в решающей встрече, снился Кадилину до сих пор. И он ничего не мог с этим поделать.

Где-то совсем рядом послышался шум, и Кадилин проснулся. Сквозь квадрат чердачного окна пробивался яркий солнечный свет. Судя по всему, на дворе было раннее утро, поэтому шум, доносившийся с лестницы, насторожил Кадилина. Кто мог в такую рань шуровать в подъезде? Разве что дворники. А может быть, менты?

Две недели назад он едва не угодил в руки милиции, которая устроила облаву на чердаках и в подвалах в центре города. Но тогда злачные места чистили по распоряжению мэра столицы перед приездом какой-то важной зарубежной делегации. Может, и теперь какая-то шишка удостоила своим вниманием Москву? Однако, как они надоели своими приездами!

Мысленно обматерив нынешних и всех будущих зарубежных гостей столицы, Кадилин собрался было встать со своего нагретого места в углу чердака, как вдруг увидел в дверном проеме чью-то фигуру. Это был молодой парень лет двадцати пяти, спортивного телосложения. На нем были короткая кожаная куртка, джинсы, а в руках он держал какой-то предмет, завернутый в тряпку. Постояв на пороге несколько секунд и, видимо, убедившись, что поблизости никого нет, незнакомец прошел к чердачному окну и выглянул наружу. Окно выходило на соседнюю улицу, которая в эти утренние часы была совершенно пуста. «Какого черта он там высматривает? — подумал про себя Кадилин, боясь пошевелиться, чтобы не обнаружить себя. — Этот парень явно не дворник и тем более не мент. Тогда кто?»

Он инстинктивно почувствовал смертельную опасность, исходившую от незваного гостя. Почему? Ответ на этот вопрос он получил буквально через несколько секунд. Закончив осмотр чердака,

незнакомец развернул тряпку и извлек на свет винтовку с оптическим прицелом и глушителем. Просунув ее в окно, парень облокотился на оконную раму и затих, видимо проверяя прицел. Кадилину стало не по себе. О том, чтобы встать и бежать, не могло быть и речи. Незнакомец церемониться с ним не станет. Значит, выход один — сидеть тихо, как мышь, в своем углу и не высовываться. Если парень до сих пор его не обнаружил, даст Бог, и дальше не заметит. Кадилин всем телом вжался в свой замусоленный пиджак, расстеленный на полу. В эти минуты он благодарил судьбу за то, что накануне ночью, укладываясь спать, не пожалел пиджака для подстилки, хотя поначалу собирался застелить пол прошлогодними газетами, собранными кем-то из его собратьев-бомжей в углу чердака. Будь под ним сейчас шуршащие газеты, он бы не прожил и пяти минут.

Сколько пришлось пролежать без движения на полу, Кадилин не знал — свои швейцарские часы, купленные им когда-то в Испании во время игр на Кубок европейских чемпионов, он давно продал за бесценок прямо на улице каким-то парням, а деньги тут же пропил в ближайшей кафешке. Поэтому теперь он ориентировался во времени исключительно на глаз. Судя по тому, что тело его стало затекать, времени уже прошло достаточно. А незнакомец и не думал уходить. Он по-прежнему стоял у окна и сосредоточенно выжидал чего-то. Кадилин глядел ему в спину и, как избавления, ждал выстрела. Но винтовка в руках незнакомца продолжала молчать.

В какой-то момент терпению Кадилина едва не пришел конец, и тогда в его голове мелькнула отчаянная мысль: может быть, подкрасться к парню сзади и долбануть кирпичом по голове? Но надолго эта мысль в его сознании не задержалась. «С какой это стати я должен вмешиваться в их разборки? — резонно решил Кадилин. — Они, суки, ноги в шампанском моют, а я по уши в дерьме. Да пускай они все друг друга перестреляют — таким, как я, только легче будет».

Выстрел, похожий на хлопок, раздался в тот момент, когда Кадилин попытался размять затекшую шею и повернул голову в сторону. Поэтому в первое мгновение он даже не сообразил, что наконец произошло то, чего он так долго ждал. Приподняв голову, он увидел, как незнакомец ударом об пол разбил приклад винтовки. Его лицо оказалось в полосе дневного света, и Кадилин увидел на нем глубокий шрам, протянувшийся через всю левую щеку.

Едва шаги незнакомца затихли, Кадилин вскочил и, схватив с пола пиджак, бросился бежать. Он прекрасно понимал, что любая минута промедления могла дорого ему стоить, поэтому торопился покинуть место преступления до того, как туда примчится свора телохранителей покойного (а Кадилин почему-то был твердо уверен, что киллер не промахнулся) или милиция. Однако в отличие от убийцы он предпочел уйти другим путем. Зная, что чердак разделен на две половины и что кирпичная стена, их отделяющая, в дальнем углу предусмотрительно разобрана бомжами на случай возможной облавы, он бросился к этому пролому. Через несколько секунд он уже был на лестничной площадке первого этажа соседнего подъезда, где наскоро отряхнулся и, накинув на руку пиджак, вышел во двор. На его счастье, кроме одинокой дворничихи, копавшейся в мусорном контейнере, там никого не было. Спокойно пройдя мимо нее, Кадилин свернул за угол и только здесь дал волю чувствам — со всех ног бросился бежать от злополучного дома.

Старший оперуполномоченный отдела заказных убийств МУРа капитан милиции Кирилл Громов, взгромоздившись на стул, занимался ответственным делом — вешал на стену своего кабинета огромный фотокалендарь. Собственно, календарем это произведение искусства назвать было сложно, потому что девяносто процентов его площади занимала фотография разбитной девицы а-ля Памела Андерсон, на которой из одежды были лишь трусики-ниточка и такой же незаметный бюстгальтер, из которого наружу вываливались накачаные силиконом груди. И где-то в углу огромного, как полковое знамя, портрета скромно притулился небольшой численник, ради которого Громов и приобрел эту цветную штукуну у торговца-мальчишки, сновавшего между машинами на одном из перекрестков.

Дело в том, что до очередного отпуска старшему оперу оставалось каких-то десять дней, вот он и решил скоротать их не в одиночку, а вместе с пышногрудой заморской красавицей. Отныне в конце каждого дня Громову предстояло аккуратно зачеркивать карандашом очередную цифирку на календаре, тем самым наглядно демонстрируя всем, и в первую очередь себе, что отпуск неизбежен, как дальнейшее падение рубля.

Прикрепив календарь к стене, Громов спрыгнул со стула и отошел на середину кабинета, чтобы полюбоваться результатами своего труда. Результаты его удовлетворили: календарь висел ровно, придавая всей стене асимметричность и даже некую праздничность. Однако на общий вид помещения этот «островок свободы», к сожалению, влиял мало — кабинет продолжал навевать тоску и уныние своей казенщиной. Пятнадцатиметровая комнатка с одним окном, выходящим на Петровку, два стола, стоящие вплоты друг к другу, пара небольших сейфов, стулья — вот и вся мебель муровского кабинета.

В тот момент, когда Громов с тоской озирал унылый интерьер своего рабочего места, на его столе зазвонил телефон. Подняв трубку, он услышал в ней голос своего приятеля — эксперта-баллиста Димы Вяземцева.

— Старик, могу тебя обрадовать: «тэтэшник», который проходит по твоему делу, кажется, имеет концы. — Голос эксперта звучал бесстрастно и буднично, но для Громова он был словно бальзам на душу. — Будет время — заходи.

— Димыч, уже бегу! — заорал в трубку Громов и, не теряя больше ни минуты, помчался на шестой этаж.

Громов пришел в МУР в начале девяностых. До этого он работал рядовым милиционером в 5-м отделении, учился в «вышке» — Высшей школе милиции. Учеба давалась ему легко, и вскоре в порядке исключения его направили стажером в уголовный розыск, да не куда-нибудь, а во 2-й, так называемый «убойный», отдел, специализирующийся на убийствах. Громов попал в группу, которая обслуживала два столичных района: Первомайский и Бауманский. Это распределение он воспринял как знак судьбы — ведь в Бауманском районе Громов родился, там же закончил одну из старейших столичных школ — 325-ю, оттуда ушел в армию.

Его приход в МУР совпал с тяжелым периодом в истории страны — она стремительно шла к своему распаду. Такие понятия, как «мафия», «организованная преступность», уверенно входили в повседневный лексикон советских граждан, и Громов, будучи сыщиком, прекрасно видел, в какого монстра разрастаются эти явления при явном попустительстве верхов. В те годы часть его коллег предпочла не замечать этого бардака и ушла в частный охранный

бизнес. Звали они с собой и Громова, но тот предпочел остаться на своем месте. И не потому, что он был такой идейный, как говорят, продвинутый человек, — просто ему нравилась его работа, и он не хотел ее менять ни на какую другую.

Между тем начало девяностых оказалось одним из самых трудных времен для МУРа. Те годы Громов вспоминает как что-то ирреальное, когда чуть ли не ежедневно приходилось буквально разрываться на части: то поножовщина в коммуналке, то вооруженная разборка в центре города, то расчлененка на окраине, то убийство на сексуальной почве. Как говорили ветераны МУРа, такого количества трупов, какое свалилось на них в одном 92-м году, они не видели за все годы работы в угрозыске. Причем в большинстве своем в основе убийств лежали совершенно пустяковые причины и отличались они какой-то патологической жестокостью и садизмом.

Взять хотя бы убийство членов семьи высокопоставленного мидовского работника, произошедшее ранней осенью 1992 года. Душегубом, застрелившим женщину и двух ее детей — шестилетнюю дочь и шестнадцатилетнего сына, — оказался случайный знакомый погибшей, бывший офицер Советской Армии из Камышина. А поводом к жестокому убийству стали деньги — сто долларов, которые будущий убийца взял у женщины в долг. Когда пришло время их отдавать, бывший вояка не нашел ничего лучшего, как расправиться со своим кредитором, а заодно и с ее детьми — чтобы не было свидетелей. Причем сделал это как заправский палач. Сначала застрелил женщину, затем пошел в спальню, где мирно спала девочка — расправился с ней, а потом дождался прихода из школы старшего сына погибшей и застрелил его. И все из-за ста долларов!

Когда Громов воочию увидел хладнокровного убийцу целой семьи, он в очередной раз убедился, что теория Ломброзо, видимо, не что иное, как заблуждение. Убийцей оказался симпатичный мужчина средних лет, с приятными манерами и безупречной биографией. Глядя на него, было невозможно поверить в то, что каких-нибудь несколько месяцев назад он одним выстрелом размозжил голову шестилетней девчушке, мирно спавшей в своей кровати.

Не менее симпатично выглядел и другой столичный душегуб — Алексей Чайка, которого Громов и его коллеги взяли стылым февральским днем 1994 года. В течение трех месяцев этот молодой

приезжий с Украины наводил ужас на москвичек, нападая на них в лифтах с ножом. Он зарезал четверых женщин и готов был отправить на тот свет еще множество безвинных людей ради одной цели — накопить денег на собственную свадьбу. Как выяснилось, на родине его ждала молодая невеста, которая даже и не ведала о том, каким способом ее жених «зарабатывает» деньги на свадебные кольца и подвенечное платье.

Через несколько месяцев после поимки этого маньяка в структуре 2-го отдела МУРа было создано отделение по раскрытию преступлений на сексуальной почве. Громов имел все шансы стать его сотрудником, но судьба распорядилась иначе. Он тогда занимался раскрытием заказного убийства крупного столичного бизнесмена, имевшего широкие связи среди влиятельных членов московского правительства. За ходом следствия лично следил мэр Москвы. Громову и его коллегам понадобился всего лишь месяц, чтобы найти не только исполнителя этого убийства, но и заказчика.

Это заказное убийство стало первым в послужном списке Громова. Затем было еще несколько удачно раскрытых им «заказух», после которых его зачислили в штат нового отдела, созданного в ноябре 1995 года в структуре МУРа, — заказных убийств.

Отдел начинался с четырнадцати человек, руководил которыми один из асов сыскного дела Владимир Цхай. Он создавался под так называемые «резонансные» убийства и претендовал на звание «сливочного» — туда направляли работать «сливки» МУРа. Одним из первых удачно раскрытых дел нового подразделения была ликвидация банды преступного авторитета Максима Лазовского, за которой числились теракт на Московской железной дороге, несколько заказных убийств. В рамках этого же дела группа Цхая задержала банду киллеров, которые весьма умело прикрывались удостоверениями сотрудников ФАПСИ.

Чуть позже коллеги Громова участвовали в ликвидации щербинской преступной группировки (в этом подмосковном городишке был найден самый большой на то время преступный арсенал: 25 автоматов и пулеметов, 36 килограммов взрывчатки), задержали бандитов, совершивших в августе 1996 года поджог кафе-бильярдной в муниципальном округе «Ясенево», когда в огне и дыму погибли одиннадцать ни в чем не повинных людей.

Дело, ради которого теперь Громов мчался на шестой этаж в экспертно-криминалистическое управление, свалилось на него пять дней назад. Возле собственного подъезда был застрелен 30-летний коммерсант Игорь Раковский. Киллер подстерег коммерсанта после работы, и, когда тот парковал свой навороченный джип «Мицубиси-Паджеро» на стоянке возле дома, подошел к нему сзади, и выстрелил. Однако Раковский оказался мужик не промах, не даром служил офицером в «горячих точках», в частности — в Нагорном Карабахе. Получив пулю в спину, он сумел выбить у киллера пистолет и повалить его на землю. Однако на большее сил у него не хватило. Убийца вырубил его несколькими ударами в голову и скрылся.

Поскольку время было позднее — около одиннадцати часов вечера, — свидетелей преступления не оказалось. Лишь позднее один из соседей Раковского по подъезду — энергичный старик с седьмого этажа — вспомнил, что видел незадолго до происшествия в подъезде подозрительного молодого человека. Дед вышел из квартиры, чтобы вынести ведро с мусором, а парень торчал этажом ниже и что-то высматривал в окно. К сожалению, незнакомца старик видел только со спины, поэтому его описание было кратким: среднего роста, белокрысый, в кожаной куртке и джинсах.

Истекающего кровью Раковского обнаружили спустя полчаса после происшедшего — один из жителей подъезда вышел во двор выгуливать собаку и наткнулся на его тело. Но пока вызывали «скорую», пока та приехала, раненый уже скончался от потери крови. Преступление начали раскручивать опера «с земли» (местного отделения милиции), но особенного рвения при этом не проявляли. В итоге спустя несколько дней после совершения преступления на помощь «землякам» бросили Громова. Найденный на месте преступления «тэтэшник» (во время драки он залетел под колесо джипа, и убийца в суматохе его не нашел) отдали баллистам, и вот сегодня эксперт Дима Вяземцев, кажется, надыбал о нем что-то интересное.

Когда Громов прибежал в ЭКУ, там царил привычная для этого управления тишина и безлюдность. Большая часть экспертов сидела в своих кабинетах и всю занималась делом — экспертизой вещдоков. Сколько Громов помнил себя в МУРе, так было всегда. Расширение этого управления происходило буквально на его глазах. Каких-то три

года назад в нем насчитывалось всего лишь четыре отдела, в которых трудились по три-четыре эксперта. Естественно, что справиться с тем валом экспертиз, которые хлынули на них с начала девяностых, эти люди никак не могли, поэтому было принято решение более чем в два раза расширить штаты, создать в управлении еще девять новых отделов. Но даже после этого расширения экспертам приходилось туго — преступность в городе стремительно росла и работы было невпроворот.

Когда Громов пришел к баллистам, эксперт отдела капитан милиции Дмитрий Вяземцев сидел за столом и дописывал свое заключение на злополучный «тэтэшник». Подняв голову навстречу гостю, он с удивлением произнес:

— Громов, ты словно Фигаро: одна нога там, другая — уже здесь.

— Что поделаешь, Димыч, опера ноги кормят, — ответил Громов.

Когда он подошел к столу, Вяземцев протянул ему свое заключение, которое уместилось на четырех страницах. Громов быстро скользнул глазами по первым двум, выхватывая отдельные места из написанного: «Представленный на исследование пистолет такой-то изготовлен из металла серого цвета... при полной разборке и осмотре частей пистолета установлено... диаметр канала ствола, а также конструктивные особенности патронника исследуемого пистолета указывают на то, что... для решения вопроса о пригодности представленных пистолета и патронов для стрельбы пистолет отстреливался... стрельба производилась в пулеулавливатель «ПУ 1 — МУ» с одновременным размером начальной скорости полета пуль с помощью прибора АСК «Фиксатор»...»

Наконец, устав читать длинное экспертное заключение, Громов положил его на стол, а сам уселся на стул и вновь обратился к хозяину кабинета:

— Димыч, я всегда восторгался твоими рукописными талантами, но будет лучше, если ты введешь меня в курс дела посредством своей не менее замечательной речи. Ведь наверняка есть вещи, которые не вошли в эту писульку?

Вяземцев в ответ улыбнулся и, спрятав свое заключение в ящик стола, ответил:

— Старик, твой киллер — большой любитель старины. Пистолету, из которого он грохнул свою жертву, как минимум, полвека.

Чтобы тебе было понятно, о чем речь, я прочту тебе небольшую лекцию. До войны «тэтэшники» выпускали в ограниченном количестве и нескольких моделей. Например, энкавэдэшная модель серебристо-синего цвета, которая сегодня считается раритетом. Цена такой «игрушки» на «черном рынке» — штука баксов. В годы войны был налажен выпуск «тэтэшников» по упрощенной технологии. От предыдущих моделей они отличались более грубой отделкой, на рукоятку ставились деревянные накладки. Именно к этой категории и относится твой «тэтэшник».

— Почему ты решил, что пистолет пролежал в земле?

— Если бы он находился в надежных руках, за ним бы соответствующим образом ухаживали. А у этого на стволе образовались ржавые раковины, которые совсем недавно — месяца два-три назад — залили алюминиевым сплавом. Кроме того, на нем сбили номер и заменили несколько деталей: боевую пружину и подвижную серьгу, поменяли деревянные «щечки» на пластмассовые. Причем реставрировал его, судя по всему, не кустарь, а вполне приличный мастер. Те же «щечки» он сделал аккуратно, можно сказать, с любовью. Более того, оставил на них свое клеймо — две молнии. Если помнишь, точно такие же знаки носили эсэсовцы. Вполне вероятно, что этот реставратор — большой поклонник нацистов. Однако это клеймо наводит и на другие мысли. Обычно такого рода знаки ставят на стволы, предназначенные для домашних коллекций, но не для киллерской практики. Так что здесь тебе предстоит поломать голову.

Громов мысленно согласился с последним выводом эксперта. Действительно, такое в его практике было впервые. До этого ни один киллер не использовал в своих кровавых делах клейменое оружие. «Что это — случайность или непрофессионализм убийцы? — мысленно спрашивал себя Громов. — И каким образом этот ствол попал в его руки? Нашел где-нибудь под Смоленском или Брянском на месте боев времен Великой Отечественной или же ему его впарили так называемые «черные следопыты?»» Однако ответов на эти вопросы у Громова пока не было.

Наступившую в кабинете паузу прервал телефонный звонок, и Вяземцев поднял трубку. Пока он вел неторопливую беседу с кем-то из коллег, гость взял в руки лежавший тут же на столе «тэтэшник» и с

нескрываемым любопытством стал осматривать его со всех сторон. С тех пор как пистолеты этой марки стали излюбленным оружием российских киллеров, Громову доводилось держать в руках несколько подобных «игрушек», однако в основном это были «тэтэшники» китайского производства. Никакого интереса с точки зрения истории они не представляли. Этот же относился к категории раритетов и наверняка хранил память о многих интересных событиях, свидетелем и участником которых он был.

— Что, сравниваешь эту «пушку» с китайским аналогом? — возвращая телефонную трубку на аппарат, спросил Вяземцев. — Брось, с этим все ясно — наши «Тульские Токарева» намного лучше. Китайские изготовлены из низкосортной стали и сохраняют боевые характеристики в лучшем случае на десять-пятнадцать выстрелов. Затем рассеивание начинает превышать все допустимые нормы, и пистолет превращается в обычный пугач. А наши родные «ТТ» сохраняют превосходные характеристики даже спустя десятилетия.

Об отменных качествах наших «тэтэшников» расскажу тебе одну байку. Случилась она в начале пятидесятых, когда «Тульский Токарева» заменили на пистолет Макарова. Некий офицер, придя домой и застав свою жену в объятиях любовника, достал новехонький «Макаров» и всадил в неверную половину обоймы. Но женщина, представь себе, выжила. После этого случая однополчане рога носца накатали в Москву гневное письмо, в котором возмущались — чем бы ты думал? — плохими качествами нового пистолета. Мол, какие-то вредители вместо прошедшего огонь и воду «ТТ» снабдили нашу армию какой-то пукалкой, которая даже женщину не берет. Над письмом, конечно, посмеялись и оставили без ответа.

Что касается твоего «тэтэшника», то я вчера проверял его на станке вместе с «вальтером» сорок первого года. Так вот, после первого выстрела «вальтер» разнесло в клочья, а твой — целехонек. Так что, судя по всему, после продолжительной бездеятельности он попал в хорошие руки, которые вернули его к полноценной жизни. Даже странно, что преступник бросил его на месте преступления.

— Бросать оружие киллер не собирался. Ему помогла это сделать жертва, — внес необходимую поправку в рассуждения эксперта Громов. — Сколько такой ствол может стоить на «черном рынке»?

— Баксов триста-триста пятьдесят.

— То есть чуть дешевле, чем новые модели?

— Совершенно верно. Польские и венгерские «тэтэшники», или «токеджипы», стоят от трехсот пятидесяти до пятисот. Китайские — триста пятьдесят-четыреста. Как видим, разница в цене небольшая. Но это касается только интересующего нас «тэтэшника». Про энкавэдэшную модель я тебе уже говорил. Есть еще довоенная модель, которая отличается от других крупным рифлением в задней части кожуха, и модель пятьдесят первого года, последняя модификация, которые тянут на пятьсот «бачков». А наш «герой» появился во время войны, когда пистолеты гнали в большом количестве и по упрощенной модели. Отсюда и его более низкая цена. Да, и еще: отследить легальный путь этого «тэтэшника» очень сложно, поскольку его учет в годы войны практически не велся. Да и после войны дела с этим обстояли не лучше.

Вяземцев умолк, всем своим видом показывая другу, что лекция окончена. Но Громов ставить точку в разговоре пока не собирался.

— Димыч, я тут грешным делом подумал о «черных следопытах». У тебя есть какая-нибудь информашка на их счет?

— Старик, ты многого хочешь от баллистов. Я и без этого тебе достал и в рот положил. Может, еще и разжевать?

— Да нет, разжую и проглочу я сам, — улыбнулся Громов. — Мне бы наводочку какую-никакую.

— Обратись к Паше Шкляревскому из шестого отдела, который имел дело с этой публикой. В общем, рой носом землю, тебе за это деньги платят. Кстати, о деньгах. Одолжи до получки стольник, хочу жене цветы купить.

— А что у вас за праздник? — удивился Громов.

— Да нет никакого праздника. Просто хочу сделать приятное любимому человеку. Но если ты в напряге, тогда не давай.

Однако Громов уже полез во внутренний карман пиджака и извлек на свет потрепанное от времени кожаное портмоне. Достав из него купюру, он протянул ее другу и сказал:

— Уж лучше тебе на цветы, чем Лехе Дробышу на презервативы.

Оперуполномоченный Алексей Дробыш был его соседом по кабинету, имел семью, но считался отъявленным бабником, который не пропускал ни одной юбки. Он стрелял деньги практически у всего отдела, однажды даже одолжил стольник у самого начальника МУРа,

при этом сочинив легенду о том, что собирается купить конструктор «Лего» для своей пятилетней дочери. На самом деле почти все деньги он спускал на баб, коих у него всегда было в избытке, он их даже частенько путал. Несмотря на то что Громов прекрасно знал все его трюки и побасенки насчет тяжелого материального положения, но даже он иногда покупался на его просьбы «одолжить деньжат до полочки».

Три дня назад Громов в очередной раз одолжил ему денег, якобы на блок «Мальборо», а затем узнал, что Леха закупил на эти деньги каких-то суперпотрясных презервативов с усиками. Эти кондомы Леха принес в кабинет и на глазах у Громова спрятал в своем сейфе. Из этого факта Громов сделал заключение, что все эти изделия его сосед по кабинету собирается использовать без ведома супруги.

Так, вперемешку с мыслями о «тэтэшнике» и своем непутевом коллеге, Громов преодолел расстояние до своего кабинета, но едва переступил порог, как тут же столкнулся с объектом своих размышлений — Лехой Дробышем.

— Громов, ты меня с ума сведешь! — В голосе Дробыша слышалось раздражение. — Хоть бы записку оставил, где тебя искать. У нас очередной трупешник. На Земляном Валу грохнули какого-то бизнесмена. Вроде бы работал снайпер. И когда они угомонятся?

— Видимо, тогда, Леха, когда ты станешь министром внутренних дел, — похлопав коллегу по плечу, мрачно резюмировал Громов.

ВАЖНАЯ УЛИКА

На место преступления Громов с Дробышем выехали в составе дежурной группы, в которую также входили: следователь горпрокуратуры Павел Ардаматский, судмедэксперт Левон Заназян и эксперт-криминалист Андрей Истомин. Однако, когда они приехали к многоэтажному дому недалеко от улицы Земляной Вал, потерпевшего там уже не оказалось. Только небольшая лужица крови на тротуаре указывала на то, что некоторое время назад здесь действительно произошло убийство.

На месте преступления сыщики застали нескольких человек: молоденького опера из местного отделения милиции, не менее молодого следователя женского пола из окружной прокуратуры, которая, сидя на лавочке у подъезда, аккуратно строчила протокол осмотра места происшествия, и двух понятых. Когда машина с муровцами тормознула у тротуара, следователь даже не подняла своей изящной головки от бумаг — так была увлечена писаниной.

О том, что здесь произошло полчаса назад, приехавшим рассказал местный опер — Игорь Мосин. Его рассказ строился целиком на показаниях дворничихи, которая оказалась единственным свидетелем покушения. По ее словам, около половины десятого утра здесь застрелили одного из жильцов — солидного пожилого человека, проживавшего во втором подъезде. Фамилии и имени его дворничиха, к сожалению, не знала.

По ее словам, он в сопровождении двух телохранителей вышел на улицу, чтобы сесть в автомобиль, но дойти до него так и не сумел — упал как подкошенный на землю. Охрана тут же погрузила его в машину и уехала. По словам женщины, которая хорошо слышала реплики телохранителей, раненого повезли в институт Склифосовского. Именно туда десять минут назад отправились и местные оперативники, оставив своего товарища и следака из прокуратуры дожидаться коллег из МУРа.

Выслушав доклад опера, Ардаматский принял решение разделить оперативную группу на две части. Первая, в которую вошел он сам, а также Дробыш и Заназян, должна была отправиться вслед за раненым

в Склиф, а вторая — в составе Громова и Истомина — отработать место происшествия. Дробыш, который уже успел приглядеться к аппетитным коленкам стажерки из окружной прокуратуры, попытался было качать права и отправить вместо себя в больницу Громова, однако быстро успокоился. Ардаматский, который прекрасно знал все слабые места Лехи, пообещал познакомить его в Склифе с симпатичной медсестрой из хирургического отделения, которая за свои идеальные формы была недавно провозглашена «Мисс Склиф».

— У этой мисс есть любопытная привычка — никогда не носить под халатом трусики, — сообщил Ардаматский, чем окончательно снял все Лехины колебания.

Когда машина с группой Ардаматского уехала, Громов взял инициативу в свои руки. Несмотря на то что рядом находился следователь прокуратуры, лицо более значимое, чем оперативник с Петровки, Громов воспользовался ее молодостью и неопытностью и принялся раздавать команды направо и налево. Мосина он отправил отрабатывать жилой сектор (опросить жильцов дома, в котором проживала жертва), Полину Кутепову (так представилась девушка из прокуратуры) попросил закончить протокол, а сам вместе с Истоминым отправился искать место, откуда киллер произвел выстрелы.

Подойдя к кромке тротуара, где на асфальте все еще виднелась лужица крови, Истомин щелкнул пару раз фотоаппаратом, после чего они с Громовым окинули внимательным взглядом окрестности. Справа простирался пустырь (по словам Мосина, некогда там возвышался двухэтажный особняк, который год назад снесли подчистую), поэтому их внимание привлекла прежде всего левая сторона, где стояли два здания: трехэтажное, которое, судя по вывескам, украшавшим его, принадлежало сразу нескольким коммерческим фирмам, и пятиэтажное здание жилого типа. С точки зрения киллера последнее было наиболее удобным для покушения — задняя сторона дома и два его чердачных окна (Громов называл их «чердачками Фруттис») смотрели в сторону подъезда, из которого вышла жертва, а внешняя сторона — во двор, невидимый с того места, где теперь находились сыщики. С этого здания они и решили начать осмотр. Вошли в первый подъезд и не ошиблись. Поднявшись по лестнице на последний этаж, они увидели, что дверь чердака распахнута настежь. Войдя внутрь,

сыщики обнаружили возле чердачного окна то, что надеялись найти — винтовку с оптическим прицелом и разбитым вдребезги прикладом. Рядом валялась тряпка, в которую, судя по всему, эта винтовка была завернута, прежде чем ее использовали по назначению.

— Почему винтовка сломана? — удивленно спросила у коллег подошедшая к месту преступления Кутепова.

— Есть у киллеров такой ритуал — после работы обязательно ломать свой инструмент, — ответил Громов. — Именно этим они разительно отличаются от представителей рабочего класса. Кстати, где ваши понятия?

— А я их отпустила, — спокойным голосом ответила девушка. — Они и так из-за меня на работу опоздали.

— Понятно, — грустно резюмировал Громов и, оставив коллег на чердаке, сам спустился вниз за понятами. На лестничной площадке последнего этажа было две двери, и Громов позвонил в обе. Они открылись почти одновременно. В первой показалась седая голова старушки, у которой в руках была кастрюлька, во второй — не менее седая голова худосочного деда в выцветшей от времени майке.

— Доброе утро, я из милиции, — представился Громов и для убедительности извлек на свет свое удостоверение. — Полчаса назад недалеко от вашего дома произошло преступление. Вы ничего подозрительного не заметили?

Бабуля пожалала плечами, а дед ни с того ни с сего внезапно завелся:

— Ничего не видели, ничего не знаем. А если бы и видели, ничего бы не сказали. Хотели демократию — вот и получите! Небось опять какого-нибудь буржуя порешили? Так им и надо, мордоротам недорезанным. Чем больше их укокошат, тем лучше простым людям будет. А вы, милиция, их защищаете. А еще «народная» называетесь. Вы народ должны защищать, а не буржуев.

— Дедуля, успокойтесь, — прервал наконец старика Громов. — Вы в каком полку служили?

— В каком смысле? — удивился старик.

— Ну, вы — фронтовик?

— Ах это? Фронтовик, конечно.

— Чего ты брешь, Кузьма? — вмешалась внезапно в разговор старушка. — Какой ты фронтовик? Всю войну в тылу просидел. Он на

продовольственном складе работал, товарищ милиционер.

— Тогда понятно почему он нынешние порядки хает, — сказал Громов. — Небось хорошо жили при коммунистах на своем складе? Икорка, балычок, трюфеля в сметане. Ананас кушали?

— Какой еще ананас? — растерянно пробормотал старик и попятился к своей двери.

— А манго с маракуйей? — продолжал наседать на него Громов.

— Да идите вы к черту! — завопил внезапно старик и, забежав в квартиру, хлопнул дверью.

— Вот и правильно, — с удовлетворением произнес Громов и повернулся к старушке. — Вредный вам сосед достался.

— И не говорите, — с досадой махнула рукой бабулька. — Всех хает, а у самого внук какой-то мандражер.

— Менеджер, наверное, — поправил старушку Громов. — Однако дедуля сбежал, а нам для дела второй понятой нужен. У вас, бабушка, есть кто-нибудь на примете?

— А как же. Соседка моя — Пелагея. Я ее сейчас позову.

И старушка скрылась за дверью, чтобы через пару минут вернуться вновь, теперь уже не одна, а с такой же седой, как и она, женщиной в стареньком халате.

— Чердаков не боитесь? — спросил у женщин Громов, прежде чем повести их наверх.

— А покойников там нету? — спросила в свою очередь Пелагея.

— Не, только живые, — ответил Громов.

— Тогда ничего, — улыбнулась Пелагея. — Тогда можно.

Когда они поднялись на чердак, Истомин и Кутепова мирно беседовали возле раскрытой настежь двери. Однако едва понятые заняли указанные им места, как все пришли в движение. Эксперт, облачившись в резиновые перчатки, принялся осматривать винтовку, а Кутепова взялась за протокол. Громов же отправился обследовать чердак. Достав зажигалку, которую он, будучи человеком некурящим, всегда имел при себе, он стал внимательно осматривать каждый закоулок грязного и пыльного помещения. Когда он достиг дальнего угла, его внимание привлекла большая стопка газет, аккуратно сложенная у стенки. «Видимо, бомжи собрали для подстилки», — догадался Громов, тщательно освещая место рядом с газетной стопой. И здесь его ждала неожиданная находка. На грязном чердачном полу

он увидел металлический кругляк, который при ближайшем рассмотрении оказался настоящей спортивной медалью. Выбитая на ней надпись гласила: «Чемпион СССР по футболу. 1987 год». Осторожно сжимая медаль за края двумя пальцами, Громов вернулся к коллегам. Истомин в это время заканчивал свои манипуляции с винтовкой — упаковав ее разбитые части в фольгу, он опустил каждую часть в полиэтиленовый пакет, а Кутепова внимательно наблюдала за его действиями. Увидев Громова, она спросила:

— Нашли что-то интересное?

— Медаль чемпиона Союза по футболу, — ответил Громов и специально поднял находку повыше, чтобы понятия ее увидели. — Интересно, как она здесь оказалась?

— Во всяком случае, не киллер обронил, — сделала вывод девушка. — Скорее всего, мальчишки посеяли. Они на чердаках частые гости.

— А может быть, кто-то из бомжей? — высказал догадку Громов. — Место, где я нашел медаль, идеально чистое, будто по нему влажной тряпкой прошлись. Там явно кто-то лежал. Причем совсем недавно. Давайте проведем небольшой эксперимент.

Передав вещдок эксперту, Громов попросил Кутепову подойти к слуховому окну, а сам отошел на то место, где, по его предположениям, кто-то лежал. Присев на корточки, он обратился к девушке:

— Вы меня видите?

— Нет, тень от верхней балки закрывает это место.

— Зато я вас вижу хорошо, — резюмировал Громов.

— Вы думаете, что тот, кто там лежал, мог видеть убийцу? — спросила Кутепова.

— Вот именно. Хотя утверждать это пока рано, — ответил Громов.

Он продолжил осмотр чердака и вскоре оказался у пролома в кирпичной стене. Сообщив об этом своим коллегам, он перелез на другую сторону и за пару минут преодолел весь путь, которым за час до этого проследовал Кадилин. Когда Громов вышел из подъезда, он буквально лоб в лоб столкнулся с пожилой дворничихой, подметавшей двор. Показав ей свое удостоверение, сыщик спросил:

— Час назад на соседней улице стреляли в человека. Вы не заметили ничего подозрительного?

— Да вроде не было ничего. — Женщина пожала плечами.

— Вроде или все-таки видели?

Женщина на несколько секунд задумалась, после чего произнесла:

— Машина импортная за углом стояла, только я в них не разбираюсь, поэтому марку назвать не могу. Да и номер не запомнила. У нее ведь только задница из-за угла торчала, а мне разглядывать ее было недосуг. Мало ли их здесь ездит? Только цвет помню — серебристый.

— Вы не обратили внимания, в машину больше никто не сел? Из соседнего подъезда должен был выйти человек.

— Чего не видела, того не видела. Я тут с контейнером возилась. Знаете, сколько мусора за сутки скапливается? А я работаю одна, сменщица моя заболела. Поэтому мне головой вертеть в разные стороны возможности нет. Правда, я слышала, как та машина отъезжала. А буквально через пару минут из этого вот подъезда, из которого вы вышли, выскочил мужчина. Я почти всех жильцов этого дома знаю, но этого видела в первый раз. Очень странный тип.

— Что же в нем странного? — насторожился Громов.

— Одежда на нем была какая-то грязная, мятая. Сам небритый. Ну прямо бомж какой-то!

— Во что он был одет?

— Серый пиджак, такие же брюки, рубашка темного цвета.

— Возраст его определить можете?

— Не старый еще. Лет ему примерно столько же, сколько вам.

— И куда же он направился?

— Не знаю. Он за угол завернул, и я его больше не видела.

— Спасибо за информацию, — поблагодарил женщину Громов. — Однако это еще не все. Все, о чем вы мне сейчас поведали, вам надо рассказать моим коллегам. Они сейчас работают на чердаке. Надеюсь, знаете, как туда добраться?

— Так я еще свою работу не закончила, — возразила женщина. — Мусора вон сколько накопилось.

— Мусор ваш никуда не денется, — тут же осадил дворничиху Громов. — Мы же не ерундой какой-то занимаемся, а серьезным

преступлением. К тому же это дело отнимет у вас не так много времени.

Женщина тяжело вздохнула, однако больше перечить представителю закона не стала. Сняв с рук перчатки, она засунула их в замызганный халат и отправилась в соседний подъезд — давать свидетельские показания.

Между тем после встречи с дворником подозрения Громова о том, что бомжеватого вида мужчина и найденная им на чердаке медаль имеют непосредственное отношение к преступлению, усилились. Однако, чтобы убедиться в этом окончательно, ему требовались более веские подтверждения. А получить их он рассчитывал у местных бомжей. Но как их найти? Здесь без вмешательства участкового инспектора обойтись было трудно. Предупредив своих коллег о том, что он отправляется в местное отделение милиции, Громов покинул злополучный двор на Земляном Валу.

Участковым инспектором, обслуживающим территорию, на которой произошло преступление, оказался старший лейтенант милиции Антон Иванович Грузило. Так его представил Громову дежурный по отделению. Однако его уже искали до этого больше часа, но все безуспешно — участкового не было ни в отделении, ни в опорном пункте милиции.

— Судя по всему, он «шерстит» жилой сектор, — сообщил Громову дежурный. — Если хотите — ждите.

Громов решил подождать, хотя, как и все, страшно не любил две вещи: ждать и догонять. Но ему повезло. Спустя каких-то десять минут зазвонил телефон у дежурного, и он, поговорив по нему с незримым абонентом, крикнул Громову:

— Звонил Грузило, и я ему сказал, чтобы он сломя голову мчался в отделение. Бегает он не шибко, поэтому еще минут пятнадцать вам придется подождать.

Громов воспринял это сообщение с большим облегчением — он прождал всего лишь несколько минут, а нервы были уже на взводе. Встретить участкового Громов решил на крыльце, но прежде чем уйти, поинтересовался у того же дежурного:

— Какой он из себя, ваш Грузило?

— В соответствии со своей фамилией: маленький, толстенький, — расплываясь в широкой улыбке, ответил дежурный.

Буквально через несколько минут Громов убедился в точности его слов. Грузило действительно оказался тучным мужчиной лет пятидесяти, с большим животом, именуемым в народе «мозолью». Он семенил на своих коротких ногах, одной рукой придерживая кожаную папку, а другой, в которой у него был зажат платок, то и дело вытирал обильно струившийся по лицу и шее пот. Громов шагнул к нему с крыльца, поздоровался и вкратце описал ситуацию: мол, на вашем участке произошло покушение, стреляли в человека. Услышав адрес, где это произошло, Грузило удивился:

— Спокойное вроде место. В доме проживают солидные люди.

— Кто именно? — спросил Громов.

— Бизнесмены всякие. Однако часть квартир принадлежит коммерческим фирмам и пока не заселена. Поэтому полной картины я вам нарисовать не могу. Да и как ее нарисуешь, если приходится одному работать на такой большой территории?!

Последнюю фразу Грузило произнес с таким отчаянием в голосе, что Громову стало жалко участкового. И хотя он был прекрасно осведомлен о тех трудностях, с которыми приходилось сталкиваться его коллегам «на земле» — как-никак сам когда-то работал в отделении милиции, — но когда Грузило принялся рассказывать ему во всех подробностях о своих производственных болячках, решил не перебивать его и дать выговориться.

— В то время как за старшим участковым должен быть закреплен участок с населением не более трех тысяч человек, мне приходится крутиться на участке, на котором проживают порядка семи тысяч, — жаловался Грузило. — А что делать, если в отделении людей не хватает? Одного участкового забрали в главное управление разрешительной системы, другого — в дежурную часть, третий сам уволился. А из главка тем временем требуют гнать «план по валу». Неделю назад вновь пришла бумага, где требуют активизировать работу участковых. Одних протоколов за административные правонарушения надо оформить не менее восьмисот.

— Как же собираетесь выкручиваться?

— Как, как? Хитростью, — ответил Грузило и внезапно рассмеялся. — Два дня назад нагрянули на один местный завод, а там

две бригады хохлов работают. И ни у одного из них ни прописки, ни соответствующей бумаги о регистрации нет. Привезли их в отделение и составили порядка семидесяти протоколов. Чем плохо?

Нам сверху спускают план, а каким образом мы его здесь закрываем, никого не интересует. А мы туда вбиваем всех подряд. И бабулек, которые сигаретами торгуют, и работяг, которые в день полочки приняли «на грудь» и сквернословят на улице. А мой коллега из соседнего отделения знаете как наловчился уголовные дела возбуждать? Идет в кожно-венерологический диспансер, выявляет там недолечившихся от сифилиса и заводит уголовные дела. И ведь что интересно: начальство прекрасно осведомлено о том, как участковые выполняют план, но закрывает на все глаза. Главное — отчетность, а там хоть трава не расти.

Понимая, что эти откровения участкового могут продолжаться до бесконечности, Громов наконец решил перебить его и спросил:

— Антон Иванович, а бомжи на вашем участке имеются?

Грузило сделал удивленное лицо, но, увидев, что его собеседник не шутит, ответил:

— А где их нынче нет? Вот и у нас этого добра тоже хватает. Здесь ведь Курский вокзал недалеко. Правда, я стараюсь с их братом шибко не общаться. Сами понимаете, от них можно и гадость всякую подцепить. У меня приятель есть, он участковым в Юго-Западном округе работает, так они его чесоткой «наградили». Однако руку на пульсе я все-таки держу. У меня есть один человечек среди бомжей, который при случае всегда меня выручает.

— Далеко идти до вашего человечка?

— Да нет, минут десять ходу. Вы что, желаете познакомиться с ним?

Громов такое желание изъявил, и Грузило, хотя и без особого энтузиазма, но согласился его проводить. Пока шли, участковый стал вводить гостя в курс дела:

— Зовут этого бомжа Василий Харин, но все называют его коротко — Харя. Мужик неплохой, бывший моряк. Всю жизнь проплавал на китобое, потом был списан на берег за какую-то провинность и стал спиваться. Пропил все: машину, квартиру, даже жена от него ушла. Два года назад приехал в Москву, думал, здесь что-то получится. Но куда там — нигде так и не закрепился. Работал на

мусорной свалке, на овощной базе, даже в морге. Теперь вот бомжует. Личность интересная. Знает не только всех местных бомжей, но и тех, кто обитает в соседних районах. Правда, я не уверен, что мы застанем его на месте — рабочий день у бомжей, сами понимаете, ненормированный.

Слушая участкового, Громову не терпелось поскорее дойти до нужного дома и застать именованного бомжа на месте. Однако тучная комплекция его напарника не позволяла ускорить шаг. Участковый с трудом поспевал за своим длинноногим коллегой, и тому, чтобы не уморить участкового окончательно, пришлось сбавить скорость и волей-неволей подстроиться под темп его ходьбы. В конце концов они дошли до нужного места.

Дом, в котором обитали бомжи, выглядел неказисто: двухэтажное здание с черными дырами окон и огромными кучами мусора, сваленными прямо под стенами. Судя по всему, длинная рука столичной мэрии до этого гнезда антисанитарии еще не дотянулась.

— Подождите меня здесь, — попросил Громова участковый, а сам подошел к одному из окон и громко крикнул: — Харя, ты здесь? Это я — Грузило. Выйди для разговора.

Им повезло — не успело эхо от слов участкового раствориться в чреве здания, как в соседнем окне показалась сначала лохматая голова, а затем на землю прыгнул мужчина в резиновых сапогах, брюках и рубашке навыпуск. Это и был Харя — местный бомжовый авторитет. Поздоровавшись с участковым не рукопожатием, а лишь кивком, он с ходу попросил у него закурить. И когда Грузило угостил его сигаретой и даже поднес к ней зажигалку, Громов понял — пора. Он подошел к бомжу и, протянув руку, представился:

— Громов Кирилл Андреевич, сотрудник угрозыска.

Было видно, что Харя на мгновение опешил, причем в большей мере не от принадлежности его гостя к сыску. Он был удивлен, что с ним собирается здороваться за руку добропорядочный гражданин, потому что все остальные предпочитали держаться от бомжа на приличном расстоянии, боясь подхватить какую-нибудь заразу. В конце концов Харя совладал со своими чувствами и, пожимая руку сыщику, представился:

— Харин Василий Петрович, профессиональный бомж. Чем могу служить?

Громов ответил не сразу. Виновато улыбнувшись участковому, он жестом пригласил бомжа следовать за собой и отошел на несколько шагов в сторону. Оставшись с Харинным наедине, он начал разговор издалека:

— Я слышал, вы бывший моряк? Не скучаете по морю?

— А вы хотите вернуть меня к моей профессии? Если да, то я готов служить кем угодно — хоть юнгой, моющим гальюны. Если нет — не травите душу.

— Просто удивительно, что среди бомжей можно встретить даже профессиональных моряков.

— Среди бомжей, товарищ опер, можно встретить кого угодно. Даже бывших киноартистов. Правда, не очень знаменитых.

— А спортсменов среди вашего брата много?

— Тоже встречаются.

— Например?

Харин на секунду задумался:

— Хотя бы Виктор Полынников, бывший чемпион Советского Союза по плаванию. Когда он стал обузой для родственников, те сдали его в дом ветеранов, а он оттуда сбежал. Сейчас бомжует в районе Белорусского вокзала.

— А как насчет футболистов — попадаются?

— Есть и футболисты. Например, Сергей Кадилин. Наверное, слышали про такого нападающего московского «Спартака» и сборной Союза?

— Безусловно. Что же с ним произошло?

— В точности не знаю. Мне известно лишь, что в восемьдесят седьмом году он в последний раз стал чемпионом Союза, потом из «Спартака» ушел. Из спорта его турнули, он стал пить, развелся. А год назад лишился квартиры и стал бомжевать.

— А что случилось с его квартирой?

— Подробностей я не знаю. Слышал только, что лишился он ее за какие-то долги.

— Он сейчас в Москве?

— Конечно. Неделю назад вместе с ним получали жратву на Ново-Басманной. Есть там такая церковь Петра и Павла.

— Потом куда отправились?

— Потом мы расстались. Куда отправился Кадилин, я не знаю, а я — в ночлежку на Гиляровского.

— Что же вы тогда делаете в этой развалюхе? — Громов кивнул в сторону нынешнего харинского пристанища.

— А мне тамошние порядки не нравятся. Казенщины много. То ли дело здесь — сам себе хозяин.

— С Кадилиным вы с тех пор больше не встречались?

— Почему же? Вчера видел его недалеко отсюда — на Земляном Валу.

— Если не трудно, опишите, как он выглядел.

— Хреново. Впрочем, не хуже, чем я. Из одежды на нем серый пиджак, такие же брюки, темная рубашка. Костюмчик он когда-то из Испании привез, а теперь на него без слез не глянешь.

— Не подскажите, где его можно разыскать?

— Я же говорю — Кадилин птица вольная, где сытно, там и кормится. Ночует по чердакам и подвалам. Иногда, правда, к дружку какому-то захаживает, но кто он и где обитает, я не знаю.

Харин докурил сигарету и, бросив ее под ноги, раздавил подошвой своего резинового сапога. Громов понял, что вытянуть что-то еще из этого человека ему вряд ли удастся, и протянул ладонь для прощального рукопожатия.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Сиротливо примостившись на одном из сидений полупустого троллейбуса, Сергей Кадилин глядел в окно. Было около десяти часов утра, и столица жила в привычном ритме трудового дня. Проплывавшее за окном Садовое кольцо было запружено автомобилями, в основном иномарками. Прямо возле окна, у которого сидел Кадилин, на красный свет светофора остановился серебристый «БМВ», прозванный в народе «боевой машиной вымогателя», за рулем которого сидел молодой парень лет двадцати, с модной нынче короткой прической и с массивной золотой цепью на шее, которую братва ласково называет «голкой». Левой рукой он прижимал к уху сотовый телефон и о чем-то оживленно беседовал. Как догадался Кадилин, разговор был достаточно серьезным, потому что парень временами взрывался и свободной рукой с ожесточением бил по баранке руля.

«Вот они — нынешние хозяева жизни, — глядя на парня, думал про себя Кадилин. — Молодые, энергичные, рискованные. Торопятся жить, потому что знают — при такой жизни можно и не успеть. Сегодня ты пан, а завтра — пропал. Выйдет как-нибудь утром такой вот паренек из подъезда, а его с чердака из винтовки. И кончится красивая жизнь с шампанским, девочками и заграничными курортами.

Эх, Кадилин, а ведь каких-то пятнадцать лет назад ты тоже пил шампанское и имел длинноногих девиц. И объездил почти пол-Европы. Куда все это подевалось? Если бы в восемьдесят седьмом суки-чиновники из Совинтерспорта отпустили тебя в австрийский «Рапид», глядишь, ты бы сейчас не сидел в этом гребаном троллейбусе, а катался бы на горных лыжах в белоснежных Альпах».

Мысленно ругать функционеров от спорта, коих на своем футбольном веку Кадилин повстречал предостаточно, стало с некоторых пор неотъемлемым атрибутом его размышлений. Даже выпивая в компании, он обязательно поднимал первый тост за то, «чтобы они (чиновники) быстрее околели». Поводов к этому у Кадилина было много. За все годы, пока он играл в футбол, у него так и не сложились нормальные отношения ни с одним из спортивных

чиновников. И виной всему был его характер — строптивый, прямолинейный.

Если многие его коллеги в общении со спортивными функционерами умели наступить на горло собственной песне, то он этого делать не умел, да и не хотел. В итоге он все привилегии — спортивные звания, квартиру, машину — получал одним из последних. Руководствовался принципом своего любимого писателя Михаила Булгакова: «Никогда ничего не проси». Он и не просил. Ему ведь казалось вполне справедливым: если он классно играет в футбол, приносит пользу своей родине, значит, и она должна его ценить. Однако родину олицетворяли чиновники, для которых его самоотверженность ничего не значила.

В конце восьмидесятых, когда первые советские футболисты начали официально уезжать за рубеж для выступлений в тамошних клубах, могла измениться и судьба Кадилина. В восемьдесят седьмом на него положил глаз австрийский «Рапид», в котором уже год как играл еще один бывший спартаковец — Сергей Шавло. Однако в Совинтерспорте кандидатуру Кадилина «зарубили», и он в сердцах уехал в Ярославль — играть за местный «Шинник». Там он отыграл пару сезонов и за все это время ни разу не вспомнил о людях, которые совсем недавно вершили его судьбу. Но в начале девяностых сама жизнь вынудила Кадилина вновь искать встречи с ними.

Он тогда повесил бутсы на гвоздь и решил попробовать себя в качестве тренера в одной из детско-юношеских спортивных школ. Желание работать с детьми было столь сильным, что он решил пренебречь собственной гордостью и пошел на прием к одному из высоких деятелей спорткомитета, отвечавшего за футбол. Когда он оказался в его просторном кабинете, чиновник изобразил на лице необычайное воодушевление, усадил в мягкое кресло и даже открыл бутылку дорогого коньяка «Хеннесси», стоявшего на одной из полок рядом со спортивными кубками. Но, как выяснилось вскоре, это было всего лишь спектаклем, который, как понял Кадилин, разыгрывался неоднократно с посетителями, подобными ему. Едва хозяин кабинета узнал, какая нужда привела бывшего футболиста к нему, с его лица мгновенно сползла дежурная улыбка, а взгляд заскользил поверх головы просителя.

— Понимаю, что огорчу тебя, Сережа, но я ничем не могу тебе помочь, — развел руками чиновник. — И не потому, что я этого не хочу. Ты же сам знаешь, какие нынче времена для спорта наступили. Сами еле-еле сводим концы с концами. Идут массовые сокращения, а ты на работу просишься. Кстати, почему ты решил, что можешь работать тренером?

— Что — рожей не вышел? — с нескрываемой язвительностью в голосе спросил Кадилин.

— Боже упаси! Просто для такой работы мы отбираем высококлассных специалистов.

— Это Барсуков высококлассный специалист? — Кадилин назвал фамилию своего бывшего коллеги-футболиста, которого в свое время выгнали из нескольких команд за систематические пьянки, а теперь он внезапно всплыл в качестве тренера детско-юношеской спортивной школы.

— А ты все-таки злопамятный. — В голосе хозяина кабинета впервые послышались суровые нотки. — Сегодняшний Барсуков не чета тогдашнему. Это — во-первых. Во-вторых, только давай без обид, я прекрасно знаю тебя нынешнего и не думаю, что ты способен на что-то серьезное как тренер.

— Значит, крест на мне поставили? Так сказать, попользовались и выбросили.

— Никто тобой не пользовался! Мы помним твои заслуги перед нашим футболом, но...

— Что — «но»? Если вы действительно помните мои заслуги, оставьте меня в футболе. Я же ничего другого делать в жизни не умею.

— Я все прекрасно понимаю, но говорю тебе честно — обеспечить тебя работой я сейчас не могу. Нет у меня такой возможности.

— Возможности у вас есть, а вот желания, судя по всему, действительно нет. Я вам нужен был, когда «золотые» мячи заколачивал.

— За свои, как ты говоришь, «золотые» мячи ты еще тогда все сполна получил. Мы тебе и с квартирой помогли, и с машиной.

— Да я все это своим собственным горбом заработал, свое здоровье на это положил. А вы-то чем пожертвовали ради этого кресла?

— Ну, знаешь, за такие слова я мог бы на тебя обидеться. — Хозяин кабинета внезапно поднялся из кресла и нервно заходил по ковру. — Но я этого не сделаю. Я прекрасно понимаю твое нынешнее положение и постараюсь тебе чем-то помочь. Оставь мне домашний телефон, и в ближайшие дни я тебе обязательно позвоню.

Кадилин взял со стола ручку, лист бумаги и написал на нем номер своего телефона. После этого он встал, молча пожал чиновнику руку и вышел из кабинета. В глубине души он практически не сомневался в том, что вся эта история с телефоном нужна была его собеседнику только для того, чтобы поскорее выпроводить его. И он не ошибся. Чиновник не позвонил ни через день, ни через два, ни через неделю. А когда Кадилин сам набрал номер его служебного телефона, звонкий голос секретарши сообщил ему, что шеф уехал в длительную зарубежную командировку.

Прошло около пяти лет после этого случая, но свой короткий разговор с чиновником Кадилин помнил до мельчайших подробностей. Если бы тогда ему удалось получить работу и остаться в футболе, не произошло бы всего того, что бросило его потом на самое дно жизни. А судьба того чиновника сложилась не в пример кадилинской. Он знал это точно, потому что однажды обнаружил на одном из временных своих пристанищ — на чердаке — первую полосу газеты «Советский спорт» годичной давности, на которой красовалась фотография ненавистного функционера и огромное интервью с ним. В интервью тот обещал читателям приложить все силы для того, чтобы наша сборная по футболу пробилась в финальную часть розыгрыша чемпионата мира и заняла на нем достойное место. Как показало будущее, мы с треском проиграли игры в подгруппе и досрочно покинули чемпионат. Однако на судьбе функционера, обещавшего победу, это никоим образом не отразилось — он остался при своей высокой должности.

Уже давно в сплошном потоке машин скрылся из вида серебристый «БМВ» с «новым русским» за рулем, а Кадилин продолжал размышлять о превратностях своей судьбы. Внезапно из глубокой задумчивости его вывел болезненный удар по ноге и чей-то грубый окрик. Он поднял глаза и увидел прямо перед собой двух молодых парней, в руках одного из которых различил пластиковую

карточку контролера. Именно этот парень больно саданул его по лодыжке и теперь не мигая глядел на него налитыми кровью глазами.

— Ну что, бомжatina, без билета ездим? — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, обратился к Кадилину контролер. — Деньги на штраф есть?

— Нет, — ответил Кадилин, на что парень немедленно ответил новым ударом — на этот раз кулаком в грудь.

У футболиста перехватило дыхание, он согнулся пополам, и в это время парни подхватили его под руки и буквально волоком вытащили из троллейбуса. Что было после этого Кадилин помнил урывками. Парни оттащили его за остановку, бросили на землю и, невзирая на то что рядом были люди, принялись методично избивать ногами. Один из таких ударов угодил футболисту в голову, и он потерял сознание.

Сколько времени он пролежал в отключке, Кадилин не помнил. Очнулся после того, как почувствовал чье-то влажное прикосновение к своему лицу. Открыв глаза, он встретился с вопросительным взглядом какой-то псины, после чего услышал женский крик:

— Чарли, ко мне! Господи, до какой степени может опуститься человек!

Кадилин приподнял голову и увидел, как пожилая женщина схватила пса, потревожившего его, за ошейник и повела на другую сторону улицы. Кадилин с трудом поднялся на ноги, кое-как отряхнулся и неуверенным шагом двинулся прочь от остановки. Мимо него один за другим проехали два полупустых троллейбуса, однако вновь воспользоваться услугами общественного транспорта футболист по понятным причинам остерегся.

Примерно через полчаса Кадилин свернул в один из переулков недалеко от Садового кольца и оказался в тихом и уютном дворике, окруженном сталинскими «коробками». На детской площадке играла и резвилась местная детвора. Кадилин сразу выхватил глазами стройную девчушку лет двенадцати в розовых шортиках и белой футболке. Это была его дочь Оксана.

Кадилин женился рано — в двадцать лет, когда его карьера в «Спартаке» только начиналась. Он тогда приехал из Свердловска и жил в общежитии. Его соседом по комнате был гимнаст Валентин Осьмушкин, подруга которого и привела однажды к ним в гости свою одноклассницу — Светку Уфимцеву. Даже сейчас, когда с того

памятного дня прошло без малого восемнадцать лет, Кадилин помнил их первую встречу до мельчайших подробностей. Он влюбился в Светлану с первого взгляда, чего нельзя было сказать о ней. Какое-то время она воспринимала его ухаживания без особого энтузиазма, иногда даже грубо ставила на место, когда он донимал ее телефонными звонками. Однако после того как звезда Кадилина в «Спартаке» засияла в полную мощь, поведение девушки резко изменилось. Она внезапно вспылала к нему сильной страстью и однажды, когда он вернулся с розыгрыша Кубка европейских чемпионов из Бельгии, сама примчалась к нему в общежитие. Кадилин воспринял этот поступок как должное и только позднее, прожив со Светланой какое-то время под одной крышей, понял, что двигала ею отнюдь не любовь, а всего лишь холодный расчет. Она и Оксану родила с твердым намерением накрепко привязать его к себе, что, собственно, никогда и не скрывала. Частенько в порыве гнева она бросала ему в лицо свою излюбленную фразу: «Захочу — и дочь ты никогда больше не увидишь!» И Кадилин отступал, исполнял малейшие прихоти жены, потому что Оксанку любил безумно. Да и она в отце души не чаяла, хотя он этому много раз удивлялся. При его постоянном отсутствии дома — то сборы, то игры — дочка смогла сохранить к нему такие нежные чувства, каким могли позавидовать многие отцы, которым судьба даровала возможность общаться со своими детьми ежедневно.

И все же дочь он потерял. После того как в начале девяностых он ушел из спорта и попал в полосу сплошных неудач, Светлана первой подала на развод. Они разменяли четырехкомнатную квартиру на «двушку» и «однушку», и Кадилин уехал в последнюю. А Светлана вскоре вышла замуж повторно — за крутого бизнесмена и, продав свою квартиру, вместе с дочерью переехала в его шикарные хоромы в сталинском доме недалеко от Садового кольца. При этом сделала все, чтобы бывший муж не узнал их нового адреса. К счастью, ее соседка по «двушке» оказалась женщиной сердобольной и по большому секрету сообщила Кадилину новый адрес бывшей супруги. И с тех пор два-три раза в месяц он приходил сюда, чтобы тайком от бывшей жены и ее мужа, которого она успела настроить против него, повидаться с дочерью.

Кадилин стоял за деревом недалеко от детской площадки и ждал удобного момента, чтобы окликнуть дочь. Она же играла с подругами в шандер и, стоя к нему спиной, естественно, его не видела. Так продолжалось несколько минут, пока наконец мяч в очередной раз не взмыл в воздух и дети стали разбегаться из круга в разные стороны. К счастью, Оксана побежала именно туда, где стоял Кадилин.

Заметив выглянувшего из-за дерева отца, девочка лишь на мгновение растерялась, после чего быстро сориентировалась и как ни в чем не бывало направилась к стоявшему неподалеку гаражу-«ракушке». Кадилин отправился следом за ней. И едва они оказались в «мертвой», не просматриваемой из окна квартиры бывшей жены территории, как тут же дали волю своим чувствам. Оксана буквально повисла на шее у отца и стала осыпать его небритые щеки горячими поцелуями.

— Папочка, миленький, как же я по тебе соскучилась, — шептала она на ухо отцу, который от перехватившего его горло спазма не в силах был произнести что-нибудь членораздельное.

Наконец он справился со своими чувствами, опустил дочь на землю и спросил:

— Как живешь, Оксанка?

— Хорошо, папочка. Год закончила на одни пятерки, как тебе и обещала. Теперь вот отдыхаю.

— А как мама?

— Тоже хорошо. Она ждет маленького.

— Какого маленького? — не сразу врубился в смысл услышанного Кадилин.

— Ну, ребеночка. Разве в прошлый раз я тебе не говорила, что она беременная?

— Нет, не говорила.

— Значит, я забыла.

— А ты, что же — не ждешь маленького? — после короткой паузы спросил Кадилин и с удивлением посмотрел на дочь.

Девочка в ответ пожала плечами:

— Мне все равно. Только теперь мама стала другой — меня совсем не замечает. У нее на первом месте маленький и этот... дядя Коля.

— Ты не права, дочка. — Кадилин притянул девочку к себе и крепко обнял. — Мама тебя очень любит. Просто в ее сегодняшнем положении в первую очередь нужно думать о будущем ребенке. Когда ты сама выйдешь замуж и будешь готовиться стать мамой, ты лучше поймешь это.

— А что у тебя с лицом? — только сейчас обратив внимание на его ссадины и кровоподтеки, спросила Оксана.

— Это я неудачно сходил с троллейбуса и упал.

Кадилину стоило большого труда выдержать испытующий взгляд дочери и не отвести глаза в сторону.

— Врешь небось, — не поверила та. — Наверное, опять пил свою проклятую водку и с кем-то подрался. Ты же мне обещал больше не пить.

— Честное слово, я не пил. Говорю же тебе, упал. Видишь, и брюки на коленях запачкал.

И Кадилин принялся оттирать грязные пятна с брюк, лишь бы не встречаться взглядом с дочерью. Но та, кажется, поверила его словам. Потому что в следующую секунду полезла в кармашек шорт и извлекла на свет сложенные вчетверо рубли.

— Вот тебе, папочка, деньги. Только не говори, пожалуйста, что ты их не возьмешь. — И дочь посмотрела на отца таким взрослым взглядом, что у того просто не хватило сил ей отказать.

— Ну и хитрая же ты, Оксанка.

Кадилин засмеялся и вновь обнял девочку.

Они еще минуты две простояли, держась за руки и разговаривая о том о сем, как вдруг Оксана шлепнула себя ладошкой по лбу и не детски серьезным голосом произнесла:

— Вот память дырявая! Я же приготовила тебе еще один сюрприз. Подожди меня здесь!

Она высвободилась из объятий отца и убежала обратно во двор. Выглянув из-за «ракушки», Кадилин увидел, как дочь подбежала к одной из стоявших во дворе скамеек, на которой лежала ее сумочка. Вскоре она вновь была рядом с отцом.

— Вот мой сюрприз, — произнесла Оксана и достала из сумочки средних размеров фотографию.

Кадилин взял ее в руки и увидел на снимке свою красавицу дочь. В нарядном белоснежном платье она сидела за школьной партой и

улыбалась в объектив фотоаппарата. Фотографию обрамляла специальная рамка, в которой кроме фамилии — Кадилина Оксана — были проставлены номер ее школы и класс. На обороте снимка Кадилин прочел трогательную надпись: «Любимому папочке от дочки на память». Тут же стояли подпись и дата.

— Теперь я всегда буду с тобой, — сказала Оксана, глядя на то, как ее отец прячет фотографию во внутренний карман пиджака. — Кстати, ты не забыл, что произойдет послезавтра?

— Что? — удивился Кадилин.

— Я так и знала! — всплеснула руками Оксана. — В прошлом году ты тоже все позабыл, пока я тебе не напомнила.

Теперь уже настала очередь Кадилина бить себя ладонью по лбу. Он вспомнил, что вот уже четыре года подряд его дочь в начале июня уезжает в школьный лагерь отдыха под Загорском.

— Прости своего непутевого отца, — складывая руки на груди и изображая на лице искреннее раскаяние, произнес Кадилин. — Обещаю: больше такое не повторится. Во сколько мне прийти тебя провожать?

— В четыре часа. Подходи как всегда прямо к школе. Я надеюсь, на этот раз дяди Коли там не будет — у него командировка.

Кадилина эта новость обрадовала, потому как отношения с отчимом его родной дочери у него так и не сложились.

— Ну что — будем прощаться? — после небольшой паузы спросил Кадилин. — Мама может выглянуть в окно и не найти тебя на месте. А ей сейчас ни в коем случае нельзя волноваться.

И как бы в подтверждение его словам откуда-то сверху на весь двор раздался громкий женский крик: «Оксана! Ты где?»

— Ну вот видишь, мать тебя уже ищет, — сказал Кадилин, в последний раз поцеловал дочь и отпустил ее к подругам.

И тут же до него донеслось: «Оксана, ты что там делала? Ты с кем там была?» В голосе бывшей жены Кадилин услышал так хорошо ему знакомые нотки злости и раздражения. Чтобы не искушать судьбу, он повернулся и пошел со двора. Однако не успел он зайти за угол ближайшего дома, как внезапно услышал за спиной чьи-то быстрые шаги, и в следующую секунду кто-то грубо дернул его за рукав. Кадилин обернулся и увидел нынешнего мужа своей бывшей жены — дядю Колю, как называла его Оксана. Он тяжело дышал и мерил

футболиста презрительным взглядом. Наконец, отдышавшись, он произнес:

— Опять ты здесь, бомж? Сколько раз тебе надо повторять, чтобы ты забыл сюда дорогу раз и навсегда?

— Здесь живет моя дочь, — стараясь сохранять спокойствие, ответил ему Кадилин. — И я буду ходить сюда столько, сколько захочу.

— А если я тебе, гаду, ноги перелломаю? Ты же бомжати-на немытая, от тебя за километр воняет. Чему хорошему ты можешь дочку научить?

— Я еще раз тебе повторяю: я ее отец и буду ходить сюда столько, сколько мне захочется.

Кадилин произнес эту фразу с такой твердостью в голосе, что его собеседник на несколько секунд опешил.

— Слушай, бомж, может быть, тебе денег дать, чтобы ты навсегда про нас забыл? Сколько тебе надо: тысячу баксов, две? — Николай вопросительно взглянул на Кадилина.

— У тебя денег не хватит, чтобы меня отсюда отвадить.

— Хорошо, даю тебе три штуки баксов, и ты навсегда исчезаешь из нашей жизни. Договорились? У тебя же сроду таких денег в руках не было!

— И не надо, — ответил Кадилин. — Ты, видимо, совсем спятил, если думаешь, что я из твоих рук эти поганые деньги возьму. Да я лучше где-нибудь под забором сдохну.

Посчитав разговор законченным, Кадилин повернулся и не оборачиваясь пошел прочь. А Николай еще долго стоял на тротуаре и бросал ему вслед проклятия: «Сдохнешь, падла! Сдохнешь! Ничего, не долго осталось...»

В дверях отделения милиции участковый Антон Иванович Грузило столкнулся с оперативником Угро Николаем Савельевым, который с ходу выдал ему неожиданную новость:

— Грузило, слышал, кого сегодня утром грохнули на твоём участке? Вора в законе Леонова по кличке Мудрец. Знаешь такого?

Про Мудреца, одного из влиятельнейших воров в законе старой формации, Грузило конечно же слышал, однако он никак не ожидал, что его подстрелят на его участке. По спискам жильцов района, который курировал Грузило, Иван Андреевич Леонов никогда не

проходил. Расстреляли же его возле подъезда дома, где часть квартир была куплена рядом крупных коммерческих фирм для своих сотрудников. При этом несколько квартир были заселены, а другие пустовали, то ли в ожидании, когда в них въедут жильцы, то ли по каким-то иным причинам, которые Грузило мало волновали. Дом считался вполне благополучным и никогда не фигурировал в черном списке участкового. Шпана в нем не собиралась, жильцы — люди в основном солидные — никогда не скандалили и вели себя вполне прилично. И вот на тебе — один из самых спокойных домов отличился «мокрухой».

Постояв несколько секунд на пороге отделения и осмыслив только что услышанную новость, Грузило пришел к выводу, что для него в такой ситуации будет лучше, если он не станет мелькать в отделении, а отправится к месту недавнего преступления. И хотя проводить опрос жильцов страсть как не хотелось, однако делать было нечего — формальность следовало соблюсти.

До переулка, в котором произошло убийство, оставалось пройти несколько сот метров, когда Грузило внезапно заметил дворничиху, которая обслуживала тот самый дом, где сегодня утром побывал киллер. С двумя полными хозяйственными сумками в руках та шла по противоположной стороне тротуара, сосредоточенно глядя себе под ноги, и, вполне вероятно, прошла бы мимо участкового, так и не заметив его. Но Грузило сам окликнул женщину:

— Здравствуй, Клавдия.

Женщина обернулась на зов и остановилась. Узнав участкового, она опустила тяжелые сумки на землю и перевела дух:

— Здорово, Иваныч.

— Я смотрю, ты по-прежнему крутишься-вертишься, а твой муженек баклуши бьет.

Грузило прекрасно знал все уязвимые места своей собеседницы и специально начал разговор с одного из них.

— Не говори, Иваныч, здоровый мужик, а уже полгода сидит на моей шее. Я ему недавно предложила хотя бы в дворники устроиться, так он, скотина, даже обиделся. Мол, как это он, инженер, будет метлой махать. Ему, видите ли, стыдно. А дармоедничать не стыдно? Ты бы зашел к нам, Иваныч, поговорил с ним.

— Зайти, Клавдия, можно, только будет ли толк? Нынче времена совсем другие, нас — участковых — теперь уже не боятся, как раньше. Демократия, как говорится!

Женщина в ответ закивала, тем самым выражая полное согласие со словами участкового. Тот же решил повернуть разговор к интересующей его теме:

— Тебя сегодня милиционер заезжий допрашивал?

— Допрашивал, Иваныч. Только что я видела? Машина какая-то возле соседнего подъезда вертелась, так я в этих иномарках совсем не разбираюсь. Кто там был, сколько их было, я не видела. Помню только, что, когда машина уехала, из моего подъезда мужик какой-то выскочил и быстренько так за угол ушел.

— Что за мужик? — насторожился Грузило.

— И этот, заезжий милиционер, меня тоже об этом спрашивал. Но я ему честно сказала: мужика этого вижу в первый раз. Однако судя по виду, бомж. В моем подъезде такие не проживают. Вот и весь мой разговор с тем заезжим.

— Ну а жильцы дома что говорят? Может, из них кто-то видел бомжа того или машину?

— Да никто ничего не видел. Полдома к тому времени уже на работу ушло, а остальные только проснулись. Даже Генералова о случившемся только от меня узнала, хотя ее глаза и уши не чета нашим будут. Да ты и сам об этом знаешь.

Про глаза и уши Антонины Сергеевны Генераловой из двадцать четвертой квартиры Грузило действительно был хорошо осведомлен. Эта пожилая женщина была известна тем, что круглые сутки торчала на скамейке во дворе и собирала все сплетни об обитателях своего и соседних домов. Если уж она ничего подозрительного не заметила, значит, остальные жильцы о происшедшем и подавно ничего не знают.

Постояв еще несколько минут с участковым и обсудив с ним еще пару житейских проблем, Клавдия наконец засобиралась и вновь взялась за скрученные от долгой эксплуатации ручки хозяйственных сумок. Проводив взглядом ее сутулую спину, Грузило наконец очнулся от своих дум и зашагал в противоположную сторону. «Так и напишу в рапорте: опрос проведен, никто ничего не знает. Очень надо из-за какого-то урки шастать по квартирам, людей от забот отвлекать», —

размышлял про себя участковый. Вполне удовлетворенный таким выводом, он решил вернуться в отделение милиции.

Однако он успел сделать всего несколько шагов по тротуару, как его кто-то окликнул. Грузило обернулся и увидел припаркованный на обочине новехонький джип «Чероки», за рулем которого сидел Всеволод Шумский, которого Грузило называл просто Сева.

Участковый знал Севу уже лет двадцать пять, еще с тех пор, как тот ходил вместе с его дочерью в младшую группу детского сада, а затем учился с ней в одном классе средней школы. В восьмом или девятом классе между детьми даже случилась какая-то любовная история, но Грузило знал об этом очень приблизительно, со слов собственной жены, которая была посвящена в амурные дела дочери гораздо лучше, чем он. Однако любовь подростков друг к другу закончилась так же стремительно, как и началась, но, несмотря на это, отношения взрослых членов обеих семей после этого плавно перетекли из шапочных в дружеские. Отец Севы был заядлым рыболовом и вскоре пристрастил к этому делу своего нового приятеля. Правда, длилось это недолго. Когда Сева ушел в армию, с его отцом случилось несчастье — возвращаясь как-то под утро с рыбалки на собственном автомобиле, он заснул за рулем и врезался в бетонное ограждение. Смерть была мгновенной. С тех пор Грузило постепенно забыл дорогу в этот дом, но с Севой, который вскоре вернулся из армии, продолжал поддерживать вполне добрососедские отношения.

Между тем десантные войска, в которых служил парень, всерьез приобщили его к спорту, поэтому когда он вернулся на гражданку, первое, что сделал, — записался в секцию карате. За пару-тройку лет он достиг на этом поприще вполне сносных результатов, однако выбиться в настоящие чемпионы ему не удалось — в стране началась компания борьбы с этим видом спорта и большинство секций закрылось. Какое-то время Сева слонялся без дела, затем поступил в институт физкультуры, но, проучившись один семестр, учебу бросил. И трудно сказать, к какому берегу прибил бы Сева после этого, если бы не начавшаяся в стране перестройка.

Когда открылись первые кооперативы, парень не долго думая подался в рэкетеры. Сколотив группировку, в которую в основном вошли его бывшие товарищи по татами, он обложил данью нескольких кооператоров на Таганке, а также в тогдашней мекке столичной братвы

— на Рижском рынке. За пару лет его группировка крепко встала на ноги и сумела занять вполне приличное место в криминальном мире столицы. Правда, далось это браткам не легко. На самого вожака дважды покушались, причем во второй раз дело едва не закончилось для него «деревянным макинтошем». Осколок гранаты угодил Севе в голову, и, если бы не охрана, которая сумела вовремя довезти своего подопечного до больницы, лежать бы ему теперь под роскошной могильной плитой где-нибудь на Ваганьке.

После этого Сева почти год зализывал раны за границей, а затем вернулся на родину и занялся вполне легальным бизнесом — стал учредителем одного из столичных банков. Однако сведущие люди прекрасно знали, что, сменив спортивную куртку на респектабельный костюм от Версаче, Сева продолжал держать под контролем район, в котором жил с самого рождения. Знал об этом и Грузило, которого Сева еще в пору своего становления в качестве криминального авторитета иногда использовал как информатора.

Они пожали друг другу руки, затем обменялись ничего не значащими фразами, после этого Сева пригласил участкового к себе в джип. Участковый взгромоздился на переднее сиденье автомобиля, и тот тронулся с места. Проехав несколько десятков метров, Сева свернул в один из тихих таганских переулков и заглушил мотор.

— Пива хочешь, Иваныч? — спросил участкового Сева, прекрасно зная, что тот никогда не отказывался выпить. Не дожидаясь, пока ему ответят, он закинул руку на заднее сиденье, где у него лежала целая упаковка баночного пива «Туборг», и достал из нее две банки. Одну он протянул участковому. Раздались два хлопка, и оба собеседника жадно припали губами к своим емкостям. Первым от банки оторвался Шумский:

— Говорят, сегодня на твоем участке жмурик нарисовался?

— Было дело. Стараниями какого-то снайпера вор в законе Леонов по кличке Мудрец отдал Богу душу. Вся Петровка на уши встала.

— Про Петровку откуда знаешь?

— Так я муровца лично по участку водил.

— А что такого особенного на твоем участке имеется? Третьяковская галерея и Мавзолей вроде бы не за нашими местами числятся.

— Ты, Севушка, не поверишь, но муровца того бомжи интересовали.

Произнеся последнюю фразу, Грузило внимательно взглянул на собеседника, рассчитывая увидеть на его бесстрашном лице хотя бы тень удивления. Однако Сева сохранял завидное спокойствие — за все время разговора он ни разу не повернул голову в сторону собеседника, смотрел прямо перед собой и медленно тянул из банки пиво. Пауза затягивалась, и Грузило, решив не испытывать нервы своего собеседника, продолжил:

— Домик этот, откуда киллер стрелял, я хорошо знаю, мне его жильцы частенько жаловались, что у них на чердаке бомжи ночуют. Я начальству из РЭУ давно говорил, чтобы они на чердачные двери замки приладили. А им на все наплевать. Хоть кол на голове теши. Вот и доигрались. Я так кумекаю, что муровец тот не зря бомжами интересовался. Видимо, кто-то из них что-то ценное про киллера того знает. Может, видел его на чердаке, может, еще что. Вот и дворничиха из этого дома, Клавдия, мне два часа назад про это же рассказала. Мол, видела, как сразу после убийства из подъезда выскочил мужик, по всем приметам похожий на бомжа. Она и муровцу про него рассказала. А потом я его с Харей свел, и они несколько минут о чем-то говорили.

— О чем же?

— Ей-богу, не знаю, Севушка. — Для пущей убедительности Грузило даже приложил ладонь к груди. — Этот муровец Харю в сторону отвел.

— А кто он такой — Харя этот?

— Бывший моряк Василий Харин. Два года, как в Москве бомжует. Живет в пустом доме рядом с продуктовым магазином. Знаешь, наверное?

Сева молча кивнул. К тому времени он уже успел допить пиво и теперь непроизвольно вертел банку в руках. Наконец ему это надоело, и он, опустив стекло автомобиля, выбросил пустую емкость из салона. Грузило хотел было сделать то же самое, однако затем передумал — вести себя по-хозяйски в этом джипе ему было боязно. Между тем Сева, видимо, вполне удовлетворенный рассказом участкового, извлек на свет портмоне из крокодиловой кожи и молча отсчитал триста долларов. Протягивая их участковому, он произнес:

— Спасибо за разговор. Бери, не стесняйся.

УЖЕ ЕСТЬ ВЕРСИИ

Во второй половине дня Громова и Дробыша вызвал к себе заместитель начальника отдела подполковник Олег Петрович Шестопалов, вот уже неделю замещавший ушедшего в отпуск начальника отдела. Вызвал, как понял Громов, для отчета по двум последним «мокрухам». Однако еще с порога он заметил, как Петрович усердно покусывает кончики своих густых усов, что всегда означало крайнюю степень раздражения шефа. Но что именно так достало Петровича, Громов не знал и даже не догадывался. А оказалось, что его достала та грудастая баба, которую Громов имел неосторожность повесить у себя в кабинете нынешним утром. Именно с нее Петрович и начал разговор:

— Громов, от кого угодно я ожидал такой пошлости, но, честное слово, не от тебя. Какого черта ты повесил эту телку на стену?

— А в чем дело, Петрович? — Громов, призвав на помощь все свои актерские способности, изобразил на лице неподдельное удивление. — Какой криминал в настенной фотке? У бабы только грудь наружу, все остальное прикрыто. К тому же там календарь удобный.

— Календарь надо иметь настольный, а на стену вешать что-нибудь нейтральное. — Было видно, что объяснение Громова шефа не удовлетворило. — У тебя дома на стене чей портрет висит?

— Высоцкого.

— Вот именно! Дома — Высоцкий, а на работе — баба в неглиже. Ты видел, что висит у ребят в соседних кабинетах? У Скворцова, к примеру, Пугачиха, у Пухова — мотоциклист, а у меня, — и Петрович ткнул пальцем в противоположную стену, — вполне нейтральный натюрморт. А ты, скотина, проститутку в полстены повесил. Ты что, забыл, кто к нам завтра должен приехать?

Только после этого вопроса Громов наконец сообразил, чем вызвана столь резкая реакция шефа на его календарь. Завтра ГУВД в порядке обмена опытом должны были посетить полицейские из Индии, и руководство главка собиралось ознакомить их с работой ряда своих подразделений. Шансы на то, что гостей приведут в МУР, с его

неказистым интерьером, были равны нулю, однако руководство управления на всякий случай решило подстраховаться и заранее предупредило сотрудников о возможности такого посещения. Видимо, запечатленная в похотливой позе заморская дива нарушала стратегические планы начальства. Однако Громов решил отстаивать свою правоту до конца:

— Петрович, можно подумать, у индийских оперов в кабинетах висит Джавахарлал Неру. Что они, полуголых баб не видели?

Произнеся последнюю фразу, он взглянул на шефа и сразу понял, что зря продолжил полемику. Лицо Петровича приняло каменное выражение, на скулах заиграли желваки.

— Громов, ты же капитан милиции, офицер! А здесь МУР, а не публичный дом. Что же за народ в вашей группе собрался? Сплошь половые гиганты! Один голых баб на стену вешает, другой бюстгальтеры в столе держит.

Последняя реплика шефа предназначалась Дробышу, который все это время сидел по правую руку от Громова и в душе тихо радовался, что мордуют не его. Однако его радость оказалась преждевременной. С тех пор как Петрович однажды полез к нему в стол в поисках листка бумаги, а обнаружил там бывший в употреблении бюстгальтер, прошло более года, однако шеф об этом, как выяснилось, не забыл. И теперь Дробыш грешным делом подумал, что вместе с Громовым достанется на орехи и ему. Однако Петрович внезапно решил поставить точку в этом споре. Стукнув ладонью по столу, он произнес голосом, не терпящим возражений:

— В общем так, Громов, сегодня же снимешь свою телку со стены и повесишь где угодно — у себя дома, у брата, у свата, у любовницы. Но чтобы в кабинете я ее больше не видел. И тебя, Дробыш, это тоже касается.

— А я-то здесь при чем, Петрович? — искренне удивился Алексей. — Я утром пришел, а она уже висит.

— А я не ее имею в виду. Давно я у тебя в столе не копался. И в сейфе.

Дробыш похолодел, так как вспомнил, что упаковку презервативов, которые он купил на днях, он оставил в сейфе на самом видном месте, даже не прикрыв ее папкой с бумагами. Что будет, если шеф захочет прямо сейчас заглянуть в его бронированное чрево? Но

Дробышу повезло. Шеф посчитал, что сделанного им внушения вполне достаточно, и предложил подчиненным перейти к текущим делам. И Громов стал докладывать о деле Раковского.

— Согласно выводам экспертизы, пистолет «ТТ», из которого был убит Раковский, выпущен в годы войны. Пятьдесят лет пролежал где-то без употребления, затем его подлатали и пустили в дело. В связи с этим возникает вопрос: какими путями этот ствол оказался у киллера?

— И к каким же выводам ты пришел? — спросил Громова Петрович.

— Выводов — не мерено. Но я остановился на двух. Первый — ствол могли найти так называемые «черные следопыты», которые затем впарили его киллеру. Второй — посредников не было, его мог найти сам преступник.

— А как насчет реставратора, который приводил ствол в порядок? Ремонт хоть серьезный?

— По словам эксперта, все сделано с любовью, аккуратно. Раковины, которые образовались на стволе, залили алюминием, заменили боевую пружину, подвижную серьгу и «щечки». Кстати, на них реставратор оставил клеймо — две молнии. Это неплохая зацепка для нас. Я думаю, что резона оставлять меченый ствол на месте преступления у киллера не было. Это китайские «тэтэшники» они разбрасывают направо и налево, а такой должны были взять с собой. Но не получилось: жертва оказала сопротивление, и киллер предпочел поскорее унести ноги. Вообще, этот убивец, судя по всему, не профессионал. Стрелял неудачно, «контрольку» произвести не сумел, меченую пушку бросил.

— Логично, — после небольшой паузы согласился с выводами подчиненного Петрович. — Как насчет подозреваемых?

— Коллеги «с земли» работают над этим. Версий несколько. Первая — коммерческая. Покойный возглавлял малое предприятие, торговал дорогой мебелью. В прошлом году на него уже пытались совершить покушение — закладывали взрывчатку под машину. Но все было сделано явно грубо: взрывчатку Раковский сразу обнаружил, к тому же заряд у нее был небольшой. Видимо, его пугали.

— Известно — кто?

— Пока нет, но коллеги обещали раскопать. Вторая версия — бытовая. По свидетельству очевидцев, в последнее время Раковский

сильно конфликтовал со своей женой. Та нигде не работает, так сказать, прожигает жизнь. Дорогие шмотки, заморские круизы и так далее.

— Конфликты серьезные или так себе?

— Серьезные. Коллеги надыбали информацию, что начались они месяца два назад, после того как у жены Раковского появился личный шофер — девятнадцатилетний парень. Муж стал подозревать жену в изменах.

От Громова не ускользнуло, как после этой фразы шеф зыркнул глазами в сторону Дробыша, слывущего большим специалистом в области адюльтера. Однако в его случае ситуация была несколько иной. Жена Алексея была на семь лет старше его, души в нем не чаяла и чуть ли не пылинки с него сдувала. По словам самого Алексея, о его амурных приключениях она догадывалась, но вела себя на удивление лояльно, видимо следуя правилу «хороший левак укрепляет брак». Эта житейская мудрость пришла к ней после неудачного предыдущего замужества.

Первого мужа она держала в строгости, шагу не давала ступить самостоятельно, из-за чего он вскоре и сбежал к другой. Поэтому в следующем своем браке — за Алексеем — женщина применила иную тактику и победила: их союз длится вот уже более семи лет, растет прекрасная дочь Катя. И Громов ни разу не слышал, чтобы Алексей, несмотря на все свои увлечения, хотя бы раз усомнился в добродетелях своей жены. Так что зря шеф зыркает на Леху и сравнивает его семейную ситуацию с тем, что творилось в доме Раковского. Подумав об этом, Громов, естественно, не стал высказываться на этот счет. И вновь вернулся к версиям убийства.

— На мой взгляд, именно вторая версия таит в себе разгадку этого преступления. Ребята с «земли» эту точку зрения разделяют.

— Кажется, я догадываюсь, почему вы все склоняетесь к такому выводу. — С видом победителя шеф откинулся на спинку стула и забарабанил пальцами по столу. — Цепочка ваших размышлений выглядит так: непрофессиональный киллер, недалекая баба, девятнадцатилетний парнишка. Я прав?

Громов в ответ обреченно развел руками: мол, нет слов.

— Но чтобы доказать это, в любом случае необходимо найти убийцу.

— Я разве спорю? Приметы киллера мы знаем: белобрысый, в кожаной куртке и джинсах. Но главное — на «тэтэшнике» остались отпечатки его пальцев. И хотя по нашим картотекам они не проходят, но зацепка уже есть. Попробую потрясти «черных следопытов».

— Ну что же, как говорится, флаг тебе в руки, — подвел итог под этим делом Петрович и тут же вопросительно взглянул на клюющего носом Дробыша. — Проснись, Леша, замерзнешь. Теперь твоя очередь сказки рассказывать. Как выражается твой коллега Громов, чего надыбал?

Дробыш заерзал на стуле, пару раз кашлянул и принялся излагать свои мысли по поводу «мокрухи» на Земляном Валу. Откровенно говоря, мыслей было немного, хотя это дело выглядело намного круче, чем убийство рядового коммерсанта Раковского. По словам Лехи, жертвой киллера на Земляном Валу стал один из влиятельнейших людей в уголовном мире не только столицы, но и России в целом — вор в законе Иван Андреевич Леонов по прозвищу Мудрец. Пуля убийцы угодила ему в грудь и прошла в миллиметре от сердца.

Когда телохранители привезли его в Склиф, он был еще жив. Его тут же уложили на операционный стол, однако все усилия врачей оказались напрасными — во время операции Мудрец скончался. Это произошло в 10 часов 30 минут, а буквально через полчаса на Петровку, 38 поступило сообщение: в Яузе, в районе пересечения Берниковской набережной и улицы Земляной Вал, найден труп молодого человека с огнестрельным ранением головы. Как удалось затем установить, убитым оказался активный член казанской преступной группировки Эльдар Хабилов, хорошо известный в МУРе: с марта прошлого года он числился во всероссийском розыске по обвинению в участии в нескольких заказных убийствах, в том числе и в Москве.

Дробыш уже успел проконсультироваться в отделе «А», специализирующемся на борьбе с организованными преступными группировками, и сделал вывод о том, что оба эти убийства тесно связаны между собой.

— Судя по всему, Леонова застрелил Хабилов, а его самого убрали соучастники. Я был у наших коллег из отдела «А» (отдел специализируется на борьбе с организованными преступными группировками — прим, авт.), и они подтвердили, что пару месяцев

назад у Леонова возник конфликт с казанскими. Он «разводил» их с ореховскими и решил спор в пользу последних. Вполне вероятно, что казанские могли ему этого не простить.

Дробыш замолчал и обвел присутствующих вопросительным взглядом: мол, ну как, хороша версия?

Первым нарушил молчание Петрович:

— А что говорят эксперты — пальчики киллера на винтовке остались?

— К сожалению, нет, — развел руками Дробыш. — Однако есть одна существенная деталь: на убитом Хабирове были лайковые перчатки. Если в Леонова стрелял именно он, тогда становится понятно, почему на винтовке не осталось никаких отпечатков. Кроме того, против Хабирова говорит и другой факт: в январе прошлого года в Казани именно он застрелил коммерсанта Нариманова, и тоже из снайперской винтовки.

Дробыш замолчал и стал ждать реакции на свои слова со стороны шефа. Но тот не торопился. Достав из лежавшей на столе пачки «Мальборо» сигарету, он закурил и, выпустив колечко дыма в потолок, перевел взгляд на Громова, сидевшего напротив:

— Чего молчишь? Или сказать нечего?

— Почему же, есть чего. Версия Алексея выглядит красиво, но не убедительно. Как гласит первая заповедь сыскаря: ищи того, кому это выгодно. Так вот, казанским убирать Леонова невыгодно. В их среде сейчас идут серьезные разборки, только за прошедший год в одной Москве они потеряли полтора десятка своих авторитетов. И в такой обстановке идти на убийство влиятельного вора в законе, да еще так открыто, с подбрасыванием киллера, это что-то из разряда сумасшествия. Что касается факта о том, что Хабиров уже проходил по делу об убийстве из снайперской винтовки, то это ни о чем пока не говорит. Хабиров был универсалом — стрелял из всех видов оружия, причем чаще всего использовал пистолет. Поэтому моя версия такова: Хабирова нам специально подкинули, чтобы запутать следы. Работа топорная, но расчет у заказчиков, видимо, был такой: если не мы, то коллеги Леонова вполне могут клюнуть на эту наживку. В этом случае я казанским не завидую.

— Ты хочешь сказать, что убийцы таким образом хотят перевести стрелки на казанских? — подал голос Дробыш.

— Видимо, да. В таком случае показания единственного свидетеля, который в момент совершения преступления мог видеть убийцу, должны иметь существенное значение.

— А я думаю, вряд ли, — покачал головой Дробыш. — Если твой спортсмен действительно там был, то он с перепугу теперь собственную мать не узнает.

— Может, и не узнает, — согласился с коллегой Громов. — Однако на этот час это пока единственный живой свидетель в этом деле. Никто из опрошенных жильцов дома, включая дворничиху, киллера не видел. А спортсмен, судя по всему, наоборот. Потому и ноги сделал сразу после убийства. Поэтому найти его необходимо, причем сделать это надо до того, как о его существовании станет известно этим отморожкам.

— Почему отморожкам? — удивился Дробыш.

— Потому что убрать старейшего и влиятельнейшего вора в законе, да еще попутно замахнуться на такую серьезную группировку, как казанская, могут себе позволить либо очень крутые братки, либо отморозки. Я грешу на последних — им ведь глубоко плевать не только на официальные законы, но и на уголовные.

Громов замолчал, ожидая реакции на свои слова со стороны шефа. Однако тот молчал, видимо, тщательно осмысливая только что услышанное. Наконец он докурил свою сигарету, вдавил ее в пепельницу и только тогда произнес:

— Твои выводы, Громов, выглядят вполне обоснованно. Однако полностью сбрасывать со счетов версию Дробыша, я думаю, не стоит. Поэтому ты, Алексей, продолжай работу в том же направлении. Мудрец был вором правильным, откровенно в коммерцию не лез, однако активно «крышевал». Вот и пробей его связи по этой линии. Ну а ты, Кирилл, ищи своего спортсмена. Кстати, каким образом ты собираешься на него выйти?

— В адресном столе данных о нем практически нет — год назад он потерял квартиру и с тех пор бомжует. В Центре реабилитации на улице Искры, где хранятся личные дела бомжей со всех концов России, сведения о нем тоже скудные. Паспорт Кадилин потерял и теперь кочует со справкой «формы номер 9» — типичный документ, который имеют на руках почти все бомжи. Если учитывать, что в

Москве на данный момент их порядка пятидесяти тысяч, то найти Калинина среди них задача не из легких.

— Надо хорошенько просеять приемники-распределители, — подал реплику Дробыш.

— Мысль дельная, — согласился с другом Громов. — Мне тут списочек составили по этому поводу. Из него следует, что в столице сегодня действует одиннадцать учреждений социальной помощи: пять домов ночного пребывания, две социальные гостиницы, центр социальной адаптации и три специальных отделения в домах-интернатах. Общее число мест в этих учреждениях — 1505. Однако есть одно «но»: интересующий нас субъект предпочитает в этих заведениях не тусоваться — без паспорта в те же ночлежки не пускают.

— Надо дать на него ориентировку по городу. Раздобыть его фотографию, я надеюсь, не проблема? Он ведь какая-то знаменитость — хоккеист, кажется? — вспомнил Петрович то, что Громов докладывал ему по горячим следам сразу после убийства.

— Футболист. А знаменитость он бывшая, и его фотографий в киосках уже давно не продают. Паспортный стол тоже отпадает — в его личном деле фотография отсутствует. Говорят, отклеилась.

— Ну а в клубе, где он играл?

— В «Спартаке» тоже какая-то лажа. Кадилин ушел оттуда в восемьдесят восьмом и с тех пор больше в клубе не объявлялся. Ты, Петрович, не поверишь, но и там мне сказали, что его портретов не осталось.

— Почему же не поверю? — с усмешкой в голосе произнес шеф. — Тут недавно я с одним журналистом встречался, который пишет историю МУРа, ходил с ним в наши архивы. Так вот там выяснилось, что фотографии многих наших прославленных сыщиков либо отсутствуют, либо сохранились в плохом состоянии. Это наша общая беда — не умеем мы хранить свою историю. Вот и с футболистом твоим та же история: когда играл — был нужен, а перестал — забыли. Как же ты его найдешь?

— В «Спартаке» посоветовали поговорить с бывшим врачом команды Павлом Семеновичем Белоноговым. Сказали, что в свое время он был в очень хороших отношениях с Кадилиным, да и сейчас вроде бы тоже. Дали его координаты. Я звонил ему домой, он назначил мне встречу на пять часов. Сейчас, — Громов взглянул на свои

часы, — двадцать минут пятого. С вашего разрешения я отправлюсь туда немедленно...

От здания ГУВД на Петровке до Люсиновской улицы, где проживал бывший спартаковский эскулап, на громовской «восьмерке», в народе именуемой «зубило», было полчаса езды. Однако в районе станции метро «Серпуховская» Громов попал в пробку и потерял из-за этого добрых пятнадцать минут. Проклиная все на свете и устав сигналить впереди стоящим автомобилям, Громов целиком отдался на волю провидения и вновь ушел в свои мысли. А думал он все о том же: кто мог поднять руку на такого влиятельнейшего вора в законе, каким являлся покойный Иван Андреевич Леонов, известный в преступной среде под прозвищем Мудрец.

Биография этого человека выглядела весьма неординарно. Родившись в интеллигентной семье (его отец был профессором филологии, мать — художником), Леонов до поры до времени рос вполне благополучным ребенком. Закончив школу с золотой медалью, он поступил на юридический факультет МГУ и уже на первом курсе зарекомендовал себя как одареннейший студент. Однако в 1957 году в Москве прошел Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который самым радикальным образом повлиял на судьбу Леонова, — во время его проведения он связался с валютными спекулянтами и постепенно втянулся в их махинации. Сначала работал на «подхвате», а затем стал получать и первые самостоятельные задания. Через полгода благодаря своим недюжинным способностям Леонов стал одним из помощников знаменитого валютчика Яна Рокотова по прозвищу Косой. Однако в мае 1961 года КГБ провел массовые аресты в среде столичных валютчиков, и Леонов в числе других спекулянтов был арестован. Ему грозила «вышка», но благодаря отчаянным потугам его родителей, которые подняли на ноги всех своих влиятельных знакомых, Леонову «впаяли» не расстрел, как Рокотову и его ближайшим сподвижникам, а всего лишь восемь лет лагерей. Но Леонов отсидел только половину и был выпущен на свободу с мотивировкой «за хорошее поведение».

Однако свое примерное поведение в неволе Леонов не сумел повторить на свободе. В немалой степени его возврату в преступный мир способствовали и нелады в личной жизни. К тому времени умер его отец, не вынеся позора, свалившегося на его голову с арестом сына, а мать повторно вышла замуж за известного писателя и

совершенно отдалилась от сына. И Леонов вновь взялся за старое. Благодаря связям, которые он приобрел в неволе, он сошелся со знаменитым вором в законе Анатолием Тарасовым и стал одним из верных его сообщников. На пару они тогда создали одну из первых в столице банд, которая собирала дань с цеховиков, частных коллекционеров, торговцев наркотиками. В этом тандеме Тарасову отводилась роль технического руководителя, а Леонов был мозговым центром. За его недюжинный ум и смекалку подельники дали ему прозвище Мудрец.

Однако в начале семидесятых банда была разгромлена, и Леонов вместе с дружками угодил в тюрьму. Эта отсидка подняла его сразу на несколько ступеней вверх в уголовной иерархии. В неволе он сумел завоевать доверие воров, и незадолго до выхода на свободу те его короновали. С тех пор Леонов еще дважды сидел за решеткой и последний раз освободился в конце восьмидесятых.

Мудрецу довольно быстро удалось найти свое место в новых экономических условиях. Согласно оперативным данным, он обеспечивал «крышу» нескольким коммерческим структурам, существующим исключительно для отмывки общаковских накоплений. Причем большая часть этих средств переводилась за границу. Для этого Мудрец наладил хорошо отлаженную систему. Из нескольких банков, которые он контролировал, выколачивались межбанковские кредиты, которые затем аккумулировались в одном банке. Там эти деньги конвертировались, и большая их часть уплывала за кордон.

Между тем, несмотря на огромные денежные средства, которые проходили через руки Мудреца, он продолжал являть собой традиционного вора-бродягу, который в своей деятельности строго придерживается старых понятий. Например, в быту Леонов был чрезвычайно скромен — у него не было ни роскошной дачи, ни престижной иномарки, он не посещал дорогие рестораны. За свою нелюбовь к крепким выражениям и вечную опрятность он заслужил в уголовной среде еще одно прозвище — Чистюля. Не терпел он и насилия. За все время своего пребывания в рядах воров в законе он не вынес на сходках ни одного смертного приговора. Однако последнее обстоятельство не помешало неким браткам вынести смертный приговор самому Леонову. Кто же эти люди?

В качестве возможных убийц вора в рассуждениях Громова фигурировали три различные группы: кавказцы (согласно оперативной информации, Леонов имел долю в ряде коммерческих структур, находившихся под контролем славянских группировок), казанские (чем черт не шутит, вдруг кто-то из них решил на свой страх и риск отомстить обидчику) и отморозки. Была еще четвертая группа — спецслужбы, но Громов счел эту версию неправдоподобной. Мифическую группу спецназовцев «Белая стрела», о которой было так много разговоров два года назад, теперь уже никто не вспоминал. Сам сыщик в своих выводах все больше склонялся к тому, что Леонова устранили отморозки, которым он мог встать поперек пути. Однако для подтверждения этой версии требовались веские основания. Некоторую ясность в этот вопрос могла внести встреча Громова с секретным агентом «Стрелой», который имел обширные связи в криминальном мире. Однако эта встреча, из-за отсутствия агента в Москве, могла состояться только дня через два, а пока Громову приходилось ломать голову над этой проблемой в одиночку.

За этими неторопливыми размышлениями Громов наконец доехал до нужного дома на Люсиновской улице и, припарковав машину во дворе, вошел в подъезд. Лифта в этом доме, именуемом в народе «хрущобой», не было, поэтому на четвертый этаж, к квартире № 8, Громов поднялся пешком. Надавив на кнопку звонка, он стал терпеливо ждать, пока ему откроют. Вскоре он услышал, как за дверью послышались чьи-то неторопливые шаги, а затем отчетливый мужской голос произнес обычное: «Кто там?»

— Это из милиции, Павел Семенович. Час назад я звонил вам по телефону, — отозвался Громов.

Загремел замок, дверь открылась, и сыщик увидел в дверном проеме седого мужчину в старомодном пиджаке и такого же фасона брюках.

— Кирилл Андреевич? — спросил гостя хозяин квартиры и, не дожидаясь ответа, пропустил его внутрь. — Однако я бы не сказал, что вы пунктуальны, молодой человек. Вы опоздали ровно на десять минут.

— Прошу прощения, Павел Семенович, попал в пробку, — объяснил причину своего опоздания Громов.

Старика это объяснение, видимо, удовлетворило, и он пригласил гостя пройти из коридора в комнату. Там Громов осмотрелся и понял, что оказался в жилище старого холостяка. Круглый деревянный стол на гнутых ножках, несколько стульев, деревянный комод, кровать в углу — вот и весь интерьер этого жилища. «Старик придерживается спартанского образа жизни», — подумал про себя сыщик, стоя на пороге. Только сейчас он обратил внимание на тихий визг, доносившийся из-за двери, ведущей в соседнюю комнату.

— Это Бэмби, — пояснил старик, поймав вопросительный взгляд гостя. — Мой пес. Я закрыл его в комнате, чтобы он нам не мешал. У него дурная манера лезть ко всем целоваться. Представляете, кто бы ни пришел, он ко всем ласкается, трется о ноги, короче, лизоблюдничает по-хамски.

Произнеся этот монолог, старик прошел в комнату и жестом пригласил Громова сесть на один из стульев. Усевшись напротив, он задал, видимо, давно готовый сорваться с его губ вопрос:

— Чем могу служить уголовному розыску?

Громов решил играть в открытую и с ходу выложил цель своего прихода:

— Меня интересует ваш бывший подопечный Сергей Кадилин. Дело в том, что он необходим нам в качестве свидетеля, но мы никак не можем его найти. Вы не могли бы нам помочь?

— Помогать органам правопорядка — святая обязанность каждого честного человека, — ответил старик. — Только что я могу вам рассказать о Сереже? Последний раз я видел его, дай Бог памяти, месяца полтора назад.

— Однако в «Спартаке» мне почему-то дали именно ваш телефон. Сказали, что лучше вас Кадилина никто не знал.

— В этом вас не обманули — мы действительно с Сергеем очень хорошо ладили. Я ведь знал его с тех самых пор, как он зеленым юнцом пришел в основной состав «Спартака».

Старик замолчал, видимо, мысленно перенесаясь в те далекие годы. Но пауза длилась недолго — всего лишь несколько секунд. Затем хозяин дома вновь вспомнил о госте и внезапно задал неожиданный для Громова вопрос:

— Хотите чаю с сушками?

Громову ничего не оставалось, как согласиться, хотя в его первоначальные планы совершенно не входили посиделки с ностальгическими экскурсами в прошлое. Однако в глазах хозяина квартиры он уловил такую невостробованность в общении, что ему стало жалко старика. «В конце концов, именно я напомнил ему о прошлом. Значит, мне о нем и слушать», — подумал сыщик.

Старик между тем ушел на кухню, оставив гостя в одиночестве. Пока он хлопотал у плиты, Громов поднялся со стула и, движимый сразу несколькими чувствами — любопытством и жалостью, приоткрыл дверь, за которой слышалось жалобное собачье поскуливание. Едва он успел это сделать, как из комнаты с радостным лаем в ноги ему бросился крупный спаниель. Вскоре на шум из кухни, вернулся хозяин квартиры.

— Все-таки не вынесла душа сыщика, — улыбнулся старик, глядя на то, как играет с его собакой нежданный гость. — В вас, судя по всему, живет невостробованная любовь к животным или к детям. Вы, кстати, женаты?

— Нет, — коротко ответил Громов.

— Значит, вам надо непременно жениться и завести детей. Или на худой конец собаку.

— При моей работе, Павел Семенович, заводить собаку вряд ли получится. Вот уйду на пенсию, тогда с удовольствием заведу.

Громов в последний раз потрепал пса по загривку и встал с колен. Старик жестом пригласил его вновь сесть за стол.

— Пока чай не закипел, мы можем продолжить нашу беседу. Итак, Кирилл Андреевич, вас интересует Сережа Кадилин. Мы познакомились с ним в 1979 году, когда он приехал в Москву из Свердловска. Он с одиннадцати лет учился в тамошнем футбольном спецклассе, прекрасно зарекомендовал себя на Всесоюзной спартакиаде школьников. Затем играл в команде «Уралмаш», которая выступала в первой лиге. Там его и заметил Константин Иванович Бесков, пригласил в Москву. Здесь Сережа почти сразу попал в основной состав. Играл вдохновенно, как, впрочем, и все тогдашние игроки «Спартака».

Когда Сережа появился в команде, он мне сразу понравился. Он как-то быстро со всеми сошелся, что не каждому новичку удается. Ведь футбольная команда — сугубо мужской коллектив, поэтому там

царят особенные отношения. Я работал в нескольких спортивных клубах и могу сказать, что везде отношения между игроками строились по-разному. В иных командах диктат «старичков» был настолько сильным, что новичкам в таких условиях было крайне неудобно. Однако в «Спартаке» семидесятых все было иначе. Придя к руководству командой, Бесков тут же уволил нескольких «старичков», которые тянули одеяло на себя. Они были классными мастерами, некоторые из них играли в сборной, но их чрезмерные амбиции мешали Бескову в формировании коллектива. Освободившись от них, Константин Иванович довольно быстро создал новую команду, которая уже через год после возвращения в высшую лигу сумела стать чемпионом страны. Кстати, Кирилл Андреевич, по возрасту вы должны помнить те золотые спартаковские годы.

— Честно говоря, смутно, — признался Громов. — Болельщик из меня никудышный. Я в те годы больше музыкой увлекался, играл в школьном рок-ансамбле. Хотя, если покопаться в памяти... В самом конце семидесятых я был на одном из матчей «Спартака». Кажется, это была игра с киевскими динамовцами.

— И счет был 1:0 в пользу «Спартака»? — подсказал Громову старик.

— Кажется, да.

— Тогда я могу вам точно сказать, когда это все происходило. — В голосе хозяина квартиры Громов услышал неподдельный восторг. Так обычно радуются дети, когда ловят родителей на незнании того, что знают сами. — Это было в 1979 году. Второй матч с динамовцами «Спартак» играл в Киеве и тоже победил — 2:0. Оба гола мы забили на контратаках. А потом мы сыграли вничью с «Черноморцем», после чего заставили поволноваться своих болельщиков. У «Спартака» был исчерпан лимит ничьих, и ни одного очка за эту игру он не получил. Однако в последнем туре мы разделились в Ростове с местными армейцами и стали чемпионами страны. Правда, Кадилин в том сезоне нечасто выходил на поле и забил всего лишь три мяча.

Едва старик закончил свой восторженный монолог, как на кухне засвистел чайник и разговор на несколько минут прервался. Хозяин квартиры покинул комнату, оставив гостя коротать время в компании с Бэмби. Пес лежал возле хозяйской кровати на небольшом коврикe, положив голову на вытянутые лапы и устремив взгляд своих больших

черных глаз на гостя. При каждом громком звуке, доносившемся с кухни, уши Бэмби чутко вздрагивали, и он переводил взгляд туда, откуда с минуты на минуту должен был появиться его хозяин.

Старик вернулся в комнату минуты через три с эмалированным чайником в одной руке и небольшим фарфоровым чайничком с заваркой в другой. Все это он поставил на стол, после чего достал из стоявшего у стены комода чашки, сахарницу и плетеную корзинку, доверху наполненную сушками. Судя по аромату, который от них исходил, сушки были ванильные, те самые, которые Громов любил с детства. В далекие семидесятые сто грамм таких сушек стоили девять копеек, и Громов частенько бегал за ними в булочную-кондитерскую, что на углу улицы Казакова и Садового кольца. Эта булочная стоит и поныне, однако отечественные сушки на ее прилавках почему-то исчезли, уступив место импортным кексам и жвачкам.

Между тем из минутной задумчивости Громова вернул в действительность звон посуды, которую старик усердно передвигал на столе. Гость заметил, что в его чашке уже дымится чай, взял с блюда ложку и пару раз слазил ею в сахарницу. Затем сделал маленький глоток и, убедившись, что чай вполне соответствует его вкусам, приготовился слушать старика дальше. Тот, видимо, этого только и ждал.

— В первом своем сезоне Сережа проявил себя довольно скромно, — продолжил свою речь старик. — Однако в следующем заблистал во всей своей красе. Но меня больше всего прельщало в нем то, что он и вне пределов футбольного поля был на высоте. Товарищи его уважали. Даже «дед» — Николай Петрович Старостин, — пусть земля ему будет пухом, отзывался о нем только положительно.

— Павел Семенович, вы так восторженно отзываетесь о Кадилине, будто я собираюсь его арестовать за какие-то грехи, — попытался внести ясность в цель своего прихода в этот дом Громов. — Он нам необходим всего лишь как свидетель по одному делу.

— А я в этом и не сомневаюсь. Просто мне хочется, чтобы вы имели хотя бы приблизительное представление о том, кого вы ищете. Ведь Сергей Кадилин в недавнем прошлом — один из самых известных наших спортсменов. Теперь же он обыкновенный бомж, не имеющий ни кола ни двора.

— Так не МУР же в этом виноват.

— Абсолютно с вами согласен. В какой-то мере Сергей сам виноват во многих бедах, приключившихся с ним после его ухода из спорта. Слишком прямолинеен он был, рубил правду-матку в глаза всем, невзирая на должности. За это его наши футбольные чиновники и не любили. А затем и в самом «Спартаке» начались сложности. Уже через несколько лет после того, как Бесков создал сплоченный коллектив, его стала разъедать внутренняя ржа. В конце концов через восемь лет, когда «Спартак» вновь стал чемпионом, в нем из прежнего «золотого» состава остались всего два-три человека. Остальные разбежались. Сергей остался, но его игра в те годы оставляла желать лучшего. На мой взгляд, он сломался после пенальти, который он не забил, играя в Кубке УЕФА против «Сваровски Ваккера». Любому спортсмену психологически очень трудно пережить такую ситуацию. А Сергей в этом отношении вообще был очень щепетилен. Он всегда казнил себя за промахи, которые порой и не совершал. В итоге остался у разбитого корыта.

— А как же его родные? Почему они не помогли?

— У Сергея никого не осталось. Родители скончались еще в начале восьмидесятых, а жена Светлана, откровенно говоря, никогда его не любила. Несколько лет назад она снова вышла замуж и даже нового адреса Сергею не сообщила. Что касается меня, то я в тяжелое для него время тоже не смог ему помочь — работал в Венгрии.

— Тяжелые времена, это когда он потерял квартиру? Кстати, как это все произошло?

— По глупости Сережиной. Когда его выбросили из спорта, он подался в коммерцию. Некий земляк из Свердловска, бывший боксер, открыл торговую фирму. И однажды они очень крупно задолжали. Им дали на специализацию... Или как это правильно? — Старик вопросительно взглянул на Громова, ища подсказки.

— Наверное, на реализацию, — подсказал Громов.

— Точно. Им дали на реализацию большую партию болгарских сигарет. Они отдали их одному своему компаньону, но тот оказался обыкновенным мошенником, и сигареты пропали. К Сергею и его приятелю пришли бандиты, которые отвечали за этот товар, и потребовали денег, да еще накрутили какие-то проценты. Таких денег у ребят не было, их фирма только-только начала работать. Короче, им

пришлось выкручиваться своими силами. Чтобы возместить свою часть долга, Сергею пришлось отдать кредиторам свою квартиру.

«Можно сказать, что он легко отделался», — подумал про себя Громов, вспоминая историю, которая произошла несколько лет назад с другим известным некогда спортсменом — мастером спорта международного класса по велоспорту Борисом Вишняковым. Тот тоже, после того как ушел из спорта, попал в полосу сплошных неудач, стал спиваться. В конце концов он остался совсем один в своей однокомнатной квартире, забытый всеми. Тут на него и вышли преступники, которых в МУРе прозвали «тимуровцами» — за то, что те, прежде чем охмурить свои жертвы, задабривали их недорогими подарками. Вот и Вишнякова они довольно легко обвели вокруг пальца, после чего выкрали у него паспорт. Затем преступники нашли внешне похожего на него мужика и уговорили его выдать себя за Вишнякова в нотариальной конторе и в БТИ. Так с его помощью «тимуровцам» удалось сначала приватизировать квартиру спортсмена, а затем и продать ее. А Вишнякова постигла печальная участь — преступники накачали его водкой, вывезли на водохранилище и утопили.

— Почему же родной «Спартак» остался безучастным к мытарствам одного из лучших своих игроков? — после небольшой паузы спросил собеседника Громов.

— Не будьте наивным, Кирилл Андреевич. — Старик чуть ли не с сожалением посмотрел на гостя. — Сегодня такие времена, что командам своих проблем с головой хватает, чтобы думать еще о своих бывших игроках. Зарабатываемые деньги почти целиком идут для оплаты сегодняшних дел клуба, а не на поддержку тех же ветеранов. Хотя, на мой взгляд, учитывая то, какими суммами сегодня ворочает клуб, вполне резонно было бы ожидать от его руководства более реальной помощи ветеранам. Пока же он материально поддерживает только девятерых из них, выплачивая им по двести-пятьсот рублей. Чуть больше получает сегодня только легендарный Галимзян Хусаинов. Но это еще ничего, потому что многие одноклубники Хусаинова и вовсе ничего не имели и не имеют. Виктор Евлентьев умер в нищете, Михаил Булгаков выбросился из окна, Владимир Рейнгольд подрабатывал таксистом, Василий Калинов умер в бедности, и никто даже не знает, где он похоронен.

Кстати, подобная ситуация характерна не только для нашего футбола. Возьмите ту же Болгарию. Знаменитый футболист Петр Жеков, выигравший в 1969 году приз авторитетного французского журнала «Франс футбол» как самый лучший игрок Европы, в наши дни голодает и продает свои трофеи. Практически за бесценок он отдал все свои награды — «золотую», «серебряную» и «бронзовую» бутсы.

Произнеся этот страстный монолог, старик внезапно умолк, продолжая машинально помешивать в чашке уже давно остывший чай. За все время разговора он ни разу его так и не пригубил. Возникшую паузу в разговоре первым нарушил Громов, которого разговор о футболе начал уже утомлять. Он уже полчаса находился в этой квартире, но ничего конкретного о Кадилине так и не узнал. Поэтому он решил форсировать события и, не давая старику времени на то, чтобы вновь увести разговор в сторону, спросил:

— Вы не знаете адресов, где может находиться Кадилин?

— К сожалению, нет, — развел руками старик. — Он никогда мне их не называл.

— Но может быть, он называл вам имена людей, у которых жил? Ведь не мог же он все время слоняться по чердакам да подвалам.

— Да, имена он мне называл. Примерно две недели назад он звонил мне с какой-то квартиры возле Киевского вокзала. У нас произошел совершенно бессодержательный разговор, потому что Сережа был в изрядном подпитии. Я думаю, именно поэтому он мне и позвонил. Так вот, он сказал, что живет у какого-то Яши. Я сначала не понял, кто это такой, но потом вспомнил, что однажды видел этого Яшу на Киевском вокзале вместе с Сережей. Я ехал на дачу к дочери и случайно встретил их в буфете — они выпивали. Встреча была мимолетной, потому что я опаздывал на электричку.

— А что из себя представляет этот Яша? Как выглядит?

— Выглядит он, честно говоря, невзрачно. Пышная, взлохмаченная шевелюра, такая же неопрятная борода. Да, совсем забыл: у него же нет одной ноги — правой. Она ампутирована чуть выше колена. Поэтому он ходит на костылях. Когда на следующее утро я возвращался обратно в Москву, я видел этого Яшу сидящим у подземного перехода. Он просил милостыню. Я отдал ему всю мелочь, но он меня не узнал — накануне он ведь был пьяный. Я думаю, если

вы завтра с утра отправитесь на Киевский вокзал, то вы легко сможете найти этого Яшу.

Мысленно Громов поблагодарил старика за дельный совет, вслух же спросил:

— Яша — это единственный приятель Кадилина на сегодняшний день?

— Нет, есть еще один парень, которого Сережа несколько раз вспоминал при мне. Они познакомились еще лет десять назад, потом потеряли друг друга из виду. А совсем недавно Сережа случайно встретил его на улице, и этот парень даже пообещал, что устроит его на какую-то работу. К сожалению, подробностей я не знаю. Так же, как и имени этого парня. Только прозвище — Хома, и что живет он где-то в Перово. Возраст — около тридцати. Еще знаю, что он ярый поклонник московского «Спартака». Вы, наверное, слышали про таких?

— Вы имеете в виду фанатов?

— Их самых. В былые годы их организация была довольно простой, а теперь у тех же спартаковских фэнов сразу несколько группировок. Так вот этот Хома входит в одну из них.

«Час от часу не легче, — подумал про себя сыщик, — плюс к двум «мокрухам» придется просеивать сразу три группы неформалов: бомжей, «черных следопытов» да еще фанатов. Свихнуться можно!»

Громов мельком взглянул на настенные ходики, висевшие за спиной хозяина квартиры — стрелки показывали без пятнадцати минут семь вечера. Его рабочий день подходил к концу, но думать об отдыхе пока не приходилось — надо было попытаться распутать хотя бы пару мелких звеньев, чтобы завтра взяться за всю цепочку. Во-первых, ему ну был хороший портрет Кадилина, и он прямо спросил старика, нет ли в его архиве такового.

— А то в «Спартаке» таких фотографий почему-то не оказалось.

На последнюю реплику Громова старик отреагировал крайне возбужденно:

— Не может такого быть! У них наверняка должны быть Сережины фотографии. Например, групповой портрет команды восемьдесят седьмого года, когда «Спартак» стал чемпионом. На ней он выглядит вполне прилично. Его, Кирилл Андреевич, извините за каламбур, просто «отфутболили». Но я вам помогу. У меня, как у

Варфоломея Коробейникова из «Двенадцати стульев», архив в полном порядке. Если вы потерпите минут пять, я найду вам вполне сносную фотографию Сережи.

Громов согласился подождать, но тоже не без дела. Он спросил у старика разрешение воспользоваться его телефоном и, получив согласие, ушел на кухню. Набрав номер дежурной части Петровки, 38, Громов попросил дать ему номера телефонов отделений милиции, курирующих Киевский вокзал. Через минуту он уже записывал сразу три телефона: линейного отдела на вокзале и двух ближайших отделений милиции: 75-го и 123-го. Сначала Громов позвонил в линейное. Однако его дежурный был явно в «разобранном» состоянии и плохо понимал, что от него требуется. В конце концов, собравшись с мыслями, он выдал Громову информацию о том, что у них на вокзале работают до десятка разного рода инвалидов, плюс бомжи, проститутки и так далее. Устав выслушивать его заплетающуюся речь, Громов в сердцах повесил трубку, сделав невеселый вывод о том, что главный инвалид на этом вокзале, видимо, сам дежурный.

Ничего не дал звонок и в 75-е отделение милиции. Тамошний дежурный был трезв, однако явно был озабочен какими-то внутренними проблемами родного отделения, поэтому с коллегой из главка разговаривал чуть ли не сквозь зубы. Видимо, чтобы не затягивать разговор, он предложил ему завтра утром приехать к ним в отделение и ознакомиться с богатой фотокартотекой на местных бомжей, сделанных операми отделения по личной инициативе. Громов объяснил, что его интересуют не бомжи, а инвалид-попрошайка, который, судя по всему, прописан рядом с вокзалом. Однако дежурный был неумолим и продолжал настаивать на том, чтобы решить эту проблему с утра.

— Сегодня вашего инвалида мы вряд ли найдем, — вещал на другом конце провода дежурный. — Наши розыскники все при деле. Да и сам инвалид наверняка уже спит без задних ног.

Дважды потерпев неудачу, Громов без особой надежды набрал номер третьего телефона. Однако на этот раз ему повезло. Дежурный 123-го отделения милиции принял близко к сердцу заботы своего коллеги из МУРа и сказал, что шанс найти безногого инвалида по имени Яша у Громова есть. Он сообщил, что в их отделении служит

толковый участковый, который хорошо знает почти всех местных попрошаек.

— Я вам дам его служебный телефон, и завтра с утра вы легко сможете его поймать, — сообщил дежурный.

— Командир, но мне не хотелось бы затягивать это дело до завтра, — возразил Громов. — Что, если я попрошу тебя дать мне его домашний телефон? А чтобы у тебя не было никаких сомнений на мой счет, я сейчас позвоню дежурному по МУРу и предупрежу его о твоём прозвоне. А ты через пару минут звякни ему и все проверь. Лады?

Получив утвердительный ответ, Громов назвал нужный номер, после чего позвонил в МУР и быстро объяснил дежурному ситуацию. Затем положил трубку и на несколько минут вновь вернулся в комнату. Однако старик все еще копался в огромном ворохе фотографий и нужного снимка до сих пор так и не нашел. Чтобы не мешать ему, Громов присел на корточки рядом с Бэмби и стал нежно чесать его за ухом. Псу это понравилось, и он, видимо решив воспользоваться удобным моментом, вскоре перевернулся на спину и подставил под нежные ласки гостя свой живот. Громову не оставалось ничего иного, как пойти навстречу псу и в течение нескольких минут ублажать и эту часть его тела. Убив таким образом минут семь, Громов наконец оставил разомлевшее от блаженства животное и вновь отправился к телефону.

Как оказалось, к этому времени дежурный по отделению успел уже отзвонить в МУР и среагировал на новый звонок сыщика мгновенно. Без всяких проволочек он продиктовал номер домашнего телефона участкового и пожелал коллеге успехов в его поисках.

— Спасибо, командир, — поблагодарил его Громов, а про себя с удовлетворением подумал, что пока еще работают на «земле» такие люди, дела в милиции не совсем плохи.

Между тем на его звонок по домашнему телефону участкового никто не отреагировал. Громов три раза набирал номер, однако результат каждый раз был одинаков — длинные гудки. Судя по всему, хозяева в квартире отсутствовали. Поняв, что все его старания напрасны, Громов наконец покинул кухню.

Когда он вернулся в комнату, старик сидел на том же месте — за столом — и держал в руках несколько фотографий. Услышав за спиной шаги, он обернулся и протянул гостю два снимка. На обоих был

изображен симпатичный молодой человек в майке московского «Спартака» прошлых лет — широкая полоса на груди, эмблема-ромб в правом углу. Громов несколько секунд повертел в руках фотографии, после чего одну из них вернул хозяину, а другую оставил себе.

— Эту фотографию, с вашего позволения, я возьму. Правда, сомневаюсь, что с возвратом.

— Насчет возврата можете не волноваться, — ответил старик. — Она же необходима вам для дела. Мне было бы обидно, если бы вы выбросили ее в мусорное ведро.

— Об этом даже речи быть не может, — заверил старика Громов. — Вашими стараниями, Павел Семенович, с сегодняшнего дня армия спартаковских болельщиков пополнилась еще одним человеком — мной.

Судя по улыбке, которая тронула губы старика, последняя фраза гостя его обрадовала. С этой улыбкой старик встал из-за стола, чтобы проводить Громова до дверей. Однако уже в коридоре гость внезапно остановился и задал старику неожиданный вопрос:

— Рискую показаться странным, хочу спросить вас, Павел Семенович: нет ли в вашем богатом архиве фотографии Джавахарлала Неру?

Как и ожидалось, вопрос застал старика врасплох: его брови поползли вверх, нижняя челюсть слегка отвисла. Наконец он пришел в себя и спросил:

— Насколько я знаю, Неру уже более тридцати лет как в могиле. Неужели он тоже проходит у вас как свидетель?

— Ни в коем случае. Просто один из моих начальников питает к бывшему премьер-министру Индии тайную симпатию. Вот я и хочу порадовать его фотографией кумира.

— Должен вас огорчить, Кирилл Андреевич, но фотографии Неру в моем архиве нет. Единственное, чем могу вам помочь, — портрет Индиры Ганди, который моя дочь привезла из Дели.

Громов на секунду задумался, после чего попросил у старика разрешения взглянуть на портрет покойной индийской премьерши. Он, конечно, ни в коем случае не предполагал, что она тоже может быть в неглиже, как его настенная куртизанка, но взглянуть на качество фотографии ему было необходимо. Когда старик через пару минут вернулся в коридор и показал гостю искомый портрет, Громов не смог

сдержанно возгласил одобрения. Несмотря на то что фотография Индиры Ганди была черно-белой, она была достаточно внушительных размеров и выполнена в классическом ключе — нечто подобное могли ежегодно лицезреть когда-то советские граждане на первомайских демонстрациях. Это было именно то, о чем Громов втайне и мечтал. Ввиду того, что портрет пылился в архиве старика вот уже более десяти лет, тот без малейшего сожаления отдал его в руки гостя.

— Я буду только рад, если эта фотография придется по душе вашему начальству, — такими словами сопроводил старик свой подарок.

Громов счел за благо промолчать. Но про себя подумал: «Не знаю, как моему начальству, но завтрашним гостям этот портрет наверняка понравится. Как говорится: Россия — Индия, бхай-бхай!»

БРАТВА ВЫХОДИТ НА СЛЕД

Сегодня бомж Василий Харин мог праздновать победу — он получил деньги за несколько килограммов цветного лома, сданного в пункт приема, и теперь был на седьмом небе от счастья. Конечно, для кого-то, может быть, сумма эта не ахти какая, однако для человека, привыкшего лазать по помойкам в поисках куска хлеба, она значила многое. Во всяком случае, ее обладателю на несколько дней можно было забыть о чувстве голода и набить желудок хотя бы тем же китайским супом быстрого приготовления. Мысленно представив себе, с каким удовольствием он проглотит несколько упаковок этого супа, Харин наконец запихнул деньги поглубже в карман брюк и вышел из пункта приема на улицу.

Электронные часы, установленные над входом в здание проектного института, находившегося рядом, показывали восемнадцать ноль-ноль. Рабочий день завершался, и вот уже из-за стеклянных дверей института на улицу стали выходить первые торопившиеся домой сотрудники. Они проходили мимо стоявшего на перекрестке Харина и шли к автобусной остановке. Прежде чем завтра утром они вновь войдут в двери своего учреждения, каждому из них предстоит провести несколько насыщенных часов в кругу семьи. Впереди их ждет полный набор маленьких человеческих радостей: домашние тапочки, горячий ужин, телевизор, теплая постель. Короче, все то, что вот уже более двух лет Харину грезится только в мечтах.

Между тем по большому счету он имел одно несомненное преимущество перед большинством своих собратьев по несчастью. Ведь Харин, еще будучи полноценным членом общества, страдал дромоманией — непреодолимой тягой к странствиям, когда человек не может долго жить на одном месте. Он ведь и в моряки подался именно по этой причине. Поэтому большая часть тягостей, свалившихся на него в пору его бичевания, не стала для него катастрофой, что позволило ему не только выжить, но и более-менее сносно адаптироваться в этой среде. Несмотря на двухлетнее пребывание на самом дне общества, Харин сумел сохранить в себе многие из качеств, присущих нормальному человеку: он не спился, не скурвился, не

деградировал психически. Однако в последнее время он стал явственно ощущать, что ему становится все труднее держаться на прежнем уровне. Дно жизни все сильнее засасывало его, и сил сопротивляться этому у него оставалось все меньше и меньше.

Особенно сильно в последнее время его стали угнетать мысли о том, что путей обратно, в полноценное общество, у него практически не осталось. Ситуация в стране складывалась таким образом, что властям не хватало сил и средств обеспечить нормальную жизнь миллионам полноценных россиян и надеяться на то, что у них дойдут руки до бомжей, было в высшей степени наивно. С недавних пор в стране негласно действовал закон «выживает сильнейший», и даже на самом дне общества место под солнцем приходилось отвоевывать силой. Бомжи вели настоящие войны друг с другом за каждый отхожий промысел — будь то сбор пустых бутылок, продажа старого барахла или цветного металла.

Последний промысел Харин открыл для себя совсем недавно. Месяц назад он познакомился на чердаке одного из домов возле трех вокзалов с бомжем по кличке Лабух. Их взаимная симпатия друг к другу началась вроде бы с пустяка. В день их знакомства Харин первым облюбовал себе тот чердак и, готовясь к ночевке, собрал в подъезде все тряпки и коврики, лежавшие возле дверей. Лабуху ковриков не досталось, и он собирался заночевать на рваных газетах. И тогда Харин пожалел своего собрата по несчастью и выделил ему «с барского плеча» целых три коврика. Этот благородный жест произвел на Лабуха сильное впечатление. Он так расчувствовался, что предложил Харину участвовать в совместном бизнесе — воровать по ночам на железной дороге медный контактный провод. Для несведущих стоит пояснить.

С тех пор как в 1992 году государство отменило свою монополию на вывоз за рубеж цветных металлов, в России как грибы после дождя стали расти частные фирмы (в одной Москве их появилось около двухсот), которые скупали у людей цветной лом. Первыми, кто почувствовал выгоду от этого, были именно бомжи, которые бросились искать этот самый лом везде, где только можно: на свалках, железных дорогах, кладбищах (на последних мародеры-бомжи воровали бронзовые таблички с надгробий, алюминиевые наконечники с оград и даже отдельные детали с памятников).

Лабух до этого всего один раз участвовал в подобного рода операции, да и то в качестве сторожа — стоял на шухере в то время, пока трое других бомжей срезали медные перемычки возле железнодорожных светофоров. Несмотря на то что компаньоны поделились с ним награбленным, однако доля Лабуха оказалась самой минимальной. Естественно, ему это не понравилось, и он стал вынашивать планы заняться этим делом самостоятельно. Все необходимые инструменты для этого у него уже были, оставалось только найти надежного помощника. И тут судьба свела его на чердаке с Хариним.

Однако, прежде чем уговорить того участвовать в «походе за ломом», Лабуху пришлось изрядно попотеть. Харин справедливо считал, что подобный промысел весьма опасен по нескольким причинам: во-первых, из-за него может случиться авария на железной дороге, и во-вторых, если их поймут менты, то надолго упекут за решетку. Но Лабух не зря в былые годы подрабатывал лектором в обществе «Знание» — в конце концов ему удалось убедить Харина в том, что «тырить медные перемычки не самое страшное преступление в наши дни». А что касается аварий — то сколько бомжи ни курочат железнодорожные полотна, однако ни одной серьезной аварии за это время так и не произошло. Значит, все разговоры об этом — туфта.

Короче, посопротивлявшись немного, Харин в конце концов согласился. Откладывая в долгий ящик эту акцию не стали — уже на следующую ночь приятели отправились на железнодорожные пути Ярославского направления и под покровом темноты раскурочили на шпалах несколько десятков медных перемычек, по которым ток подается на рельсы. Утром следующего дня они отнесли их в пункт приема цветного металла и заработали первые деньги. В течение трех дней компаньоны весело их пропивали в одном из заброшенных домов на Ордынке.

Дружба Харина с Лабухом продолжалась чуть больше двух недель и расстроилась все из-за того же пустяка. После очередной успешной операции на железке, когда в течение двух ночей они стырили в трех разных местах несколько десятков килограммов медного провода, Лабух внезапно покотил бочку на Харина — ему показалось, что его доля в награбленном больше, чем у приятеля. Поэтому если до этого они делили металл поровну, то теперь Лабух стал требовать себе чуть

ли не восемьдесят процентов. Стерпеть подобного выпада Харин не смог и тут же наkostenyl своему компаньону по шее. На этом их недолгий союз распался. Униженный и оскорбленный, Лабух вынужден был спешно уносить ноги, при этом в двух рваных сумках он сумел забрать с собой лишь малую долю наворованного. Именно этот оставшийся медный провод Харин на следующий день и отвез на самодельной тележке в пункт приема.

Гремя тележкой, Харин не спеша шел по переулку, направляясь в сторону Таганки. Все его мысли были заняты тем, на сколько ему хватит тех денег, которые мирно покоились в правом кармане замызганных грязью брюк. Щенячья радость, охватившая его в пункте приема после получения денег, теперь сменилась холодным расчетом и ясным осознанием того, что купить на них все, что ему бы хотелось, не удастся. Значит, придется выбирать. Вот этим выбором Харин и занимался, продолжая свой пеший путь к Таганке.

До дома, в котором Харин вот уже много месяцев коротал свои дни и ночи, оставалось несколько десятков метров, когда рядом с ним внезапно тормознул серебристого цвета «Мерседес». Задняя дверца автомобиля открылась, и сидевший в машине коротко стриженный парень внезапно обратился к Харину:

— Мужик, ты не местный?

— Местный. А в чем дело? — спросил Харин, остановившись напротив автомобиля.

— Да вот, понимаешь, полчаса плутаем в этих переулках и никак не можем найти одну фирму.

— Адрес-то у нее есть? — вновь спросил у парня бомж.

— Есть, но нам такую бумагу дали, что без пол-литра не разберешь. Может, ты прочтешь, что здесь написано? — И парень показал бомжу листок, который все это время лежал у него на коленях.

Харин оставил тележку на тротуаре, а сам подошел к автомобилю и, слегка наклонившись, протянул руку за листком. И тут произошло неожиданное. Ловким движением парень перехватил его руку чуть повыше кисти и дернул на себя. Харин, не ожидавший этого, не успел пригнуться и со всей силы ударился лбом о верхнюю притолоку дверцы. Что было дальше, он не помнил, потому что сразу после этого потерял сознание. А дальше было вот что: как только бомж обмяк, из передней дверцы выскочил крепкий молодой человек, который

подхватил его под руки и ловко втиснул на заднее сиденье автомобиля. Затем парень вернулся на свое место и автомобиль рванул в сторону Садового кольца. Все произошло столь стремительно, что никто из редких прохожих, оказавшихся в эти минуты в переулке, не успел заметить ничего подозрительного. А самодельная тележка, которую бомж оставил на тротуаре, так и осталась стоять, напрасно ожидая своего хозяина.

Сознание пришло к Харину спустя несколько минут, когда машина во всю мчалась по вечерним улицам столицы. Он сидел на заднем сиденье автомобиля, намертво зажатый с двух сторон неизвестными парнями, одним из которых был тот, кто его сюда завлек. Голова бомжа плохо соображала, и он никак не мог сориентироваться на местности и угадать, в каком направлении они двигаются, хотя за два года своего пребывания в Москве хорошо изучил центр города. Нормальному обзору мешала кровь, которая обильно текла из рассеченного лба на глаза, а возможности утереться у Харина не было — кроме того, что на руках у него были наручники, оба парня крепко держали его за локти. Он также никак не мог врубиться и в то, кто эти люди, и зачем он им понадобился. В голову лезла всякая чушь вроде того, что этих парней за ним отрядил обиженный Лабух. Но ради чего? Да и откуда у бомжа Лабуха такие покровители? Однако, как Харин ни старался, ни на один из этих вопросов он так и не смог найти вразумительного ответа.

Тем временем автомобиль давно уже свернул с оживленной трассы и теперь плутал в каких-то кривых переулках. Наконец он остановился возле металлических ворот, которые довольно расторопно открылись после короткого сигнала.

Когда автомобиль въехал во двор и остановился, один из соседей Харина вылез сначала сам, а затем потянул за собой из салона и пленника. Вылезая наружу, Харин отметил про себя, что все делалось молча — за все время поездки ни один из четырех парней не проронил ни слова, молчали они и теперь, когда, кажется, прибыли к месту назначения.

Между тем все те же охранники подхватили бомжа под руки и подвели к какой-то пристройке в углу двора. Дверь пристройки была открыта, но царившая там темень не позволяла определить, что происходит внутри. Однако подталкиваемый с обеих сторон своими

охранниками Харин вскоре понял, что эта дверь ведет не куда-нибудь, а в подвал. Ступеньки, ведущие вниз, оказались достаточно крутыми, но оба охранника довольно уверенно спустили по ним пленника и вскоре привели его в тускло освещенное единственной лампочкой помещение с бетонным полом и кирпичными стенами. У дальней стены Харин заметил незнакомого парня в короткой кожаной куртке и спортивных штанах. Он стоял, прислонившись к стене, и курил сигарету. Когда пленника ввели в помещение, парень затушил сигарету об стену и сделал шаг навстречу гостю. При тусклом свете лампочки лицо парня с перебитым то ли в боксерских поединках, то ли в уличных драках носом казалось зловещим.

— Милости просим в наши застенки, — сказал парень и сделал короткий жест рукой своим людям, чтобы те отпустили пленнику руки. Те исполнили его приказ и так же молча, как пришли, покинули помещение. — Тебя, кажется, Харей кличут?

У Харина внезапно перехватило дыхание, и он, не в силах разжать губы, в ответ лишь кивнул головой. Наученный за годы бродяжничества распознавать опасность, что называется, за версту, он внезапно понял, что выйти живым из этого каменного мешка ему уже вряд ли удастся. От этой мысли ноги Харина стали подкашиваться, перед глазами поплыли круги. А парень между тем продолжал свой допрос:

— Тебя сегодня мент с Петровки пытал? Чего он хотел?

Смысл вопроса дошел до пленника не сразу. А когда он понял, что от него хотят, в глубине его сознания внезапно мелькнула спасительная мысль о том, что не все еще потеряно. Если его мучителей интересует всего лишь это, то он расскажет им все, что знает.

— Меня с ним участковый свел — Грузило. — Харин наконец разомкнул залитые кровью губы и, к своему величайшему удивлению, не узнал собственного голоса — таким незнакомым он ему показался под сводами этого подвала. — Мент представился опером из уголовки. Интересовался Серегой Кадилиным, бывшим футболистом московского «Спартака». Тот уже больше года как бомжует, вот мент и пытал меня, где его можно найти.

— А зачем он ему, не говорил?

— Нет, он же не дурак, чтобы первому встречному об этом говорить. Спросил только, где его можно найти.

— И ты рассказал?

— Я же не стукач. Сказал только, что он у какого-то дружка кантуется, но кто он и где обитает — ни слова. Честное слово, не вру.

Последняя фраза вырвалась у Харина сама собой: ему вдруг показалось, что напряжение, все это время царившее в их разговоре, стало понемногу спадать, а лицо парня заметно смягчилось. На какое-то мгновение пленнику почудилось, что беда, так зримо маячившая перед ним несколько минут назад, минует его стороной. Надо только постараться, и все будет о'кей.

— Какой тебе мент доверчивый попался: ты ему наврал, а он тебе поверил. — По губам парня скользнула холодная усмешка. — Мне ты тоже соврешь?

— Зачем, вы же не менты. — И Харин сделал неуклюжую попытку улыбнуться. — Вам я все расскажу. Серега с одним инвалидом дружбу водит, живет у него. Правда, не всегда — от случая к случаю. Инвалида зовут Яша, он без одной ноги, живет где-то в районе Киевского вокзала. Где точно, я не знаю, но этого Яшу каждый день можно найти возле подземного перехода на вокзале.

— Где же мы его сейчас найдем, на ночь глядя? — В голосе парня Харин вновь уловил угрозу.

— Мужики, я вам правду говорю. Точного адреса этого инвалида я не знаю. У него однокомнатная квартира рядом с вокзалом. Работает не один — в бригаде.

— Что за бригада?

— Попрошайки. Их какой-то крутой молдаван держит.

— Имя есть у этого молдавана?

— Я не знаю его имени. Знаю только парня, который у него в шестерках бегаёт. Кликуха у него смешная — Фантик.

— Еще что знаешь?

— Больше ничего.

— А про кореша своего, про футболиста?

— Да не кореш он мне, так — встречались несколько раз. Мы с ним в бане познакомились. Есть такая на Ярославском шоссе, для бомжей работает. Очередь туда длиннющая, пока отстоишь — замучаешься. Вот в ней и познакомились, разговорились. Знаю, что квартиру у него за долги отобрали, а жена с дочерью еще задолго до

этого от него ушли. Они теперь где-то возле сада имени Баумана живут. А чего Серега натворил-то?

— Интересуешься? А ты бы у мента об этом спросил, он бы тебе рассказал. — И парень так зыркнул на Харина, что у того сразу пропала всякая охота развивать дальше эту тему.

— Мужики, честное слово, мне все ваши дела — до лампочки. Я же тут ни при чем.

— Ошибаешься, дружок. С тех пор как к тебе мент приходил, ты по самые уши в это дерьмо вляпался.

После этих слов парня Харину вновь стало не по себе. Животный страх, который минуту назад, казалось, отступил от него, теперь накатил по новой. Не в силах больше сдерживать свои чувства, Харин внезапно заплакал.

— Жить хочешь? — спросил его парень, закуривая новую сигарету.

Харин, давясь слезами, молча кивнул. Слова, просившиеся наружу, застряли в горле.

— А зачем тебе жить, мужик? Ты же — бомж, отброс общества. У тебя ни родных, ни близких не осталось. Когда тебя не станет, ни одна живая душа о тебе не вспомнит. К тебе на могилку даже цветочки некому носить. Хотя могилки, мужик, у тебя не будет.

Отбросив в сторону недокурную сигарету, парень неторопливо прошествовал мимо пленника, и вскоре его шаги затихли где-то наверху. Харин стоял спиной к двери и чувствовал, что в помещении он не один. Однако сил обернуться у него не было. Так продолжалось несколько секунд, пока он явственно не услышал за спиной шаги незнакомца. Тот медленно приближался. Не в силах больше сдерживать себя, Харин обернулся и увидел прямо напротив себя человека со шрамом на лице. В руке тот держал пистолет, дуло которого украшал массивный глушитель. Еще секунда — и тело бомжа с простреленной головой рухнуло на бетонный пол подвала.

Спустя несколько минут в помещение из боковой двери вошел шкафоподобный мужик в кожаном переднике, надетом на голое тело. Впереди себя он катил труповозку. Подкатив ее к распростертому на полу телу, мужик легко поднял его на руки и бросил на тележку. Еще через пару минут скорбная процессия оказалась в крематории, в одной из печей которой уже всюду пылал огонь, готовый превратить в прах

очередное безжизненное тело. Однако, прежде чем предать убиенного бомжа огню, мужик тщательно его обыскал. В кармане брюк он вскоре нашел мятые купюры, пересчитал их и, видимо, вполне удовлетворенный суммой, довольно крякнул. И только после этого он приступил к привычной процедуре. Если простому смертному в таких случаях полагается уходить в мир иной в гробу, то для Харина был избран совсем иной способ. Мужик закинул его тело к себе на плечо, донес до печи и с помощью длинного багра отправил в огонь. По тому, как расторопно мужик это проделал, было видно, что подобного рода работу ему приходилось делать уже неоднократно.

Громов подъехал к своему дому на Ясеновой улице в начале девятого вечера. Припарковав машину недалеко от подъезда, он вошел в дом и вызвал лифт. Однако красная кнопка не зажглась, и стало ясно — лифт опять не работает. Пришлось подниматься на свой пятый этаж пешком.

Проходя мимо дверей и прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за них, Громов безошибочно определял вечерние пристрастия своих соседей по подъезду. Судя по уверенному голосу диктора РТР Светланы Сорокиной, часть соседей предпочитала смотреть в эти часы программу «Вести», другая часть с захватывающим интересом следила за перипетиями очередного зубодробильного боевика, и только малое число соседей предпочитало «ящику» милое семейное общение.

Войдя в свою двухкомнатную холостяцкую квартиру, Громов надел тапки и прошел напрямик на кухню. Достав из холодильника сковородку, в которой покоились макароны и котлета, он поставил все это разогреваться на плиту. Затем включил электрический чайник. И только после этого прошел в комнату, где тут же сел за телефон. Первым делом он набрал домашний номер участкового из 123-го отделения милиции. Надо было установить адрес одноногого Яши, у которого в эти часы мог обитать Кадилин. На другом конце провода опять долго не подходили к телефону, и Громов, устав ждать, хотел было уже повесить трубку, когда ему вдруг ответили. Голос в трубке принадлежал ребенку, которому было от силы лет пять-шесть.

— Вам кого?

Сообразив, что это может быть ребенок участкового, Громов попросил позвать к телефону папу.

— Мой папа лег спать, — ответил ребенок и тут же повесил трубку.

Громов, не ожидавший такого поворота, несколько секунд сидел неподвижно, пытаясь решить, как ему быть дальше. С одной стороны, было жалко будить человека, который, набегавшись на работе, лег спать. Но с другой стороны, надо было найти этого Яшу. И Громов вновь потянулся к телефону. Однако, набрав всего несколько цифр, он внезапно передумал и ударил по клавише. «В конце концов, этого инвалида можно найти и завтра утром, — подумал сыщик. — Если Кадилин действительно у него, никуда за эту ночь он не денется».

Разобравшись с одним абонентом, Громов взялся за второго. Набрал еще один номер, он дождался, когда на другом конце провода снимут трубку, и сказал всего лишь две фразы:

— Сашка, зайди. Дело есть.

В ответ он услышал из трубки привычную остроту: «Член свалился — будешь есть?» — и гомерический хохот. Это означало, что его сосед с восьмого этажа Александр Локтев, или просто Сашка, через пару минут будет у него. Громов повесил трубку и пошел на кухню, где его дожидались подгоревшие макароны и котлета.

Сашка Локтев был личностью уникальной и занимал в жизни Громова не самое последнее место. Их знакомство произошло случайно четыре года назад. Незадолго до этого Сашка одного за другим похоронил своих родителей и остался совершенно один в трехкомнатной квартире. То ли потому, что Громов был старше его на пять лет, то ли потому, что был ментом, их отношения долгое время дальше шапочных не шли. Все изменила история, которая произошла через несколько месяцев после смерти Сашкиных родителей.

Похоронив отца и мать, Сашка ударился во все тяжкие, а проще говоря — запил по-черному. В итоге его уволили с завода, на котором он проработал более десяти лет, без выходного пособия. Сашка с грехом пополам устроился работать дворником в ДЭЗ недалеко от дома, в котором жил, однако пьянки свои не прекратил. Громов краем уха слышал от соседей о его проблемах, но вмешиваться в них не стал: во-первых, был недосуг, во-вторых, он прекрасно знал, как Сашка относится к советам посторонних, тем более к советам мента. Однако протянуть руку помощи непутевому соседу Громову все-таки пришлось.

Однажды вечером к муровцу пришла Сашкина соседка по этажу Вера Михайловна. У нее покойный муж был генералом бронетанковых войск, и на этом основании она считала Громова чуть ли не родственником. Она говорила: «Милиция — та же армия, и вы, Кирилл Андреевич, такой же офицер, каким когда-то был и мой муж». Короче, у них были вполне добрососедские отношения, и Громов частенько поминал добрым словом вдову генерала, когда уминал за обе щеки сделанные ее руками потрясающие маринованные помидоры и малиновое варенье. Однако в тот день Вера Михайловна пришла к Громову с пустыми руками, но в крайне возбужденном состоянии. Прямо с порога она огорошила его сообщением, что Сашка надумал обменять свою квартиру и что его, дурака, обязательно облапошат. Громов как мог пытался успокоить женщину, но та пропускала мимо ушей все его реплики и умоляла вмешаться.

— Иначе Сашку либо выкинут на улицу, либо убьют, — говорила женщина.

— Почему обязательно обманут или убьют? — удивлялся мрачным прогнозам генеральской вдовы Громов. — Откуда такой пессимизм?

— Кирилл Андреевич, не морочьте мне голову! Вы же работаете в милиции и лучше нас, простых граждан, знаете нынешнюю ситуацию. Кругом же одно жулье! А Сашка, как видите, ради игрушки, а точнее бутылки, продаст с потрохами кого угодно. Но если с ним что-то случится, этот грех ляжет и на нас, не вмешавшихся. Мне его мать, покойница, наказывала: «Верочка, присмотри в случае чего за моим Сашкой. Он такой непутевый». Разве я могу после этого взирать на то, как парня окручивают бандиты?

Громов понял, что на этот раз дежурными фразами женщину не успокоишь, поэтому пригласил ее пройти в комнату. Там он усадил соседку на диван и, примостившись рядом, спросил:

— Вера Михайловна, откуда вы взяли, что Сашку окручивают бандиты?

Судя по всему, женщина ждала этого вопроса, потому что с ходу выложила Громову целый ворох информации про Сашкино ближайшее окружение. Слушая ее, Громов внезапно понял, что определенная доля истины в опасениях женщины несомненно есть. По ее словам, недели две назад к Сашке стал захакивать некий мужчина, который стал

целенаправленно спаивать Сашку. В этом не было бы ничего удивительного (мало ли друзей-собутыльников приходило к парню?), но бдительную женщину насторожили два момента: во-первых, незнакомец спаивал Сашку, но сам всегда покидал его квартиру трезвым, а во-вторых, он стал склонять его к обмену: Сашка должен был обменять свою «трешку» на «однушку» — и незнакомец обещал ему солидную доплату.

— Теперь ответьте мне, Кирилл Андреевич, не кажутся ли вам странными действия этого гражданина? — спросила у Громова генеральская вдова.

Громов не стал вдаваться в долгие дискуссии по этому поводу, но пообещал соседке завтра же попытаться выяснить личность этого гражданина. И несмотря на то что в МУРе на нем висело сразу несколько срочных дел, следующий день он уделил Сашке.

Незнакомец оказался невзрачного вида мужичком лет сорока пяти. К Сашке он заявился в одиннадцать часов утра пешком, сжимая в руках полиэтиленовый пакет, в котором, судя по всему, лежала очередная бутылка водки. Рандеву продлилось около двух часов, после чего незнакомец выпорхнул из подъезда абсолютно трезвый и уже без пакета. Громов пристроился к нему в «хвост» и, пользуясь тем, что мужик не соблюдал никаких законов конспирации, благополучно довел его до ближайшей автобусной остановки. И здесь Громова ждало неожиданное открытие. Вместо того чтобы терпеливо ждать автобус, незнакомец подошел к припаркованному на обочине «Мерседесу», открыл его родным ключом и спокойно уехал.

Все произошло так быстро, что Громов даже не успел запомнить номер автомобиля. Проклиная себя на чем свет стоит, сыщик бросился ловить частника, и ему улыбнулась удача. Мимо проезжал какой-то пенсионер, который никуда не спешил и согласился поучаствовать в погоне за иномаркой, прозванной в народе «меринком». Во время этой погони Громов впервые поймал себя на мысли, что человек, за которым он гнался, достоин того, чтобы к нему присмотреться повнимательней. Если вчера вечером, слушая рассуждения генеральской вдовы о подозрительных поступках нового Сашкиного приятеля, Громов все же относился к ним с изрядной долей скепсиса, считая их по большей части плодом воспаленной фантазии пожилой женщины, то теперь он сам убедился в правильности выводов

генеральши. Незнакомец действительно вел себя очень подозрительно. Взять хотя бы такой факт: вместо того чтобы подъехать к дому Сашки на собственном «мерсе», он оставил его в сотне метров от подъезда, явно не желая привлекать к своей персоне повышенное внимание.

«Положив незнакомца в адрес», то есть доведя до дверей его квартиры на Большой Полянке, Громов тут же отправился в местное отделение милиции, чтобы навести о нем все необходимые справки. И тут на поверхность всплыли еще более интересные детали. Как выяснилось, квартира на Полянке принадлежала пенсионерке Глафире Николаевне Ставрогиной, которая сдавала ее внаем. Она сообщила, что съемщиком квартиры является житель Воронежа Виктор Петрович Селуянов. Однако позвонив коллегам в Воронеж, Громов от них узнал, что В. П. Селуянов месяц назад скончался от рака и похоронен на одном из местных кладбищ. Далее коллеги сообщили еще одну важную деталь: незадолго до смерти покойный обращался в милицию с просьбой о том, чтобы ему восстановили паспорт, утерянный им несколько дней назад. То есть налицо был классический подлог, когда человек выдавал себя за другого и использовал чужие документы. Когда это выяснилось, было принято решение «воронежца» задержать.

В тот же день вместе с оперативниками из местного отделения милиции Громов наведлся в квартиру на Большой Полянке. Этот визит оказался настолько неожиданным для незнакомца, что он в первые мгновения потерял дар речи. Правда, чуть позже, когда опомнился, попытался качать права, но было слишком поздно. Громов обнаружил в его дипломате сразу три паспорта на разные фамилии, но на каждом из них красовалась фотография «воронежца».

В ходе дальнейших разбирательств выяснилось, что задержанным оказался квартирный аферист Луньков Игорь Семенович, уроженец города Нахичевань. За полтора года своей деятельности он успел кинуть в ряде городов России несколько человек. Действовал по одной и той же схеме Находил злоупотребляющих алкоголем граждан, входил к ним в доверие и раскручивал по полной программе. К примеру, незадолго до того как выйти на Сашку, он уже кинул одного москвича-алкоголика. Дело было так.

Луньков уговорил его обменять двухкомнатную квартиру на однокомнатную с доплатой. При этом все хлопоты по оформлению документов аферист обещал взять на себя. Алкаш согласился,

совершил обмен, однако никакой доплаты не получил — Луньков к тому времени благополучно исчез. Но история на этом не закончилась. Спустя некоторое время к алкашу заявился мужик, который сообщил, что именно он является настоящим хозяином этой однокомнатной квартиры. Мол, никому он ее не продавал, а всего лишь сдавал. Алкаш отправился по своему старому адресу, но и там его ждало разочарование — в его бывшей квартире жили посторонние люди, которые купили ее через риэлторскую фирму. Когда алкаш отправился качать права в домоуправление, ему показали документ, из которого явствовало, что он отныне прописан в Богом забытой деревне в Тверской области. Круг, как говорится, замкнулся.

Когда Сашка благодаря стараниям все той же Веры Михайловны узнал, от какой беды защитил его «мент с пятого этажа», его сердце дрогнуло. Отныне Громову суждено было стать Сашкиным корешом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тот стал захаживать к нему по два-три раза в неделю, а иногда и чаще. И самое удивительное, Громов вскоре поймал себя на мысли, что эти посещения были ему совершенно не в тягость. Почему? Во-первых, Сашка всегда приходил к нему трезвый, и во-вторых, Громов внезапно открыл для себя, что его сосед оказался не только весьма занятой личностью, но и интересным собеседником.

Несмотря на свое неполное среднее образование, Сашка отличался поразительной начитанностью и неумной тягой к поглощению все новой и новой информации. В отличие от того же Громова, сил и желания которого хватало всего лишь на то, чтобы прочитать раз в день «Московский комсомолец» и раз в месяц — «Совершенно секретно», Сашка поглощал каждый день по десятку самых разных газет и журналов. Причем ради этого дела ему пришлось пойти на определенные жертвы. Так как его скромной зарплаты рядового дворника едва хватало на то, чтобы сводить концы с концами, он ради любви к газетам закрутил роман с продавщицей из ближайшего газетного киоска. Поскольку Громов видел эту женщину, покупая у нее пару раз свои любимые газеты, то он по достоинству оценил подвиг Сашки, которому пришлось бросить свое достаточно молодое тело в объятия дамы бальзаковского возраста. Но ради ежедневного чтения любимых газет Сашка готов был пожертвовать и большим.

Общаясь с соседом, Громов получал заряд бодрости и кучу самой разной информации на целую неделю вперед. Сашка сообщал ему все: начиная от сплетен в эстрадной тусовке и заканчивая дебатами в Государственной Думе. Таким образом Громов, практически не читая газет, был в курсе всех последних событий, происходивших в стране. Но были в этой Сашкиной страсти и свои недостатки. Иногда прочитанное так увлекало его, что он начинал воспринимать действительность исключительно сквозь призму газетных строк. И тогда Громову приходилось нелегко. К примеру, в разгар дискуссий в прессе о роли и месте негласных агентов в работе органов правопорядка, Сашке втемяшилась в голову мысль о том, что в роли такого агента вполне мог бы выступить и он. В натуре это выглядело так.

Однажды вечером Сашка заявился в гости к сыщику и чуть ли не с порога огорошил его сообщением:

— Я хочу быть твоим агентом.

Несмотря на то что Громов в тот день чувствовал себя неважно — у него раскалывалась голова, — ему хватило выдержки отреагировать на просьбу друга с юмором:

— В смысле — шестеркой? Тогда почисти мне ботинки — я завтра с утра должен быть на приеме у начальника МУРа.

Но Сашка юмора не понял и на полном серьезе продолжал обсасывать ту же тему:

— Я понимаю твой скепсис, но ты даже не можешь себе представить, какую кучу ценной информации я могу через себя пропускать. Я же держу руку на пульсе всей округи. Ты только посчитай, с кем я общаюсь в течение дня. — И Сашка выставил вперед ладонь, собираясь загибать на ней пальцы. — Во-первых, дворники, во-вторых, алкаши, в-третьих, бабульки у подъездов, в-четвертых, Нюрка из киоска «Печать». И ты, как грамотный оперативник, просто не имеешь права разбрасываться такими кадрами. Я же рожден для работы в спецаппарате.

Последнюю фразу Сашка произнес с таким надрывом, что Громову стоило огромного труда, чтобы не рассмеяться во все горло. Ситуация в его понимании была абсурдной, но в то же время он видел, что Сашка относится к ней на полном серьезе. Поэтому следовало выйти из положения так, чтобы и себя не выставить в дурацком свете,

и соседа не обидеть. И Громов решил воздействовать на него, надавив на самую болезную мозоль — на его природное скупердяйство.

— Сашка, ты действительно ценный кадр, — сказал Громов, обнимая друга за плечи. — Но ты же лучше меня знаешь из газет, в каких трудных условиях вынуждены сегодня работать органы правопорядка. Ты так красиво загибал пальчики у себя на руке, что мне захотелось повторить это еще раз, но уже по иному поводу. Давай посчитаем, чего нам, ментам, сегодня не хватает. — И Громов с помощью корявых Сашкиных пальцев ударился в математические подсчеты. — Во-первых, транспорта, во-вторых, горючего для этого самого транспорта, в-третьих, средств связи, и в-четвертых, что самое главное — денег. Усек? Поэтому, если ты изъявил желание попасть в ментовский спецаппарат, ты должен ясно отдавать себе отчет в следующем: ты станешь работать на самом опасном участке фронта, но получать за это будешь исключительно грамоты. В силу того, что статья девятая милицейского бюджета, из которой производится оплата услуг негласным сотрудникам милиции, финансируется очень скудно, тебе придется жить согласно поговорке, пришедшей к нам с ударных строек коммунизма: «Хочешь жни, а хочешь куй, но все равно получишь...» Догадываешься, что? Скажи мне честно, Сашка, ты готов следовать этой поговорке?

Судя по тому, как Сашка начал жевать губами и прятать глаза, следовать этой поговорке он явно не желал. Рисковать собственной задницей и получать за это дулю не входило в его стратегические планы. Поэтому, высвобождаясь из объятий соседа, он мрачно произнес:

— Как же вы там в МУРе работаете?

— Вот так и работаем, Шурик, — почти на голом энтузиазме. Но ты не отчаивайся. Если мне понадобится от тебя какая-нибудь информашка, я обязательно к тебе обращусь. Причем не бесплатно. Зарплата у меня не ахти какая, но за хороший «слив» я денег не пожалею.

Этот разговор произошел около полугода назад. Но только теперь ситуация сложилась таким образом, что Громову позарез понадобилась Сашкина помощь в поиске бывшего футболиста Сергея Кадилина.

Сидя на кухне и давясь подгоревшими макаронами, Громов с минуты на минуту ждал прихода своего соседа с восьмого этажа. Но

тот почему-то не торопился, хотя в иные дни слетал на громовский этаж за считанные секунды. «Наверное, Нюрка не пускает», — догадался Громов о единственной причине, которая могла помешать Сашке метеором примчаться на его зов. По рассказам самого соседа, несмотря на свой бальзаковский возраст, киоскерша была женщиной темпераментной и в постели могла дать фору любой молодой. За пару лет своей работы в газетном киоске, читая глянцевого журналы и соответствующей направленности газеты, она сумела набраться такой сексуальной мудрости, что Сашка порой чувствовал себя перед ней младенцем. Благодаря ее стараниям даже Громов стал лучше разбираться в сексуальной терминологии и перестал путать овуляцию с эякуляцией.

Громов успел доест макарон и уже допивал чай, когда в дверь наконец позвонили. Это был Сашка. В неизменном спортивном костюме фирмы «Адидас», подаренном ему той же Нюркой на День защитника Отечества, он прошествовал в комнату и, впечатав свою задницу в кресло, устало произнес:

— Эта женщина сведет меня с ума! У меня на нее уже спермы не хватает. Еще повадилась, стерва, кричать во все горло, когда кончает. Я после ее воплей как солдат после бомбежки — ни фи́га не слышу.

— Ничего, я буду говорить громко, — успокоил приятеля Громов, усаживаясь напротив на диване. — Нужна твоя помощь. Ты ведь у нас болельщик со стажем, даже фанатствовал когда-то?

— Еще как фанатствовал! — ответил приятелю Сашка и мечтательно закатил глаза. — Да я, если хочешь знать, был одним из первых спартаковских фанатов. Причем я был из тех немногих, кто выезжал с командой на матчи в другие города в так называемых «мясных» поездах. Вот это были приключения. Денег на билеты у большинства из нас не было, так мы прятались на багажных полках. Мне тогда было лет четырнадцать, а верховодил нами пацан постарше — Рифат. Он работал, кажется, на почте и первым стал приносить на стадион полные коробки кассовой ленты и туалетной бумаги. В конце семидесятых только мы, спартаковские фанаты, устраивали на стадионе настоящие бумажные фейерверки.

— Но на саму игру у вас времени хватало? Или вы только тем и занимались, что бумажных змеев в небо пускали? — спросил у соседа Громов.

— Честно говоря, всякие попадались. Некоторым действительно все, что происходило на поле, было до лампочки. Им главное — ханки выжрать, да вволю наораться: «В Союзе нет еще пока команды лучше «Спартак». Но я лично всегда относился к знатокам футбола. Даже тетрабочки специальные вел, куда записывал все результаты, таблички чертил. Всех игроков не только по номерам знал, но и в лицо.

— И кто же был твоим кумиром?

— Ха, их было несколько. Первый — Жора Ярцев. Как же его обожали болельщики! Когда его взяли в «Спартак», ему было уже двадцать девять лет — возраст не совсем подходящий для успешного дебюта. Но Жора сделал невозможное — в 1978 году стал лучшим бомбардиром Союза!

Второй — Сергей Шавло, мы называли его Блондинчик. Он до «Спартак» играл в «Даугаве», бегал центрфорвардом, но им там были недовольны — забивал мало. Поэтому, когда Бесков пригласил его играть за «Спартак», Шавло отпустили с легкой душой. У нас же он стал играть хавбеком — то есть полузащитником — и заблистал во всей красе.

И наконец, третий, еще один хавбек, и тоже Сергей — Кадилин, или, как мы его называли, — Кадило. Этот все умел: был вынослив, быстр, обладал длинным точным пасом, к тому же умел играть как внизу, так и на «втором этаже».

— На каком этаже? — переспросил Сашку не искушенный в футбольной терминологии Громов.

— То есть хорошо играл головой. Вообще хавбеки, в отличие от тех же нападающих и защитников, должны уметь делать все. Не случайно они могут с успехом играть на любом месте в команде, а вот заменить их практически нечем. Мне вообще полузащитники нравятся больше всех других. А тебе?

— Мне, Сашка, больше всего нравятся пловчихи из синхронного плавания, — честно признался приятелю Громов. — Я когда их по телевизору вижу, у меня настроение поднимается. Однако не будем отвлекаться. Говорят, этот Кадилин затем плохо кончил?

— Честно говоря, я подробностей не знаю. Он ушел из команды в восемьдесят восьмом, когда я был в армии. Играл он тогда уже неважно.

— Я слышал, там какая-то неприятная история была с пенальти? — блеснул эрудицией Громов.

— Точно, была. В одной восьмой финала Кубка УЕФА «Спартак» играл с болгарским «Сваровски Ваккером». В первой игре выиграл — 1:0, а вот вторую слил — 0:2. И Кадило тогда не забил пенальти, который мог решить исход поединка. И он психологически сломался. И чего он пробивал этот пенальти, ведь никогда не был штатным пенальтистом?

— А что, в командах есть такие?

— Конечно, это же целая наука. В свое время в ЦСКА отменными пенальтистами были Гринин и Демин. Так вот они на тренировках только и делали, что отрабатывали удары по воротам с одиннадцатиметровой отметки. А вот великий Бобров за всю свою футбольную карьеру пенальти вообще не бил. Некоторые говорят, что он трусил — боялся потерять свое реноме в глазах болельщиков в случае неудачи. Только я уверен, что здесь было иное. Бобров считал гол, забитый с пенальти, ненастоящим. Он, между прочим, предлагал футбольным статистам не учитывать такие голы в зачетах лучших бомбардиров.

Что касается Кадилина, то он после того злополучного пенальти из «Спартака» вскоре ушел. Правда, в звании двукратного чемпиона Союза. Но в отличие от своих одноклубников, с кем он начинал в «Спартаке» в конце семидесятых, дальнейшая его судьба не сложилась. Сам посуди: Олег Романцев и Жора Ярцев стали тренерами в том же «Спартаке», Вагиз Хидиятуллин создал Профессиональный союз футболистов, Сергей Шавло играет в Австрии, Юрий Гаврилов играл в Молдавии, сейчас не знаю где, Сергей Родионов тренирует спартаковский дубль, Ринат Дасаев уехал играть в Испанию, да там и пропал — уже несколько лет о нем ни слуху ни духу. Правда, я считаю, что лучше пропасть в Испании, чем у нас. Что касается Кадилина, то он помыкался по другим командам и потом из футбола ушел. Где он теперь, я не знаю.

— Говорят, что он бомжует больше года.

— Если это правда, то я не удивлюсь. У нас народные артисты, в свое время ногами открывавшие двери во многие высокие кабинеты, жизнь под забором кончают, что уж говорить о футболистах. Взять того же Юрия Чеснокова, ровесника Кадилина. В семидесятых он

играл в ЦСКА, выступал за сборную, был включен как лучший бомбардир в клуб Григория Федотова. Его выбросили из команды в восемьдесят пятом году, когда ему было тридцать два года. Он потом шил сумки в каком-то кооперативе, был водилой у экс-чемпиона мира по борьбе, ставшего крутым бизнесменом. В начале девяностых погорел на акциях «МММ», продал трехкомнатную квартиру, машину, развелся. Короче, полный облом.

— Что поделаешь, как говаривали древние: «Каждому — свое», — мрачно резюмировал Громов. — Однако, как я понял, сегодня ты футболом уже не увлекаешься?

— Честно признаюсь, не шибко. Таблиц давно уже не веду, за играми слежу от случая к случаю.

— А с бывшими своими друзьями-фанатами ты отношения поддерживаешь?

— Практически нет. И вообще, в нынешнем фанатском движении такое творится, чего раньше никогда не было и быть не могло. У одного «Спартака» существует несколько группировок. Например, «Гладиаторы», «Флинт-крю», «Бутчеры», «Ультрас-хулиганы». Причем, несмотря на то что все группировки болеют за одну команду, отношения между ними прохладные. Правда, расхождения во взглядах чисто тактические. К примеру, «флинты» — они появились пару тройку лет назад на элитном филфаке МГУ — считаются националистами и не хотят, чтобы в «Спартаке» играли легионеры. «Гладиаторы» же, насколько я знаю, не любят «ветеранов» фанатского движения, не принимают их активного участия в бизнесе. В то же время у вечных соперников спартаковских фанатов наблюдается редкая сплоченность. Взять тех же «динамиков» или «коней».

— У спартаковских фанатов есть такой боец по прозвищу Хома примерно твоего возраста. Тебе это прозвище ничего не говорит? — задал Громов вопрос, который давно вертелся у него на языке.

Судя по всему, вопрос застал Сашку врасплох. Его редкие брови сошлись на переносице, нижняя губа выступила вперед. Наконец он произнес:

— В былые годы я о таком не слышал. Но я же тебе говорил, что меня больше статистика привлекала. Поэтому всех фанатов по кликухам я, естественно, не знал.

— А теперь узнать можешь? У тебя ведь наверняка остались старые дружки, с кем ты когда-то мотался в «мясных» поездах?

— Дружки, конечно, остались, только я их лет сто уже не видел. Хотя нет, год назад на «Горбушке» случайно встретился с Листратом. Он до сих пор фанатствует, хотя женился давно и дочь уже взрослая. У него папаша академиком был. Из той ментовской, о которой я говорил, именно его папаша нас вытаскивал. Так вот, на «Горбушке» мы с ним добрый час проговорили, все вспоминали былые годы. Он мне даже свой телефон продиктовал.

— И ты, конечно, ту бумажку выкинул? — спросил Громов, мало надеясь на положительный ответ. Но он ошибся.

— Почему же? Я к своим бумажкам бережно отношусь. Телефончик тот в моей записной книжке лежит.

— В таком случае, Сашка, ты — золото. Я вообще поражаюсь твоим способностям. Несколько лет назад ты за бутылку водки из дома чуть ли не все носильные вещи вынес. Однако ни одной книжки, а также журналы, бережно собранные твоим батей еще с пятидесятых годов, не тронул. Тебе надо бы в книжном архиве работать, цены бы тебе не было.

— Да мне и при Нюрке неплохо, — ответил на похвалу друга Сашка. — В каком архиве я смогу так удачно совмещать приятное с полезным: и бабу трахать, и газетки почитывать? Не жизнь — малина. Но хватит о бабах. Когда тебе надо Хому разыскать?

— Чем раньше, тем лучше. Найдешь его завтра — получишь денежную премию и милицейскую фуражку в придачу.

— А фуражку зачем? — не понял юмора Сашка.

— Для Нюрки. Если будешь ее в фуражке трахать, она громко кричать не станет — испугается.

ЗАСАДА

После встречи с дочерью Кадилин решил отправиться к своему единственному на сегодняшний день проверенному другу — Якову Самарцеву. Тот жил недалеко от Киевского вокзала в небольшой однокомнатной квартире на шестом этаже девятиэтажной новостройки. Это было единственное место, где Кадилин чувствовал себя более или менее спокойно, где мог привести себя в порядок и по-настоящему отдохнуть. Была бы такая возможность, он бы вообще не покидал пределов Яшиной квартиры, но такой возможности у него не было. Хозяева Яши очень ревниво относились к знакомствам своего «раба» и весьма недвусмысленно намекали футболисту на то, чтобы он прекратил ходить в эту квартиру. И Кадилин внял этим советам — уйдя несколько дней назад от Яши, он дал себе слово никогда больше туда не являться. Однако обстоятельства сложились таким образом, что ему это слово пришлось нарушить. После того, что произошло сегодня утром на чердаке, он почувствовал настоятельную потребность хотя бы на пару дней спрятаться от посторонних глаз. «Мне надо переждать всего лишь два-три дня, а там, глядишь, Хома подыщет мне работу и устроит куда-нибудь на жительство», — тешил себя призрачной надеждой футболист.

Судьба свела его с Яшей примерно год назад. Кадилин в тот день шлялся без дела по городу и случайно оказался на Киевском вокзале. Возле подземного перехода он внезапно заметил, как двое нетрезвых мужиков пристают к одноногому инвалиду, собирающему милостыню. Судя по репликам, которые доносились до Кадилина, мужики старались выяснить у инвалида, в каком именно месте Афганистана тот воевал (инвалид был одет в униформу «афганца» — камуфляжную куртку и тельняшку). Видимо, ответы инвалида мужиков не удовлетворили, и они принялись его избивать. Кадилин решил вмешаться.

Мужики были примерно одного с ним возраста, однако на стороне футболиста было несколько преимуществ. Во-первых, он когда-то был спортсменом и кое-какая сила в нем еще сохранилась, а во-вторых, мужики были слишком пьяными для того, чтобы грамотно вести

уличный бой. Короче, Кадилин довольно быстро уложил на асфальт обоих, подхватил инвалида под руку и увел его с места побоища. Примерно через десять минут они уже сидели на продавленном диване в квартире инвалида и Кадилин внимательно слушал полную горечи историю Яши Самарцева.

Как оказалось, мужики были правы — никаким «афганцем» он не был и всю свою жизнь прожил в Москве. Единственный раз в жизни в десятилетнем возрасте он съездил к бабушке в деревню, и впечатлений от этой поездки ему с лихвой хватило на всю жизнь. Буквально на второй день после приезда в результате нелепой случайности он угодил под сенокосилку. В итоге глупая машина оттяпала ему ноги. До начала девяностых Яша жил в этой однокомнатной квартире вместе с матерью. Жили, надо сказать, небогато. Их доход состоял из двух заработков: скромной материнской пенсии и Яшиной зарплаты в кооперативе инвалидов. Но затем кооператив закрылся и Яше пришлось выполнять работу на дому — он собирал розетки, выключатели. Так продолжалось примерно год. Потом мать Яши умерла и в его жизни наступила сплошная черная полоса. Однажды он изготовил большую партию товара, отдал ее на реализацию некоей частной фирме, а та его кинула — забрала товар и исчезла. Яша остался без гроша в кармане и после нескольких дней голодного существования вынужден был пойти попрошайничать. Тогда он еще не знал, что практически весь бизнес попрошаек в Москве прибрала к рукам мафия. И это ему дорого обошлось.

Уже на второй день к Яше подошли двое крепких молодых парней и предложили работать на них. Тот по своей наивности отказался, за что тут же был избит парнями. Закончив экзекуцию, они отобрали у него паспорт, пенсионное удостоверение и заявили, что вернут документы только в том случае, если он отработает для них определенную сумму. Яша был настолько запуган, что согласился выполнить их требования. Так он стал «рабом», одним из тех сотен калек, которые вынуждены были под видом инвалидов афганской и чеченской войн просить милостыню на вокзалах, в метро и на площадях города.

К моменту знакомства с футболистом Яша уже более полугода работал на тех парней, сумел приноровиться к этому бизнесу и набрался кое-какого ума-разума. К примеру, он знал, что за спиной тех

парней, что отобрали у него документы, стоит некий цыган из Молдавии, объединивший под своим крылом несколько сотен столичных попрошаек. И что «нищий» бизнес в столице входит в число одних из самых доходных. Сердобольные москвичи, бросающие свои кровные рубли в грязные пакеты и кепки попрошаек, даже не догадываются, в какие золотые реки выливаются затем эти денежные ручейки. И львиная доля этих денег, минуя руки попрошаек, попадает к теневым воротилам, которые и держат в руках этот весьма доходный промысел.

Когда «нищий» бизнес только начинался, мафия вполне обходилась калеками из числа москвичей. Однако, когда работоторговцы раскусили, какие деньги можно на этом деле заработать, началась настоящая охота за калеками по всему СНГ. Специальные эмиссары из столицы отправлялись в дома-интернаты для инвалидов, где с помощью подкупа либо хитростью, представляясь сотрудниками благотворительных фондов, забирали с собой калек. В Москве же этих бедолаг селили в специально снимаемых коммунальных квартирах или общежитиях и с помощью угроз заставляли работать на паперти. Чтобы не быть однажды найденными где-нибудь на свалке с перерезанным горлом, большинство таких «рабов» вынуждены были беспрекословно выполнять все требования своих хозяев.

В отличие от большинства своих собратьев по несчастью, которые оказались оторванными от своих родных мест, Яше было чуть легче. Во-первых, у него была своя отдельная квартира, во-вторых, располагалась она в десяти минутах ходьбы от места, где ему приходилось работать. Хотя по большому счету это благополучие было относительным. В последнее время его хозяева все чаще напоминали Яше о том, что квартира принадлежит ему только номинально. В любой момент они могли ее отнять и либо выкинуть его на улицу, либо поселить где-нибудь в коммуналке вместе с десятком таких же, как он, калек-попрошаек. И Яша очень сильно этого боялся. Поэтому, чтобы оттянуть возможность такого исхода, он работал на хозяев как проклятый, зарабатывал больше иных своих коллег и готов был не задумываясь выполнять любые их требования. Он прекрасно понимал, что в этой новой действительности цена жизни любого добропорядочного человека равна копейке, чего уж говорить о безногом инвалиде.

Принимая решение отправиться к приятелю-инвалиду, Кадилин не собирался добираться до его дома пешком. Причем отнюдь не потому, что расстояние было неблизким. За долгие месяцы своих странствий он намотал достаточное количество километров, чтобы не бояться очередного многокилометрового маршрута. Просто теперь ситуация изменилась: во-первых, он не хотел лишний раз попадаться на глаза милиции, а во-вторых, у него в кармане лежали деньги дочери, и, значит, он вполне мог расплатиться за проезд. Поэтому, смело войдя в троллейбус, Кадилин купил у водителя билет, прокомпостировал его и занял законное место возле окна.

Было около двух часов дня, и Кадилин прекрасно знал, что его приятеля наверняка нет дома. В это время Яша всегда сидел возле подземного перехода недалеко от вокзала и собирал милостыню у прохожих. Но Кадилина это не пугало. Он знал, где Яша хранил ключ от своей квартиры — в электрощитке рядом с входом в квартиру. Если за эти несколько дней ничего не произошло, ключ должен был лежать на прежнем месте. Так оно и оказалось. Кадилин достал из тайника ключ и открыл им дверь.

За те несколько дней, пока он отсутствовал, в квартире практически ничего не изменилось. Разве что бутылок из-под пива и вина стало значительно больше. А так все оставалось по-старому. В дальнем углу комнаты стоял продавленный диван, у другой стены — стол без скатерти, а на тумбочке в углу возвышался телевизор «Рекорд» с дышащей на ладан трубкой. То же убожество царило и на кухне, где кроме стола на качающихся ножках, холодильника и пары табуреток ничего больше не было. Открыв холодильник, Кадилин обнаружил, что он совершенно пуст, и смачно выругался, причем не по адресу хозяина квартиры, а в свой собственный. Имея в кармане деньги, заботливо собранные его дочерью, он даже не додумался купить по дороге каких-нибудь продуктов. Идти же теперь в магазин ему не хотелось. «Ладно, сначала приму ванну, а вечером сгоняю в ближайшую палатку — куплю выпивки и закуски», — успокоил себя футболист.

Пока ванна наполнялась, он вернулся в комнату и включил телевизор. По одной из программ показывали новости, и он надеялся, что в них упомянут о сегодняшнем убийстве на Земляном Валу. «Хотя почем я знаю, что там кого-то грохнули? — резонно предположил

Кадилин. — Вдруг этот мудака промахнулся или ранил свою жертву? А если и грохнул, кому надо трубить об этом по «ящику»?»

Кадилин еще пару раз щелкнул переключателем каналов, однако, не заинтересовавшись ни одной из программ, в конце концов выключил телевизор. Затем он разделся, сложил одежду на столе и отправился мыться.

Кадилин отмокал в наполненной до краев ванне примерно полчаса. В былые годы он любил такие процедуры и частенько баловал себя ими. Однако еще больше он любил коллективные походы в баню, когда они чуть ли не всей командой заваливались в Сандуны и парились, что называется, до опупения. Прошло вот уже больше десяти лет, как он последний раз посещал эти знаменитые бани, однако его память до сих пор хранила даже мельчайшие детали того дня.

Говорят, в Сандунах с тех пор мало что изменилось. Те же кожаные диваны, мягкий свет хрустальных светильников, сверкающие зеркала. Наверняка и мойщики остались те же, которых Кадилин помнил еще с начала восьмидесятых. Сам он всегда пользовался услугами только одного мойщика — дяди Леша, который начинал свою карьеру в Сандунах еще при «вожде всех народов». В его руках Кадилин обретал чуть ли не вторую жизнь, легко восстанавливался даже после самого тяжелого матча. Особенно он любил «березовую терапию» — когда дядя Леша охаживал его по всему телу березовым веником. Именно в Сандунах Кадилин убедился в том, что каждой веник имеет свой эффект воздействия. Тот же березовый прекрасно снимал боли в мышцах и суставах, очищал кожу и заживлял раны. А ран у Кадилина было предостаточно. Особенно сильно доставалось его ногам, поскольку он редко надевал на них щитки, считая, что ноге так легче работать с мячом. Доставалось ему и от вратарей, многие из которых использовали в игре запрещенные приемы, которые судья обычно не замечал. К примеру, бросается вратарь в борьбу за верхний мяч, одной рукой тянется к нему, а второй, исподтишка, бьет настырного игрока. Один такой «ловила» однажды так саданул Кадилина в солнечное сплетение, что он минут двадцать приходил в себя, лежа на газоне за кромкой поля.

Но подобные травмы были в порядке вещей, и большинство игроков относилось к ним как к само собой разумеющимся. Куда

страшнее были другие — тот же надрыв мениска, к примеру. Иные игроки, не достигшие еще пенсионного возраста в футболе, вынуждены были завязывать с игрой именно из-за проблем с мениском. Кадилину в этом смысле повезло — мениск ему вырезали всего лишь однажды. Причем эту операцию делала знаменитый на всю страну врач Зоя Сергеевна Миронова. Уже на третий день после операции она пришла во второе отделение ЦИТО, где лежал Кадилин, и заставила его встать и пройтись по палате.

А через месяц он уже всю тренировался на базе «Спартака» в Тарасовке.

Так, за неспешными воспоминаниями о былом, Кадилин пролежал в ванне около получаса. Когда вода окончательно остыла, он спустил ее, ополоснулся под душем и вернулся в комнату. Вытираться висящим в ванной единственным полотенцем, предназначенным для рук, Кадилин посчитал делом неэтичным, поэтому решил обсохнуть, стоя у окна. В это время суток двор был почти пуст. Только на детской площадке трое пацанов десяти-одиннадцати лет сидели на перекошенной карусели и проводили время в никчемных разговорах. Рядом был пустырь, на котором при желании можно было вволю порезвиться с мячом, однако пацанам эта мысль, видимо, даже не приходила в голову. То ли у них не было мяча, то ли футбол им был до лампочки. И Кадилин вспомнил, каким насыщенным было его детство в таком же возрасте.

Он жил на окраине Свердловска, и целыми днями они с пацанами только и делали, что играли в разные игры. И ведь какие игры тогда были: лапта, штандер, салочки, «чиж», тот же футбол. Именно в дворовых футбольных баталиях и закалялись все будущие звезды отечественного футбола, там происходило их рождение. И тренерам профессиональных команд, куда затем попадали эти звезды, приходилось всего лишь шлифовать их талант, потому что самое главное — удар, обводка, умение бороться за мяч — у дворовых футболистов уже было.

Что касается Кадилина, то он уже в семь лет показывал неплохие результаты в дворовых матчах, и взрослые пацаны брали его с собой на игры с другими дворами. Правда, был у него один недостаток, который присущ большинству дворовых гениев футбола, — он любил водить мяч в одиночку и в редких случаях пасовал партнерам. Однако

этот недостаток Кадилин с лихвой компенсировал результативной игрой, заколачивая по три-четыре мяча в ворота соперников. Не изменил он своим привычкам и тогда, когда попал в детскую спортивную школу. Но ему повезло с тренером. Тот ценил в нем прежде всего хорошего технаря и никогда не требовал от него усердия в коллективной игре. Нравится тебе водить — води, но только результат — гол — вынь да положь. И Кадилин оправдывал надежды тренера, практически никогда не уходя с поля без забитого мяча, а то и двух-трех.

Между тем в конце семидесятых, когда Кадилина пригласили в «Спартак», ему пришлось во многом учиться играть заново. Ведь Бесков взял его в команду с условием, что он из нападения перейдет в полузащиту. А это уже иная манера игры, и игроку, чтобы перестроиться, необходимо определенное время. Поэтому свой первый сезон в «Спартаке» он отыграл вприглядку, привыкая к новой для себя роли хавбека. Зато второй сезон стал его звездным часом. И хотя «Спартак» в том году был лишь вторым, однако игра Кадилина была отмечена многими. Про него писали, что он блестяще справился с обязанностями «хава» — внезапно, как уколы, забивал голы и тут же возвращался во вторую линию атаки.

Давно уже ушли со двора те трое пацанов, которые заставили Кадилина вспомнить свое детство, а он все еще стоял у окна и смотрел на детскую площадку. Из глубокой задумчивости его вывела мелодичная трель дверного звонка. Вспомнив, что он стоит посреди комнаты абсолютно голый, Кадилин бросился к столу, где была аккуратно сложена его одежда, и стал лихорадочно одеваться. Пока он это делал, звонок продолжал надрывно звенеть и футболист, чертыхаясь и путаясь в одежде, пытался сообразить, какому же хрену понадобилось в такое время навещать Яшину квартиру.

Нежданным гостем оказался человек, которого Кадилин меньше всего хотел бы видеть — двадцатидвухлетний парень по кличке Фантик. Этот невзрачный молодой человек с гнилыми зубами и заячьей губой вызывал у футболиста наибольшее отвращение из всех Яшиных хозяев. Несмотря на молодость, Фантик отличался патологической жестокостью к тем, кто был слабее его и не мог дать ему достойного отпора в силу зависимого положения. Поскольку самого Фантика хозяева гоняли в три шеи, он старался вымещать свое

зло на тех людях, кто в силу различных обстоятельств вынужден был находиться у него в подчинении. Вот и на этот раз он привел в квартиру Яши молодую женщину, которая должна была заплатить собственным телом за место на вокзальном рынке. Фантик втолкнул ее в квартиру, сам вошел следом и закрыл дверь. Его и без того несимпатичное лицо было перекошено гримасой злобы. Чтобы не встречаться с ним взглядом, Кадилин отвернулся.

— Ты чего морду воротить, сука? — прошипел Фантик и, толкая футболиста руками в грудь, заставил его пройти в комнату. — Ключ забрал, закрылся. Я же тебе, падла, говорил, чтобы ты навсегда забыл сюда дорогу. А ты опять приперся. Тебе что, одного предупреждения мало?

Кадилин молчал, наученный горьким опытом предыдущих общений с этим подонком. Перечить ему не имело смысла, поскольку это только поднимало в парне новую волну злобы. Эта тактика возымела успех и на этот раз. Фантик постепенно остыл, тем более рядом стояла молодая, пышущая здоровьем женщина, скорое общение с которой обещало ему немедленное снятие стресса. Увидев, как она мнетя в углу, парень схватил ее за локоть и подтолкнул к дивану:

— Чего вылупилась? Живо раздевайся!

И женщина покорно стала снимать с себя одежду. Фантик вновь перевел взгляд на Кадилина:

— Ладно, не ссы, я сегодня добрый. Можешь остаться до завтра, тем более что скоро дорога сюда тебе будет заказана. Твой Яша переедет на другую хату. А эту мы используем по своему усмотрению. — И Фантик сопроводил свои слова громким смехом.

Кадилин глядел в его наглое лицо и в течение нескольких секунд боролся с искушением вмазать по нему кулаком. Однако он сумел побороть это чувство, справедливо посчитав, что такой поступок только усложнит его и без того тяжелое положение.

Между тем женщина скинула с себя всю одежду и теперь стояла совершенно обнаженная, прикрывая одной рукой грудь, а другой — низ живота. Фантик, не обращая больше внимания на Кадилина, подошел к ней и, грубо схватив за плечи, заставил повернуться к нему спиной и нагнуться. Затем он стал расстегивать пуговицы на ширинке, при этом он пару раз ругнулся матом.

— Расслабься, дура! — прорычал он женщине. — И ноги раздвинь шире!

Женщина безропотно исполнила его команду. Через секунду Фантик блаженно запыхтел и усердно заработал бедрами.

Чтобы не видеть того, что будет дальше, Кадилин ушел на кухню и закрыл дверь. Однако полностью изолировать себя от происходящего ему не удалось — то, что Фантик проделывал с женщиной в комнате, было понятно по отдельным репликам и надрывным всхлипам. И в течение нескольких минут Кадилин вынужден был слушать всю эту какофонию. Наконец в комнате угомонились, а еще через пару минут в кухню зашел и сам Фантик. С его лица спало напряжение, и он, улыбаясь, скалил зубы.

— Ты здесь случайно не драчишь? — спросил он у Кадилина и сопроводил свою шутку лошадиным ржанием. — А то могу уступить бабу. Хороша телка, особенно сзади. Ну, чего молчишь?

— Спасибо, обойдусь, — ответил Кадилин.

— Ну и правильно. Я бы тебе все равно ее не дал. Ты ведь раньше за «Спартак» играл? А я «спартачей» на дух не переношу.

Фантик подошел к холодильнику, открыл дверцу, но убедившись, что тот пуст, со всей злости стукнул по нему кулаком.

— Блин, даже выпить в этой ебаной халупе нечего. Нет, уроды, вас надо либо уничтожать, либо дрючить до посинения. Передашь одноногому, чтобы завтра с утра готовился к переезду. Я зайду часам к девяти. Ты меня понял?

Кадилин кивнул. После этого Фантик покинул кухню, а еще через минуту футболист услышал, как с шумом захлопнулась входная дверь. Вернувшись в комнату, он упал на диван и уже через минуту спал тревожным сном человека, привыкшего просыпаться при малейшем подозрительном шуме.

Как ни странно, но в течение последующих семи часов в квартиру одноногого Яши больше никто не ломился. И только в первом часу ночи в дверь наконец позвонили, и Кадилин по характерному звонку узнал, что за дверью томится его приятель. Несмотря на то что виделись они всего несколько дней назад, их новая встреча была теплой. Они обнялись на пороге и простояли в такой позе несколько секунд. Затем они прошли в квартиру, где Яша бросил свой костыль в

угол, а сам опустился на диван. Кадилину, за неимением стула, пришлось примостить свою задницу на краешке стола.

— Как я рад, Серега, что ты вернулся, — расплываясь в улыбке, сказал Яша. — Ты давно здесь? Почему не подошел к вокзалу? Хотя правильно сделал — я сегодня работал в другом месте, а потом почти полдня сидел у Мишки Цума-на. А я ведь о тебе сегодня вспоминал. Утром на работу собирался и думал: вдруг сегодня Серега придет? И надо же — угадал. Ты бы не уходил от меня больше, а?

— Яша, ты же знаешь, почему я не могу здесь жить постоянно. Твои хозяева меня буквально достали. Кстати, сегодня приходил Фантик и сообщил плохую новость. Кажется, завтра тебя перевезут на другую квартиру.

После этих слов улыбка сползла с лица инвалида и он откровенно загрустил. Несмотря на то что неожиданной эту новость назвать было нельзя — Яша втайне давно готовился к такому повороту событий, — однако, когда он услышал от Кадилина о конкретных сроках переезда, его это ошеломило. Видя, что приятель загрустил, Кадилин, как мог, попытался его успокоить.

— Переезд, конечно, дело скверное, но раньше времени все же отчаиваться не стоит. Ты хотя бы знаешь, где тебе предстоит жить?

— В какой-то коммуналке у Рижского вокзала.

— Если коммуналка, значит, жить будешь не один. И то не плохо — все же в коллективе.

— Уж больно коллектив убогий, — с тоской в голосе изрек Яша.

Чувствуя, что уговорами друга не расшевелить, Кадилин решил прибегнуть к самому испытанному способу. Вытащив из кармана мятые купюры, он показал их Яше и сказал:

— Давай зальем тоску водярой.

При виде денег лицо инвалида мгновенно преобразилось — по губам вновь забегала улыбка, глаза заблестели.

— Откуда бабки?

— Дочь дала. Правда, наказала не пить, но ради такого случая придется нарушить данное ей слово. Ну как, я сбегаю?

Яша утвердительно кивнул. Кадилин же только этого и ждал. Он соскочил со стола, накинул на плечи пиджак, лежавший на спинке дивана, и отправился за бутылкой.

До ближайшей палатки, расположенной у Киевского вокзала, было минут десять быстрого хода. Когда Кадилин выбежал из подъезда и свернул за угол, он заметил, как во двор въезжали два автомобиля: «девятка» и «Мерседес». За рулем обеих машин сидели какие-то парни, лиц которых футболист в темноте не различил. Разглядывать же их пристально времени у него не было — он торопился обернуться как можно быстрее, прекрасно понимая, как «горят трубы» у его приятеля. Поэтому он пробежал в стороне от автомобилей, даже не повернув к ним головы. Те же проехали еще несколько метров и остановились напротив подъезда, из которого несколько секунд назад выбежал футболист. Из машин вышли несколько парней, одним из которых был Фантик.

Купив в палатке полиэтиленовый пакет, Кадилин почти доверху набил его простой, но привычной снедью и питьем. В пакете, кроме двух бутылок водки, лежали: банка шпрот, несколько плавленых сырков, бутылка газировки, кекс и пара «Сникерсов». Опасаясь, что хлипкие ручки пакета не выдержат тяжести покупки, Кадилин сунул его под мышку, а в левую руку взял бутылку водки и что было сил пустился в обратный путь. Когда он подбегал к подъезду, его внимание привлекли все те же два автомобиля, которые стояли недалеко от Яшиного подъезда. Салон одного из них — «девятки» — был пуст, а в «Мерседесе» сидел незнакомый Кадили-ну парень. Однако футболист не почувствовал никакой опасности и смело шагнул в подъезд.

Нехорошее предчувствие шевельнулось в нем лишь в тот миг, когда он выходил из лифта. Он сразу заметил, что дверь в Яшину квартиру приоткрыта, хотя он прекрасно помнил, что захлопнул ее на замок. Терзаемый смутными догадками, он толкнул дверь и прошел в комнату. То, что он увидел там, заставило его содрогнуться. На полу возле дивана с ножом в груди лежал Яша. Его остекленевшие глаза смотрели в потолок, на губах застыла гримаса ужаса.

— Здорово, футболист, — услышал Кадилин чей-то баритон и наконец отвел глаза от убитого друга.

Возле окна стоял широкоплечий парень в синей ветровке и с нескрываемым презрением смотрел ему в глаза. Такое же презрение читалось во взглядах двух других гостей: хорошо известного Кадилину Фантика и коротко стриженного незнакомца, стоявшего возле стола. Парень в ветровке между тем продолжал:

— Будешь хорошо себя вести, останешься живым и невредимым. Твой дружок стал залупаться, вот и пришлось его осадить. А своих мы не трогаем — сами спортсмены. Ты за какую команду играл?

— Да он спартаковец гребаный, — ответил вместо Кадилина Фантик и сопроводил свои слова гомерическим хохотом. Этот смех окончательно привел футболиста в чувство. Огромная волна ненависти к этим людям поднялась в нем, в сознании стремительно пронеслись картины недавнего прошлого: человек со шрамом на чердаке, кованые ботинки контролеров в троллейбусе, наглая рожа нынешнего хахаля его бывшей супруги и, наконец, застывшее в смертельной гримасе лицо его единственного друга Яши.

Все, что произошло дальше, заняло у Кадилина всего лишь несколько секунд. Бросив на пол пакет с продуктами, он перехватил в правую руку бутылку водки и со всего размаха ударил по голове стоявшего рядом с ним Фантика. Застигнутый врасплох этим движением, тот не успел пригнуться, и удар пришелся ему точно в висок. Ойкнув и взмахнув руками, подонок отлетел к стене и медленно сполз по ней на пол.

Тут же на Кадилина бросился коротко стриженный парень, но Сергей ждал этого рывка и успел к нему подготовиться. Причем здесь емугодились его футбольные навыки. Перенеся упор на левую ногу, он заученным движением впечатал правую стопу между ног нападавшему так, будто бил по мячу. Несмотря на то что в последнюю секунду парень все же успел среагировать и сдвинул ноги, удар бывшего футболиста все равно достиг цели и болевой шок вырубил парня на несколько минут.

Этих минут Кадилину вполне хватило, чтобы расправиться и с третьим противником. Все это время тот стоял возле окна и безучастно наблюдал за происходящим, видимо уверенный, что его шестеркам удастся совладать с жалким и опустившимся бомжом. Но все получилось иначе. Вошедший в азарт Кадилилин с громким криком: «Спартак — чемпион!» — врезался в парня и сильным толчком двумя руками в грудь опрокинул его в окно. Раздался звон разбитого стекла, и парень в ветровке полетел вниз.

Расправившись с последним противником, Кадилилин, все еще тяжело дыша, оглядел место побоища. В углу комнаты лежал бездыханный Фантик, коротко стриженный, припав на одно колено,

стонал неподалеку. Путь к спасению был открыт, но Кадилину надо было отдышаться. За те несколько лет, что он прожил вне спорта, его дыхалка была уже ни к черту. Внезапно внизу хлопнула дверца автомобиля, и футболист вспомнил про парня, оставшегося в «Мерседесе». Учитывая то, что тот мог быть вооружен оружием посерьезнее, чем его приятели, встреча с ним была для Кадилина нежелательной. Поэтому, не теряя больше ни секунды, он выскочил из квартиры и нажал на кнопку лифта. На счастье, тот оказался на его этаже, и это дало Кадилину фору в несколько драгоценных минут. Пока водила преодолевал расстояние до шестого этажа на своих двоих, пока он с ужасом взирал на результаты побоища в Яшиной квартире, футболист успел благополучно выскочить из подъезда.

Пробегая мимо двух пустых автомашин, оставленных братками, он заметил в «девятке» торчащий в замке зажигания ключ. «Глупо не воспользоваться счастливой возможностью оторваться от этих ублюдков на их же транспорте», — резонно решил Кадилин и запрыгнул в машину. Шесть лет, с тех пор как он продал свою «семерку», он не сидел за рулем автомобиля. Страстным автолюбителем он никогда не был, но водилой слыл грамотным. Вот и теперь, несмотря на долгий перерыв в вождении, он легко восстановил в памяти все коронные приемы, отработанные им еще на его «семерке». В частности, «полицейский разворот», которому его обучил многолетний водила «Спартака» Матвейч.

Дав задний ход, Кадилин проехал на скорости несколько метров, после чего резко вывернул руль вправо и, в тот момент когда автомобиль стал выворачиваться, перешел с задней передачи на первую и ударил по газам. Автомобиль рванул со двора, но прежде чем это произошло, Кадилин заметил в зеркальце, как из освещенного подъезда на улицу выбежали двое преследователей и бросились к «Мерседесу». «Стриженный все-таки оклемался», — догадался Кадилин и пожалел, что не долбанул парня для верности той же бутылкой по голове. Теперь из-за его досадной оплошности численный перевес вновь был на стороне противника. Приходилось полагаться только на везение и на то, что бензина в «девятке» хватит для того, чтобы оторваться от преследователей.

Кадилин плохо знал места, по которым ему приходилось убегать от погони, поэтому гнал практически наугад. Он плутал по каким-то

темным улицам и переулкам, пытаясь выскочить на оживленную трассу, но ему это не удавалось. А машина с преследователями держалась на почтительном расстоянии и не отставала. Чтобы сбросить ее с «хвоста», требовалось применить какой-нибудь хитрый трюк, но ничего путного Кадилину в голову не приходило. В какой-то момент ему показалось, что самым надежным способом в создавшейся ситуации может быть один — бросить автомобиль в каком-нибудь дворе, а самому попытаться прорваться на своих двоих. Кадилилин стал искать удобное место для такого маневра и тут увидел впереди огни оживленной трассы. Он ударил по газам и уже через минуту оказался на Кутузовском проспекте. А дальше все решил Его Величество Случай. В последнюю секунду успев проскочить на красный свет светофора, Кадилилин проехал метров сто, затем свернул в какой-то переулок и, проскочив его на предельной скорости, заехал в ближайший полутемный двор. Здесь он заглушил мотор, погасил свет и стал внимательно вглядываться в заднее стекло. Прошло пять томительных минут, однако «мерин» с преследователями так и не объявился. И только тогда Кадилилин понял, что от погони он все-таки оторвался.

День второй

НА МЕСТЕ УБИЙСТВА

После утренней оперативки, которая прошла как обычно споро и деловито, Громов на несколько минут задержался в кабинете Петровича. Когда все сотрудники вышли, он положил на стол шефа ориентировку на Кадилина с тем, чтобы тот поставил на ней свою подпись. Петрович взял в руки документ и внимательно с ним ознакомился. Затем постучал по наклеенной на бумагу фотографии футболиста и спросил:

— Сколько лет этому портрету?

— Около десяти, — ответил Громов.

— Гиблое дело, — мрачно резюмировал Петрович. — Оригинал за эти годы наверняка сильно изменился. На фотографии он в зените славы, радуется жизни, а нынче, как ты говоришь, бомжует. Сделать бы его версионный портрет, было бы другое дело.

— Кто же его сделает? — удивился Громов. — Это на загнивающем Западе в полицейских управлениях художники работают, а у нас — кукиш. Кстати, надо у индийских копов поинтересоваться, как они с подобными делами управляются.

— Я тебе спрошу, — грозно нахмурил брови Петрович. — Ты лучше скажи мне — бабу свою грудастую убрал?

— Угу, — пробурчал Громов, а сам с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться. За десять минут до оперативки он действительно снял заморскую красавицу со стены, а на ее место водрузил портрет бывшего премьер-министра Индии Индиры Ганди.

— Гляди, я ведь проверю, — погрозил Громову пальцем шеф и вновь склонился над ориентировкой.

Наконец, поставив на ней свой заковыристый автограф, Петрович протянул документ Громову и сказал:

— Можно для солидности поставить еще подпись заместителя начальника МУРа.

Но Громов в ответ небрежно махнул рукой.

— Не надо. Во-первых, времени сколько уйдет, пока эту подпись раздобудешь, а во-вторых, толку от нее — сами знаете. Мы новое общество строим, в котором всем все до лампочки.

Петрович в ответ кивнул, видимо, целиком и полностью соглашаясь с невеселым выводом своего подчиненного. Он был прекрасно осведомлен, как работают «на земле» с ориентировками, идущими из главка. Лет десять назад, когда органы внутренних дел работали в слаженном режиме, шансов отыскать в многомиллионном городе человека было девяносто из ста. Теперь они были равны нулю, разве что какая-нибудь случайность порой не приводила к положительному результату. Вот на такую случайность в глубине души Громов и надеялся. Хотя по большому счету всегда был приверженцем железного постулата: хорошего опера ноги кормят.

После того как Громов отнес ориентировку в канцелярию, он собирался возобновить прерванные вчера вечером поиски участкового из 123-го отделения, однако внезапная встреча в коридоре управления с опером из 6-го отдела, специализирующегося на борьбе с незаконным оборотом оружия и взрывами, Николаем Яковенко внесла неожиданные коррективы в его планы. В коротком разговоре с ним Громов узнал, что необходимый ему человек из 6-го отдела — Павел Шкляревский, которого он хотел подробно расспросить о «черных следопытах», в данный момент торчит на своем рабочем месте, и решил немедленно его навестить. Таким образом поиски участкового вновь пришлось на время отложить. В тот момент Громов еще не знал, что буквально в эти минуты дежурный 123-го отделения милиции настойчиво накручивал диск телефона, с тем чтобы самому выйти к нему на связь.

К своему коллеге из 6-го отдела Громов шел со смешанным чувством. Дело в том, что благодаря стараниям предыдущего начальника МУРа отношение коллег из других отделов к операм из «убойного» заметно ухудшилось. Бывший начальник МУРа сделал из «убойного» отдела настоящую священную корову, заставляя все управление сдувать с нее пыль и петь ей дифирамбы. Практически все выдвиженцы на высокие должности в управлении были из этого же отдела. Естественно, такое положение вызывало ревность со стороны сотрудников других подразделений, которые пахали на общее дело не менее интенсивно, а почти все лавры доставались любимчикам начальника управления. В итоге страдало в первую очередь дело. Высокое начальство заварило эту кашу, перессорило оперов, и теперь, чтобы получить необходимую консультацию у своих коллег из другого

отдела, тому же Громову приходилось лишний раз ломать голову над дилеммой «выгорит — не выгорит».

К счастью, оперуполномоченный 6-го отдела Павел Шкляревский, в кабинет которого пришел Громов, пребывал в отличном настроении и встретил своего коллегу из конкурирующего подразделения по домашнему тепло. Аккурат к приходу Громова в массивной кружке, куда был опущен кипяtilьник, закипела вода, поэтому на свет была извлечена, помимо баночки кофе «Пеле» и пачки печенья «Юбилейное», и вторая чашка для гостя. Так, за кофе с печеньками, и протекала их беседа.

Громов без всяких предисловий изложил коллеге суть своей проблемы, ссылаясь на данные, которые выложил ему Дима Вяземцев: мол, в деле об убийстве фигурирует пистолет «ТТ» времен войны, который все это время лежал в земле. Недавно ствол нашли, подлатали и пустили в дело. Отсюда следуют вопросы: какова сегодня ситуация на рынке нелегального вооружения и есть ли шанс найти хозяина такого пистолета?

— Если бы не было шанса, ты бы ко мне не пришел, — загадочно улыбаясь, ответил гостю хозяин кабинета. — Ты не скромничай, кушай печеньки, а я введу тебя в курс дела. — И Шкляревский подвинул ближе к гостю пачку с печеньем. — Как я понял, тебя интересуют «черные следопыты»? Ушлый, скажу тебе, это народ. Наловчились торговать от мелочевки до крупняка — влегкую загоняют танки, самолеты, грузовики, артиллерийские орудия. Причем иные части техники стоят больше, чем все изделие целиком. К примеру, двигатель от немецкого «Тигра» тянет на сумму, большую стоимости самого танка.

— Паша, я понимаю, что в наше время можно продать и вывезти за кордон все, что угодно, даже Мавзолей, но все же интересно — каким образом это удастся сделать «следопытам»?

— Способов много, и денег на это дело они не жалеют. Правда, на каждом этапе существует своя такса. К примеру, чтобы разжиться информацией о том, где могут находиться «железки», им приходится входить в тесный контакт с местным населением. Для этого достаточно ящика дешевой водки. А вот контакт с властями обходится дороже. Если надо достать из какого-нибудь болота танк или самолет, «следопыты» идут в ближайшую войсковую часть и договариваются с

командиром о помощи. За две-три штуки долларов тот отрядит им в помощь своих хлопцев, и «железка» будет поднята на поверхность за пару часов. То же самое и с администрацией области. Дело в том, что практически во всех приграничных областях России при местных органах власти существуют комитеты, контролирующие деятельность поисковых групп. Чтобы получить разрешение, нужны опять же денежки, а также официальная «крыша». Но «черные следопыты» и это препятствие обходят легко — договариваются со своими коллегами из легального бизнеса, то есть с официально зарегистрированными поисковыми отрядами.

Когда и этот этап пройден, начинается самое интересное — вывоз раритета за рубеж. Здесь «следопытам» опять необходима легальная «крыша». Дело в том, что в 95-м в России был принят закон о раритетной технике, из которого следует: чтобы вывезти за пределы родины старенький танк или самолет, необходимо иметь на руках заключение специально созданного технического комитета при Министерстве культуры. Этот комитет дает разрешение на вывоз только в том случае, если налицо обмен экспонатами между музеями. И «следопыты» вновь используют «смазку» — заручаются поддержкой какой-нибудь из военных фирм, имеющих разрешение от Министерства обороны на вывоз вооружения.

— И как же вывозят — целиком? — с аппетитом дожевывая очередное печенье, спросил Громов.

— В основном по частям. При этом в бумагах отмечают, что перевозят металллом.

— Короче, таможня хлопает ушами?

— Не всегда, юноша. Недавно был любопытный случай с нашими коллегами из одного областного УВД. Они совершенно случайно нашли немецкий танк, заныкали его и решили продать одному коллекционеру из Германии. Нашли фирмача-вояку, который выдал им соответствующий документ на право вывоза, и привезли раритет на вокзал. Однако таможенники сработали четко и вызвали настоящих специалистов из Центрального музея Великой Отечественной войны. Те, естественно, танк завернули. Теперь он стоит у них.

Шкляревский замолчал и впервые за все время разговора потянулся к уже изрядно успевшей похудеть пачке с печеньем.

Отправив аппетитный кусок в рот, он сделал несколько глотков из чашки и продолжил беседу:

— Что касается рынка оружия, то здесь ситуация тебе известна. Те же пистолеты раньше пользовались большим спросом, причем практически все разновидности. Но теперь рынок завален дешевыми китайскими стволами и целенаправленно искать оружие и продавать его «черным следопытам» стало менее выгодно. Вот почему в подавляющем большинстве убийств фигурируют «тэтэшники», не бывшие до этого в употреблении. Взять хотя бы нашу Москву. Каких-то семь-восемь лет назад наша братва в своих разборках не гнушалась применять трофейные «наганы», ППШ и даже винтовки Мосина. Но теперь ситуация изменилась. Только за последние пару-тройку лет мы изъяли у бандюков очень много «тэтэшников», которые имеют восьмизначные номера без буквенных обозначений, начинающиеся с цифр 300. Эти пистолеты были выпущены в Китае в середине пятидесятых и все это время находились на складах. В начале девяностых их закупили для стран Балтии, но там они оказались ненужными и их отправили в Россию. Здесь часть из них оказалась в руках киллеров, а часть нам удалось изъять.

На сегодняшнем рынке оружия встречаются и трофейные экспонаты, но не все они пользуются хорошим спросом. Димыч тебе рассказывал о «парабеллуме» сорок первого года выпуска, который разнесло в клочья?

— Рассказывал. Вообще он мне прочитал целую лекцию о том, что старые наши «тэтэшники» могут дать фору любому новому китайскому.

— Значит, эту тему мы пропускаем. Идем дальше. «Черные следопыты», нашедшие оружие, либо сдают его властям, либо продают скупщикам, либо торгуют без посредников. Однако твой ствол могли найти и любители, которых всегда хватало. Среди них есть умельцы, которые сами приводят оружие в надлежащий вид. Вышедшие из строя детали они обычно покупают на рынке — например, на «Птичке». Естественно, этих умельцев контролировать очень сложно.

— А «черных следопытов»?

— Этих мы отслеживаем. Поэтому, если твой «тэтэшник» прошел через них, шанс обнаружить концы есть.

— Каким образом?

— Если он проходил в составе партии, значит, круг посвященных значительно шире. Тем более, как ты говоришь, на нем клеймо мастера имеется. Да еще столь необычное — эсэсовский знак. Вообще среди «черных следопытов» есть категория людей, которые молятся на нацистов. Гитлера они называют «папой», на свою работу выходят исключительно в немецкой форме. Но об этом лучше спросить знающих людей. Я тебе дам координаты одного человека, который имеет по этому вопросу более широкую информацию, чем я. Когда-то он сам был «черным следопытом», специализировался на оружии, причем на немецком. Сейчас он работает в поисковом клубе «Родина». У меня где-то в столе была его визитка.

Шкляревский, не вставая с места открыл один из ящиков своего канцелярского стола. Покопавшись в нем несколько секунд, он наконец извлек на свет искомую визитку и передал ее гостю.

Из кабинета коллеги Громов вышел не только удовлетворенный беседой, но и вполне сытый. Однако не успел он сделать и нескольких шагов, как его остановил чей-то зычный окрик. Громов обернулся и увидел бежавшего к нему по коридору коллегу из инспекции по личному составу Костю Шулейкина по прозвищу Начальник Чукотки. С этим человеком Громова связывало много общего. В свое время они вместе учились в «вышке», одновременно пришли работать в главк. Даже своим необычным прозвищем Костя был обязан именно Громову. Вообще эта история вполне достойна того, чтобы описать ее подробно.

Произошла она несколько лет назад. Костя, как старший группы, участвовал в задержании матерого взяточника — следака из следственного отдела, который брал деньги с подследственных. Руку он набил на этом поприще мозолистую и, видимо, в душе был глубоко уверен, что так будет продолжаться вечно. Но просчитался. Нашелся человек, который не побоялся стукануть на мздоимца куда следует, и с его помощью «инспектора» разработали нехитрую операцию, которая уже неоднократно срабатывала на других преступниках.

Казалось, что и в этом случае все пройдет по заранее намеченному сценарию. Жертва должна была зайти в кабинет мздоимца и передать ему в руки меченые доллары (их специально взяли напрокат в Госбанке). Однако, когда через несколько минут вслед за жертвой к взяточнику вломилась лихая опера во главе с Костей, тот не нашел ничего лучшего, как инстинктивно выбросить «котлету»

баксов в раскрытое окно на пятом этаже. И десять тысяч долларов, будто фантики, стали разлетаться в разные стороны. Дело было среди бела дня, да еще чуть ли не в центре города. Естественно, «дождь» из долларов пришелся весьма по душе прохожим, которых в это время угораздило очутиться в данном месте. И вот представьте себе такую ситуацию: десятки людей бегают по тротуару и по проезжей части и, невзирая на крики высунувшегося из окна Кости: «Стоять! Всех перестреляю!» — лихорадочно собирают зеленые банкноты. Только когда из подъезда один за другим повыскакивали с пистолетами разъяренные «инспектора», это окончательно отрезвило собирателей.

Когда Громову пересказали эту историю, он долго смеялся, схватившись за живот, а затем наградил приятеля прозвищем Начальник Чукотки, по аналогии со знаменитым фильмом, где главный герой из-за собственного ротозейства тоже лишился крупной суммы в баксах. К счастью, и в фильме, и в жизни все обошлось благополучно — большую часть потерянного все же удалось вернуть.

Глядя теперь на приятеля, с которым он давно не виделся, Громов вспомнил эту историю и улыбнулся. На что подошедший Костя среагировал весьма неадекватно:

— Чего лыбишься? Тебя твой шеф по всему управлению ищет. Так что дуй к себе, огребешь хорошеньких звиздулей.

Громов мчался к себе на этаж, а сам лихорадочно соображал, за что шеф может его вздрючить. Перебрав все возможные варианты и так и не остановившись на каком-нибудь из них, он переступил порог кабинета Петровича и застыл в дверях. Шеф сидел за столом и что-то быстро строчил в своем ежедневнике. Стрельнув в сторону вошедшего глазами, он произнес:

— Твоя шуточка с Индирой, Громов, не сработала — индусы к нам так и не зашли. Или ты специально для меня ее повесил?

— Очень надо. Просто ее внешность хорошо вписывается в интерьер кабинета. — Отвечая шефу, Громову стоило большого труда не улыбнуться.

— Ну что же, если премьерша-покойница поможет тебе избавиться от «глухарей», пусть висит. Извини, что не предлагаю тебе сесть, но на то есть причины. Тебе фамилия участкового Паньшина Леонида Сергеевича о чем-нибудь говорит?

— Что-то не припомню, — морща лоб, ответил Громов.

— Ну и память у тебя, Громов. — Шеф отложил в сторону ежедневник и откинулся на спинку кресла. — А еще мнишь себя хорошим опером! Я чувствую, что с таким подходом к делу не видать тебе приза в суперигре.

Громов знал, что шеф обожает всякие подковырки, почерпнутые им из любимых телепередач, догадался, в какую игру предстоит ему играть теперь, однако не испытал от этого никакого энтузиазма. Передачу «Поле чудес» он не любил и в последний раз смотрел ее еще в бытность живым и невредимым Владислава Листьева. Шеф между тем продолжал косить под Якубовича:

— Даю наводящий вопрос: отделение милиции под номером сто двадцать три тебе что-нибудь говорит?

И тут Громов вспомнил: это отделение обслуживает территорию Киевского вокзала, а Паньшин тот самый участковый, которого он собирался потрясти насчет инвалида Яши. Сосредоточенное лицо Громова теперь озарила улыбка, по которой Петрович догадался, что его подчиненный ребус разгадал.

— Что, вспомнил? То-то же. Час назад оттуда звонил дежурный. Все-таки зря мы хаем скопом «земляков» — как видишь, они тоже работают на совесть. Вспомнили про твой вчерашний звонок и отзвонили. Так вот, дежурный сообщил о страшной мочилровке на квартире недалеко от вокзала. Одного из убитых зовут Яков Самарцев, он безногий инвалид. Возьми его адрес и дуй на место происшествия. — И Петрович положил на край стола бумажку с адресом инвалида.

Когда Громов на своей «восьмерке» подъехал к дому, где ночью произошла трагедия, он застал там привычную картину. Возле подъезда, несмотря на разгар рабочего дня, толпились любопытные жильцы, которые вовсю обсуждали ночное происшествие. Тут же работали двое оперов — один беседовал с жильцами, другой чуть ли не на четвереньках ползал под окнами первого этажа и что-то искал. Громов скользнул взглядом по этажам и увидел выбитое на шестом этаже окно — прямо над тем местом, где теперь ползал оперативник. Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, Громов зашел в подъезд и поднялся на лифте на шестой этаж.

В злополучной квартире его встретили еще двое сотрудников милиции: молодой оперативник угро Илья и тот самый участковый

Паньшин, которого он разыскивал со вчерашнего вечера. При этом они были заняты разным делом: опер сидел на диване и гонял по всем программам старенький «Рекорд», а участковый, примостившись на столе, строчил рапорт о проведенном обходе. Громов предъявил коллегам свое удостоверение сотрудника МУРа и попросил рассказать о том, что здесь произошло.

— А чего рассказывать? — удивился опер, не поворачивая головы от телевизора. — Кто-то из вокзальных «рабов» замочил своих хозяев. В итоге три трупа.

— Личности погибших установлены? — спросил Громов.

— Пока только двух. Один из них — хозяин квартиры Яков Самарцев. Его ножом под четвертое ребро уделали. Справились, шакалы, с безногим инвалидом! Беднягу возле дивана зарезали. — И опер кивнул в ту сторону, где на полу были обведены мелом контуры человеческого тела. — Второй погибший — Семен Архипцев. Шестерил на местных бандюков, потому и кличку имел соответствующую — Фантик. Ему в висок чем-то тяжелым долбанули. Видимо, бутылкой водки, которую мы тут нашли. А личность третьего, которого в окно выкинули, пока не установлена — за нами этот кадр не числится.

— Как выглядел хозяин квартиры? Густая шевелюра, борода, правая нога оттяпана выше колена?

— Точно. Видать, и в МУРе о нем уже информашка есть?

— В МУРе, как в Греции, все есть, — уклончиво ответил Громов. — Что говорят соседи?

— Милицию вызвали около двух часов ночи жильцы из квартиры напротив. Услышали грохот разбитого стекла, ну и набрали «02». Когда мы сюда приехали, здесь все уже было кончено. Два трупа в квартире, один — под окнами. На полу бутылка водки, пакет с продуктами. Видимо, хозяин с кем-то собирался раздавить пол-литра. Соседи говорят, что видели в окно, как со двора умчались два автомобиля: «мерин» и «девятка».

Выслушав коллегу, Громов прошелся по квартире и внимательно ее осмотрел. Это заняло у него не более пяти минут и мало что дало — каких-либо следов пребывания в квартире Кадилина он не обнаружил. Вернувшись к коллегам, Громов выдал им новую порцию вопросов:

— Как я понял, этот Архипцев, или, как вы его назвали, Фантик, был знаком с инвалидом?

— Да, Яша работал в бригаде попрошайек, за которыми Фантик приглядывал, — вновь подал голос опер. — А главным у них цыган из Молдавии — Михай Боду. Живет в Подольском районе, у него там роскошный особняк. К этому делу его пришить будет трудно, у него железное алиби — вот уже неделю он лежит в больнице.

— А что известно о друзьях Яши?

— Да какие у него друзья, одни собутыльники, — небрежно отмахнулся от этого вопроса опер.

— А как же спортсмен? — внезапно подал голос участковый. — Они с Яшой очень даже хорошо корешили.

— Что за спортсмен? — спросил Громов.

— Да черт его знает. Когда-то был знаменит, а теперь чердаки обживает. Знаю только, что зовут его Серегой. Бабулька, что из квартиры — напротив, говорит, что видела его вчера недалеко от этого дома. Она в магазин шла за хлебом, а он мимо прошел.

— Во сколько это было?

— В том-то и дело, что задолго до происшествия — около часа дня. Однако я как думаю: если этот спортсмен возле этих мест ошивался, он мог запросто к Яше заскочить и у него до вечера кантоваться.

Громов мысленно согласился с версией участкового, хотя, с другой стороны, ему с трудом верилось в то, что отнюдь не боксер и не борец, а всего лишь футболист, да еще бывший, сумел справиться с двумя молодыми и физически крепкими парнями. Да еще как справиться: одного замочить бутылкой, а другого и вовсе выбросить в окно. Кроме того, по словам соседей, от дома умчались два автомобиля, что означало — братков было гораздо больше. Интересно, если Кадилин все-таки был здесь, удалось ему сделать ноги или его все-таки схватили? Судя по всему — удалось, потому что иначе братки не оставили бы на месте происшествия два трупа. Видимо, куда-то очень торопились. Но самое главное — что предшествовало кровавой бойне? Какой конфликт разгорелся в этой Богом забытой квартире? Если Кадилин оказался всего лишь невольным свидетелем расправы над своим другом, тогда все происшедшее можно объяснить его спонтанной яростью. А если эти братки приходили не за Яшей, а за

ним, за Кадилиным, чтобы убрать его как нежелательного свидетеля? Но тогда возникает другой вопрос: откуда им известно о том, что Кадилин в момент убийства находился на чердаке?

Ломая голову над этими вопросами, Громов не заметил, как в квартиру вошел его коллега — Алексей Дробыш, приехавший к месту происшествия следом за ним.

— Там пацаны во дворе на твоей «восьмерке» гвоздем нецензурное слово нацарапали, — прямо с порога огорошил он Громова неприятной новостью.

— Это небось Ленька Орлов постарался, — подал голос Панышин. — Рыжий такой паренек. Верно?

— Во-во, я ему подзатыльник отвесил, а он, сучок, меня обматюгал, — подтвердил слова участкового Дробыш. — Блин, ему всего лет семь-восемь, а матом кроет, как заправский биндюжник.

— Так у него отец с матерью алкоголики, а в доме чуть ли не притон. Там такого слушаешься. Он и в школу из-за этого не ходит.

— Про школу я и сам понял. Он в слове, обозначающем женские половые органы, две ошибки сделал. Так что ты, Кирилл, не бойся — мало кто поймет, что у тебя на крыле нацарапано.

— Ты же понял, — возразил Громов.

— Так то я. Ты же знаешь, что это слово я могу прочитать в любой транскрипции. — И Дробыш сопровождал свои слова громким смехом.

Вволю насмеявшись, он наконец успокоился и, заговорщицки подмигнув приятелю, кивком головы пригласил его выйти из квартиры. Громов повиновался.

— Ну, что надыбал, Леха? — спросил он у коллеги, когда они уединились на лестничной площадке.

— Ты прямо как Шохин — следак из прокуратуры, у которого я только что был по делу Мудреца, — усмехнулся Дробыш, затягиваясь сигаретой. — Тому тоже все нейдет — что да как? А хвалиться пока особо нечем. Винтовка, из которой грохнули Мудреца, — «Ока-74» румынского производства. Экспертиза по ней еще не готова. Но Петрович дал задание Пете Степанову пробить через Интерпол ее маршрут сюда. Однако шансы выйти на киллера через винтовку, сам понимаешь, на нуле. Судя по всему, к нам она попала из Эстонии, а туда из Европы. Думаю, всю эту технологию ты и сам хорошо знаешь.

Громов действительно знал, каким образом нелегальное оружие поступает из Европы в эту прибалтийскую республику. К примеру, из Германии, с бывших армейских складов, партия оружия выходит легально, с сертификатом, а в Эстонию прибывает уже контрабандой. Для этого по ходу транспортировки многократно меняется хозяин оружия и идет интенсивная перегрузка товара из одних контейнеров в другие. На последнем этапе контейнеры и вовсе перекрашиваются, чтобы окончательно замести следы. В Эстонию оружие поступает морским путем, а там его уже делят на небольшие партии и гонят в Россию. Причем в основном напрямую, без посредников. Вот так эта некогда союзная республика служит каналом для поступления в российскую столицу нелегального оружия. По статистике, каждое второе заказное убийство в Москве совершается именно из «эстонского» оружия. Из винтовки, нелегально поставленной через Эстонию, был убит Отари Квантришвили, от «эстонской» пули погиб тележурналист Владислав Листьев.

— Что касается Мудреца, то здесь есть любопытный нюанс, — продолжил свой рассказ Дробыш. — Оказывается, он месяц назад уехал в Германию, где лечился в одной из тамошних клиник от туберкулеза, а в Москву приехал всего лишь за три дня до гибели. Причем, что интересно — заскочил к себе домой на Мичуринский проспект и через пару часов слинял в неизвестном направлении. Я с его молодой сожительницей разговаривал, так она божится, что ведать не ведает, куда он из дома направился. Говорит, что никаких угроз Мудрец в последнее время ни от кого не получал, и ничего странного в его поведении она не заметила. А он, судя по всему, отправился напрямиком в дом на Земляном Валу. Хата, в которой он жил последние два дня, числится за замдиректором совместного предприятия «Медуза» Каспаряном. Но тот на данный момент в Москве отсутствует — по делам фирмы находится на Кипре. По нашим источникам, патронирует фирму Мудрец. Вернее, патронировал.

— А чем занимается эта «Медуза»?

— По названию можно догадаться — торгует рыбой, икрой, упаковками для морепродуктов. Это совместное российско-финское предприятие. Головное предприятие — «Медуза-Юнион» — находится в Хельсинки, а здесь одно из его представительств. Возглавляет московскую фирму бывший комсомольский работник, некогда

референт ЦК ВЛКСМ Андрей Моторин. Ни в каком криминале он до настоящего времени замечен не был. Но я вот что думаю: может быть, Мудреца грохнули, чтобы «крышу» сменить? Причем навести могли и свои. Ведь что получается: он приехал в Москву несколько дней назад и сразу съехал на чужую квартиру. Значит, явно чего-то опасался. Однако киллер его все-таки выследил.

— Насчет своих — не обязательно, — возразил Громов. — Мудреца могли выследить еще в Германии. Здесь же его приняли другие и спокойно «положили в адрес».

— А как же охрана? У него же была целая спора качков?

— Вот именно, что качков. Разве умные люди так охраняют? Клиент живет в доме, напротив которого сразу два «чердачка Фруттис», и ни одному телохранителю не пришлось в голову обратить на них внимание. Ведь элементарное дело — навесить на чердачные двери амбарные замки. Да ладно, что об этом говорить. Кстати, ты с этими мордоротами разговаривал?

— Конечно. Молчат. Наверное, рассчитывают сами этого киллера повязать.

— Это все, что у тебя есть?

— Пока все.

— Не густо.

— У тебя, как вижу, тоже через край не льется. Кого здесь порешили?

— Инвалида одного, с которым Кадилин тесно общался. Инвалид как попрошайка пахал на местную мафию и, видимо, чем-то им не угодил. Однако помимо него здесь еще двух бандюков кто-то замочил.

— И кто же это сделал? Футболист, что ли?

— Сам голову ломаю. Однако если это его рук дело, то я представляю, как они его достали.

Дробыш тем временем докурил свою сигарету и собирался выкинуть бычок в лестничный пролет, однако, встретившись с укоризненным взглядом Громова, отправился к мусоросборнику, который находился на этом же этаже. Вернувшись, он продолжил прерванный разговор:

— Мне кажется, тут все ясно. Инвалида завалили его хозяева, а тех кто-то из дружков инвалида. Причем не обязательно твой футболист.

— Дело в том, что Кадилина видели за несколько часов до бойни недалеко от этого дома.

— Ну и что? Он же бомж, слоняется по улицам где придется.

— Вот именно, что бомж. Ты представь себя на его месте. Ты стал свидетелем преступления, написал в штаны и мечтаешь спрятаться куда-нибудь на время. Неужели ты пройдешь мимо дома, где живет твой приятель, такой же, как ты, изгой? Да ни хрена!

— То есть ты упрямо склоняешься к тому, что это он замочил двух бандюков? Он кто — Шварценеггер?

— Я же говорю, его могли достать. Есть такое понятие — «не загоняйте крысу в угол». Знаешь почему? Потому что в такие моменты она становится опасной даже для кошки. Но меня другое мучает. Вдруг эти бандюки приходили к инвалиду по его, Кадилина, душу?

— Здравые, я ваша тетя! Откуда же им было знать, что этот футболист в момент убийства кантовался на чердаке? В «Московском комсомольце» прочитали?

— В любом случае, Леха, эту версию надо отработать.

— Как?

— Очень просто. В квартире убили двух бандюков. Один из них известен — некто Семен Архипцев по кличке Фантик, шестерка местной мафии. Нам он не интересен. А вот другой — наоборот. Его личность пока не установлена — за местными операми он не числится. Сейчас мы узнаем у «земляков», успели ли они откатать его пальчики, и, если не успели, ты рванешь в тот морг, куда его отправили. Только прошу тебя, Леха, сделай все как надо.

Это предупреждение прозвучало из уст Громова не случайно. Полгода назад Дробыш точно так же должен был обеспечить дактилоскопирование трупа, однако передоверил это дело стажеру из Высшей школы милиции. И тот, то ли с испугу, то ли от неумения, на пару с пьяным медиком дело запороли — сделали отпечатки, совершенно непригодные для идентификации. Потом выяснилось, что «следы» они снимали как Бог на душу положит — мало того, что грязные пальцы трупа они предварительно не обработали влажным тампоном, они и краску нанесли не валиком, а вручную, после чего намучились с одеревеневшими пальцами, потому что стажер забыл взять с собой спичечный коробок, который опера обычно используют при «откатке».

Как выяснил Громов, пальчики у трупа на месте происшествия никто не «откатывал» — судмедэксперт собирался это сделать во второй половине дня в морге Первой градской больницы. Так как Громов был на колесах, он без лишних слов вызвался подбросить коллегу до больничных покоев. Однако по дороге он сильно пожалел об этом, потому что в Дробыше, то ли в силу того, что впереди его ждало малоприятное общение с трупами, то ли просто в силу хорошей погоды, внезапно взыграли гормоны.

Не успели они отъехать несколько сот метров от Яшиного дома, как Дробыш попросил приятеля тормознуть. Громов сначала не сообразил, зачем Лехе понадобилась эта остановка, а когда понял, было уже поздно. На перекрестке некая молодая особа в коротенькой юбочке усердно голосовала проезжавшим мимо автомобилям, и Дробыш посчитал невозможным безучастно взирать на это. Как только машина остановилась, он окликнул незнакомку и та, несмотря на то что была обута в туфли на шпильках, бегом бросилась на его зов.

— Вам, девушка, куда надо? — спросил Дробыш у незнакомки, когда та наконец подбежала к автомобилю.

— До Парка культуры, — ответила девушка.

— Вам повезло, мы направляемся в ту же сторону. — И Дробыш услужливо открыл перед девицей дверцу.

Когда машина тронулась, Дробыш приступил к привычной для себя процедуре запудривания мозгов:

— Как вас зовут, девушка?

— Ольга. А вас?

— Мое имя слишком известно, чтобы его называть даже такой красивой девушке, как вы.

— А вы кто? — с тревогой в голосе спросила попутчица.

— Всего лишь министр внутренних дел, — придавая лицу серьезное выражение, произнес Дробыш.

Громову стоило огромного труда, чтобы сдержать себя и не рассмеяться во все горло. Он много раз был свидетелем «раскрутки» Дробышем невинных барышень и всегда поражался его способности пудрить мозги дамам самых разных возрастов и вероисповеданий. Леха буквально за доли секунд определял умственный потенциал своей жертвы и в зависимости от этого выбирал для себя соответствующую легенду. Судя по тому, кем он прикинулся на этот

раз, интеллектуальные возможности девушки должны были быть ниже средних. Так оно, собственно, и было, хотя сдалась она не сразу. После Лехиного признания девушка с нескрываемой иронией спросила:

— Министр на «Жигулях»?

— Дело в том, что это не моя машина, — продолжал юродствовать Леха. — Я ее взял в нашем гараже для оперативных нужд. Я вижу, вы газеты плохо читаете.

— Да я их в руки не беру.

— Это видно. Если бы читали, то наверняка знали, что в городе регулярно проводятся плановые проверки сотрудников столичной милиции. Я, как министр, под видом рядового гражданина разъезжаю по городу и отмечаю нерадивых сотрудников.

— Классно! — всплеснула руками девица и уже с нескрываемым восхищением взглянула на Алексея.

Однако спустя некоторое время на ее лицо вновь набежала тень и она спросила:

— А вы меня не обманываете? Вроде бы на лицо министр совсем другой. Я по телевизору видела.

— Правильно вы видели, — продолжал вешать девушке лапшу на уши Дробыш. — Только вы видели другого министра, которого вчера сняли с должности. У нас же жуткая текучка. За последние десять лет я уже седьмой министр.

— Да, это я слышала, — согласно кивнула девица, тем самым доказывая, что о творящемся в МВД бардаке осведомлены даже самые несведущие граждане. — Но вы же вроде молодой?

— А Чубайс старый? — вновь ловко парировал вопрос девушки Дробыш. — Сейчас время такое — надо двигать молодых. Вы с этим согласны?

Девушка ответила утвердительно и с этого момента окончательно уверилась в том, что перед ней не кто иной, как новый министр внутренних дел. После этого она сдала себя, что называется, с потрохами. Она поведала попутчикам вполне заурядную историю о том, как девушка из провинциального городка Макеевка с населением в сорок тысяч жителей год назад приехала в Москву и поступила в текстильный институт. Далее последовал грустный рассказ о том, как девушка из провинции с трудом адаптировалась в огромном городе, о

тех безобразиях, которые творятся в институтском общежитии, и скудной стипендии, которую выплачивает студентам государство.

Слушая этот рассказ, Громову внезапно стало жалко девушку, которой и без того невесело, а тут еще они со своими подковырками. Короче, он решил сорвать с Лехи его «министерскую» маску, стал подыскивать нужные слова, чтобы сделать это как можно тактичнее, но опоздал. В этот момент они подъехали к месту назначения, и девушка попросила остановиться. В следующую секунду она выпорхнула из автомобиля, а следом за ней салон покинул и Дробыш. Громов попытался схватить его за полу пиджака, но потерпел неудачу. На его недоуменный возглас: «Ты куда?» — Дробыш склонился к открытому окну и почти шепотом произнес:

— Кирилл, ты же знаешь — девушки только способствуют моему вдохновению на работе. Поэтому не дрейфь, я все успею — и пальчики у «жмурика» откатать, и с девушкой пообщаться.

СТЕНКА НА СТЕНКУ

После вечернего разговора с Громовым Сашке Локтеву всю ночь снился футбол. На зеленом поле шел захватывающий матч, в котором московский «Спартак» играл... против самого себя. Два десятка игроков, одетых в красно-белые футболки, под оглушительный рев трибун ожесточенно мутузили пятнистый мяч и старались затолкать его в ворота, в которых почему-то не было вратаря. Мяч выписывал неправдоподобные кренделя, перепрыгивал с одной ноги на другую, однако упорно не желал пересекать линию ворот. В одном из игроков Сашка узнал себя, в других — целое созвездие прославленных наших футболистов, большинство из которых никогда в жизни не играли за «Спартак». Здесь были: динамовец Игорь Численко, армейцы Всеволод Бобров и Юрий Чесноков, киевский динамовец Олег Блохин, торпедовцы Валерий Воронин, Эдуард Стрельцов и многие другие. Все они бегали по полю в спартаковских майках, почти не реагировали на свистки судьи и ругались матом. Сашка бегал между ними в семейных трусах, тоже нецензурно выражался и, буквально срывая голос, просил отдать ему пас. Однако ни один из игроков паса ему не давал, а Олег Блохин вообще отвесил увесистого пендаля, чтобы не орал. После этого прозвучал свисток судьи и был назначен штрафной. Однако против всякой логики штрафной пробивал игрок, нарушивший правила, — Олег Блохин. Сашка встал в «стенку», но вместо того, чтобы сомкнуть руки вниз, поднял их вверх. Блохин разбежался, ударил по мячу, и тот, преодолев девяти метровое расстояние до «стенки», пушечным ядром вонзился между ног Сашки. Тот издал душераздирающий крик и... проснулся.

Запутавшись в простыне чуть ли не по горло, Сашка лежал в кровати и в течение нескольких секунд приходил в себя от пережитого во сне кошмара. Чтобы окончательно удостовериться в нереальности происшедшего, он сунул руку под простыню и потрогал то место, в которое лучший футболист Европы Олег Блохин «засандалил» ему мячом. Место пребывало в полном здравии, более того — стояло дыбом. Вполне удовлетворенный этим обстоятельством, Сашка извлек из-под подушки наручные часы «Casio» и взглянул на циферблат.

Стрелки показывали 8.50 утра. В былые дни в это время он бы уже вовсю махал метлой во дворе и копался в мусорных контейнерах, но три последних дня все было иначе. Сашка пребывал в законном отпуске и мог позволить себе валяться в постели сколько душе угодно. Тем более что помешать этому было некому — Нюрка вот уже три часа как вкалывала в своем газетном киоске. И все же как ни приятно было нежиться в постели, неотложные дела заставили Сашку подняться. Он облачился в свой спортивный костюм, сунул ноги в тапки и отправился на кухню — завтракать.

После завтрака Сашка вернулся в свою комнату и извлек из письменного стола записную книжку, в которой довольно быстро отыскал сложенный вчетверо листок с домашним телефоном своего бывшего юношеского приятеля Листрата. С этим листком он отправился в коридор, где на раздолбанной тумбочке покоился не менее раздолбанный телефонный аппарат.

Сашке повезло — Листрат был дома и сам поднял трубку. Правда, был он чем-то сильно возбужден и в течение нескольких секунд никак не мог врубиться, кто ему звонит. И лишь когда Сашка напомнил ему годичной давности встречу на «Горбушке», Листрат наконец вспомнил.

— Сашка, ты? Тебе повезло — еще бы пара минут и ты бы меня не застал. Срочно надо лететь на одну тусню. Кстати, ты не хочешь рвануть туда вместе со мной?

— Да нет, спасибо, — поспешил откrestиться от неожиданного приглашения Сашка. — Мне бы один вопросик с тобой обкашлять — и все.

— Какой вопросик?

— Ты часом не знаешь чувака по прозвищу Хома?

— Спрашиваешь! Хому каждая собака в нашей тусне знает. А зачем он тебе?

— Нужен. Ты бы не мог дать мне его адрес или домашний телефон?

— Темнишь ты что-то, Сашка. Но мне, честно говоря, по фигу. А Хому ты сам можешь увидеть хоть сегодня. Подгребай к нам на тусню, и я тебя с ним сведу.

— Не хочу я на тусню! Дай мне телефон Хома, и я отвалю.

— А я тебе говорю: подгребай сегодня к нам. Нам люди позарез нужны.

— Какие люди? — удивился Сашка.

— Надежные, — весьма туманно ответил Листрат. — Короче, кончай базар. Через час я жду тебя в «Шервуде».

— Где? — не понял Сашка.

— Блин! В Петровском парке. Знаешь такой?

— Конечно.

— Вот и ладненько. Ты где кантуешься?

— На «Домодедовской».

— Тип-топ. Это как раз та же ветка метрополитена. Садись в последний вагон, доезжаешь до «Динамо» и выходишь наверх. Я буду тебя ждать возле газетного киоска. Все усек?

— Все, — пробурчал Сашка и тут же услышал в трубке короткие гудки.

Проклиная на чем свет стоит своего приятеля, Сашка стал собираться в дорогу. Ехать ему жуть как не хотелось, потому что из-за этой поездки все его планы летели к черту. Он рассчитывал завалиться к Нюрке в киоск, набрать свеженьких газет и журналов и оттянуться с ними по полной программе. А вместо этого ему предстояла поездка на какую-то сомнительную тусню. Но делать было нечего. Вчера он пообещал Громову как можно скорее раздобыть координаты Хомя, а слово свое Сашка любил держать.

От дома, где жил Сашка, до станции метро было всего две троллейбусные остановки, которые он в зависимости от погоды преодолевал по-разному. Если погода была хорошей, он предпочитал прогуляться пешком, если нет — добирался на троллейбусе. Сегодня погода стояла солнечная, безветренная и вполне располагала к пешей прогулке. Однако, взглянув на часы, Сашка понял, что времени у него в обрез, и предпочел воспользоваться услугами «рогатого». И только вскочив на его подножку, внезапно вспомнил о главном: он идет на спартаковскую тусовку, не имея на себе ни одного красно-белого атрибута. А ведь у него где-то на антресолях вот уже много лет покоится длинный красно-белый шарф, который ему еще в восьмом классе связала его школьная подружка.

«Умная мысль приходит опосля», — горько резюмировал по поводу своей забывчивости Сашка и отправился в поездку в том, в чем

вышел из дома.

До станции «Динамо» он доехал без всяких приключений и едва вышел из дверей на улицу, как тут же заметил у газетного киоска своего приятеля. Долговязая фигура Листрата была видна издали, тем более что курточка «бомбер», вывернутая оранжевой подкладкой наружу, а также красно-белая «розетка», или шарф, заметно выделяли его из толпы. Листрат встретил Сашку крепким рукопожатием и тут же посетовал:

— Что же ты приехал без всяких прибабасов?

Сашка попытался было объяснить другу, почему он не надел спартаковскую униформу, однако Листрат махнул на его объяснения рукой и произнес загадочную фразу:

— Главное, что приехал. Честно говоря, я думал, что ты сдрейфишь.

Чего именно должен был испугаться Сашка, Листрат не объяснил, однако на душе у его приятеля после этих слов стало почему-то тревожно.

— Мне бы Хому повидать, — напомнил Сашка о цели своего приезда сюда.

— Повидаешь, но чуть позже. Он почему-то пока еще не подгреб. А пока пошли, я тебя с другими нашими пацанами познакомлю. — И Листрат повел друга в глубину тенистого парка.

Когда они пришли к месту тусовки, Сашке хватило одного взгляда, чтобы понять, что здесь намечается. Два десятка молодых парней, облаченных в такие же, как у Листрата, куртки «бомбер», красно-белые шарфы и шапочки, держали в руках солдатские ремни и клюшки для травяного хоккея. Только несведущий человек, глядя на эту картину, мог подумать, что эти ребята готовятся к предстоящему поединку по русскому хоккею, но только не Сашка. Он-то прекрасно был осведомлен, что клюшки эти, как и ремни, фанаты обычно используют при «махаче» — массовых драках с враждующими группировками.

Листрат подвел Сашку к своим товарищам и, толкая его впереди себя, представил:

— Пацаны, знакомьтесь — мой давний кореш Сашка Локтев. Мы с ним еще двадцать лет назад «коней» месили.

Пацаны, которым в большинстве своем было лет по двадцать, принялись хлопать Сашку по плечам и протягивать руки для приветствия. Когда ритуал знакомства был закончен, Листрат обратился к Сашке с неожиданным вопросом:

— Ты чем предпочитаешь «махаться» — ремнем или клюкой?

Вопрос застал Сашку врасплох, и он в течение нескольких секунд никак не мог подыскать нужного ответа. Наконец он произнес:

— Мне все равно чем.

— Правильно, настоящий «мясник» должен уметь рубить врага любимым оружием, — похвалил его Листрат и тут же приказал одному из пацанов, который стоял ближе всего к Сашке, отдать ему клюшку.

Едва Сашка успел ощутить в своих руках тяжесть «клюки», как откуда-то сбоку послышались чьи-то крики, и вскоре из-за деревьев показалась внушительная толпа молодых людей. Они шли длинной цепью, все были с голым торсом, а на поясе каждого был завязан красно-синий шарф. Это были армейские фанаты, пришедшие в парк помериться силами со своими извечными врагами — «спартачами».

Армейская цепь неумолимо приближалась, и «спартачи» стали готовиться к предстоящей битве. Листрат, прекрасно знавший все боевые примочки противника, отдал команду своим парням построиться клином, а сам, с намотанным на правую руку ремнем, стал во главе порядков. Сашке он приказал занять место на правом краю и рубиться до последнего. Что означало это «до последнего», он не объяснил, но Сашка и без того понял, что ничего хорошего. Армейцев было чуть ли не в два раза больше, и это численное превосходство заранее повергло Сашку в ужас. «Во влип! Хотел всего лишь с Хомой познакомиться, а попал на «махач», — думал он про себя, сжимая обеими руками клюшку. — Прощай, Нюра! Видимо, затопчут сегодня твоего любимого в Петровском парке».

Тем временем армейская цепь по ходу движения начала перестраиваться. Ее фланги стали огибать спартаковский клин с двух сторон, явно намереваясь взять его в клещи. Листрат видел этот маневр, однако стойчески держал паузу, видимо считая, что время для атаки еще не настало.

И тут армейцы внезапно остановились. Из их рядов вперед выступил молодой парень с разукрашенным красно-синей краской лицом. В одной руке он держал солдатский ремень с массивной

бляхой, а в другой — небольшого резинового поросенка, видимо, специально купленного по этому случаю в «Детском мире». Увидев эту игрушку, Сашка поначалу не сообразил, к чему она здесь понадобилась. Но затем понял: противники называли спартаковских фанатов «свиньями» и этот резиновый поросенок должен был символизировать сегодняшнее заклание «спартачей». Так оно и вышло. Армейский вожак швырнул игрушку в спартаковские ряды и, не дожидаясь, пока она попадет в цель, с громким воплем «Руби «мясо»!» бросился в атаку. Следом за ним в бой устремились и его солдаты.

Сашка успел заметить, как Листрат ловким ударом кулака поверг армейского вожака на землю и тут же огласил территорию парка душераздирающим возгласом: «Мочи «коней»!» После этого Сашка переключил внимание на свой фланг, и увиденное там ему не понравилось. Размахивая ремнями, на него мчались сразу трое армейцев. Понимая, что промедление может дорого ему обойтись, Сашка не стал ждать, пока все трое противников обрушат на него бляхи своих ремней, и с клюшкой наперевес бросился в атаку.

Первого армейца он сбил с ног ударом клюшки в плечо, тут же попытался достать второго, но тот оказался ловчее. Присев на корточки, он ушел от Сашкиной клюшки и с ходу впаял ему бляхой по заднице. Сашка взвыл от боли и едва не выронил оружие из рук. В его памяти мгновенно всплыла картина из далекого армейского прошлого, когда точно такие же бляхи в руках «дедов» терзали его задницу, переводя из рядов салаг в «шнурки». Превозмогая резкую боль, Сашка сумел удержать в руках клюшку и, не давая противнику возможности замахнуться вновь, ткнул его крюком в грудь. Армеец опрокинулся на спину.

Тем временем на Сашку вихрем налетел третий противник, однако ему не повезло — то ли по неопытности, то ли от быстрого бега, но он не сумел удержать в руках ремень, и тот отлетел на несколько метров в сторону. Однако, оставшись безоружным, армеец не дрогнул. Перехватив левой рукой готовую обрушиться на него клюшку, он с силой рванул ее на себя, и Сашка, который крепко держал оружие в руках, рухнул ему под ноги. То, что могло произойти дальше, Сашка много лет обречен был вспоминать с ужасом. Едва он упал на землю, как противник занес ногу, обутую в тяжелый, слитым мысом и массивной подошвой ботинок «Dr. Martens» для удара ему

между ног. «Кажется, мой сегодняшний сон был вещим!» — промелькнула в сознании Сашки нехорошая догадка, и он закрыл глаза, уверенный, что собственные «коки-яки» ему уже не спасти. Однако судьба была к нему благосклонна. Оказавшийся поблизости Листрат, увидев, какая беда угрожает его приятелю, бросился на помощь и, вихрем налетев на противника, свалил его с ног. Сцепившись в змеиный клубок, они стали кататься по зеленому газону парка, а спасенный Сашка недоуменно взирал на это зрелище. И вдруг, в момент кульминации, когда Листрату уже удалось оседлать противника, окрестности парка огласил чей-то истошный вопль: «Атас! Менты!» — и обе группировки бросились врассыпную.

— Рвем когти! — чуть ли не в ухо Сашке заорал Листрат, и первым бросился прочь из парка.

Сашка поспешил следом за ним, но было уже поздно. Из-за ближайшего дерева ему навстречу выскочил круглолицый милиционер в заломленной на затылок фуражке и со всей силы огрел его по спине дубинкой. Дикая боль пронзила Сашкино тело, и он как подкошенный рухнул на землю. Все, что было дальше, он помнил урывками. После того как он упал, милиционер еще пару раз огрел его дубинкой, после чего заломил ему руки за спину и поволок из парка. Оглушенный градом ударов, Сашка с трудом соображал, что с ним происходит, и как телок семенил туда, куда его гнал страж порядка. Через пару минут его впихнули в милицейский «воронок», где уже сидело несколько отловленных в парке фанатов. Причем никакой селекции милиционеры не проводили и пихали в одну машину фанатов обеих враждующих группировок.

После того как «воронок» оказался забит задержанными под завязку, машина тронулась в путь. Путешествие продолжалось всего лишь несколько минут, но Сашке их вполне хватило, чтобы окончательно прийти в себя. Поэтому, когда машина остановилась и его заставили выйти наружу, он тут же попытался качать права.

— Вы не имеете права так со мной обращаться! У меня друг в МУРе работает. Он капитан милиции.

— А я сержант милиции, — ответил ему круглолицый милиционер, захвативший его в плен, и вновь огрел дубинкой по спине. — Будешь выеживаться, я тебе почки опущу, понял?

Сашка заглянул в налитые кровью глаза сержанта и ясно осознал, что тот не шутит. Поэтому всю дорогу до «обезьянника» он преодолел молча, не выживаясь.

Как оказалось, милицейский улов сегодня был богатым. В их сети угодило полтора десятка фанатов, причем количество представителей обеих группировок было примерно равным. Сашка страшно обрадовался, когда увидел в числе привезенных в последней партии долговязую фигуру Листрата. Несмотря на то что на его лице сияли два фингала, а из разбитой губы сочилась кровь, Листрат сохранял присущую ему бодрость духа и, заходя в «обезьянник», вполголоса напевал старый гимн «спартачей»: «Так за «Спартак», за Родину, за веру мы грянем громкое «ура». Увидев Сашку, он похлопал его по плечу и громко, чтобы слышали все, сказал:

— Молоток, Сашка! Считаю, что боевое крещение ты прошел по новой.

После этого Листрат поздоровался за руку со всеми «спартачами», находившимися в «обезьяннике», а затем пожал руки и сидевшим тут же армейцам. Последнее обстоятельство повергло Сашку в недоумение. Когда через несколько минут Листрат подошел к нему вновь, он удивленно спросил:

— Полчаса назад ты «коням» готов был головы кроить, а теперь ручкуешься. Это как понимать?

— Очень просто. Менты, они хитрые — собрали нас в одной кутузке и ждут, когда мы друг другу кости переломаем. Только вот им. У нас с «конями» уговор — мы друг другу враги, пока к ментам не попадем. Так что не бойсь, тут тебе никто ногой по яйцам не шарахнет. Кроме ментов, конечно.

— Я и не боюсь. Ты лучше скажи мне, куда Хома подевался?

Невооруженным глазом было видно, что этот вопрос застал Листрата врасплох. Он внезапно стушевался и, чтобы не встречаться взглядом с приятелем, отвел глаза в сторону.

— Ты, Сашка, извини, но так получилось, что с Хомой я тебя кинул, — произнес наконец Листрат. — Но я сам только по дороге сюда, в «воронке», узнал о том, что он сегодня дежурит.

— Где дежурит?

— Такты что, не знаешь, где он работает? В частной охранной фирме охранником. У него там брательник в каких-то руководителях

ходит, вот и взял к себе Хому на заработки.

— А как фирма называется?

— Да просто называется — «Стрелец-2». Расположена где-то возле метро «Краснопресненская».

— А телефон ее офиса ты случайно не знаешь?

— Почему же, знаю. Только записать его не на что.

— Диктуй, я запомню, — сказал Сашка и действительно с первого же раза запомнил все семь названных ему цифр.

БОМЖ И ПУТАНА

Первое, что увидел Кадилин, когда открыл глаза, была красивая люстра со множеством стеклянных сосулков, висевшая на потолке. В былые годы наличие такой люстры в домах советских граждан считалось большим шиком, а чтобы купить ее, требовалось преодолеть множество трудностей. Вот и бывшая супруга Кадилина Светлана буквально всю плешь ему проела слезными мольбами во что бы то ни стало достать такое «произведение искусства». Случай представился во время поездки «Спартака» во Вьетнам, где этого добра оказалось немерено. Почти вся команда закупила себе эти люстры и привезла в Союз на радость своим женам. Однако, в отличие от других, наличие стекляшки не принесло спокойствия в дом Кадилина. Уже на следующий день во время утренней уборки жена неловко распорядилась трубой от пылесоса и ударила ею по люстре. В итоге несколько стеклянных сосулков разлетелись в дребезги, а у Светланы началась истерика. В конце концов Кадилину пришлось потратить несколько недель на поиски мастера-стекольщика, который сумел-таки привести люстру в первоначальный вид и вернуть относительное спокойствие в семейную жизнь футболиста.

Воспоминания, нахлынувшие на Кадилина при взгляде на люстру, длились недолго. Уже через минуту он с интересом озирает широкую кровать, в которой ему пришлось провести минувшую ночь, а также комнату, в которой эта кровать находилась. Отвыкший за долгие месяцы своих странствий по чердакам и подвалам от чистых простыней и мягких подушек, Кадилин теперь наслаждался свалившимся на него счастьем и хотел, чтобы оно длилось как можно дольше. Как же он угодил в эти апартаменты?

После того как стало ясно, что ночная погоня за ним прекратилась, Кадилин решил как можно быстрее скрыться из этого района. Однако, до того как это случилось, ему пришлось пережить еще одно приключение. Подавая машину назад, он вырулил на тротуар и только в последнюю секунду заметил, как из ближайшего подъезда прямо под колеса выбежал человек. Дав по тормозам и вывернув руль в сторону, Кадилин все же правым бампером задел незнакомца, и тот

упал на землю. Обматюгав последними словами чудака, которому в столь позднее время не сидится дома, футболист вылез из автомобиля и подошел к пострадавшему. Каково же было его удивление, когда в сидевшем на земле человеке он узрел молодую и очень симпатичную девушку. Потирая рукой ушибленную ногу, она смотрела на Кадилина снизу вверх, и, как ни странно, в ее взгляде не было видно ни злобы, ни растерянности.

— Что за странное время для прогулок вы выбрали, девушка? — спросил Кадилин, осторожно беря незнакомку за локоть и помогая ей подняться с асфальта. — Сильно болит?

— Не очень, — ответила незнакомка, продолжая потирать ушибленное место. — А прогуляться мне необходимо в силу определенных обстоятельств.

— Наверное, с родителями поругались или с мужем? — предположил Кадилин.

— Не угадали. Родители мои далеко от этих мест обитают, а мужа и вовсе нет.

— Тогда друзья?

— Опять не угадали.

— В таком случае я — пас. Вариантов больше нет.

— Естественно. Вам такие варианты, с которыми мне приходится общаться, и в голову прийти не могут. Я — путана. Слышали про таких?

— Еще бы. Только вы зря, девушка, думаете, что меня этим признанием можно удивить. Дело в том, что сам я — бомж.

Незнакомка в ответ громко рассмеялась.

— Хорошая у нас подобралась компания! — произнесла она после того, как перестала смеяться. — Что же мы будем дальше делать?

— Для начала давайте познакомимся. Меня зовут Сергей.

— А у меня два имени. По паспорту я Диана, а подруги кличут Афиной.

— Очень романтично. Но почему Афиной?

— У меня папа — обрусевший грек. Еще вопросы будут? Если нет, тогда давайте поскорее отсюда уедем. В окне на четвертом этаже зажегся свет, а это значит, что мой ненормальный клиент уже очнулся. Как бы он не бросился за мной в погоню.

— Что значит — очнулся? — удивился Кадилин.

— Если хотите, я расскажу вам все подробности, но только в машине. Идет?

— Идет. Только скажите, куда ехать.

— Недалеко — в Филях. Надеюсь, знаете такой район?

— Только по картине «Совет в Филях», — честно признался футболист.

— Понятно, — улыбнулась Диана. — Ну ничего — ваша забота рулить, а я буду дорогу показывать. Договорились?

Вместо ответа Кадилин сделал жест рукой, приглашая девушку занять место в автомобиле. Когда они выехали со двора на пустынную улицу, Диана достала из маленькой сумочки пачку сигарет и зажигалку. Вскоре салон «девятки» наполнил аромат дамских сигарет с ментолом.

— Итак, я жду вашего рассказа, — первым нарушил тишину Кадилин.

— Собственно, рассказывать-то почти нечего, — небрежно ответила Диана. — В «Национале» познакомилась с одним богатым пупсиком, приехала к нему домой. А он оказался, блин, извращенцем. От традиционного секса сразу отказался и захотел развлечься по-своему. Взял бутылку из-под шампанского и попытался засунуть мне между ног. Ну, я его этой бутылкой по голове и шарахнула. Потом баксы со столика смахнула и тикать. Вот и вся история.

— Не скучная у вас работенка, — от души посочувствовал девушке Кадилин. — Так рано или поздно можно и жизни лишиться.

— А сегодня везде можно жизни лишиться, — с неожиданной злостью в голосе проговорила Диана. — Кругом столько швали развелось, что иногда хочется взять автомат и всех перестрелять.

— Неужели всех?

— В тех местах, где я бываю, — всех.

Несколько минут они ехали молча, думая каждый о своем. Только однажды Диана нарушила тишину, указывая Кадилину, в каком именно месте им следует свернуть с шоссе. Затем она спросила:

— Вы правда бомж или пошутили?

— Правда.

— Тогда откуда у вас эта «девятка»?

— Угнал, — честно признался Кадилин.

— Вы серьезно?

— Абсолютно. Вы же мне не ввали, когда про пупсика своего рассказывали? Вот и я не вру. У меня час назад какие-то братки друга убили. Мне удалось спастись только благодаря этой «девятке».

— Так может, вам в милицию заявить?

— Странно слышать такое предложение от путаны, — удивился Кадилин. — Уж вам-то наверняка известно, как относятся в милиции к таким людям, как я. Ведь я же — бомж. Приди я к ним, они же меня первые браткам и сдадут.

— Верно, — согласилась с доводами своего собеседника девушка. — Только зря вы во мне засомневались. У меня к этой публике тоже свои счета имеются. Год назад на одном из «субботников» какие-то братки мою подругу изувечили.

— На каком таком субботнике? — не понял Кадилин.

— «Субботник» — это когда нам, путанам, приходится бесплатно давать. В основном — братве и ментам.

— Что, и менты тоже в этом участвуют?

— А то! Правда, меня уже больше года от этого Бог миловал. Здесь, пожалуйста, сверните налево, — сказала она Кадилину и указала рукой, где надо свернуть.

Они проехали еще несколько десятков метров, пока Диана не попросила остановиться возле длинного девятиэтажного дома.

— Вот мы и приехали, — сказала девушка и, открыв дверцу, опустила одну ногу на тротуар. Однако увидев, что ее попутчик неподвижно сидит на своем месте, она с удивлением посмотрела в его сторону. — А вы что сидите?

— Я думаю, что моя миссия на этом окончена, — ответил Кадилин.

— Это вы так думаете, а я думаю иначе. Вы мне помогли, теперь позвольте и мне ответить вам тем же. Все равно на краденой машине вам далеко не уехать.

— Но я могу вас стеснить, — продолжал упорствовать в своем нежелании выходить из машины футболист. — У вас и так день прошел не самым лучшим образом, зачем вам еще одна головная боль?

— Откуда вам знать, как прошел мой день? А если вы имеете в виду извращенца, то подобные встречи — обычные для нашей профессии. К тому же бабки с него я все равно поимела. — И Диана

похлопала рукой по маленькой сумочке, висевшей у нее на плече. — Так что не отказывайтесь от приглашения, которое вам делает дама.

— Хорошо, уговорили, — сломался наконец Кадилин, которому на самом деле после всего случившегося не хотелось мчаться на угнанной машине до первого гаишника. — Вы пока поднимайтесь к себе, а я отгоню машину в другое место. Все-таки не хотелось бы оставлять ее возле вашего подъезда.

— Резонно. Запомните номер моей квартиры — сто два.

Сказав это, девушка вылезла из автомобиля и скрылась в подъезде. Кадилин же проехал метров двести вперед и припарковал автомобиль возле шестнадцатиэтажной высотки. Положив ключи от «девятки» в карман пиджака, он чуть ли не бегом бросился назад, к дому, в котором пять минут назад скрылась его случайная знакомая.

Под сто вторым номером скрывалась однокомнатная квартира, которую, как позже узнал Кадилин, девушка снимала у какой-то бабульки за двести долларов в месяц. Не так много для Дианы, если учитывать, что она умудрялась зарабатывать столько за одну ночь. Вот и сегодня она поимела со своего пупсика хорошие бабки. Когда Кадилин вошел в специально для него оставленную открытой дверь, первое, что он увидел, как Диана, сидя на кровати, считает деньги. Увидев застывшего на пороге Кадилина, девушка потрясла в воздухе купюрами и победно изрекла:

— Триста баксов — неплохая плата за возможность шархнуть клиента по голове бутылкой.

— Вы не бойтесь, что этот пупсик вас найдет?

— Ничего я уже не боюсь. К тому же лишний шум ему ни к чему — подобные люди стараются не афишировать свои наклонности на публике.

Диана поднялась с кровати и, подойдя к ночному столику, спрятала деньги в одном из ящичков.

— Станный вы человек, Диана, — продолжал удивляться Кадилин. — Ночью встречаете незнакомого мужчину, приводите его к себе в дом и трясете у него перед носом деньгами. Должна же быть элементарная осторожность.

— Я же вам сказала, что я уже давно перестала чего-либо бояться. Меня за три года моего путанства дважды могли убить, раз пять

насиловали и все такое прочее. К тому же я не дура, чтобы приводить к себе в дом кого попало. Пойдемте на кухню и выпьем за знакомство.

На кухне Диана усадила гостя за маленький столик, а сама полезла в холодильник.

— Вы мартини пьете? — спросила она у Кадилина.

— С тех пор как я бомжую, я ем и пью практически все, что съедобно, — ответил футболист. — Однако я бы предпочел пивка.

— Найдется и пивко. Только импортного баночного нет, а есть родное «Жигулевское» в бутылках. Правда, темное.

— Тем лучше. Во-первых, в баночном привкус алюминиевый, а во-вторых, в темном меньше горечи, да и карамельный привкус иногда присутствует, — ответил Кадилин, принимая из рук хозяйки две бутылки вышеназванного пива и бутылку мартини.

Вскоре небольшой кухонный столик был аппетитно заставлен продуктами. Кроме выпивки Диана извлекла из холодильника ветчину, маринованные грибы в банке, баночку черной икры и две хорошо прожаренные куриные ножки. Все это было разложено по тарелочкам. Затем Кадилин разлил спиртное в бокалы себе — пива, а хозяйке — мартини и поднял первый тост:

— За знакомство!

Одним махом осушив свой бокал, Кадилин взял с тарелки куриную ножку и вонзил в нее свои зубы. Медленно потягивая мартини, Диана с интересом наблюдала за тем, как гость расправляется с курицей. Затем спросила:

— Интересно, кем вы были до того, как стали бомжом?

— Бьюсь об заклад, ни за что не угадаете, — наливая в свой бокал еще одну порцию пива, произнес Кадилин.

— А вдруг угадаю? — не согласилась Диана. — Наверное, каким-нибудь инженером на оборонном заводе?

— Холодно, — покачал головой Кадилин. — Я отродясь ничего не делал руками.

— Тогда чем — головой? Неужели вы бывший ученый?

— В своей области я действительно был чем-то вроде ученого. Однако в отличие от светил науки головой я работал меньше.

— Чем же вы работали? — удивилась Диана. — А вы случайно не альфонс?

— Опять не угадали.

— Любопытно. — Диана наконец допила свой мартини и попросила Кадилина вновь наполнить ей бокал. — Если отпадают руки, голова и это место, тогда что же остается? Ноги, что ли?

— Уже теплее.

— Тогда я, кажется, догадалась. Вы бывший спортсмен, а именно — бегун?

— В первой части попали в точку, а вот во второй промахнулись, — ответил Кадилин.

— Но ведь сами говорите — работали ногами. Значит, бегали?

— Бегать-то я бегал, но не по гаревой дорожке.

— А по чему?

— По «зеленке», то есть по газону.

Диана на секунду задумалась, пытаясь сообразить, о чем идет речь. И наконец догадалась:

— Так вы футболист?

— Вот теперь правильно.

— А фамилия у вас какая?

— Моя фамилия вряд ли что-либо вам скажет. Вам, извините, сколько лет?

— Двадцать два.

— Вот видите, в то время как мое имя начало греметь на всю страну, вам было всего лишь пять лет.

— Греметь на всю страну? — искренне удивилась Диана и даже на время отставила свой бокал в сторону. — Так вы знаменитость?

— Увы, в прошлом. А фамилия моя — Кадилин. Сергей Кадилин. У меня и доказательство есть — чемпионская медаль.

Кадилин полез рукой во внутренний карман пиджака, где всегда хранилась его медаль, однако на месте ее не обнаружил. Проверив остальные карманы и убедившись, что все они также пусты, он с нескрываемой растерянностью на лице произнес:

— Надо же, потерял. Единственная вещь, которая напоминала мне о моем славном прошлом.

— Вы не расстраивайтесь, я и так верю, — попыталась его успокоить Диана. — За какую же команду вы играли?

— За «Спартак» и сборную Союза.

— За «Спартак»?! Так это же моя любимая команда. Вы Валеру Кечинова знаете?

— Только заочно — видел по телевизору его игру. Это же молодая поросль спартаковских игроков. А вы что, с ним знакомы?

— К сожалению, тоже заочно. Просто он в свое время играл за ташкентский «Пахтакор», а я с родителями долгое время жила в Узбекистане. Потом я приехала в Москву к тетке, да так здесь и осталась.

— А родители, значит, в Узбекистане живут?

— Только мама. Папа умер пять лет назад. Но мы сейчас не мою историю слушаем, а вашу. Кстати, почему вы не едите? Обидеть меня хотите? Вы должны съесть все, что здесь стоит.

— Я и так половину уже съел.

— Вот и хорошо. У меня в холодильнике есть еще куриные котлеты.

Диана поднялась со своего места, чтобы достать из холодильника упомянутые котлеты, но Кадилин ее остановил.

— Не стоит беспокоиться. Во-первых, их надо разогреть, а это лишние хлопоты, а во-вторых, я не люблю эти полуфабрикаты в пачках. Меня в свое время приучили к настоящим куриным котлетам.

— Кто же вас приучил — жена?

— Не угадали. Жена если что и делала, то только яичницу или макароны. Приучили в «Спартаке». Шеф-поваром нашей базы в Тарасовке была Анна Павловна Чуркина, которая и готовила потрясающие куриные котлеты. Говорят, она и поныне там работает, являясь старожилом команды. Представляете, почти сорок лет у кухонной плиты!

Произнеся этот монолог, Кадилин разлил в опустевшие бокалы спиртное и сделал неожиданное предложение:

— Давайте выпьем на брудершафт, Диана. Мы с вами знакомы уже два часа, и самое время перейти на «ты». Как вы на это смотрите?

— Исключительно положительно, — ответила девушка и первой подняла свой бокал.

Они переплели руки и осушили бокалы до дна. Затем в течение нескольких минут они сидели молча. За это время Кадилин успел проглотить вторую куриную ножку, после чего налег на ветчину и бутерброды с икрой, а Диана, уже слегка захмелев, с интересом наблюдала за ним.

— Сергей, извини за бестактный вопрос, но я баба простая: ты когда последний раз женщину трахал?

Кадилин на несколько секунд замер, даже жевать перестал, но затем произнес:

— Месяц назад в Каланчевском отстойнике какую-то девку поимел. Тамошные проводники днем за бабки пускают в вагоны перепихнуться бомжей и местных проституток.

— Ну и как удовольствие?

— Какое может быть удовольствие, когда в грязном вагоне, на вонючем матрасе, да еще выпивши?

— Бедненький, — с неожиданной теплотой в голосе произнесла Диана и положила свою ладонь на голову гостю. — Хочешь, сегодня у тебя все будет по-другому?

— То есть я должен заменить пупсика? — усмехнулся Кадилин.

— Дурачок. Просто ты мне очень нравишься. Мы же договорились быть откровенными. Вот я тебе и говорю: я видела сотни мужиков, которые имеют все — бабки, машины, девок, но они и мизинца твоего не стоят.

— Понимаю, разнообразия захотелось? Устала от богатеньких буратин и решила попробовать с бомжом.

— Опять говорю — дурак. Я прекрасно понимаю твои чувства и, будь я на твоём месте, честное слово, отвесила бы за подобное предложение оплеху. Но ты мне действительно понравился. Я тыщу лет не сидела вот так на кухне с мужиком и не болтала за жизнь. Последний раз это было с отцом, в Ташкенте. И ты единственный, кто мне это напомнил.

Кадилин поднял голову и внезапно увидел, что девушка плачет. Ему хотелось бы списать все происходящее на хмель, который, видимо, ударил в голову хозяйке, однако ее глаза, устремленные на него, говорили о другом. По ним он ясно прочитал, что все сказанное ею только что — правда. Подталкиваемый каким-то неосознанным чувством, Кадилин наклонился к девушке и коснулся губами ее соленой от слез щеки. Затем они слились в долгом поцелуе, а когда их губы устали, футболист произнес:

— Я хочу принять душ.

Диана молча взяла его за руку и сама отвела в ванную. Когда через десять минут Кадилин вошел в комнату, девушка лежала в

кровати, накрывшись простыней. Он не стал медлить — нырнул к ней и тут же припал горячими губами к ее груди. В течение нескольких минут он отчаянно работал губами и языком, после чего инициативу взяла в руки его партнерша. Опрокинув его на спину, она очень быстро довела его до иступления.

Вспоминая теперь события бурной ночи, Кадилин блаженно потянулся в кровати и поймал себя на мысли, что не прочь бы заняться сексом. Однако Дианы, судя по всему, в квартире уже не было. Это подтвердила и записка, оставленная ею на ночном столике. Ровным, почти детским почерком в ней было написано всего несколько строк:

«С добрым утром, футболист! Буду во второй половине дня. На всякий случай оставляю тебе телефон моей тетки. Завтрак в холодильнике.

Твоя леди Ди».

Когда Кадилин позавтракал, на часах было пять минут первого. До возвращения девушки была еще уйма времени, и он решил не тратить его впустую, лежа на диване. Именно на сегодня выпадал день, когда должен был решиться вопрос — выгорит у него что-то с работой или нет. Посодействовать в этом вопросе Кадилину вызвался Женья Хомяков, с которым они были знакомы вот уже около десяти лет. Их знакомство произошло в год, когда Кадилин во второй раз в составе московского «Спартака» стал чемпионом Союза. Хомяков, или просто — Хома, был активным фанатом клуба и часто сопровождал команду во время выездных игр. Во время одной из таких поездок Кадилин с ним и познакомился. Парнишка (тогда ему было лет пятнадцать) подошел к нему после матча и попросил расписаться на обложке увесистого альбома. Кадилин стал с интересом его листать и был приятно удивлен тем фактом, что альбом посвящен исключительно его персоне. В нем были собраны практически все статьи о нем, а также фотографии, выходившие в свет за восемь лет его пребывания в «Спартаке». Этот альбом настолько растрогал футболиста, что он предложил парню после возвращения в Москву не стесняясь заходить к нему в гости. И даже дал свой домашний адрес. С тех пор они и подружились. Однако чуть позже пути их разошлись: Кадилин из «Спартака» ушел, а затем и Хому забрали в армию.

Новая их встреча произошла месяц назад. Кадилина занесло в центр Москвы, и возле одного из роскошных офисов его внезапно окликнул по имени какой-то молодой человек в униформе секьюрити. Приглядевшись, Кадилин узнал в нем Женю Хомякова. Как оказалось, тот теперь трудился в частном охранном предприятии, где одним из руководителей работал его старший брат. Их встреча длилась всего лишь несколько минут, однако этого времени вполне хватило, чтобы Хома проникся сочувствием к той ситуации, в которой оказался его бывший кумир, и вызвался ему помочь. Он пообещал уговорить своего брата посодействовать в получении Кадилиным нового паспорта и устройстве его на работу охранником в фирму, в которой работал сам. Он объяснил, что фирма вот-вот должна подписать договор с некоей организацией и взять под охрану один из ее объектов — стройку на окраине Москвы. При удачном стечении обстоятельств футболисту было обещано место охранника на этом объекте. Две недели назад Кадилин встречался с Хомой, однако парень сообщил, что договор с фирмой еще не подписан, и попросил отсрочки еще на неделю. Отпущенный Хомой срок истекал как раз сегодня.

Оставив Диане такую же короткую записку о том, что он объявится не раньше четырех-пяти часов вечера, Кадилин покинул гостеприимную квартиру. Однако, выйдя на улицу, он внезапно вспомнил, что не позаботился о самом главном — деньгах, которые ему понадобятся, чтобы доехать до центра. В кармане брюк он обнаружил лишь мелочь, чтобы прокатиться на метро в одну сторону, что Кадилина, естественно, не устраивало. Надо было искать недостающие деньги на обратную дорогу. Но где их взять? Триста долларов, которые Диана при нем положила в ночной столик, были для него теперь недосыгаемы — уходя, он захлопнул дверь, а ключа от квартиры девушка ему не оставила. Какие варианты были у него еще? Идти попрошайничать? И тут он внезапно вспомнил про угнанную им «девятку», которая должна была мирно стоять на стоянке от подъезда. Он оставил ее, даже как следует не обыскав. Вдруг братки впопыхах оставили в ней какую-нибудь барсетку, портмоне или что-то из ценных вещей? Это следовало проверить, и футболист решительным шагом направился к тому месту, где он ночью оставил автомобиль.

Осмотр «девятки» Кадилин начал с переднего сиденья. И буквально с первых же минут — неожиданная находка: в бардачке он

наткнулся на пистолет Макарова с полной обоймой. Взяв его в руки, Кадилин в течение минуты размышлял о том, брать ему с собой оружие или нет. И хотя аргументов в пользу того, чтобы оставить пистолет там, где он его нашел, было больше, Кадилин все-таки решил иначе. Засунув пистолет за брючный ремень на спине, он продолжил осмотр салона.

Еще одна находка поджидала его на заднем сиденье — там лежал мобильный телефон коричневого цвета. О судьбе этой вещицы он размышлял недолго — тут же отправив его в карман пиджака, футболист решил при первом же удобном случае загнать телефон по дешевке какому-нибудь нуворишу. Это было последнее, что ему удалось обнаружить в салоне автомобиля. Затем он открыл багажник, однако там, кроме запаски, троса и грязных тряпок, больше ничего не было.

Вполне удовлетворенный проведенным осмотром, Кадилин закрыл машину и отправился искать кратчайший путь до ближайшей станции метро. Искал он недолго: первый же попавшийся ему на пути человек — пожилой мужчина, выгуливающий красавца сенбернара, — легко объяснил ему, каким образом это лучше сделать. Оказалось, что до ближайшей станции метро было пятнадцать минут быстрого хода, и Кадилин преодолел это расстояние без особого напряжения.

Дойдя до станции, под землю он спустился не сразу, а предпочел некоторое время покрутиться в ее окрестностях. Ему надо было во что бы то ни стало продать мобильник, причем сделать это как можно быстрее. Однако выяснилось, что провернуть подобную сделку не так просто. В продуктовом ларьке и в палатке, торгующей цветами, на предложение купить по дешевке средство мобильной связи ему ответили отказом. Потерпев неудачу у торговцев, Кадилин решил охватить своим вниманием прохожих. Однако среди этой публики тоже не нашлось желающих купить у незнакомого мужчины дорогую вещь. Ситуация складывалась безвыходная. И тут ему повезло. Внезапно он обратил внимание на молодого парня в джинсовом костюме, который стоял у табачного киоска и, судя по той частоте, с которой подносил к глазам свои наручные часы, кого-то ждал. Кадилин пересек улицу и, подойдя к незнакомцу, с ходу предложил ему купить телефон.

— Крошка, о чем ты? — удивленно посмотрел на футболиста молодой человек.

Тот поначалу удивился столь фамильярному обращению к себе со стороны незнакомого человека, но, взглянув на него повнимательней, все понял. Легкие румяна на щеках и слегка подкрашенные губы ясно указывали на то, что перед ним стоял представитель так называемых сексуальных меньшинств. Однако отступать было уже поздно.

— Я говорю, купи мобильник по дешевке, — повторил свою просьбу Кадилин.

— Мобильник, говоришь? А где он?

Футболист достал из кармана телефон и показал его незнакомцу.

— Где ж ты его взял, негодник? Наверняка украл у кого-то?

— Какая разница? Однако дешевле, чем у меня, тебе его нигде не купить.

— Дурашка, я не о том. Просто если ты его у кого-то спер, то хозяин его заблокирует, и все. Давно он у тебя?

— Со вчерашнего дня, — ответил Кадилин.

— Тогда его уже заблокировали. Вот, смотри. — И незнакомец, взяв у собеседника телефон, нажал на нем какую-то кнопку.

Однако аппарат сработал. Тогда незнакомец набрал на нем какой-то номер и стал ждать ответа. Видимо, вскоре на другом конце ему ответили, потому как парень произнес:

— Малыш, куда же ты пропал? Я уже битых полчаса жду тебя на старом месте. Какие у тебя могут быть дела, если ты завтра улетаешь и мы с тобой заранее договорились о встрече? Ты мне что-то недоговариваешь. С кем ты сейчас находишься?

Примерно в течение полминуты парень внимательно выслушивал отчет своего далекого собеседника. Наконец голосом, полным раздражения, он произнес:

— Ты меня обманываешь! Наверняка опять ты с Семочкой. Ты же с ним порвал раз и навсегда.

Кадилин, чувствуя, что выяснение отношений между двумя геями может тянуться непомерно долго, осторожно тронул парня за рукав.

— Подожди, видишь, я разговариваю! — огрызнулся тот.

Видимо, его собеседник услышал эту реплику, потому что в следующую секунду парень, обращаясь к нему, сказал:

— Какое тебе дело, кто со мной стоит? Ты ведь не объясняешь, с кем ты. Да, это мужчина. Вернее, мужчинка, причем очень даже симпатичный. Не веришь? Сейчас убедишься. — И парень, приложив к уху Кадилина телефон, внезапно попросил: — Скажи ему пару слов.

Кадилин, который явно не ожидал такого поворота событий, несколько секунд стоял молча, после чего произнес:

— Добрый день.

В ответ в трубке тут же раздался раздраженный мужской голос:

— Слушай, если ты хоть пальцем его тронешь, я тебе голову оторву. Ты понял?

Кадилин предпочел не развивать дальше эту тему и отошел в сторону. Парень вновь приложил к уху телефон и тоном, не терпящим возражений, сказал:

— В общем так, дорогой, либо ты немедленно приезжаешь ко мне, либо я отдамся этому мужчинке. Ты меня понял? Вот и замечательно. Ждать тебя здесь мне уже не резон, поэтому приезжай прямо ко мне домой. Чао.

Отключив телефон, парень, вместо того чтобы вернуть его хозяину, переложил в другую руку и, обращаясь к футболисту, спросил:

— Испугался небось? Не бойся, ты не в моем вкусе.

— Я и не боюсь, — ответил Кадилин, хотя внутренне чувствовал себя явно не в своей тарелке.

— Однако внешне ты выглядишь ничего, — продолжал развивать дальше любимую тему парень. — Тебя бы побрить, постричь, причесать, одеть в клевый прикид и — в койку. Хочешь, познакомлю тебя с хорошим мальчиком?

— Нет уж, спасибо, — возразил в ответ Кадилин. — Как насчет телефона?

— Ах, совсем забыл! — картинно всплеснув руками, произнес парень. — Сколько же ты за него хочешь?

— Ну, сотню.

— Совсем рехнулся! — возмутился гей. — Я же говорю, что его могут в любую минуту заблокировать. Поэтому даю тебе двадцатку, и мы в расчете.

Кадилин хотел было возмутиться, но потом прикинул, сколько времени ему еще понадобится на то, чтобы найти нового покупателя, и

делку одобрил. Спрятав деньги в карман, он спустился в метро, купил в кассе два пластмассовых жетона и прошел сквозь турникет. Теперь ему предстояла неблизкая дорога в центр города.

Отправляясь в путь, Кадилин прекрасно понимал, что рискует многим. Ведь после гибели своего человека, считал он, хозяева Яши наверняка объявят на него охоту по всему городу. С другой стороны, его все еще переполняла ненависть к этим выродкам, убившим его друга, и перед этим справедливым чувством страх отступал далеко назад. Поэтому возможной встречи с братвой Кадилин не боялся. Более того, в глубине души он даже ждал ее, рассчитывая на этот раз разобраться с ними не голыми руками, а применив в поединке своего нового помощника — пистолет Макарова.

В его рассуждениях присутствовал один весьма существенный просчет, о котором он не догадывался. Он был уверен, что люди, с которыми ему пришлось столкнуться на квартире инвалида, приходили туда по Яшину душу, а отнюдь не по его. А это было не так. Не мог знать Кадилин и того, что люди, с которыми его угораздило столкнуться, в криминальном мире занимали совсем иную ступеньку, чем хозяева Яши, и нанесенных обид никогда не прощали. После гибели своего человека от рук бомжа, они подняли на ноги все наличные силы и даже подключили к этому делу своих технарей. Вот почему оставленный в «девятке» мобильный телефон не был заблокирован — по сигналу, который рано или поздно должен был с него поступить, технари надеялись определить местонахождение искомого объекта.

И они не ошиблись. Когда новый обладатель мобильника позвонил своему приятелю, технари засекли это место. Едва об этом стало известно браткам, они тут же отрядили туда людей, которым была поставлена конкретная задача — прочесать близлежащие окрестности и постараться найти угнанную «девятку». В тот момент когда Кадилин выходил из метро в центре города, это прочесывание было уже в самом разгаре.

СТРЕЛЫ АМУРА ДЛЯ СЫЩИКА МУРА

Согласно визитке, которую Громову дал Шкляревский, поисковый клуб «Родина» находился в тихом московском переулке, в многоэтажном здании, в котором некогда располагался один из столичных НИИ. Теперь институт занимал всего лишь три этажа огромного здания, а все остальные были отданы в аренду самым различным организациям.

Припарковав машину на стоянке, по которой взад-вперед курсировал охранник, Громов зашел в здание и тут же столкнулся с, казалось бы, давно ушедшим рудиментом — старенькой вахтершей, сидевшей в застекленной будке.

— Вы что, бабуля, тоже из частного охранного предприятия, то бишь из ЧОПа? — спросил Громов, наклонившись к небольшому окошку в будке.

— Сами вы из ЧОПу, — огрызнулась старушка. — Я за институтом числюсь, а те, что из ЧОПу, стоянку охраняют. Понятно?

— Как не понять — не дураки. Только мне внутрь пройти надобно.

— Так валяй, проходи.

— Что — прямо так, без всякого документа?

— А я и так вижу, что вы мужчина порядочный, не шелупонь какая-нибудь.

— Спасибо, бабуля, на добром слове. — И Громов со спокойной душой прошел через вертушку.

Однако не сделав и пары шагов, он вновь вернулся к вахтерше и поинтересовался у нее, где находится поисковый клуб «Родина».

— А кто это такие? — искренне удивилась бабулька.

Громов на секунду стушевался, не зная, как лучше объяснить вахтерше, кто такие поисковики. Наконец он определился:

— Короче, это люди, которые ищут в земле военные трофеи.

— Трофеи, говоришь? Надо же! И что, они, значит, у нас обитают?

— Говорят, у вас.

— Надо же! И кого только сюда не насобирали. Раньше все было чин-чинарем — одни институтские обитали. А теперь мозги сломаешь: и фирмачи, и трепачи, теперь вот и клубы какие-то завелись. А ты никак трофей какой нашел?

— Нашел, бабуля. Вот хочу сдать, да не знаю куда.

— А ты вон у девушки спроси, она наверняка знает, — сказала вахтерша и указала рукой за спину Громова.

Он обернулся и увидел возле лифта стройную блондинку. Поблагодарив вахтершу за совет, Громов подошел к девушке и деликатно обратился к ней со словами:

— Извините за беспокойство, но мне кажется, вы тот человек, который может мне помочь.

Девушка повернула голову в его сторону и буквально насквозь пронзила его взглядом своих голубых, как морская волна, глаз.

— Вы случайно не дворянин? — спросила она у Громова, и уголки ее губ тронула легкая усмешка. — Ко мне давно так никто не обращался.

— Да нет, девушка, вы ошибаетесь. Я по профессии тракторист, а хорошие манеры мне привили в кружке «Умелые руки». У нас преподавателем была бабушка, которая в свое время закончила институт благородных девиц.

— Понятно. Только я не видела на стоянке вашего трактора.

— Естественно. Охранник взъялся: не положено, говорит, ставить на стоянку агрегат на гусеничном ходу. Пришлось припарковаться за углом.

В эту секунду вызванный девушкой лифт благополучно достиг первого этажа и с шумом открыл свои двери. Громов пропустил незнакомку вперед, затем шагнул в кабину сам.

— В первый раз поеду в лифте с трактористом, — вновь сострила девушка.

— Уверяю вас, это намного лучше, чем с сексуальным маньяком, — парировал Громов.

— Мне на пятый, а вам куда? — спросила девушка, прежде чем нажать на кнопку лифта.

— Об этом и речь. Дело в том, что я в этом здании впервые и абсолютно в нем не ориентируюсь. А нужен мне поисковый клуб «Родина».

— Что вы говорите? — Брови незнакомки взметнулись вверх. — Вам повезло — он тоже на пятом этаже. Что же вы потеряли в поисковом клубе?

— Не потерял, а нашел. Пахал как-то на своем тракторе в поле и откопал странную пушку с шестью стволами. Наши мужики говорят, что она инопланетная. Вот хочу экспертам показать.

В это мгновение девушка внезапно рассмеялась. Причем так искренне, что Громов проникся к ней еще большей симпатией.

— Ну, хватит, я поняла, что с чувством юмора у вас все в порядке, — сказала она и наконец нажала на кнопку.

— А вам обязательно надо было в этом убедиться?

— Конечно. Мужчина вы с виду интересный, но внешность часто бывает обманчивой. Поэтому каждого, кто мне нравится, я проверяю на чувство юмора.

— И я этот тест прошел?

— Безусловно. Поэтому давайте знакомиться. Меня зовут Инга. — И она протянула Громову руку.

— Громов Кирилл Андреевич, — ответил он, пожимая теплую ладонь девушки.

Лифт благополучно доехал до пятого этажа, и они вышли в коридор.

— Здесь наши пути расходятся, — сказала девушка. — Мне налево, а вам в противоположную сторону до конца. Поисковый клуб находится в кабинете 531.

— Неужели мы расстанемся, так ничего толком друг о друге не узнав? — удивился Громов. — Скажите хотя бы, в каком качестве вы здесь пребываете?

— В качестве журналиста. На этом этаже располагается редакция дамского журнала, в котором я работаю.

— Редакция, как я понял, сплошь женская?

— Хамите? — Тонкие брови Инги на мгновение сошлись на переносице. — Думаете, если у нас работают одни женщины, значит, все мысли у нас только о вас — мужиках? Кстати, кто вы по профессии? Только не надо вспоминать родной колхоз.

— Я всего лишь милиционер.

Инга от удивления присвистнула:

— Как интересно.

— Сейчас вы скажете, что никогда не стояли в коридоре с милиционером?

— Почему же? В моей практике были встречи с вашим братом. Однажды я брала интервью у сотрудника РУОПа, а на свадьбе у подруги познакомилась с налоговым полицейским.

— Налоговая полиция — несколько иная епархия.

— Для меня разница небольшая. В каком же подразделении трудитесь вы?

— Есть в структуре МВД такое управление по розыску алиментщиков. Слышали небось?

— Издеваетесь?

— Почему же? Просто у меня тоже имеются свои тесты, которые я применяю при знакомствах с интересными людьми.

— И что показывают ваши тесты в отношении меня?

— Исключительно положительные результаты. Поэтому не буду больше водить вас за нос и честно признаюсь — я работаю в МУРе.

И тут Громов внезапно понял, что девушка по-прежнему не верит ни единому его слову. Видимо, в своих приколах он зашел слишком далеко. Чтобы окончательно рассеять туман вокруг своей личности, он достал из кармана «мурку» и предъявил девушке.

— Теперь верите?

— Теперь — да. И сразу беру быка за рога. Вы обязательно должны дать интервью нашему журналу.

— По поводу прокладок «Олвейс» или колготок «Леванте»?

— Не смешно. Наш журнал хотя и дамский, однако пишем мы обо всем. В том числе есть у нас и рубрика «Криминал». Вы могли бы рассказать о каком-нибудь интересном уголовном деле. К примеру, сейчас вы над чем работаете?

— Да, ерунда. У мальчишки в песочнице грузовик украли, вот теперь ищу.

— Громов, вы неисправимы. Хватит уже шутить, я и так от вас в полном восторге. Можно сказать, даже капельку влюбилась.

— Не купите меня на ваши журналистские трюки. Наверняка хотите взять быка не за рога, а за вымя.

Инга вновь прыснула от смеха, и Громов, глядя в ее бездонные глаза, внезапно понял, что ее симпатия к нему явно неподдельная.

— Хорошо, уговорили, я готов дать вам интервью, — согласился он. — Надеюсь, у вас есть ручка и бумага, чтобы записать мой домашний телефон?

— Почему домашний, а не служебный? — спросила Инга.

— Потому, что так проще. Во-первых, чтобы попасть к нам в МУР, вам надо будет писать письмо на имя первого заместителя начальника ГУВД и неизвестно сколько ждать ответа, а во-вторых, со мной в кабинете работает один тип, который, увидев ваши великолепные ноги, минимум на неделю потеряет интерес к работе. А зачем мне это надо?

— Однако сами вы вот уже двадцать минут с интересом разглядываете мои ноги и потерять интерес к работе не боитесь.

— Мне можно, я — выдержанный. Меня даже однажды хотели внедрить в одну банду, сплошь состоявшую из женщин, потому что знали — Громов не сломается.

— И что же — внедрили?

— А вот об этом мы поговорим с вами во время нашей следующей встречи. Договорились?

Инга в ответ кивнула и полезла в свою сумочку за ручкой и листком бумаги.

Расставшись с журналисткой, Громов летел к кабинету 531, что называется, на крыльях любви. Давно он не встречал девушку, которая понравилась бы ему с первого взгляда. Причем в новой знакомой прекрасным было все: фигура, характер, интеллект. А такие представительницы прекрасного пола сыщику нравились больше всего.

Прежде чем войти в кабинет, где располагался поисковый клуб «Родина», Громов извлек на свет визитку, которую ему любезно вручил его коллега Павел Шкляревский, и еще раз прочитал отпечатанную на ней фамилию одного из руководителей клуба — Анатолий Владимирович Раевский. Попытавшись мысленно представить себе своего будущего собеседника, Громов остановился на следующем варианте: серьезный мужчина с копной седых волос и массивными очками на кончике носа.

Нарисованный в его воображении образ не имел ничего общего с тем человеком, которого он увидел в кабинете. За обычным канцелярским столом сидел и разговаривал по телефону молодой

человек с торчащим в разные стороны ежиком волос на маленькой голове, с лицом, усыпанным веснушками, и оттопыренными ушами. Увидев гостя, молодой человек жестом пригласил его сесть на свободный стул, стоявший возле стола, а сам как ни в чем не бывало продолжал разговаривать по телефону.

— Извините, но вы говорите вещи, которые не укладываются в голове. Что, в Центральном архиве Министерства обороны нет обыкновенного ксерокса, который сегодня стоит чуть ли не в каждом, даже захолустном, офисе? Как же вы работаете с документами? Или вы их все уничтожаете? Не все? Спасибо и на этом. Но вы же государственная организация, которая обязана хранить то, что называется «нашей памятью». Почему я — человек, который работает в общественной организации, это понимаю, а вы нет? Ах, вы тоже понимаете? Тогда примите у нас документы, которые хранят в себе эту самую память. Места нет? И что вы предлагаете? Спасибо на добром слове, мы возьмем ваш совет на вооружение. До свидания.

Молодой человек в сердцах швырнул трубку на аппарат, после чего поднялся со своего места и, подойдя к окну, где на подоконнике стоял графин с водой, налил себе чуть ли не полный стакан. Одним глотком осушив содержимое стакана, хозяин кабинета вернулся на прежнее место и устремил свой взгляд на гостя:

— Вы меня извините, но сил, для того чтобы сдерживаться, уже не хватает. Вы можете себе представить такую картину: мы нашли в одном из блиндажей сейф с документами военной поры, своими силами привели их в порядок и собирались сдать в Центральный архив Министерства обороны. И что, вы думаете, нам ответили? Мол, привозите, однако все эти документы мы все равно уничтожим. Спрашиваем: почему? А они нам: разве вы не знаете, что, если бумага столько лет пролежала в земле, она обязательно заражена гнилостным грибок? А это представляет угрозу документам, которые хранятся у нас. Сегодня я звоню им в архив снова, говорю, чтобы они хотя бы продублировали документы на ксероксе, а мне отвечают: у нас ксерокс сломался. Полный атас!

— Как же вы поступите? — спросил у молодого человека Громов.

— Придется хранить документы у себя, хотя места у нас, сами понимаете, не так много, как в государственном архиве. Но нам не впервой. Государство вообще редко нам помогает. Единственный раз

расщедрилось на сорокалетие Победы. Выделило нам деньги, на которые мы купили те же ксероксы, компьютеры. Теперь деньги кончились, и все покатило по-старому. Месяц назад мы обнаружили останки наших солдат, погибших в Великую Отечественную, попросили денег, чтобы по-человечески их захоронить. Думаете, дали? Шиш! Пришлось идти к знакомым плотникам, которые согласились бесплатно сколотить гробы для погибших. Однако похоронить удалось всего лишь несколько десятков. Остальные — примерно две с половиной тысячи — так и лежат непогребенными.

— Да, хлопотная у вас работенка, — искренне посочувствовал молодому человеку Громов.

— Не то слово, — тяжело вздохнул хозяин кабинета, после чего спросил: — А вы, как я понимаю, от Павла Сергеевича?

— Совершенно верно. Он вам уже звонил?

— Да, примерно час назад. Ну что ж, давайте знакомиться — Анатолий Раевский.

Громов в ответ назвал себя и пожал протянутую ему руку. К его удивлению, внешний вид хозяина кабинета совсем не соответствовал той силе, которая таилась в его рукопожатии — оно было крепким, волевым.

— Чем могу служить? — спросил у гостя хозяин кабинета.

— Советом, Анатолий. Несмотря на то что Страна Советов вот уже несколько лет как почил в бозе, однако без них никак не обойтись. Павел мне рассказывал, что вы хороший специалист по стволам времен войны. А также знаете кое-кого из реставраторов, которые приводят их в порядок. Дело в том, что к нам попал пистолет «ГТ» выпуска сорок первого-сорок пятого годов, который совсем недавно был кем-то хорошо отреставрирован. Я понимаю, что найти реставратора по алюминию, которым он заливал ствол, весьма проблематично. Однако этот реставратор оставил на «щечках» свое клеймо — две молнии. Эта примета вам что-нибудь говорит?

— Конечно. Если за последнее время не объявился человек, который ставит такое же клеймо на свои работы, то этот ствол наверняка побывал в руках Вити Катышева, с которым мы когда-то вместе занимались «черным поиском». Витюша вообще любит всякие примочки и ставит клеймо на всех своих работах. Поскольку он тащится от нацистской символики, именно ее он и выбрал. А знак две

молнии — это двойная руна Зиг, означающая победу. Знаете, что такое руны?

— Именно для того, чтобы узнать это, я сюда и пришел, — ответил Громов.

— Руны — это буквы алфавита, которые в древности применялись скандинавскими и другими германскими народами для культовых и памятных надписей. Согласно легенде, каждая руна, будучи начертана, оказывает свое определенное воздействие: может ускорить события или их замедлить, защитить от какой-нибудь напасти и так далее. Гитлер с большим трепетом относился к оккультным наукам, поэтому его обращение к рунам было не случайным. Однако они же его и погубили. Взяв в качестве своего герба свастику — рунический знак солнца — он развернул ее в обратную сторону, чего делать ни в коем случае нельзя. Витюша прекрасно знает историю, поэтому, если ставит в качестве клейма свастику, всегда сохраняет ее в первоначальном руническом виде.

— Найти Витю Катьшева вы мне поможете?

— Без проблем. Тем более что сейчас он целыми днями сидит дома и пытается воспроизвести реплику с одного хитрого немецкого пистолета времен войны. Об эту игрушку сломали голову многие оружейники.

— Что за игрушка? — с нескрываемым интересом спросил Громов.

— Так называемый «пистолет в пряжке». Не слышали? Редкая вещь. Ее придумал в 1942 году немецкий изобретатель Луис Маркус. Представляете, он додумался в пряжку ремня спрятать двуствольный мини-пистолет калибра 7,65. На левой стороне пряжки он разместил два рычажка, при нажатии на которые открывалась крышка и наружу выскакивали стволы. В качестве курков служили две спусковые кнопки на левой внутренней стороне пряжки. Нажал на кнопку — следует выстрел. Причем кнопки работают довольно жестко и случайный выстрел произвести практически невозможно. В сорок третьем году Маркус добился личной аудиенции у Гимmlера и заручился его поддержкой в выпуске партии этих пистолетов. Однако на фронт они так и не попали. В начале сорок четвертого союзники разбомбили заводы фирмы братьев Асманов «Два кольца», на которых

они выпускались. На сегодняшний день сохранилось всего лишь три подлинных экземпляра этих «пистолетов в пряжке».

— Неужели с подобным оружием немцы собирались выиграть войну? — удивился Громов.

— Да, вы правы, с практической точки зрения пользы в этой игрушке было не так много. Видимо, и Гиммлер это понимал, потому и санкционировал только ограниченное ее производство. Он понял, что шансов пустить это оружие в ход очень мало. Дело в том, что пистолеты помещались не в настоящую пряжку, а в специальный коробок, имитирующий ее. Поэтому одного взгляда было достаточно, чтобы определить фальшивку. Оставить ее, к примеру, на арестованном могли только по большой глупости. Хотя для стрельбы в упор это оружие было вполне пригодным.

— И что, Катышев пытается воспроизвести этот пистолет в домашних условиях? — спросил Громов.

— Да, есть у него такая идея фикс. Месяца два над ней бьется, но весомых результатов пока не видно. Но Витя парень упертый — не сдастся до последнего. Сами в этом убедитесь, когда с ним встретитесь. Вы сюда как добирались: общественным транспортом или на личном?

— На личном.

— Тогда еще проще. Отсюда до Витюши рукой подать. Вот вам бумага и ручка, запишите его домашний адрес.

Раевский оказался прав — «восьмерка» Громова домчалась до дома, в котором проживал Виктор Катышев, буквально за десять минут. Однако возле подъезда сыщика ждало препятствие — на двери стоял металлический замок с кодом, который он, естественно, не знал. Для любого приезжего эта преграда была бы труднопреодолимой, но только не для москвича, прекрасно знающего все секреты подобных дверей. С тех пор как кодовые замки стали устанавливать в столичных подъездах, всегда находился кто-нибудь из жителей, страдающий обширным склерозом, который в первый же день установки замка гвоздем выцарапывал заветные цифры кода в каком-нибудь углу двери. Вот и этот подъезд ничем не отличался от большинства других. Быстро отыскав на двери искомые цифры, Громов набрал их и спокойно вошел в подъезд.

Раскуроченные почтовые ящики и расписанные мелом стены, которые встретили его на первом этаже, ясно указывали на то, что установка кодового замка была явно запоздавшим актом со стороны местного домоуправления. Не лучшим образом выглядел и лифт, в котором царил полумрак, так любимый маньяками, и пахло мочой. С трудом отыскав на щитке нужную кнопку, Громов чуть ли не с замиранием сердца отправился в путь на седьмой этаж. Дурные предчувствия его не обманули. Проехав от силы этажа три, лифт внезапно загудел и остановился. Громов бросился к щитку, нашел на нем кнопку диспетчера и принялся что есть силы давить на нее. Но все было напрасно — миниатюрный громкоговоритель, вмонтированный в щиток, хранил молчание. Чертыхаясь и проклиная все на свете, Громов что есть силы забарабанил по двери лифта. Он стучал минуты две, уже и здесь отчаялся добиться успеха, но ему повезло. Примерно на уровне своей головы он услышал чьи-то шаги, после чего хорошо поставленный женский голос его спросил:

— Зачем же так шуметь? Вы весь дом переполошили.

— Извините за беспокойство, дамочка, но мне необходимо отсюда выйти, — стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее, ответил Громов. — Вас не затруднит позвонить по телефону в диспетчерскую.

Громов был хорошим психологом и сразу определил в женщине активную общественницу, у которой дома наверняка записаны все телефоны коммунальных служб. И он не ошибся.

— Хорошо, я позвоню. Только я не уверена, что это принесет быстрые результаты. У нас три дня назад девушка с восьмого этажа целый час лифтера ждала.

— А вы скажите, что в лифте застрял народный депутат Безыменский. И если они через десять минут меня отсюда не вытащат, у них будут крупные неприятности.

Громов знал, что говорил. При нынешнем всеобщем пофигизме и нелюбви к правоохранительным органам, назовись он милиционером, ему однозначно пришлось бы куковать здесь до скончания века. Поэтому он выбрал самую беспроегрышную визитную карточку — хотя народных депутатов у нас тоже не любят, но их хотя бы боятся.

Пока дамочка ходила звонить, Громов попытался скоротать время в размышлениях. Но как он ни пытался сосредоточиться на чем-то

одном, ему это не удавалось. Тесная, полутемная, да еще вонючая кабина лифта была не самым удобным местом для подобного времяпрепровождения. «А вот Штирлиц бы смог», — подвел грустный итог под своими размышлениями Громов.

Время шло, а никаких проявлений активности со стороны домоуправления не замечалось. «Однако это свинство», — подумал Громов, когда стрелка на его часах пересекла десятиминутный рубеж ожидания. Но не успел он поднять голову от циферблата, как наверху вновь послышались чьи-то шаги. На этот раз это была не дамочка. Пьяный мужской голос спросил:

— Эй, в лифте! Как дела?

— Пока не родила, — ответил сыщик. — Ты кто такой?

— Лифтер я, Гена.

— Значит, так, Гена, — придавая своему голосу начальственный тон, произнес Громов. — Если через две минуты я отсюда не выйду, ты больше не лифтер. Ты просто Гена. Понял?

— Дык как не понять. Сей момент.

Каблуки лифтера застучали по лестнице, после чего на площадке вновь наступила тишина. Но длилась она недолго. Минуты через две в лифте что-то щелкнуло и кабина плавно тронулась вверх. На одном из этажей она остановилась, и двери наконец открылись. Не желая больше искушать судьбу, Громов вышел на площадку. И тут же столкнулся с мужиком в синей спецовке. Судя по всему, это и был лифтер Гена, причем пьяный вдрызг. Глядя на Громова своими маленькими пороссячьими глазками, он внезапно произнес:

— Депутат, дай на бутылку.

И тут терпению сыщика наступил конец. Злость, которая накопилась в нем за время его пребывания в полутемной и вонючей кабине лифта, вырвалась наружу. Выхватив из кобуры, прилаженной под мышкой, свой табельный «Макаров», Громов сунул его под нос лифтеру и сквозь зубы процедил:

— Значит, так, Гена. Быстро лег на пол и десять раз отжался. Ну!

Лифтер, у которого и без того куцее мировоззрение теперь сузилось до размера дула пистолета, упал на четвереньки и принялся отжиматься. Однако уже на пятом жиме его хилые ручонки задрожали, а задница начала провисать. Но Громов был неумолим:

— Я сказал — десять раз.

Ценой невероятных усилий лифтер все же выжал положенное число жимов, после чего сел на пол и прислонился спиной к холодной стене. Было видно, что хмель из него улетучился бесповоротно. Громов присел на корточки перед лифтером и, все еще играя перед его носом пистолетом, сказал:

— Слушай меня внимательно, Гена. Я в течение месяца буду захаживать в эти края. Так вот, если я узнаю, что в каком-то из подотчетных тебе домов не работает лифт, — ты будешь отжиматься вечно. Уразумел?

Обессиленный Гена молча кивнул головой.

Разобравшись с лифтером, Громов, все еще возбужденный от пережитого приключения, пешком поднялся на нужный этаж. Подойдя к обитой коричневым дерматином двери под номером 72, он прислушался. Из-за двери доносилась приглушенная музыка, в которой легко угадывалась известная композиция Стиви Уандера «I just called to say i love you» в исполнении автора. В аудиоколлекции Громова эта композиция занимала особое место и звучала каждый раз, когда его холостяцкое жилище посещала дама. «Неужто и Витя Катышев, вместо того чтобы корпеть над пистолетом в пряжке, проводит время с какой-то девицей?» — подумал Громов и надавил на звонок.

После этого музыка в квартире стихла, и в течение нескольких секунд за дверью сохранялась гробовая тишина. Наконец по коридору прошлепали чьи-то босые ноги и взволнованный мужской голос спросил: «Кто там?»

Сыщика так и подмывало ответить бородатой шуткой: «Сто грамм», но он сдержался.

— Виктор Катышев здесь живет? — придавая своему голосу напускную суровость, произнес Громов.

— Да, а в чем дело?

— Откройте, это из жилконторы по поводу воды и света, — сказал сыщик первое, что ему пришло в голову.

В следующую секунду щелкнул замок, и в дверном проеме показалась лохматая голова молодого человека. Из одежды на нем была лишь светлая рубашка и джинсы. Причем рубашка была застегнута не на те пуговицы, а расстегнутая ширинка на джинсах являла миру малую толику клетчатых трусов «Royal».

— Вроде у меня с водой и светом все в порядке, — произнес хозяин квартиры, нетерпеливо переступая босыми ногами на холодном линолеуме.

— Вот именно, что вроде, — ответил Громов и, отодвинув плечом хозяина квартиры, уверенно прошел сначала в коридор, а оттуда на кухню. Хозяин квартиры засеменил следом за ним.

Пройдя на кухню, гость не стал больше играть в прятки, сунул Катышеву под нос свое удостоверение и представился:

— Старший оперуполномоченный МУРа Кирилл Андреевич Громов. Знаете такого?

Катышев растерянно пожал плечами: мол, нет, не знаю.

— Значит, пришла пора познакомиться, — сказал сыщик, продолжая сверлить собеседника суровым взглядом. — Прежде чем мы начнем наш разговор, я бы попросил вас, Витя, о двух одолжениях. Во-первых, застегните ширинку, и во-вторых, проводите свою девушку, или кто там еще у вас, до дверей. Мне бы не хотелось, чтобы у нашего с вами разговора были свидетели.

Не обращая больше внимания на хозяина квартиры, Громов отвернулся к окну и стал без особого интереса разглядывать происходящее во дворе. Стоя спиной к двери, он прекрасно слышал то, что происходило в квартире. Катышев убежал в соседнюю комнату, с кем-то там пошушукался, а спустя несколько секунд громко хлопнувшая входная дверь возвестила о том, что третий лишний благополучно покинул пределы квартиры. Вскоре на кухню вновь вернулся хозяин. Услышав его шаги за спиной, гость обернулся и, указывая на табуретку возле стола, произнес:

— Вы, Витя, не стесняйтесь — садитесь и почувствуйте себя как дома.

Катышев, до этого сохранявший каменное выражение лица, улыбнулся:

— А вы, я вижу, с приколом.

— С моей работой без приколов нельзя. С ума сойти можно, — произнес Громов и занял место на свободной табуретке. — Начну без всяких предисловий. Пистолет «ТТ» выпуска начала сороковых годов с клеймом на «щечках» в виде двух молний вам о чем-нибудь говорит?

Задав этот вопрос, Громов заметил, как сразу изменилось выражение лица его собеседника. Блуждающая секунду назад по губам

улыбка исчезла, в глазах появилась тревога.

— Я так и знал, — после небольшой паузы выдавил из себя Катышев.

— Что ты знал? — переходя на «ты», спросил Громов.

— Что этот пидор меня подставит.

— Какой такой пидор? Который две минуты назад из твоей квартиры выпорхнул?

— Две минуты назад из моей квартиры вышла девушка, — стараясь сохранять спокойствие, ответил на реплику гостя Катышев. — А пидор, которого я имею в виду...

Он внезапно замолчал, видимо все еще сомневаясь, стоит ему говорить гостю правду или нет. Наконец он решился, но прежде чем начать свой рассказ, внезапно спросил:

— Сигареткой не угостите?

— Извини, не курю.

— Понимаю. Не курите, не пьете и баб не трахаете?

— Хорошо сказано, — похвалил собеседника Громов. — Однако что же ты за курильщик, если дома сигарет не держишь?

— А кто вам сказал, что я не держу? Просто чужие слаще.

Громов в ответ ничего не сказал, только улыбнулся. Этот парень ему все больше нравился.

— Можно я схожу за ними в соседнюю комнату? — спросил Катышев.

— Можно, Витюша. Если хочешь, я тебя и в туалет могу отпустить — пописать.

Буквально через минуту Катышев вернулся на кухню с пачкой «Кэмела» в руках. Взяв с холодильника коробок со спичками и диковинную пепельницу в виде опрокинутой ладошки, он опустился на свое прежнее место и глубоко затянулся сигаретой. И только после этого возобновил разговор:

— Ствол, о котором вы говорите, я нашел совершенно случайно два месяца назад в Псковской области. У меня там бабка живет. Места там на трофеи рыбные, надо только знать, где копать. Но в этот раз мне почему-то не подфартило. Откопал этот «тэтэшник», да тройку жетонов.

— Что за жетоны? — спросил Громов.

— Сразу видно, что вы «чайник» в нашем деле. Многие солдаты вермахта носили на шее дюралюминиевые бирки-жетоны с номером. Если солдат погибал, его товарищи отламывали половину жетона и отсылали как похоронку. Если жетон оставался на погибшем, то такой солдат считался без вести пропавшим.

— И к чему тебе эти жетоны? — продолжал удивляться Громов.

— Темнота! В Германии за них родственники пропавших без вести солдат могут отвалить кучу бабок. Правда, самому мне с этим связываться запахло — я предпочитаю продавать жетоны здесь.

— Ладно, с этим все ясно. Теперь давай про «тэтэшник».

— Расскажу, но прежде объясните — что случилось? Из него кого-то грохнули?

— Кого-то? В после заморском дырку сделали, не слыхал?

— Шутите или нет?

— Шучу, но лишь отчасти. Труп на этом стволе действительно висит.

— Во, е-мое! — Катышев внезапно закашлялся, затем с остервенением вдавил недокуренную сигарету в пепельницу. И только после этого продолжил: — Черт меня попутал с этим стволом. Я ведь отечественное оружие вообще не признаю, интересуюсь только немецким. А тут гляжу — улов с гулькин нос, вот и решил оставить для коллекции. Сбил номер, подлатал аккуратно, клеймо поставил. Потом положил в тумбочку. Дурак, конечно, надо было куда-нибудь подальше заныкать. Но кто же знал, что так получится? Две недели назад он у меня и пропал.

— Понимаю. В форточку улетел с перелетными птицами, — сострил Громов.

— Да нет, его спиз... то есть украли прямо из тумбочки.

— И кто же ему ноги приделал, девушка твоя?

— Да вы что?! Во-первых, она страсть как оружия боится, во-вторых, я ее дальше спальни не пускаю.

— Может быть, родители?

— Я с теткой живу, а она три недели назад на Украину укатила.

— Тогда кто? Не тyani, Витюша, я же вижу — тебе есть что сказать.

— Я грешу на Матвея. Есть у меня такой приятель. Он полгода как на игле сидит, постоянно бабки «стреляет». Я его уже пару раз

заставал, когда он по моим столам рыскал.

— Зачем же ты его к себе домой пускаешь?

— Его непустишь, себе дороже будет. Он же псих. Вот и в тот день, когда ствол исчез, пришел, но уже минут через пять засобирался. Я как раз в коридоре по телефону разговаривал, а он мимо меня прошмыгнул, только рукой на прощанье помахал. А вечером я в тумбочку тыркнулся, а ствола и нет. Он у меня в коробке из-под обуви лежал. Коробка на месте, а ствол — тью-тью. Я на следующий день Матвея отловил, так он, сука, шары выпучил и меня за грудки: мол, что ты мелешь, я не брал. Короче, в полном отказе. И ничего не сделаешь — сам виноват.

— Грустная история, прямо плакать хочется. Кстати, ты знаешь, что в законе об оружии нет определения — историческое или антикварное оружие? Что лицензировать или сдавать властям надо любой экземпляр — независимо от времени изготовления?

— Статью двести восемнадцать мне шьете? Так ведь нет у меня уже оружия.

— Дурачок ты, Витюша. Из ствола, который ты от бабушки привез, человека замочили. Не сегодня-завтра мы того «мокрушника» схватим, думаешь, он будет молчать, откуда у него этот ствол объявился?

Громов, конечно, хитрил, выдавая желаемое за действительное, но он рассчитывал на то, что парень, обескураженный его натиском, не сможет раскусить его хитрость. И он не ошибся. На лице Катышева появился испуг, и он спросил:

— Что же мне делать?

— Снять штаны и бегать! Сам не догадываешься? Помогать нам, дурень. Будешь хорошо себя вести, тебе это зачтется.

— А что значит — хорошо себя вести?

— В носу не ковырять, ногти не грызть и язык не показывать. Сможешь?

— Я серьезно. Мне из-за этого пидора под статью идти не хочется.

— Ежу понятно. Что конкретно про Матвея сказать можешь?

— Честно говоря, немного. Матвеев Андрей, двадцать два года. Два года назад служил в Чечне фельдшером. Там и подсел на наркоту. Начинал с травки, потом перешел на промадол — и понеслось. На

героин сел уже здесь, в Москве. А это, сами понимаете, удовольствие дорогое.

— Где же он бабки берет?

— Он на Черемушкинском рынке на какого-то азербайджанца пашет, зелень продает справа от входа. Ну и наркотой приторговывает. Короче, полный набор дружбы с Сан Санычем.

Что такое «дружить с Сан Санычем», Громов знал — увлекаться сексом, алкоголем, наркотиками, поэтому эту реплику Витюши оставил без внимания.

— Как выглядит твой кореш?

— Роста среднего, белобрысый.

— Во что одевается?

— Да он всегда в одном и том же ходит — кожаная куртка и джинсы «Левайс».

— Где он живет, знаешь?

— Рядом с рынком. Но точного адреса я не знаю. Он меня в гости не звал, а если бы и позвал, я бы не пошел.

— А как ты с ним познакомился?

— Кореш один свел на дне рождения. Год назад это было. Он тогда вполне нормальным парнем был. А как на геру подсел, так с цепи и сорвался.

— Не дрейфь, Витюша. Даст Бог, с твоей помощью мы его опять на эту цепь посадим. — Громов поднялся с табуретки, тем самым показывая, что их встреча окончилась. — Да, совсем забыл. Пару дней куда не уезжай, сиди дома. Ты можешь понадобится Ферштейн?

Катышев кивнул головой и ответил тоже по-немецки:

— Яволь.

В ПЕРЕСТРЕЛКЕ

Встреча с Хомой не принесла Кадилину желанного успокоения — парень сообщил, что фирмачи с подписанием договора тянут, поэтому новых вакансий для охранников пока нет. Невеселыми были и новости о паспорте — старший брат Хома, который собирался пробить это дело, уехал в срочную командировку на пять дней. Короче, Кадилину было вновь предложено подождать недельку-другую. Ничего иного ему, естественно, не оставалось.

Пообщавшись с футболистом минут десять, Хома сослался на занятость по службе и стал прощаться. Но прежде чем уйти в офис, он достал из кармана форменной куртки деньги и со словами «Всегда пригодится» сунул их Кадилину. Все произошло столь быстро и неожиданно, что тот даже не успел среагировать на этот благородный жест и хотя бы поблагодарить парня. «Ладно, разбогатею — верну», — мысленно успокоил себя Кадилин и, спрятав деньги, направился к метро.

Почти весь обратный путь он провел в мыслях о девушке, с которой судьба свела его прошлой ночью. Это было удивительно, потому что вот уже много лет, с тех пор как он развелся со своей женой, ни одна женщина не занимала в мыслях Кадилина столько места, как эта проститутка.

После развода со Светланой у него было множество случайных связей с вполне добропорядочными женщинами, многие из которых не прочь были связать с ним свою судьбу. Однако ни одной из них так и не удалось добиться этого в силу того, что самому Кадилину они были безразличны. Его знакомые были хороши как любовницы, но ни одна из них не смогла зажечь в сердце футболиста ту самую искру, ради которой два человека соединяют свои судьбы.

И вдруг вчера на тесной кухоньке в малогабаритной квартирке, сидя напротив женщины, с которой он был знаком всего лишь пару часов, Кадилин внезапно поймал себя на мысли, что влюбился. Он не мог спутать это чувство ни с каким другим, потому что нечто подобное он уже испытал однажды много лет назад в общаговской комнатухе, когда судьба впервые свела его с девушкой, потом ставшей его женой.

И вот теперь это чувство пришло к нему вновь, причем в том возрасте и при таких жизненных обстоятельствах, при которых, казалось бы, ничего подобного с ним произойти уже не могло.

Поезд остановился на очередной станции, и в вагон вошла толпа пассажиров. Один из них, интеллигентного вида парень в очках, сел рядом с Кадилиным. В руках парень держал газету, которую тут же развернул. Чисто автоматически Кадилин скользнул глазами по раскрытой странице, и в следующую секунду его взгляд упал на крупно набранный заголовок: «На Земляном Валу убили известного вора в законе». Далее шел текст, который Кадилин прочитал не отрываясь:

«Вчера утром в столице произошло очередное заказное убийство. Недалеко от улицы Земляной Вал при выходе из подъезда выстрелом из снайперской винтовки был смертельно ранен 57-летний вор в законе Андрей Леонов, известный в криминальных кругах под прозвищем Мудрец. Пуля киллера попала ему в грудь и прошла в нескольких миллиметрах от сердца. Телохранители Леонова, которые не сумели предотвратить покушение, спешно погрузили раненого в машину и доставили его в Институт скорой помощи имени Склифосовского. Однако все усилия врачей оказались напрасными — во время операции Леонов скончался.

Роковой выстрел был произведен с чердака здания, которое стояло напротив. Прибывшие к месту происшествия сотрудники милиции обнаружили на чердаке винтовку иностранного производства с разбитым прикладом. Самого киллера никто не видел. Однако спустя некоторое время недалеко от места преступления, в Яузе, был найден труп молодого человека. Согласно оперативным данным, убитый принадлежал к одной из преступных группировок и, по-видимому, выполнял роль киллера. Судя по всему, именно он расправился с Леоновым, а затем был устранен клинером (чистильщиком) с целью сокрытия следов преступления».

Под этим текстом была помещена фотография извлеченного из реки молодого человека. Кадилину было достаточно одного взгляда на него, чтобы определить: человек, которого он видел на чердаке, и этот утопленник — разные люди. Это открытие настолько потрясло футболиста, что он едва не проехал нужную ему станцию. Выскочив из

вагона в самый последний момент, он еще несколько секунд стоял на платформе, осмысливая только что прочитанный в газете текст.

«Вот влип же я, бляха-муха! — со злостью думал Кадилин. — Столько чердаков во всей округе, меня же, блин, занесло именно на этот! Хотя с какого такого хрена я должен волноваться? Я кто — вор в законе, авторитет или мент какой-нибудь? Я — бомж и мое дело маленькое — спрятаться поглубже и не высовываться. На чердаке меня никто не видел, я ничего не знаю. Спрячусь у Дианы и пережду, пока все не уляжется».

С этой мыслью Кадилин ступил на эскалатор и поднялся наверх.

Выйдя из метро, он уже известным ему маршрутом пешком отправился к дому путаны. Погода была прекрасная, и все невеселые мысли, которые минуту назад одолевали его под землей, здесь мгновенно забылись. Кадилин шел неспешным шагом по улице, всей грудью вдыхая свежий воздух и щуря глаза от яркого солнца.

Он преодолел почти половину пути, когда внезапно до его ушей донеслись чьи-то возбужденные голоса, которые мгновенно заставили его сердце учащенно забиться. По характерным репликам и словам он с ходу определил, что голоса принадлежали футбольным болельщикам, неистово переживавшим за дворовых кумиров. Подгоняемый любопытством Кадилин отправился на шум и вскоре оказался возле хоккейной коробки с двух сторон окруженной людьми. Внутри коробки шла азартная игра в футбол между двумя командами, состоявшими из взрослых мужчин. В каждой команде было по пять человек — восемь играли в поле и двое в качестве вратарей стояли в «рамках», причем хоккейных. Заняв удобное место у бортика, Кадилин с интересом стал наблюдать за происходящим.

Игра была в самом разгаре и проходила с переменным успехом. Атаки на обе «рамки» чередовались одна за другой, однако забить гол никому из игроков долгое время не удавалось. И все же минут через пять после стремительной атаки одной из команд мяч влетел в сетку ворот, и ближайшие окрестности тут же содрогнулись от мощного рева болельщиков. Свой голос в этот рев вписал и Кадилин, которому все происходящее было знакомо более, чем кому-либо из присутствующих.

Однако через пару минут после гола игра внезапно остановилась. Один из игроков — коренастый мужик в синем тренировочном

костюме, судя по покрою, пошитом еще в советские годы, — получил серьезную травму. Он шел в очередную атаку, и защитник противоположной команды, что называется, сыграл «в кость» — выбросил вперед ногу и ударил атакующего по колену. С диким криком мужик рухнул на землю. На площадке на несколько минут возникла перепалка, которая принесла двоякий результат: травмированного унесли за бортик, а его команда получила возможность пробить пенальти, больше похожий на хоккейный буллит. Игрок пострадавшей команды вышел один на один с вратарем, однако обвести его не сумел и пробил мимо ворот. После этого игра остановилась. Выяснилось, что травма у коренастого достаточно серьезная и продолжать игру он уже не сможет.

— Мужики, кто заменит Ивана? — обратился к болельщикам один из игроков оставшейся в меньшинстве команды.

Болельщики, подавляющая часть которых состояла из пенсионеров и совсем юных пацанов, на этот призыв никак не откликнулись. И тогда подал голос стоявший в стороне от всех Кадилин:

— Можно мне?

Все, кто находился на поле, а также болельщики повернули головы в его сторону и с интересом посмотрели на смельчака. Затем мужик, который бросил клич, подошел к бортику, где стоял Кадилин, и спросил:

— Ты играть-то умеешь?

— Умел когда-то, — уклончиво ответил Кадилин.

— Когда-то не считается. У нас на кону — ящик пива. Мы уже второй день играем. Вчерашний матч вничью сыграли — один-один, поэтому сегодня все решается. А мы один мяч проигрываем и до конца игры минут десять. Так что если сомневаешься, мы за кем-нибудь другим сбегает.

— Не надо бегать — я попробую, — уже намного увереннее произнес Кадилин.

Мужик еще секунду подумал, после чего махнул рукой — мол, прыгай через бортик. Когда Кадилин ступил на поле, мужик спросил:

— Зовут тебя как?

— Сергей.

— А меня Вадим. С остальными потом познакомишься. Снимай пиджак и давай в игру.

Кадилин стал снимать пиджак и тут внезапно вспомнил про пистолет, торчавший у него за спиной. «Вот влип!» — пронеслось у него в голове, и он несколько мгновений стоял у бортика, раздумывая, что ему делать. Наконец придумал: незаметным движением руки он достал из-под ремня «пушку» и засунул ее в свернутый в комок пиджак. В таком виде он сложил вещи за бортиком.

Несмотря на то что Кадилин заменил нападающего, ему пришлось отойти назад — на место правого защитника. Он понял, что партнеры ему не слишком доверяют, и это было вполне оправданно — его игровых качеств никто из них пока не видел. Однако это «пока» длилось недолго. Свое первое соприкосновение с мячом Кадилин отработал на все сто — грамотно остановив грудью мяч, он сбросил его на ногу и, виртуозно обведя подскочившего к нему соперника, «щечкой» отправил точно на ногу Вадиму. Затем вновь вернулся к своим воротам.

— А ты молоток, — похвалил его вратарь, и эта похвала окончательно раскрепостила Кадилина.

Во время одной из очередных атак соперника он в чистом подкате перехватил мяч и, невзирая на то что рядом стоял игрок его команды, ринулся в атаку сам. Ему наперерез бросился нападающий соперника, но Кадилин хитроумно сыграл в «стенку» с бортиком и легко обыграл противника. Затем под оглушительные крики болельщиков он на полной скорости ворвался на территорию соперника и так же легко обыграл сначала одного, а затем и второго защитника. Последний, кто бросился ему навстречу, был вратарь, однако и его Кадилин оставил в дураках — сделав ложный замах, он заставил его упасть на колени, а сам ловко ушел в сторону и, подцепив мяч стопой, филигранно забросил его в сетку. «Го-о-ол!» — завопили болельщики, и Кадилин тут же попал в объятия своих партнеров.

— Ну ты даешь! — восхищался Вадим. — А трепался, что играть не умеешь. Становись в нападение вместо меня.

В оставшиеся до конца матча пять минут Кадилин провел еще целую серию атак на ворота противника, каждая из которых вызывала восторженный отклик у болельщиков. Однако забить гол ему никак не

удавалось: в одной из атак мяч угодил в штангу, в другой — блестяще сыграл вратарь, в третьей — помешала перекладина.

Основное время игры неумолимо приближалось к концу, и рыжий лопоухий паренек, стоявший за бортиком с часами в руках и готовый вот-вот объявить об окончании игры, все чаще стал поглядывать на циферблат. Однако, прежде чем он успел вскинуть руку вверх, произошло неожиданное. Шла очередная атака кадилинской команды на ворота противника. Мяч был у Вадима, который без всякой обработки послал его Кадилину. Тот остановил его грудью, скинул на ногу и, подбросив вверх, сделал «ножницы» — в падении, стоя спиной к воротам противника, через собственную голову послал мяч в ворота. Не ожидавший этого удара вратарь соперников не успел вовремя среагировать, и мяч, пролетев мимо него, влетел в «девятку».

То, что началось затем на площадке, напомнило Кадилину самые счастливые минуты его футбольной карьеры. Игроки его команды, а также толпа болельщиков, которые сразу после финального свистка, перепрыгнув через бортик, рванули на поле, подхватили его на руки и стали дружно качать. Затем его поставили на ноги и один из качавших, седой старик в пиджаке с орденскими планками, внезапно спросил:

— Слушай, парень, мы с тобой нигде не встречались? Уж больно лицо мне твоё знакомо.

— Вряд ли, — пожал плечами Кадилин. — Я человек маленький.

— Какой ты маленький, мы только что на площадке видели, — не унимался старик. — Меня не проведешь, я ведь болельщик с большим стажем. Ты случайно в футбол нигде не играл?

Кадилин секунду раздумывал, стоит ли раскрывать свое инкогнито, но видя, с каким восхищением смотрят на него стоящие рядом юные пацаны, не сдержался:

— Играл когда-то.

— В какой команде?

— В «Спартаке». Помните такого игрока — Сергея Кадилина?

Едва он произнес свое имя, как все, кто стоял с ним рядом, мгновенно замолчали. Имя легендарного футболиста, которое всего лишь десятилетие назад приводило в неописуемый восторг многомиллионную армию болельщиков, знал каждый из стоявших здесь. Однако никто из них не ожидал увидеть знаменитость в таком

виде, да еще у себя во дворе. Но это оцепенение длилось недолго. Прервал его все тот же старик с орденскими планками:

— Не берусь судить о твоей бороде, Сережа, но ноги у тебя по-прежнему золотые.

— А знаете почему? — встрял в разговор Вадим. — Потому что талант не пропьешь! Верно?

— Верно, — согласился Кадилин. — Будь по-другому, я бы играл на молоко, а не на пиво.

Присутствующие встретили эти слова дружным смехом.

В самом начале четвертого Громов приехал в ОВД, который раскручивал дело об убийстве коммерсанта Раковского. Поднявшись на второй этаж, он направился к кабинету оперативника Юрия Шлыкова. Однако на самом пороге столкнулся с молодой женщиной, которая выходила из кабинета с лицом, опухшим от слез. Уступив ей дорогу, Громов проводил ее взглядом до угла, после чего вошел в кабинет. Шлыков сидел на своем привычном месте — за столом у окна — и нервно курил сигарету.

— Ты чего женщин обижаешь? — спросил у него Громов, протягивая руку для приветствия.

— Они сами кого хочешь обидеть могут, — ответил Шлыков. — Взяли моду вешать на себя золото-бриллианты, хотя знают, в какое время, блин, живем. Вот и эта — вырядилась. Ладно бы одно золотое колечко на пальчик натянула, так нет — целых три кольца напялила, серьги дорогие, часики с бриллиантом, да еще медальон неписаной красоты на шею намотала. Вот и ввела кого-то в искушение. Ее в переулке кто-то по затылку шарахнул и все ее брюлики поснимал. Хорошо еще, что не трахнули. Видел, какая у нее задница? И ведь ни одной зацепки. Сама она в отключке была, и свидетели отсутствуют. Кого тут искать?

— И что же, ты ее так не солоно хлебавши и отправил?

— Да нет, конечно, заявление принял. Хотя представляю, как шеф взъерепенится. У него же тактика какая: хороший опер должен заявителя уболтать и вежливо отправить восвояси. Вот и я поначалу эту дамочку хотел завернуть, а потом почему-то жалко стало.

— Не гони пургу, Юра. С каких это пор ты жалостливым стал? — усмехнулся Громов. — Наверняка зацепка какая-нибудь появилась?

— Угадал. Есть подозрение на одного местного наркомана. Он как раз недалеко от того места, где на дамочку напали, живет. Наверняка либо он сам, либо дружки его на золотишко позарились.

Шлыков наконец докурил свою сигарету и, отправив ее метким щелчком пальца в стоявшую на соседнем столе банку из-под кофе, которая служила пепельницей, спросил:

— А ты чего приперся? Нейметса из-за убиенного Раковского? Так это зря — парень сам выбрал себе такую планиду. Как говорится: за что боролся, на то и напоролся.

— Вредную теорию проповедуешь, Шлыков, — ответил Громов. — Убивец — он и есть убивец, кого бы ни убил. Потому как кровушка людская — она пьянит. Сегодня он коммерсанта грохнул, ему это с рук сошло, так он завтра и бабульку с ребенком не пожалеет. Это, брат, диалектика.

— Херектика, — огрызнулся на рассуждения Громова хозяин кабинета. — У меня это дело вот где уже сидит. — И Шлыков резанул себя ладонью по горлу. — Ведь ясно как божий день, что никакая коммерция здесь ни при чем, и Раковского его же баба заказала. Как говорится, ничто не ново под луной. Вон, я на днях газету купил, а там статья про итальянского модельера Гуччи. Его в марте девяносто пятого киллер у дверей офиса подстерег и классически замочил — три «маслины» в грудь и контролька в набалдашник. Так знаешь, кто киллера этого отрядил?

— Кто — Папа Римский? — спросил Громов, который в силу разных причин газету с упомянутой статьей не читал, а Сашка, который был обязан его с нею ознакомить, почему-то этого не сделал.

— Какой, к черту, Папа! Бывшая супруга модельера с красивым именем Патриция. Она, когда с ним развелась, добилась, чтобы он ежегодно отстегивал ей почти девятьсот тысяч долларов. Но бабы — народ жадный. Вскоре этих денег ей стало не хватать, и она решила захватить все состояние бывшего супруга. А это — сто двадцать лимонов! Через одного гостиничного халдея она вышла на человека, который вызвался за двести штук «бачков» замочить ее бывшего благоверного. Вот и вся история. А рассказал я ее тебе потому, что она почти как две капли воды похожа на нашу — с Раковским. Потому как и здесь главный мотив преступления — офигенные бабки. Только в нашем случае не такие большие, как у Гуччи, но и не маленькие для

матушки-России. А вообще эта сучка — Людка Раковская — баба не промах. Упорно настаивает на том, что ее мужу какие-то неизвестные личности угрожали. А сама, по словам соседней, в последнее время только и делала, что с ним ругалась. Судя по всему, он догадался о ее шашнях с этим парнем и хотел развестись. А для нее это значит — прощай, красивая жизнь. Вот его и приговорили. Людка натравила на супруга своего придурочного любовника, а сама вроде бы осталась в стороне. Парень настолько в нее втюрился, что расколоть его на «чистуху» против Людки весьма затруднительно. Я с ним разговаривал — бурчит, сучок, под нос: «Не знаю, не видел». Даже если его к стенке удастся прижать, Людку он никогда не сдаст.

— Ты сначала прижми, — усмехнулся Громов.

— В том-то и дело, что не так это просто. Хорошо бы запереть его, как положено, на трое суток да хорошенько здесь обработать. Наверняка бы сломался. Но нельзя. У этой Людки родной брат в Министерстве юстиции работает. Враз шум поднимут.

— Значит, надо учиться работать без мордобоя. Трудно, конечно, но что поделаешь?

— Ты что, лечить меня приехал? — недоуменно спросил у гостя Шлыков. — Мало того, что следак из прокуратуры лечит, теперь и ты туда же?

— Очень надо. К тому же тебя все равно не вылечишь. Ты мне лучше расскажи, кого вы в круг подозреваемых по делу Раковского включили. Кроме его благоверной и ее малолетнего паренька.

Видимо чувствуя, что разговор намечается серьезный и у его гостя есть какие-то важные новости по этому делу, Шлыков настроился на деловую волну и даже закурил очередную сигарету.

— Подозреваемых мало. Со стороны бабы вообще никого. А вот у парня этого, любовника ее Андрея, есть пара дружков с сомнительными связями. Один, некто Емельянов Егор, имеет несколько приводов в милицию, нигде не учится. Папаша у него коммерсант, вот и содержит сына-оболтуса. Другой дружок — Очкасов Леонид. Этот тип посерьезней. Служил в армии — в десантуре, затем устроился охранником в одну фирму, но его оттуда выгнали за пьянство. Сейчас работает в рекламном агентстве курьером.

— А кто из этих двоих теснее всего общается с Андреем?

— Очкасов. Кстати, именно благодаря ему Андрей устроился водителем к Раковскому. У Очкасова с покойным одно время сильная дружба была. Но затем что-то у них расстроилось.

— Понятно: там, где большие деньги, дружбы не бывает, — мрачно резюмировал Громов. — У тебя все?

— Вроде все. Хотя нет: ни один из этих двоих не подходит под описание того молодца, который за час до убийства крутился в подъезде Раковского, и у обоих железное алиби на момент покушения.

— Все правильно — там же крутился совсем другой человек.

— Кто? — вскинул вверх брови Шлыков. — Громов, не тyani, я же вижу, что ты что-то знаешь. Неужели пальчики на стволе заговорили?

— Малость не угадал. Клеймо на стволе привело меня к человеку, который этот ствол два месяца назад привез из Псковской области. А незадолго до убийства Раковского ствол у него свистнули. И сделал это некто Андрей Матвеев, по призванию — наркоша. Кстати, у него светлые волосы, он носит джинсы и кожаную куртку. Тебе это имя что-то говорит?

— Нет, не знаю такого. Хотя какая разница. Надо немедленно брать его в оборот. Где у него хаза?

— Рядом с Черемушкинским рынком, на котором он работает.

— Тю, так отсюда до этого рынка езды минут двадцать. Ты на колесах? Тогда сейчас и едем. Я только шефа пойду предупрежу. — И Шлыков, вскочив со стула, выбежал из кабинета.

Оставшись один, Громов решил утолить давно мучившую его жажду и потянулся к стоявшим на подоконнике графину с водой и стакану. И хотя последний являл собой не самый стерильный предмет в этом зачуханном кабинете, однако другой посуды Громов не нашел и, преодолевая брезгливость, воспользовался тем, что было. Налив почти полный стакан, Громов поднес его ко рту и уже собирался опорожнить, как рука сама внезапно замерла на половине пути. Из стакана несло натуральной водкой, спутать которую нельзя было ни с чем. Оценив по достоинству смекалку местных оперов, которые таким образом скрывали свои алкогольные пристрастия от посторонних лиц, Громов вернул графин вместе со стаканом на прежнее место.

Так и не утолив жажду, он подвинул к себе стоявший на столе телефон и набрал номер своего служебного телефона. Он решил

проверить, управился ли за эти часы со своим заданием Дробыш. Как ни странно, но трубку на другом конце провода поднял именно он.

— Ты уже на месте? — не скрывая своего удивления, спросил Громов. — Ловко. Все успел сделать?

— Ты это о чем? О бабе? — вопросом на вопрос ответил Дробыш.

— Нужна мне твоя баба! Меня жмурик интересует.

— А что с ним делается? Лежит себе, ждет, когда его формалином накачают. Привет тебе шлет.

— Ладно, некрофил, кончай паясничать. Пальчики «откатал»?

— Естественно. Вот сию — дактилокарту оформляю. Завтра с утра начну пробивать.

— Какое там завтра? Надо сегодня! — возмутился Громов.

— Да ты что, в своем уме? Посмотри на часы — рабочий день уже заканчивается, а мне в Черемушки пилить? — попытался возразить Дробыш. Он говорил о Главном информационном центре МВД в Новых Черемушках.

— Во-первых, до конца рабочего дня больше трех часов, а вторых подожди с ГИЦем, съезди сначала на Белинку и пробей эти пальчики по нашей картотеке.

— К чему такая спешка? Все равно сегодня получить ответ не удастся, — продолжал сопротивляться Дробыш.

— С твоими темпами нам и через неделю это не удастся! — взорвался Громов. — Поэтому поедешь сегодня. А чтобы это дело ускорить, зайди к Косте Голику и скажи, что Громов просит дать результат как можно быстрее.

— Здрасьте! Костька за здорово живешь даже жопу свою чесать не будет. Ему бутылку надо будет ставить! — заволновался на другом конце провода Дробыш.

— Вот и купишь, — ответил Громов. — А то привык все тяп-ляп делать. Как говорил Островский: «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно...»

— Пошел ты!.. — выругался внезапно Дробыш. — Учитель выискался. Я своей жизнью вполне удовлетворен.

— Вот ты Костьке это и расскажешь. Понял?

На другом конце провода на несколько секунд повисла тишина, после чего Дробыш произнес:

— Ладно, я все сделаю как надо. А ты сейчас где?

— На «земле», по делу Раковского. Если шеф будет спрашивать, скажи, что я буду часа через три. Ну, все — конец связи. — И Громов хотел было повесить трубку, однако Дробыш не дал ему этого сделать.

— Постой, не клади трубку. Тебе такое имя — Александр Локтев — что-нибудь говорит?

При упоминании имени соседа у Громова, что называется, душа ушла в пятки. Связав вместе этот вопрос и место, откуда только что приехал Дробыш, он предположил самое ужасное, что могло прийти в голову. Однако его замешательство длилось недолго — всего лишь секунду. Затем он взял себя в руки и спокойным голосом произнес:

— Сашка Локтев — мой сосед по дому. С ним что-ни будь случилось?

— Случилось. Он в ментовку загремел, просит вызволить.

— Давно звонил?

— Буквально перед тобой. Говорит, что дежурный сердобольный попался — разрешил позвонить.

— В каком отделении он парится?

Дробыш назвал номер отделения и попытался подробно объяснить Громову, за что забрали парня. Однако у того слушать его рассказ времени уже не было — в дверь просунулась голова Шлыкова и сообщила, что можно трогаться.

Несмотря на то что и Громову, и Шлыкову просто не терпелось поскорее повидать Андрея Матвеева, делать было нечего — пришлось перенести встречу с ним на более позднее время, а пока ехать и вызволять из околотка Сашку. Когда они прибыли к месту назначения, Громов оставил коллегу в машине, а сам отправился в отделение. Предъявив дежурному свое удостоверение, он поинтересовался, за какие грехи задержан его хороший знакомый Александр Локтев.

— За хулиганство, — ответил дежурный. — Участвовал в массовой драке фанатов. Хотя больших претензий у нас к нему нет. Можете его забирать хоть сейчас.

И дежурный приказал своему помощнику привести из «обезьянника» задержанного Александра Локтева. Громов поблагодарил дежурного и уже через пару минут вместе с Сашкой покидал пределы отделения.

— Какого лешего ты связался с этими фанатами? — негодуя спрашивал Громов у Сашки, когда они вышли на улицу.

— Что значит — какого? Твоего! — съехидничал Сашка. — Ты же сам вчера вечером мне сказал: чем раньше найдешь Хому, тем лучше. Вот и пришлось поторопиться.

— Ну и что — нашел?

— А как же! Только эта информация будет стоит тебе уже дороже. Мне твои коллеги-менты штраф на работу выписали. Придется оплатить.

— Хорошо, я оплачу. Не тяни резину, у нас времени в обрез, тороплюсь я.

— Куда торопишься? — спросил Сашка.

— Какое тебе дело, куда торопится сотрудник МУРа? — возмутился Громов. — Говори быстро все, что знаешь.

— Короче, где живет Хома, узнать не удалось, но я знаю, где он работает — в частном охранном предприятии «Стрелец-2». Сегодня он как раз дежурит. А офис фирмы расположен возле метро «Краснопресненская». Я и телефон знаю.

— Можешь не говорить, — сказал ему Громов и, видя, как удивился Сашка, объяснил: — В этой фирме начальником работает мой бывший коллега из МУРа, Ладно, Сашка, спасибо за «слив». Я хорошее не забываю. Заходи на днях, раздавим на двоих бутылочку.

— Что значит — заходи на днях? — возмутился Сашка. — А сейчас ты что, меня бросаешь?

— А что мне тебе — сиську дать и памперсы поменять? Дойдешь до метро пехом.

— Я так не согласен, — замахал руками Сашка. — Я поеду с тобой.

И не дожидаясь, пока сыщик ему что-либо ответит, Сашка направился к автомобилю и бесцеремонно уселся на заднее сиденье. Видя, как из окна отделения за ними наблюдает дежурный, Громов решил не накалять ненужные страсти и занял свое место за рулем.

— У метро я тебя высажу, — предупредил он Сашку, заводя мотор.

Однако осуществить задуманное ему не удалось. Когда они подъехали к станции метро «Динамо», Сашка наотрез отказался вылезать из автомобиля.

— Я из-за тебя в ментуру угодил, а ты меня на полдороге бросаешь! — горячился он. — Меня твои коллеги дубинкой по спине

били.

— Значит, мало били. Я сказал, вылезай из машины. — Громов попытался через сиденье рукой ухватить Сашку за воротник рубахи, но тот ловко увернулся.

И тут в ситуацию неожиданно вмешался все это время молчавший Шлыков. Тронув Громова за плечо, он спокойно произнес:

— Оставь его в покое, Громов. Пускай едет, тебе что, жалко? Пока мы с делами управимся, он тебе машину постережет.

Оказавшись в численном меньшинстве, Громов еще несколько секунд для приличия повозмутился, после чего вынужден был вновь завести мотор. Если бы он в эту минуту взглянул в зеркальце, он бы увидел, каким счастьем светилось лицо его непутевого соседа по дому.

Подъехав через несколько минут к Черемушкинскому рынку, Громов припарковал машину недалеко от входа и вместе со Шлыковым отправился искать Матвея. Однако их ждала неудача — того на рынке уже не было. Безуспешно проискав его там, где он обычно торгует, они подозвали к себе невысокого паренька, одетого под типичного тинейджера — на нем были шнурованные ботинки, драные джинсы, черная майка с надписью «Metallica» и потрепаная косынка на голове.

— Тебя как звать? — спросил у парня Громов.

— Джеймс, — ответил парень, явно называя свое прозвище, а не настоящее имя.

Громов, хорошо разбиравшийся в рок-музыке, сразу сообразил, что парень выбрал себе такое прозвище не случайно — так звали вокалиста американской группы, название которой значилось на майке парня, Хетфилда. Чтобы окончательно расположить к себе собеседника, Громов решил использовать рок-тему как завязку к предстоящему разговору.

— Хороший группешник ты себе на майку выбрал. Я от их альбома «Master of puppets» давно тащусь. А ты?

— А я от «...and justice for all», — ответил парень, награждая собеседника удивленным взглядом.

— Тоже неплохой альбом, — повернув голову к явно ничего не понимающему в этой теме Шлыкову, произнес Громов. — Ты, Джеймс, случайно не местный?

— Местный. А что?

— Мы одного человека ищем, а найти не можем. Его Матвеем кличут. Слышал про такого?

— Еще бы. Только нет его здесь. Он минут десять назад с рынка свалил.

— Куда, не знаешь? Он нам до зарезу нужен.

— Сказал, что сначала к телке своей пойдет — к Ленке, а потом до хазы. Его сегодня с обеда мутить начало, вот он и слинял.

— А где его подруга живет?

— Точного адреса я не знаю, но где-то рядом. Она на пару с ним ширяется.

— А сам Матвей где обитает? Я слышал, будто тоже где-то поблизости?

— Верняк. Недалеко отсюда — пять минут ходу.

— Может быть, ты нас проводишь? Все равно без дела здесь околачиваешься.

Парень всего лишь несколько секунд размышлял над просьбой незнакомого ему мужчины, после чего согласился. Когда они вышли с рынка, Громов предложил доехать до нужного места на машине. Однако парень садиться в автомобиль отказался.

— Если бы это джип был, я бы поехал, — объяснил он Громову причину своего отказа. — А на этой консервной банке сами катайтесь. Я лучше пешком пойду, а вы за мной рулите.

Их путь был действительно недолгим. Уже через пять минут парень остановился и указал рукой на девятиэтажку, стоявшую на противоположной стороне улицы.

— Вот его дом. Живет он в первом подъезде, на третьем этаже. Видите, одно окно занавешено? Это и есть его халупа.

— С кем же он живет?

— Со шнурками, то бишь с родичами, с кем же еще? — удивился Джеймс. — Они ему уже всю плешь проели, а ему по факу. Ну, ладно, дальше сами разберетесь. Чао! — И, махнув на прощанье рукой, парень покинул своих случайных знакомых.

— Ну, что делать будем? — тоном человека, который уже хорошо освоился в возникшей ситуации, спросил компаньонов Сашка.

— Не твоего ума дело! — огрызнулся Громов. — И вообще, твое место у параша, понял? Я тебя с собой прихватил, чтобы ты мне за

машиной приглядывал, а не вопросы глупые задавал. Лучше возьми орудие труда и протри заднее стекло.

С этими словами Громов достал из-под сиденья тряпку и кинул ее через плечо соседу. Не ожидавший такого поворота событий Сашка, бросок прозевал, отчего и схлопотал грязной тряпкой по лицу. Недовольно бурча себе под нос какие-то ругательства, он вылез из салона и отправился исполнять приказ старшего по званию. Пока он возился со стеклом, оставшиеся в машине Громов и Шлыков смогли спокойно обсудить возникшую ситуацию.

— Может быть, Матвей уже успел вернуться домой? — поделился с коллегой своими сомнениями Шлыков.

— Вряд ли. Если он застал свою Ленку дома, то они до ночи могут глюки ловить и трахаться.

— А вдруг этой девки дома не оказалось и он сразу рванул к себе? — продолжал сомневаться Шлыков. — Нет, надо все-таки сходить, проверить.

И Шлыков открыл дверцу автомобиля, чтобы выбраться наружу. Однако в следующую секунду он внезапно отпрянул назад и вновь захлопнул дверцу.

— Е-мое! — вырвалось из его уст удивленное восклицание. — Ты только посмотри, кого нам Бог послал. Это же тот самый Леонид Очкасов, о котором я тебе в кабинете рассказывал.

И Шлыков рукой указал на парня в сером пиджаке, который стоял недалеко от матвеевского подъезда и, прислонившись к дереву, курил.

— Что он здесь потерял? — продолжал удивляться Шлыков.

— Я думаю, он кого-то ждет, — ответил ему Громов. — И не исключено, что нашего Матвея.

— Почему ты решил, что именно его?

— Потому, что стоит возле его подъезда.

В это мгновение в процесс наблюдения за Очкасовым бесцеремонно вмешался Сашка, который, закончив протирать заднее стекло, перешел к боковым и теперь усиленно тер то самое окно, в которое уставились его приятели. Шлыков костяшками пальцев застучал по стеклу и сделал знак Сашке немедленно прекратить свою уборку. Однако тот не послушался, видимо, ожидая услышать подобный приказ от своего непосредственного начальника — Громова.

Эта сценка длилась примерно полминуты, а когда Сашка все-таки освободил им обзор, Громов и Шлыков стали свидетелями неожиданной сцены. Очкасов, который до этого стоял у дерева, теперь переместился к самому подъезду, где разговаривал с молодым светловолосым парнем в кожаной куртке и джинсах. Судя по всему, этим незнакомцем был Матвей. Разговор между приятелями длился примерно двадцать секунд, после чего они оба направились в дом. При этом Матвей возглавлял процессию, а Очкасов пристроился сзади. В ту секунду, когда Матвей уже скрылся в подъезде, а Очкасов только собирался это сделать, от внимательного взгляда Громова не ускользнула подозрительная деталь. Заходя в подъезд, Очкасов оглянулся назад и, убедившись, что за ними никто не идет, сунул руку за полу пиджака.

— Это же киллер! — чуть ли не закричал Громов и, открыв дверцу автомобиля, буквально вывалился наружу.

Оглушенный этим криком, Шлыков в течение нескольких секунд пребывал в прострации, после чего тоже выскочил из салона. Однако Громову удалось опередить его почти на два десятка шагов и первым вбежать в распахнутые настежь двери подъезда. То, что открылось его взору, подтвердило самые страшные предположения. Матвей с простреленной грудью лежал под лестничным пролетом и, вытянув обе руки вперед, из последних сил пытался защититься от направленного ему в голову пистолета, который сжимал в руках Очкасов. В следующую секунду должна была последовать «контролька», однако в развитие событий внезапно вмешался Громов.

— Атас! — что было мочи закричал он на весь подъезд, и стоявший к нему спиной Очкасов вздрогнул и выпустил пулю мимо цели.

В следующую секунду он обернулся на крик и, увидев в дверном проеме мужика, правая рука которого недвусмысленно полезла под мышку, выстрелил в него не целясь. Пуля просвистела в нескольких миллиметрах над головой Громова, он инстинктивно пригнулся, а в следующую секунду уже выдернул из кобуры свой табельный «Макаров». Увидев пистолет, Очкасов бросился бежать вверх по лестнице, так и не успев добить окончательно свою жертву. Громов поймал его на мушку, однако в тот момент, когда нажал на курок, Очкасов уже успел свернуть на лестницу, и пуля улетела в «молоко».

Понимая, что деться беглецу практически некуда и рано или поздно он все равно его настигнет, Громов не стал гнать лошадей и пустился за ним в погоню, соблюдая все меры осторожности. Когда он добежал до лесничного пролета на втором этаже, его нагнал запыхавшийся Шлыков, руки которого были совершенно безоружны.

— Где же твоя волына? — спросил у него Громов.

— Где-где... — огрызнулся Шлыков. — Я месяц назад одного пьяного битюка подстрелил, так у меня рука устала отписки писать. Вот и держу с тех пор ствол в сейфе.

— Здорово живешь, Шлыков: в сейфе — ствол, в графине — водка, — съехидничал Громов. — Ладно, я сам с этим ублюдком справлюсь. Как Матвей — дышит?

— Когда я мимо пробежал, вроде бы дышал.

— Тогда дуй и первую же квартиру — вызывай «скорую» и подмогу. А я пока в войну поиграю.

И не тратя больше времени на лишние разговоры, Громов стал осторожно подниматься по лестнице.

На четвертом этаже он увидел сквозь узкую щелочку лестничного пролета черную брючину Очкасова, выстрелил в нее, но вновь неудачно — за мгновение до нажатия на курок она исчезла. И тут же последовал ответный выстрел, который едва не поставил точку в героической биографии старшего опера МУРа Кирилла Громова. Пуля киллера угодила в ступеньку и уже от нее срикошетила в ту сторону, где стоял сыщик. Пройдя в нескольких миллиметрах от его головы, она ударилась в стену, сделав в ней отметину. «Ну, сука, держись: поймаю — оба яйца прострелю!» — выругался про себя Громов и мелкими перебежками добежал до следующего пролета. И тут над его головой раздался шум, происхождение которого дошло до него не сразу. Сначала закричала женщина, затем заплакал ребенок, а следом за этим послышались истеричные вопли, судя по всему, принадлежавшие Очкасову:

— Молчать, твари! Убью!

После этого, отбросив к черту всякую осторожность, перепрыгивая через три ступеньки, Громов бросился наверх и на шестом этаже успел застать жуткую картину. Схватив в охапку незнакомую молодую женщину и ребенка двух-трех лет, Очкасов

заталкивал их в квартиру, из которой они, судя по всему, на свою беду только что вышли.

Громов вскинул пистолет, чтобы прицелиться, однако тут же опустил, понимая, что выстрелить предельно точно в подобной ситуации просто невозможно. Прошло еще несколько секунд, и дверь в квартиру с грохотом захлопнулась, надежно спрятав преступника за своим металлическим нутром. В эти мгновения Громов в первый и в последний раз в своей жизни проклял те фирмы, которые наводнили Москву металлическими дверями. Даже если теперь вызвать спецназ, пройти сквозь такую дверь будет нелегко. А ведь в квартире двое заложников, один из которых — ребенок.

Из глубокой задумчивости сыщика вывело чье-то легкое прикосновение к плечу. Он обернулся и увидел рядом с собой Сашку.

— Тебе-то что здесь надо? — без всякой злобы выдохнул из себя Громов.

— Так ведь стреляли, — ответил Сашка.

— Тоже мне, Саид нашелся. Шел бы ты вниз, раненому помог.

— С ним Шлыков возится.

— Он подмогу вызвал?

— Да, сейчас приедут. А киллер куда делся?

— В квартиру заскочил. — И Громов кивнул на металлическую дверь. — Причем не один — женщину с ребенком прихватил, падла.

— Так это же здорово, — с непонятной радостью в голосе произнес Сашка.

— Что здорово?

— Ну, что он в эту квартиру заскочил. Ведь этот дом — копия нашего. И я живу на этой же половине.

— Ну и что? — все еще никак не мог врубиться в смысл Сашкиных слов Громов.

— А то, что кроме двери есть еще два балкона. И хозяева второго живут в соседнем подъезде. Если оба балкона не застеклены, можно легко перелезть с одного на другой. Вдруг хозяйка, выходя на прогулку, оставила балкон открытым? Жара все-таки.

— Сашка, ты — молоток! — почти закричал от радости Громов и бросился вниз по лестнице.

Однако пробежав несколько ступенек, он остановился. До него внезапно дошло, что, убегая отсюда, он тем самым оставляет

оголенным этот участок. А кто может дать гарантию, что киллер не вздумает после его ухода вновь воспользоваться этим путем? Но Громов соображал, как ему поступить, недолго. Подойдя к Сашке, он протянул ему свой «Макаров» и сказал:

— Стрелять, надеюсь, ты умеешь? Значит, справишься. Стой пока здесь, а я через пару минут пришлю сюда Шлыкова.

— Но тебе пистолет тоже может понадобиться, — попытался было возразить Сашка.

— Говорю тебе, бери. Я этого ублюдка и голыми руками нашинкую.

Сбегая вниз, он едва не сбил с ног поднимавшегося наверх Шлыкова. Приказав ему немедленно идти к Сашке и подстраховать его, Громов побежал дальше. На первом этаже он лишь на мгновение задержался возле распростертого на холодном полу Матвея, которого Шлыков заботливо укрыл до подбородка своим пиджаком. Парень лежал без движения, однако по вздымающемуся пиджаку было видно, что он еще дышит.

Когда Громов выскочил из подъезда, к месту происшествия почти одновременно подъехали две машины: «Скорая помощь» и милицейская «канарейка». Первыми к подъезду подбежали врачи, которых Громов тут же отправил к раненому. А трех милиционеров, прибежавших чуть позже, он отправил на шестой этаж на помощь к Сашке и Шлыкову. Причем одного из ментов — старшего лейтенанта — он попросил одолжить ему на время свой «Макаров», на что тот ответил категорическим «нет».

— Как же я отдам вам свой табельный пистолет? — удивился старлей. — Это делать запрещено.

Понимая, что времени объяснять ситуацию у него уже нет, Громов бросился в соседний подъезд с голыми руками.

Пулей взлетев на шестой этаж, он нашел нужную квартиру и минуты на две утопил свой большой палец в кнопке звонка. Прислушиваясь к мелодичной трели, он умолял всех святых, чтобы в квартире в это время находился кто-нибудь живой. И действительно, внутри кто-то был — Громов ясно уловил какой-то посторонний шум, однако открывать дверь почему-то не торопились. И эта заминка стала понятна сыщику чуть позже. А пока, устав давить на звонок, он

обеими руками изо всех сил забарабанил в дверь. Наконец изнутри послышался взволнованный женский голос:

— Кто там? Паша, ты?

— Я, милая, я, открывай! — изменив тембр голоса, ответил Громов.

Щелкнул замок, дверь слегка приоткрылась, и Громов увидел перед собой молодую женщину в небрежно накинутом на тело халате. Увидев перед собой вместо ожидаемого Паши незнакомого мужчину, женщина хотела было захлопнуть дверь, но Громов не дал ей этого сделать. Резким толчком он распахнул дверь и, на ходу предъявляя хозяйке свою «мурку», заспешил в комнату, где должен был быть выход на балкон. Однако в комнате его уже ждали.

Не успел Громов переступить ее порог, как чья-то сильная рука взяла в «замок» его шею и он услышал, как хрустнули его шейные позвонки. Тут же где-то за спиной закричала хозяйка квартиры, и этот крик добавил сыщику дополнительных сил. Все еще плохо соображая, с кем ему пришлось вступить в схватку в этой обители, он мгновенно мобилизовал все свои силы и коротким ударом согнутой в колене ноги заехал нападавшему между ног. В следующую секунду «замок» ослаб и Громов, выскользнув из него, мощным ударом кулака с разворота сбил с ног согнувшегося пополам противника. Когда тот вылетел из комнаты и распластался на полу, Громов наконец сумел его разглядеть.

Как оказалось, нападавшим был мужчина, как принято говорить, кавказской национальности, на котором кроме трусов ничего больше не было. Сжимая обеими руками травмированное место, он катался по полу и оглашал своды квартиры гортанными возгласами «вах! вах!». Рядом бегала хозяйка, которая, заламывая руки, не менее громко причитала: «Гиви, ты ошибся, это же не Паша!»

— Сумасшедший дом! — только и смог выговорить Громов, наблюдая эту сюрреалистическую картину.

Через несколько секунд смысл происшедшего объяснила сама хозяйка квартиры.

— Мы думали, что вы мой бывший муж, который вот уже полгода не дает мне покоя, — причитала женщина. — Несмотря на развод, он по-прежнему ревнует меня к каждому мужику и преследует всех моих ухажеров. А я люблю Гиви!

— Да ради Бога, любите сколько вам влезет, — попытался внести окончательную ясность в суть происходящего Громов. — Только прошу вас, мне сейчас не мешайте. В соседнем подъезде убийца захватил заложников — женщину с ребенком. Мне нужно через ваш балкон проникнуть в соседнюю квартиру. Я смогу это сделать?

Как это ни удивительно, но смысл сказанного гостем дошел до хозяйки почти мгновенно.

— Да, можете. Наши балконы не застеклены.

Не тратя больше ни секунды, Громов ушел на балкон, предварительно закрыв за собой дверь комнаты.

Удача, несомненно, сопутствовала сегодня сыщику. Как оказалось, дверь соседнего балкона по случаю жары была приоткрыта. Держась за решетку, Громов осторожно перелез через перила и, опустившись на пол, прислушался. Где-то в глубине квартиры раздавались глухие всхлипы, по которым Громов определил — плакали женщина и ребенок. Однако в следующую секунду тишину квартиры всколыхнул истошный вопль преступника:

— Менты! Твари! Я убью их, убью, только суньтесь! Всех замочу!

Судя по шуму, киллер и его жертвы находились далеко от балкона — в коридоре, что давало Громову неплохой шанс незамеченным проникнуть в квартиру. Но прежде чем это сделать, он снял с себя свои финские штиблеты и аккуратно поставил их в угол. После этой манипуляции он мог практически бесшумно передвигаться по квартире.

Просочившись сквозь узкую щель приоткрытой двери, Громов сделал несколько шагов и замер. В квартире стояла тишина, лишь изредка нарушаемая всхлипываниями ребенка. Судя по всему, собравшиеся за дверью милиционеры оставили бессмысленные попытки проникнуть внутрь и теперь пребывали в напряженных раздумиях — что же делать дальше? Молчал и преступник, который почему-то не выдвигал никаких требований. Видимо, случившееся оказалось для него столь неожиданным, что он был просто не способен воспринимать происходящее адекватно. Однако именно поэтому он представлял повышенную опасность. Трудно было определить, какие действия он может предпринять в следующую минуту. Понимая это, Громов решил форсировать события.

Прежде чем продолжить свой путь до двери, он внимательно осмотрелся. Судя по предметам, которые его окружали, он находился в детской комнате. В углу стояла кровать с решетками, а по полу были разбросаны игрушки. Скользя по ним взглядом, Громов внезапно заметил в числе прочих пластмассовый пистолет, стреляющий присосками. Пистолет лежал на расстоянии вытянутой руки от сыщика и уже был заряжен присоской. Видимо, мальчишка зарядил его до своего ухода на улицу, а выстрелить по каким-то причинам так и не успел. Но Громов, беря это оружие в руки, пришел к выводу, что сама судьба остановила готовый нажать на спусковой крючок палец мальчишки.

Вооружившись игрушкой, Громов дошел до двери и осторожно выглянул из-за угла. Картина, которую он увидел, была невеселой. Женщина с прижатым к груди ребенком сидела на полу, а над ними с пистолетом в руке стоял убийца. Он смотрел на входную дверь и, видимо, только и ждал штурма, чтобы в одно мгновение отправить на тот свет и заложников, и себя.

Пользуясь тем, что преступник сосредоточил все свое внимание на двери, Громов вышел из-за укрытия и, осторожно ступая, начал приближаться к киллеру. Он преодолел половину пути и уже готовился к прыжку, когда его нога задела край паласа, лежавшего в коридоре, и убийца этот шум услышал. Он резко обернулся, и сыщик, встретившись с ним глазами, поразился тому безумию, которое сквозило в его взгляде. Все, что происходило дальше, вспоминалось впоследствии Громову как кадры замедленной съемки. Почти одновременно они подняли вверх оружие, однако сыщику на какую-то долю секунды удалось нажать на курок своего пистолета раньше, чем это сделал его противник. Раздался громкий хлопок и присоска с бешеной скоростью почти в упор вонзилась точно в середину лба киллера. От неожиданности тот дернулся, и пуля, которую он выпустил из пистолета, пролетела мимо цели и разбила стеклянную вазу, стоявшую на столике за спиной Громова. Это был последний выстрел киллера. В следующую секунду сыщик подпрыгнул вверх и со всей силы впечатал свою разутую ступню в физиономию преступника. Удар оказался настолько сильным, что киллер как мячик отлетел к двери и, ударившись об нее затылком, потерял сознание.

ВЫРВАТЬСЯ ИЗ КОЛЬЦА

После завершения футбольного матча Кадилин минут двадцать раздавал автографы всем желающим. Затем его позвали к импровизированному столику, который стоял в глубине двора, недалеко от хоккейной коробки. Столик был заставлен бутылками с пивом и нехитрой закуской, состоявшей из нескольких пакетов с чипсами. Как и было обещано, всю эту снедь в ближайшем магазине закупили игроки проигравшей команды, которые теперь вместе с победителями собирались достойно отпраздновать завершение дворового мини-турнира по футболу. Кадилин с удовольствием занял место за столиком, поймав себя на мысли о том, что, с тех пор как ушел из «Спартака», он не участвовал в таких теплых мужских посиделках.

Едва он примостился за столом, как сидевший рядом с ним Вадим подвинул к нему его честно заработанную долю — две бутылки пива и пакетик с чипсами. Однако, прежде чем Кадилин успел присосаться к горлышку, один из игроков противоположной команды — коренастый мужик с залысинами на голове — внезапно произнес:

— И все-таки, если по-справедливости, ваша победа сомнительна.

— Почему? — удивился Вадим.

— Потому что, если бы не Кадилин, ящик пива ставили бы вы.

— Согласен. Но ты, Степа, забыл назвать еще одного человека, благодаря которому мы победили.

— Кого?

— Себя. Если бы ты не звезданул Ивана по колену, Кадилин бы на поле не вышел.

Дружный хохот, потрясший окрестности, подтвердил правоту сказанных Вадимом слов.

Постепенно от темы дворового футбола разговор плавно перешел к проблемам более глобальным, в частности — к игре нынешнего «Спартака». Оказалось, что большинство собравшихся за столом болели именно за эту команду, и им было важно узнать мнение о любимом клубе профессионала. Кадилину и самому была интересна эта тема, поэтому он с удовольствием пустился в дискуссию:

— В «Спартаке» прошлом и нынешнем много похожего, но много и различий. Взять, к примеру возраст игроков. В нынешней команде больше молодежи, чем было при мне, что существенно сказывается на качестве игры. Большинство игроков нашей команды имели за плечами богатый игровой опыт, прошли серьезную обкатку как в высшей, так и в первой лиге. Поэтому по части индивидуального мастерства мы были сильнее нынешних. Какая классная связка Гаврилов — Ярцев была в «Спартаке» в конце семидесятых! Да и другие игроки были под стать им: Дасаев, Хидиятуллин, Шавло, Черенков, Романцев, Сидоров, Гесс, Сорокин, Самохин. И все же стиль, который мы проповедовали в те годы, — короткий и средний пас, «стенки», — сохранился и до наших дней, но главное — в команде присутствует спартаковский дух. Хотя сомнения в том, что он сохранится, были.

— Почему? — спросил кто-то из молодых ребят, окруживших столик.

— А вы вспомните недавний сезон, когда «Спартак» стоял на грани развала. С поста тренера внезапно ушел Олег Романцев, оставив вместо себя Георгия Ярцева. Следом за тренером ушли и игроки: Станислав Черчесов, Сергей Юран, Виктор Онопко, Василий Кульков, Дмитрий Тяпушкин, Андрей Афанасьев, Валерий Шмаров, Юрий Никифоров. Умер «дед», главный хранитель спартаковских традиций — Николай Петрович Старостин. В команду пришлось срочно вводить целую группу дублеров, необстрелянных молодых ребят. Ситуация в команде была очень тревожная.

— Говорят, у Ярцева что-то с нервами тогда случилось? — задал вопрос все тот же молодой паренек.

— Да, он даже лег в больницу, — подтвердил Кадилин. — Однако вот парадокс — проблемы в «Спартаке» чрезвычайно обострили интригу чемпионата. Такого интересного турнира давно не было на российских стадионах. За чемпионские звания боролись сразу несколько команд: три московские и две провинциальные. Что было дальше, помните?

— Конечно, помним, — дружно загалдели присутствующие. — «Спартак» с «Аланией» сошлись в финале.

— Верно, — улыбнулся Кадилин. — У обеих команд было по семьдесят два очка, и в Питере был назначен дополнительный матч.

Какая это была потрясающая игра. За шесть минут до конца встречи «Спартак» вел 2:0, но «Алания» счет размочила. Затем за три минуты до конца игры Сулейманов мог запросто сравнять счет, но не попал по мячу. До самой последней секунды было не ясно, кто же победит в этом поединке и в чемпионате.

— Это мой любимый игрок Андрюха Тихонов победу принес, — радостно заявил совсем юный мальчишка, голова которого едва доставала до уровня стола. — Если бы он вторую плюху не забил, «Спартак» мог запросто игру слить.

— Действительно, у Тихонова поразительная способность забивать решающие голы, — согласился с мальчишкой Кадилин. — Он уже в своем первом сезоне доказал это — забил гол «Океану», и «Спартак» за несколько туров до окончания чемпионата стал чемпионом. Тихонова я тоже люблю, он ведь, как и я когда-то, играл сначала в нападении, а затем перешел в полузащиту. Однако он пошел дальше меня — даже «ловилой» успел побывать. Помните, как он в матче с датским «Силькеборгом» за пять минут до конца игры встал в «рамку», заменил Нигматуллина? И ведь как стоял — взял в падении «мертвый» мяч!

Однако в команде и другие игроки подобрались не хуже: Цымбаларь, Аленичев, Кечинов. Вообще нынешний «Спартак» здорово «вытянулся» — рост многих игроков 185 сантиметров и больше, чего в команде отродясь не было. Но вот атлетизма нам до сих пор так и не хватает.

— Это точно! — вмешался в разговор тот самый старик с орденскими планками, который первым догадался о футбольном прошлом Кадилина. — Те же киевские динамовцы нас всегда в этом превосходили. Лобановский в семидесятые довел игру своей команды чуть ли не до автоматизма, где каждый игрок четко знал свой маневр: куда бежать, куда мяч отдавать. Короче, настоящая слаженная машина. Интересно, ты бы, Сергей, смог играть в такой команде?

— Вряд ли. Я всегда был приверженцем романтического футбола, меня и в «Спартак» взяли именно из-за этого. Константин Иванович Бесков нам неустанно повторял: «Ребята, конкурировать с опытными, сыгранными командами в атлетизме мы не можем. Наши козыри — тактика и техническое оснащение». Поэтому мы никогда не бегали на тренировках с набивными мячами и не выжимали до посинения

пудовые гири. И рациональной киевской машине мы противопоставили зрелищный футбол — техничный, легкий. Сам Лобановский в шутку называл нас «одуванчиками». Какие только «кружева» мы не плели в штрафной площадке противника!

— Мы и сейчас их неплохо плетем, — вставил свое слово молчавший до этого Вадим.

— Верно, плетем, но сегодня уже во вред себе, — заметил старик с колодками. — Вы телевизор смотрите, видите, как сейчас играют в Европе? Там сейчас почти никто не увлекается «кружевами», а предпочитают играть размашисто, доставляя мяч в линию атаки длинными передачами из глубины. Тот же Лобановский вовремя уловил эту тенденцию и всю ее уже проповедует. А мы все еще действуем по старинке. Смотрели, как «Спартак» играл последний матч с «Локомотивом»? Мелкие передачи, практически не было переводов с фланга на фланг. С такой игрой мы еще долго будем плестись в хвосте старушки Европы. Поэтому и легионеры наши ничем себя на Западе проявить не могут.

— С легионерами отдельная история, — вновь вступил в дискуссию Кадилин. — На мой взгляд, они потому там не блещут, что мыслят как «совки». Подпишут контракт, получают на свой счет бабки — и считают, что дело сделано, все их заветные желания осуществились. А западным игрокам, которые выросли совсем в иных условиях, денег всегда не хватает. Вот они и стремятся к большему. Где сегодня наши звезды, совсем недавно блиставшие на наших полях? Дима Радченко — звезда «Спартака» — протирает штаны на скамейке запасных в команде-середняке второй лиги Испании, там же лучший бомбардир России девяносто шестого года Александр Маслов. Да и с другими нашими звездами ситуация не лучше.

— Сергей, а как ты относишься к легионерам, которые играют у нас? — спросил у Кадилина Вадим.

— Хреново отношусь. У нас в высшей лиге чуть больше пятисот игроков, из которых почти сотня — легионеры. Но какие это игроки? В подавляющем большинстве — средненькие. Они и сами не играют и другим не дают — отнимают места нашей талантливой молодежи. В итоге отсутствие квалифицированного резерва в ближайшей перспективе грозит серьезными проблемами как нашим клубам, так и сборной. Судя по всему, на нашу молодежь просто махнули рукой.

— Серега, а почему ты сам не подался в тренеры?

— Я шел, да меня не взяли. Сказали, что не справлюсь.

— А из «Спартака» тебя Бесков турнул? — последовал новый вопрос, на это раз — от старика.

— Никто меня не турнул. — Кадилин допил из горлышка первую бутылку и взялся за вторую. — Теперь модно валить все на Бескова. Не спорю, он, конечно, человек сложный. Из-за его тяжелого характера многие игроки из команды раньше времени ушли. Взять тех же Сергея Шавло, Юрия Гаврилова, Олега Романцева. Но меня он не выгонял. Просто я сам понял, что в новой команде, которую он создает, мне места уже нет. Потому и ушел.

— А я слышал, что у тебя был какой-то конфликт с ним из-за каких-то магнитофонов? — не унимался Вадим.

— Вы и это знаете? — удивился Кадилин. — Однако информация малость неверная. Во-первых, не с ним, а с администратором, во-вторых — не из-за магнитофонов, а телевизоров. Но это неинтересная история.

Однако все присутствующие внезапно стали просить Кадилина рассказать про нее, и тому пришлось сдаться.

— Это произошло сразу после игры с «Вердером» в Кубке УЕФА. Хозяева попросили нас перенести игру на день позже и пообещали за это новенькие телевизоры. Мы согласились. Однако игру ту начисто слили со счетом 2:6. После этого нам сказали, что никаких телевизоров мы не получим. Однако в аэропорту смотрим, а наш администратор катит тележку, а на ней — несколько коробок со злосчастными телевизорами для себя и своих помощников. Ну, я не сдержался и высказал ему все в глаза. Тому, естественно, это дело не понравилось. Вскоре из команды я ушел.

— Говорили, что тебя в «Рapid» приглашали? — вновь спросил Вадим.

— Было дело. Но в Совинтерспорте мою кандидатуру зарубили. И я уехал играть за «Шинник».

— Ну а сейчас ты чем занимаешься?

Кадилин раздумывал лишь несколько секунд, прикидывая в уме, стоит ли разочаровывать этих людей правдой о своем нынешнем безрадостном положении. В конце концов решил, не стоит, и ответил коротко:

— Тренирую одну заводскую команду.

— Ну и как успехи? — спросил Вадим.

— Средние, — уклонился от прямого ответа Кадилин. — Хотя тренировать заводскую команду спокойнее — интриг меньше. Ведь в большом футболе тренер всегда был лицом зависимым, и при случае избавиться от него могут так же легко, как от неугодных игроков.

— Например как? — удивленно спросил кто-то из мальчишек.

— Подговаривают ведущих игроков, и те со спокойной душой сольют пару-тройку матчей соперникам. А сейчас и этого не надо делать, потому что в руках у тех, кто вершит тренерские судьбы, появился новый рычаг воздействия — финансовый. Достаточно несколько раз задержать выплату зарплаты игрокам, и те поднимут бузу. Виноватым, естественно, сделают тренера.

Так, за разговорами о футболе незаметно пролетели два с половиной часа. Время было не позднее, и многие из присутствующих готовы были сидеть за столиком еще несколько часов, однако Кадилин решил закругляться. И не потому, что ему успели надоесть его новые друзья. Просто он знал, что Диана наверняка уже вернулась домой, а общение с ней было еще более желанным, чем разговоры с мужиками о любимом футболе. Однако, прощаясь с ними, Кадилин твердо пообещал, что в ближайшие выходные обязательно придет на эту же коробку сыграть в новом турнире.

— Надеюсь, опять на пиво? — поинтересовался он у мужиков.

— Естественно, — ответил мужчина с залысынами. — Но только с одним условием: в команде, которой придется играть против кадилинской, будет на одного игрока больше. Иначе нам придется покупать пиво до бесконечности.

Мужики встретили это предложение новым взрывом хохота.

От хоккейной коробки до дома, где жила девушка, напрямую было несколько минут ходу, однако Кадилин решил сделать крюк и взглянуть на «девятку», припаркованную у шестнадцатипятиэтажки. До стоянки оставалось пройти несколько десятков метров, когда Кадилин, выйдя из-за угла дома, внезапно увидел впереди себя человека, встреча с которым не сулила ему ничего хорошего. Это был тот самый парень, которого он не добил минувшей ночью на квартире у Яши. Теперь парень стоял возле бетонной пристройки в глубине двора и,

периодически выглядывая из-за нее, наблюдал за припаркованной невдалеке «девяткой».

«Не меня ли он пасет?» — промелькнула догадка у Кадилина, и, чтобы удостовериться в этом, он стал внимательно наблюдать за незнакомцем из-за угла. Вскоре это наблюдение привело его к новому открытию — он заметил в руках у парня портативную радиостанцию, наличие которой явно указывало на присутствие где-то поблизости сообщников незнакомца. Ситуация приобретала для футболиста серьезный оборот, и, поразмыслив над ней минуту-другую, он решил не искушать судьбу и сделать ноги.

Однако в тот момент, когда он уже решился уйти, произошло неожиданное — незнакомец внезапно покинул свой пост и отправился к кустам, росшим всего лишь в нескольких шагах от дома, за которым прятался футболист. Судя по всему, прервать наблюдение парня могла заставить только одна причина — нужда сходить «до ветру». Однако пока было не ясно, сколь долгой будет эта отлучка. Повинуясь больше любопытству, чем какому-либо определенному плану, Кадилин решил еще немного подождать.

Так прошло несколько томительных минут. Футболисту пришла в голову неожиданная мысль. Он решил напасть на парня врасплох и под угрозой оружия дознаться у него, что за братки объявили на него охоту. Достав из-за ремня «Макаров», он снял его с предохранителя и, в несколько прыжков достигнув кустов, юркнул в них.

Стараясь ступать как можно мягче, Кадилин двигался в том направлении, где, по его мнению, должен был находиться парень. Интуиция его не подвела, и вскоре он действительно увидел впереди себя незнакомца — присев на корточки со спущенными штанами, он опорожнял собственный желудок. Кадилину не составило большого труда незаметно подкрасться к нему сзади и приставить дуло «Макарова» к его бритому затылку.

— Будешь сидеть тихо — останешься жив, — вполголоса произнес футболист.

Парень, всего лишь секунду назад усердно пыхтевший, внезапно затих и весь напрягся. Продолжая подпирать дулом его затылок, Кадилин спросил:

— Кого вы здесь пасете? Говори, если жить хочешь.

— Спортсмена одного бывшего.

— На кой он вам сдался?

Вместо ответа парень сделал попытку повернуть голову назад, чтобы увидеть, с кем он разговаривает, однако Кадилин с силой ткнул его стволом в ухо и процедил сквозь зубы:

— Еще один такой поворот — и задницу тебе подотрут в морге. Отвечай на вопрос.

— Он знает много. К тому же братана нашего вчера замочил.

— А почему здесь его пасете?

— Он «девятку» нашу угнал и здесь оставил.

— Как же вы ее нашли?

— Засекли место по мобильнику.

«Вот, суки, что творят! — поразился техническим возможностям братков Кадилин. — Впредь будет мне наука».

Он уже собрался задать парню очередной вопрос, как внезапно произошло неожиданное — густая поросль кустов впереди него раздвинулась и на свет явился еще один бритоголовый парень в кожаной куртке и с пистолетом в руке.

— Боров, ты где? — обратился он к приятелю и в следующую секунду увидел направленный в его сторону пистолет.

— Брось пушку, — приказал ему Кадилин, однако парень, вместо того чтобы подчиниться приказу, с душераздирающим криком «Братва, он здесь!» бросился в сторону.

Кадилин выстрелил практически в упор и не промахнулся — пуля угодила убегающему в бок, и он повалился на землю. В следующую секунду Кадилин увидел, как с двух сторон — от ближайшего дома и со стоянки, где стояла «девятка», — к кустам бросились несколько молодых парней с оружием в руках. Понимая, что с такой оравой вооруженных братков ему одному не справиться, он вскочил на ноги, собираясь дать деру. Однако парень, все это время мирно сидевший на корточках, внезапно вцепился ему в ворот пиджака и с силой потянул его вниз. Кадилин потерял равновесие и упал на одно колено.

Парень, которому сильно мешали спущенные до колен штаны, продолжал срывать с него пиджак, тем самым сковывая ему обе руки. Их противостояние длилось несколько секунд, пока Кадилин не догадался применить хитроумный трюк. Отпустив на мгновение пистолет, он выпрямил обе руки и, подавшись вперед, буквально вынырнул из пиджака. Не ожидавший этого парень застыл в нелепой

позе, с пиджаком в руках, и этих мгновений его противнику вполне хватило, чтобы одержать верх в поединке. Подхватив с земли оружие, он свободной рукой ухватил парня за шею и, резко пригнув к земле, окунул его упитанную физиономию в свежую кучу дерьма.

Деморализовав таким образом противника, Кадилин вскочил на ноги и, не оглядываясь назад, бросился бежать прочь от злополучного места. Он бежал со всех ног к бетонному забору, который возвышался в нескольких десятках метрах от кустов, понимая, что только там его может ждать спасение. Подбегая к забору, он на мгновение оглянулся назад и увидел, что сразу четверо братков сидят у него на «хвосте», отставая метров на сорок. Принимать бой в такой ситуации было бы равносильно самоубийству, поэтому Кадилин предпочел продолжить бегство.

Запихнув пистолет за ремень, он высоко подпрыгнул, ухватился руками за край забора и, подтянувшись, ловко перебросил тело на другую сторону. Ему повезло — в тот момент, когда он спрыгнул на землю, к автобусной остановке, которая находилась в десяти метрах от места, где он приземлился, подъехал порожний автобус. Видимо, его водитель в боковое зеркало заметил бегущего к задней двери пассажира, поэтому на несколько лишних секунд задержал отправление машины. Этих секунд футболисту вполне хватило, чтобы ввалиться в салон и занять место у заднего окна. Сделал он это не случайно. Когда на заборе показались головы всех четырех преследователей, он отпустил в их сторону характерный жест, известный как «fuck you», — выбросил вверх средний палец правой руки.

Несколько минут назад из квартиры, где произошел захват заложников, милиционеры увели закованного в наручники Очкасова. Пожилая врачиха в соседней комнате приводила в чувство молодую мамашу, а ее трехлетний сынишка, кажется, уже забыв о том, что здесь произошло несколько минут назад, бегал по квартире с тем самым игрушечным пистолетом, с которым Громов победил преступника, и сотрясал воздух криками «паф! паф!». Сам Громов, отправив своих приятелей вниз, к машине, сидел на кухне и пытался дозвониться до охранной фирмы «Стрелец-2». Три его попытки завершились неудачей — номер был занят, и только с четвертого раза ему удалось пробиться.

Трубку на другом конце провода поднял человек, с которым несколько лет назад Громов неоднократно рисковал жизнью — сидел в засадах и гонялся за преступниками. Теперь бывший коллега возглавлял охранную фирму. Звали его Евгений Долматов, для Громова просто — Женя.

— Здорово, секьюрити, — произнес Громов свою фразу-пароль, с которой обычно начинались все их разговоры. — Ты, как обычно, весь в делах — я с трудом до тебя дозвонился.

— Здорово, пропащая душа! — радостно откликнулся на голос друга Долматов. — Я думаю, что и ты без дела не сидишь. Откуда звонишь? Небось опять какого-нибудь бандюка захомутал?

— Ну, что ты, Женя. Какие могут быть в наши дни бандюки? Нам посчастливилось жить и работать в мирное и спокойное время, когда само слово «бандит» напрочь ушло из людской памяти. Вот и сейчас я сижу в теплом и тихом ДЭЗе и листаю домовые книги на предмет рядовой проверки жильцов.

— В ДЭЗе, говоришь? Тогда кто у тебя там кричит под боком? — услышал Долматов вопли, которые издавал забежавший на кухню сын хозяйки квартиры.

— Эти крики как раз наглядно демонстрируют ту идиллию, в которой я сейчас пребываю. Это сын начальника ДЭЗа играет в войну.

— Ладно, считай, что я поверил и опять жалею, что ушел из МУРа. Ты это хотел услышать?

— И это тоже. Ведь признайся, Жека, у вас там в охранном бизнесе каждый день сплошные заморочки.

— Это ты угадал. Вот только перед тобой я разговаривал с одним ухарем из разрешительной системы. Представляешь, мой человек приходит к нему оформлять документы, а этот ухарь заявляет: с документами все в порядке, только теперь вам придется ежемесячно переводить вот на этот счет энную сумму на поощрение работников МВД. А если, говорит, денежки не переведете, тогда и документы хрен когда оформите. Чем не заморочка?

— Жуткие вещи рассказываешь, Жека. Мне даже кажется, что ты бессовестно меня обманываешь. Не могут в нашей системе работать такие ухари. Я четырнадцать лет в ментах хожу и ни одного такого не встречал. Две недели назад я был на собрании в ГУВД и слушал отчетный доклад. Так вот дяденька, который его читал, сказал, что в

нашей системе в основном трудятся очень хорошие и просто хорошие люди. А те, кто не сумел проявить себя у нас, идут в частную охрану.

Ответом на эту страстную речь Громова стал громкий смех Долматова.

— Ты на этом собрании случайно не расплакался? — спросил он затем у Громова.

— Хотел было, да потом вспомнил, что носовой платок дома оставил. Зато напротив меня генерал сидел, так тот весь соплями изошел. Пару раз даже «браво» крикнул. Так что, Жека, бросай свою задрипанную фирму и валяй обратно к нам. Мы тебе по этому случаю новую канцелярскую папку выделим и скрепки импортные.

— А может, лучше ты к нам? Я тебе с ходу выделю зарплату в баксах, кабинет роскошный, иномарку, компьютер, мобильник.

— Тю, удивил мобильником! Да у нас, если хочешь знать, после твоего ухода тоже мобильники появились. Целых три штуки на весь МУР. Я сам пару раз один из них видел в руках у начальника, когда он мимо меня проходил. А компьютеры нам не нужны, потому как мы привыкли шариковой ручкой обходиться. Да и иномарки на фига? Я на своей «восьмерке» кого хочешь догоню с горки. А в горку я вообще не езжу, не дурак.

— Зря отказываешься, Кирилл, я ведь на полном серьезе тебе предложение делаю, — переходя с шутливого на серьезный тон, произнес Долматов. — Мне такие люди, как ты, до зарезу нужны.

— Эх, Жека, я уйду, Петрович уйдет, а кто в МУРе останется? Такие, как Голова, что ли?

Под прозвищем Голова скрывался бывший опер, который несколько лет назад прославился на всю Петровку уникальным случаем. Дело было так.

Заявился как-то этот опер в КВД (камеру вещественных доказательств) и бросил перед приемщицей на стол полиэтиленовый пакет. Принимай, мол, полезная, вещественное доказательство. Та взяла пакет за углы и вытряхнула на стол... отрубленную человеческую голову. Что с той приемщицей потом приключилось, объяснять, думаю, не стоит. Когда на тебя со стола лыбится отрубленная голова с высунутым изо рта зеленым языком, любого, даже матерого опера может от неожиданности кондрашка хватить. А тут женщина, которая отродясь такого ужаса не видела. Короче,

приемщица взревела, как корабельный ревун, и переполошила своим криком чуть ли не всю Петровку, 38. Все, кто был поблизости, бросились на крик, даже пара автоматчиков примчалась, думая, что начался штурм здания ГУВД обнаглевшей братвой. Вскоре к месту происшествия прибыло и начальство. Началось разбирательство. Поскольку приемщица пребывала в полубморочном состоянии, ситуацию описывал тот самый опер, который приволок голову в КВД.

Как выяснилось, голова была обнаружена на месте преступления — в какой-то рощице на окраине Москвы. Туловища же поблизости не оказалось. Закончив работу, сыщики положили голову в полиэтиленовый пакет и поручили самому молодому сотруднику отвезти ее в морг. Однако тамошние эскулапы наотрез отказались принимать голову отдельно от туловища и послали молодого опера куда подальше. Тот встал перед дилеммой: куда податься? Не к себе же домой везти эту голову?! Вот он и отправился в КВД. Дальнейшее известно. С тех пор за этим опером закрепилось прозвище Голова, и в течение нескольких лет, пока он работал на Петрах, ему приходилось терпеть насмешки своих коллег по работе. В конце концов из милиции он уволился.

Видимо, аргументы, которые привел Громов, показались Долматову резонными, и он поспешил сменить тему разговора.

— Так зачем я тебе понадобился? Ты ведь без дела звонить не станешь.

— Угадал, помощь твоя нужна. Среди твоих охранников есть парень по прозвищу Хома. Тебе оно что-то говорит?

— Естественно. Хомяков Евгений Борисович. У меня его старший брат в заместителях ходит. А младшой — рядовой охранник, офис охраняет. А в чем дело? До сего дня у меня к нему претензий не было. Нормальный парень, правда, на «Спартаке» помешанный.

— Ты, Жека, не волнуйся, с ним все хоккей. Просто мы ищем одного свидетеля, а Хома может знать, где он в данный момент находится. Вот и все дела. Ты бы не мог меня с ним свести?

— Без проблем. Сейчас я наведу справки, дежурит он сегодня или нет.

— Я уже знаю — дежурит.

— Тогда проще пареной репы. Офис, который он охраняет, находится недалеко от Петровки — в Дегтярном переулке. — И

Долматов назвал точный адрес офиса. — Правда, рабочий день там уже заканчивается и ты можешь не успеть — охрана закроет офис и никого туда не пустит. Но ты не дрейфь. Я сейчас позвоню туда и предупрежу Хому о твоём визите. Это все, что я могу для тебя сделать.

— Мне большего и не надо, — ответил Громов.

— Тогда удачи тебе, сыщик! — напутствовал его Долматов и повесил трубку.

Хомой оказался весьма симпатичный молодой человек из разряда качков. Громов, сам неплохо сложенный физически, увидев его широкие плечи, внушительный торс и накачанные бицепсы невольно ему позавидовал. Хома, внимательно ознакомившись с удостоверением, которое предъявил ему гость, пригласил его не в дежурку, где за просмотром телевизора сидел еще один охранник, а в один из кабинетов на первом этаже. Там Громов без всяких предисловий спросил:

— Бывший футболист Сергей Кадилин тебе знаком?

— Еще бы! Игрок, что называется, от Бога. Такие кружева на «зеленке» наворачивал — залюбуешься. В свое время я у него и дома частенько бывал. А вы что, футболом интересуетесь?

— Я Кадилиным интересуюсь. Он мне необходим по одному делу, а найти его никак не удастся. Он же теперь бомжует.

— Да, мыкается бывший кумир.

— Ты не знаешь, где он конкретно мыкается?

— Имеете в виду, у кого он живет? Честно говоря, я почти ничего не знаю. Мы же с ним лет десять не виделись, а встретились по новой совсем недавно. Он тогда у какого-то инвалида жил. А теперь вроде бы от него съехал.

— А ты откуда знаешь, что он съехал? — удивился Громов осведомленности парня.

— Так он мне сам сказал.

— Когда сказал?

— Сегодня. Он ко мне часа в два заходил. Насчет работы узнавал, только у нас пока ничего не получилось. Договор с фирмой, которую мы должны охранять, еще не заключили.

— А куда он отправился после тебя?

— Адрес я не знаю. Но он хвалился, что с бабой хорошей познакомился. Еще сказал, что даже среди путан попадаются

нормальные люди.

— Имя называл?

— Нет, только прозвище. Красивое такое, иностранное. — И парень задумался, пытаясь вспомнить экзотическое слово. — Да, вспомнил. Я ведь как прозвище услышал, сразу греческую команду вспомнил — «Олимпиакос». Афина ее зовут.

ОБЛАВА В ПОДЗЕМКЕ

Автобус, на котором Кадилин скрылся от братков, благополучно доехал до конечной остановки, расположенной возле одной из станций метро. Понимая, что его преследователи вполне могут, бросившись в погоню за ним на своем автотранспорте, прочесать весь автобусный маршрут, Кадилин решил дальнейший свой путь провести под землей. Конкретного места, где бы он мог благополучно спрятаться, у него на примете пока не было, и он в этот момент хотел только одного — как можно скорее покинуть опасный район. Однако, зная он заранее, какой прием ожидает его под землей, он бы наверняка остерегся туда соваться.

Едва Кадилин спустился в метро и подошел к окошку кассы, чтобы купить жетон, как на него тут же обратил внимание милиционер, стоявший возле будки контролера. Небрежно играя резиновой дубинкой, он подошел к Кадилину и дернул его за рукав.

— Иди сюда, чувырло, — обратился он к футболисту и указал ему дубинкой место в углу, куда надо было отойти.

— В чем дело? — стараясь сохранять спокойствие, спросил Кадилин, однако приказ стража порядка выполнил.

— Вопросы я буду задавать, понял? — с внезапной злостью процедил сквозь зубы милиционер и больно ткнул футболиста дубинкой в живот. — Документы есть?

— Только справка. Бомжую я, — ответил Кадилин, потирая ушибленное место. — Показать?

— Нужна мне твоя гребаная справка. Пошли со мной. — И милиционер подтолкнул задержанного к двери, которая вела к служебным помещениям метрополитена.

— Может быть, отпустишь меня, командир? Я тебе денег дам, — попытался договориться с милиционером по-мирному Кадилин.

После этих слов страж порядка внезапно остановился и коротко произнес:

— Давай.

Кадилин вытащил из кармана брюк две десятки и протянул их менту. Тот сноровисто запихнул деньги в карман кителя, однако,

вместо того чтобы отпустить пленника, вновь ткнул его дубинкой — на этот раз в грудь:

— А теперь пошли — поговорим, — и буквально втолкнул Кадилина в узкий коридорчик служебных помещений.

Вскоре они оказались возле двери, на которой висела табличка: «Комната милиции». Подталкиваемый сзади дубинкой, Кадилин открыл дверь и вошел в помещение. То, что он увидел там, заставило его буквально застыть на пороге с открытым от удивления ртом. В комнате находились три человека — двое милиционеров и мужчина средних лет, явно находившийся «под парами». Бессвязно что-то бормоча себе под нос, мужчина лежал на полу, а менты, в рубашках с засученными рукавами, возвышались над ним и занимались привычным делом — один охаживал беднягу кулаками, а другой сноровисто выворачивал его карманы. Найдя у него в пиджаке бумажник, милиционер распрямился и только тут обратил внимание на застывших на пороге гостей.

— Что за чучело ты нам привел, Кока? — обратился он к менту, задержавшему Кадилина.

— Пускай чучело, но зато — свежее, — ответил милиционер. — На нем можно тренироваться сколько душе влезет — бомжик он. Так что развлекайтесь.

Сопроводив свои слова лошадиным ржанием, милиционер в последний раз ткнул Кадилина дубинкой в спину и вышел из комнаты.

— Ну что, бомж, бабки есть? — спросил милиционер после небольшой паузы, которая понадобилась ему для того, чтобы внимательно изучить содержимое бумажника.

Кадилин, который за время своего бомжевания успел достаточно наглядеться на таких стражей порядка, прекрасно понимал, что наличие денег не спасет его от участи мужика, корчившегося сейчас на полу. Вручи он ментам даже кошелек, набитый под завязку баксами, они не отпустят его без хорошего мордобоя. Во всяком случае, именно это читалось в налитых кровью глазах милиционера, стоявшего напротив него.

— Ну что молчишь, гнида? — с нескрываемой злостью спросил мент у Кадилина, и его рука потянулась к дубинке, лежавшей на столе. — Сейчас мы тебя научим милицию любить.

Мент сделал шаг вперед и замахнулся на футболиста, явно метя дубинкой в голову. Однако ударить он не успел. В следующее мгновение Кадилин сделал шаг назад и, выхватив из-под рубашки, специально одетой им навыпуск, пистолет, направил дуло прямо между глаз мента.

— Стой, если жить хочешь, сука, — процедил он сквозь зубы и демонстративно снял пистолет с предохранителя. — Сейчас я вас научу, как бомжей любить. Живо на колени!

Последнюю фразу он произнес нарочито громко, чтобы и второй милиционер, все еще разбиравшийся с пьяным мужиком, услышал ее.

— Ты че, мужик, охерел? — с дрожью в голосе спросил у Кадилина первый мент и вернул дубинку обратно на стол. — Я же пошутил.

— А я не шучу. Дернетесь — обоим яйца отстрелю. На колени, я сказал!

Оба стража порядка послушно опустили на колени и с ужасом уставились на Кадилина.

— Что — обоссались? — продолжая играть дулом пистолета у них перед носом, спросил футболист. — То-то же, это вам не пьяных лохов дубинками охаживать. Жить хотите?

Оба мента, бледные как смерть, молча кивнули головами.

— Тогда слушайте меня внимательно. Если сейчас споете мне песню «Наша служба и опасна и трудна», то будете жить. А нет — эту песню будут петь над вашими могилками. Ясно?

— Ясно, ясно, — замахал руками мент, который собирался ударить Кадилина дубинкой, и первым спросил: — Можно начинать?

— Сначала повернитесь лицом к стене, а петь начнете по моему сигналу, — приказал футболист.

Милиционеры беспрекословно подчинились.

— Теперь начинайте, — отдал команду Кадилин, и оба стража порядка затаили:

Наша служба и опасна и трудна,
И на первый взгляд как будто не видна...

Естественно слушать всю песню Кадилин не собирался. Этот трюк ему нужен был только для одного — пока менты упражнялись в песенном творчестве, он собирался незаметно выйти из комнаты и сделать ноги. И этот трюк ему удался. После того как певуны, путаясь и запинаясь, спели первый куплет и перешли ко второму, он осторожно открыл дверь и вышел в коридор. Там он спрятал пистолет под рубашку и быстрым шагом направился по коридору к выходу. Он молил Бога, чтобы милиционер, который задержал его у входа в метро, теперь куда-нибудь слинял, но ему не повезло. Тот опять стоял возле турникетов и, когда Кадилин появился перед ним, заспешил ему навстречу.

— Ты че так быстро? — не скрывая удивления, спросил у футболиста страж порядка, и его рука потянулась к дубинке, висевшей на бедре.

Кадилин понял, что любое промедление может дорого ему обойтись. Поэтому, подпустив милиционера поближе, он в следующую секунду ловкой подсечкой сбил его с ног и бросился бежать вниз — к платформе. На удачу, в этот момент к одной из них прибыл электропоезд и беглец, пробежав несколько метров вперед, заскочил в один из вагонов. В следующее мгновение двери закрылись и поезд тронулся в путь. Сквозь стекло вагона Кадилин видел, как на платформу с перекошенными от гнева лицами выскочили все трое милиционеров, которые принялись барабанить кулаками по набиравшему движение поезду. Но было слишком поздно — машинист на эти удары так и не среагировал.

Опустившись на мягкое сиденье, Кадилин перевел дух, считая, что опасность его миновала. Но он ошибся. Едва поезд скрылся в тоннеле, как милиционеры бросились к диспетчеру и приказали ему немедленно остановить только что отошедший от станции поезд в тоннеле. Затем они связались со следующей станцией метро и передали своим коллегам срочное сообщение: во втором вагоне прибывающего поезда находится вооруженный преступник, примите немедленные меры к его задержанию.

Когда через минуту после отхода от станции поезд внезапно затормозил, Кадилин поначалу не придавал этому значения, посчитав, что остановка вызвана всего лишь технической причиной. Однако, когда поезд не тронулся и через две минуты после торможения, он

понял, что эта задержка не случайна. «Значит, пока мы здесь торчим, менты готовят мне встречу на следующей станции, — промелькнула в его сознании тревожная догадка. — Ну уж нет, господа хорошие, я вам не кролик в клетке. Просто так не дамся».

Вскочив на ноги, Кадилин огляделся. Немногочисленные пассажиры продолжали беспечно сидеть на своих местах, погруженные каждый в свои мысли. В следующее мгновение все они вздрогнули от звона разбитого стекла. Это Кадилин, схватив пистолет за ствол, сильным ударом рукоятки разбил одно из стекол на двери. Две женщины, которые сидели ближе всего к футболисту, увидев то, как он продолжает с помощью пистолета очищать дверь от торчавших осколков, вскочили с мест и побежали в глубь вагона. Но Кадилин этого даже не заметил.

Расправившись со стеклом, он засунул пистолет за ремень и, держась за поручень, встал обеими ногами на оконную раму. Затем высунул верхнюю часть туловища за окно и, упираясь левой ногой на раму, а правую поставив на металлический штырь, торчавший из стены тоннеля, попытался ухватиться руками за воздухозаборник на крыше вагона. После нескольких безуспешных попыток ему это наконец удалось, и он, подтянувшись на руках, оказался на крыше. В тот же миг поезд внезапно тронулся, и Кадилин в очередной раз поблагодарил Всевышнего за помощь. Если бы состав тронулся чуть раньше, его затея закончилась бы плачевно.

Поезд двигался на малой скорости, что позволило Кадилину без особого труда, перебираясь по воздухозаборнику (в этом месте расстояние до свода тоннеля было чуть больше) с одного вагона на другой, добраться до хвоста состава. Там он затаился и стал ждать, когда поезд прибудет на станцию. Наконец впереди показался свет и через несколько секунд состав медленно подъехал к платформе. Кадилин лежал на крыше не поднимая головы и терпеливо ждал остановки. Он был совершенно спокоен и четко представлял себе, как будет действовать. Он знал, что милиционеры, которых он обманул на предыдущей станции, наверняка сообщили своим коллегам, в каком именно вагоне он находится. Значит, засаду ему попытаются устроить именно там. Пока менты ворвутся в вагон, пока разберутся, что к чему, у него будет время спрыгнуть и незаметно выбраться из метро.

В своих расчетах Кадилин оказался на удивление точен. Стражи порядка действительно ожидали его во втором вагоне от начала состава и бросились туда, едва двери поезда открылись. Кадилин тем временем спрыгнул вниз и вместе с небольшой группой пассажиров, которые вышли из вагонов, не спеша направился к выходу.

Впереди его ждало еще одно препятствие. Как выяснилось, милиционеры оказались не дураками и позаботились о дополнительных заслонах на всякий случай. Наверху стоял милиционер, который взглядом внимательно просеивал поднимавшихся по лестнице пассажиров. Кадилин, чтобы не встречаться с ним взглядом, специально низко пригнул голову, рассчитывая таким образом проскочить.

Но в этот момент он услышал громкие крики у себя за спиной и понял, что милиционеры, искавшие его в вагоне, раскусили его хитрость и теперь бежали к хвосту состава. Медлить было нельзя, и футболист рванул вверх по лестнице. Этот старт, естественно, не остался без внимания со стороны милиционера, и он бросился ему наперерез. Кадилин прекрасно понимал, что времени на поединок со стражем порядка у него нет — стоит ему задержаться на несколько секунд и милиционеры наверняка его настигнут. Поэтому ему следовало придумать нечто такое, что позволило бы ему не только мгновенно вырубить противника, но и не потерять при этом драгоценного времени.

Спасительная мысль пришла ему в голову буквально на ходу. Преодолев последнюю ступеньку, он на скорости внезапно упал на каменный пол, при этом левую ногу поджав под себя, а правую выставив вперед. Милиционер, готовый встретить врага в полный рост, явно оказался не готов к подобному трюку. Кадилин же в виртуозном подкате, как заправский защитник-костолом, сыграл «в кость» милиционеру и сбил его с ног. Пока страж порядка приходил в себя, Кадилин вновь вскочил на ноги и, расталкивая в стороны спешащих пассажиров, бросился к выходу.

Выбравшись на поверхность, он побежал по улице, однако на первом же перекрестке едва не угодил под колеса темно-вишневого джипа. Водитель вовремя успел затормозить, и автомобиль остановился буквально в половине шага от Кадилина. Все, что произошло дальше, заняло у беглеца всего лишь несколько секунд.

Понимая, что его дыхалка не выдержит бега на длинную дистанцию, он принял решение скрыться от погони, воспользовавшись услугами так кстати подвернувшегося ему под руку транспорта. Выхватив из-за пояса пистолет, он рывком открыл дверцу джипа и свалился на переднее сиденье. И там его ждало неожиданное открытие. За рулем автомобиля сидел тот самый парень-гей, которому сегодня утром он загнал мобильный телефон.

— Ты? — выпучив на футболиста свои глаза-блюдца, спросил парень, но, увидев направленный на него пистолет, съезжился.

— Не дрейфь — не выстрелю, — успокоил его Кадилин и для пущей убедительности отвел ствол в сторону. — Жми на газ — менты на «хвосте»!

Последняя фраза мгновенно подействовала на парня, и в следующую секунду он заставил автомобиль рвануть с места. Когда запыхавшиеся милиционеры подбежали туда, где мгновение назад стоял джип, тот уже был далеко. С этого расстояния различить номер удаляющегося на бешеной скорости автомобиля было уже нельзя, однако стражам порядка повезло. В тот момент, когда их покинула всякая надежда настигнуть беглеца, к ним подошел старичок с симпатичной болонкой в руках и сказал:

— Уважаемые милиционеры, я запомнил номер автомобиля, в который сел молодой человек. Могу вам его сообщить.

Когда Кадилин, глядевший в заднее стекло джипа, понял, что им удалось благополучно оторваться от погони, он попросил парня сбавить скорость. Тот с удовольствием согласился.

— Как ты меня напугал, крошка, — окончательно придя в себя, произнес парень. — Я из-за тебя чуть не описался. Что случилось?

— Да так, небольшие разногласия с доблестной милицией, — уклончиво ответил Кадилин.

— Небольшие, говоришь? — переспросил парень и покосился на зажатый в руках попутчика пистолет.

Перехватив его взгляд, Кадилин засунул ствол за ремень и прикрыл его рубахой. После чего спросил:

— Где мобильник, что я тебе сегодня впарил?

— А что — хозяин объявился?

— Да, могут быть неприятности.

— Теперь вряд ли. Тю-тю мобильник — сперли его у меня в одной кафешке. Оставил на минутку на столике, вернулся — а его уже нет.

— Ну и слава Богу, — облегченно вздохнул Кадилин и откинулся на спинку сиденья.

В салоне повисла короткая пауза, которую первым нарушил футболист:

— Меня Сергеем зовут. А тебя?

— Зови меня просто — Гога, — ответил парень.

— Крутую тачку ты себе заимел, Гога.

— А это не моя тачка. Дружка моего помнишь, с которым ты сегодня по телефону разговаривал? Он и есть хозяин джипа. Сейчас он у меня дома спит пьяный в дымину. А я вот вынужден гнать к нему домой.

— Какого хрена?

— Он завтра утром в Голландию улетает, а чемодан с вещами дома забыл. Вот мне и пришлось вместо него за руль сесть. Чего не сделаешь ради любимого человека.

— А гаишников не боишься?

— Не-а. Они бабки дюже любят. А ты куда направляешься?

Этот вопрос застал Кадилина врасплох. Он был в совершенном неведении относительно того, куда ему теперь податься. Если от братков спрятаться в огромном городе было можно, то от милиции вряд ли.

— Чего молчишь? Или идти некуда? — вновь спросил парень.

— Угадал, — ответил Кадилин. — Со всех сторон обложили, как зверя.

— А чего ты натворил? Грохнул кого-нибудь или кассу грабанул?

— Ничего я не делал. Бомжевал себе мирно, никого не трогал. А потом бац — и всем не угодил. Бывает такое?

— Бывает, крошка. Нам, геем, это хорошо известно, потому как нас тоже никто не любит. Что же ты теперь делать будешь?

— Мне бы спрятаться куда-нибудь на время, хотя бы до утра. У тебя есть какая-нибудь хата на примете?

— У меня? — По тому, каким голосом парень переспросил Кадилина, было видно, что этот вопрос его крайне озадачил. — Нет, конечно. Не к себе же мне тебя везти?!

— А у хера твоего голландского? Ты же сам говоришь, что он завтра улетает. Может быть, я переночую ночку у него на квартире?

— Ты че — рехнулся? А вдруг он узнает? Он же отмороженный, враз мне башку открутит.

— Откуда он узнает? Я же сказал — мне только до утра у него пересидеть, а потом я одной своей знакомой позвоню, и она меня к себе заберет. Ну как?

Парень молчал, сосредоточенно глядя в лобовое стекло. Наконец он произнес:

— Ну, ладно, черт с тобой. Только уговор — на одну ночь.

— Об чем разговор, — явно повеселев, ответил Кадилин. — Ночь пересплю и — к подруге. Мое слово — закон.

В семь вечера Громов приехал на Петровку, 38, и первым, кого он встретил в вестибюле центрального входа, был опер из «убойного» отдела Вася Смычков. Увидев Громова, тот схватил его за локоть и, не давая опомниться, потащил в угол.

— Как здорово, что я тебя встретил, — бубнил на ходу Смычков. — Понимаешь, в выходные выбрались с сыном на «Горбушку», чтобы видеокассетами отовариться. Купили несколько штук, причем самых разных — боевички, ужастики и одну кассету с мультяшками. Сын давно просил фильм про Алладина. И что ты думаешь? Пришли домой, вставили кассету в видак, а там вместо Алладина какая-то индийская муть. То ли «Любовь и разлука», то ли «Разлука и любовь». Короче, фигня, которую никто у нас в доме не смотрит.

— Поздравляю, только я-то тут при чем? — удивился Громов. — Тебе надо к Самцову из УБЭПа обратиться, он эту «Горбушку» в два счета к порядку призовет. Возьмет ребят из «маски-шоу» и достанет твоему пацану хоть Аладдина, хоть Насреддина.

— Издеваешься? А мне именно к тебе посоветовали обратиться.

— Ко мне? Чем же я тебе могу помочь?

— Хватит попой тархтеть, Кирилл. Мне сказали, что ты от индийского кино просто тащишься.

— Кто сказал?

— Леха Дробыш. Говорит, что ты по этому случаю даже портрет Индиры Ганди у себя над столом повесил. Наврал, что ли?

— Да нет, все верно — висит портрет, — ответил Громов, а про себя подумал: «Один — ноль в пользу Лехи. Ну, ладно, сучок паршивый, за мной не заржавеет».

Глядя в честные глаза коллеги, Громов не стал вдаваться в подробности и объяснять ему смысл происходящего. Он знал обидчивую натуру Смычкова и предпочел побережь его нервы. Однако Дробышу прощать его выходку он не собирался. В голове уже созрел план мести, который он решил претворить в жизнь немедленно. Но прежде следовало закончить разговор со Смычковым.

— Итак, чего ты от меня хочешь, Вася? — первым нарушил тишину после внезапной паузы Громов.

— Как чего? Чтобы ты у меня эту кассету купил. — И Смычков достал из полиэтиленового пакета, который он все это время держал в руке, видеокассету.

— Сколько просишь?

— Недорого — двадцатку.

— Всего-то? — Громов постарался придать своему лицу полное безразличие, а сам тут же прикинул в уме, в какую копейку обходится ему сегодняшней день: Сашкин штраф, теперь вот эта видеокассета. Однако делать было нечего, и он полез в карман за портмоне.

Когда Смычков скрылся из виду, Громов приступил к осуществлению своего плана мести. Он ногтем соскреб наклейку с прежним названием фильма и шариковой ручкой, крупными буквами, вывел новое, увиденное им однажды на одной из кассет на «Горбушке» название — «Пописай мне в ротик». И только после этого отправился к себе на этаж.

Когда он вошел в кабинет, Дробыш сидел за столом и что-то писал.

— Опять доносы строчишь? — спросил его Громов, проходя в свой угол и небрежно бросая кассету на стол.

— Если бы донос, то я бы весь светился от счастья, — ответил Дробыш. — А так — рапорт для шефа.

— Кстати, о работе. Что слышно по пальчикам жмурика с «Киевской»?

— Все нормально — результат будет завтра утром. Костя Голик без всякой бутылки согласился нам помочь, — ответил Дробыш. — Однако одна хорошая новость на этот счет уже имеется. Час назад

звонил опер из 123-го отделения милиции Илья Дюжев. Тот самый, которого мы видели на квартире у Яши-инвалида. И знаешь, по какому поводу он звонил? Некий источник сообщил ему, что жмурик, который из окна выпал, никакого отношения к нищенской мафии не имеет. По словам источника, некие крутые братки вышли на Фантика и попросили свести их с Яшей. Что тот и сделал, видимо за бабки.

— Это все, что сообщил источник? — спросил Громов.

— Да. По словам Дюжева, никакими подробностями тот не располагает, знает все из третьих уст. Мне кажется, правды в такой информашке может быть на ноль.

— Я думаю иначе, — не согласился с приятелем Громов.

Тут взгляд Дробыша упал на лежавшую на столе кассету, и он, легко перескакивая с одной темы на другую, спросил:

— Смычков впарил?

— Какой Смычков? — делая вид, что не понимает, о чем идет речь, переспросил приятеля Громов.

— Ладно заливать. Он звонил мне полчаса назад, предлагал какую-то индийскую чушь купить. Я его к тебе направил.

— Ах, ты о кассете? — догадался наконец Громов. — Никакого Смычкова я не видел. А кассету мне Шлыков презентовал. Они вчера какого-то извращенца поймали и дома у него целый чемодан порнушных кассет конфисковали. Одну из них он мне и всучил. Говорит, ничего более крутого в порнухе он сам еще не видел.

Все еще недоверчиво поглядывая на коллегу, Дробыш, не вставая с места, дотянулся до кассеты и с интересом посмотрел на наклейку.

— И что же на ней снято? — спросил он у Громова, повертев кассету в руках.

— Там же по-русски написано — «Пописай мне в ротик». Этот извращенец по границам мотался и навез себе этой дури со всего мира. Шлыков говорил, там такое кино — закачаешься.

Произнося этот монолог, Громов внимательно следил за реакцией соседа по кабинету и видел, какой охотничий азарт появился у того в глазах после этих слов. Далее последовало то, на что Громов, собственно, и рассчитывал. Прижимая кассету к груди, Леха сказал:

— Кирилл, отдай мне эту кассету.

— Здрасьте, с какой стати? Я ее, между прочим, у Шлыкова не за здорово живешь взял.

— А за что?

— За бабоньки. Ему деньги нужны были, а в долг я давать не хотел. Вот он и предложил кассетой расплатиться. Говорит, посмотришь, чем настоящие извращенцы занимаются. Честно говоря, я не любитель такой «клубнички», но ради любопытства взял.

— Вот именно, что ради любопытства. А я этим делом профессионально занимаюсь.

— Чем — извращенством?

— Да нет, кассеты порнушные коллекционирую. В семейной жизни они очень даже полезны. Мы с женой их насмотримся и потом друг на друга как в первый раз залезаем.

— И богатая у тебя коллекция?

— Твоя кассета была бы шестнадцатая. Продай, а?

Громов сделал вид, что задумался. Но его молчание длилось недолго — через несколько секунд он махнул рукой и произнес:

— Черт с тобой! Давай полтинник и забирай.

— Почему так дорого? — возмутился Дробыш.

— А ты как думал? Там полкассеты сплошные перверсии записаны.

Заморское слово, с пафосом произнесенное Громовым, подвело черту под колебаниями Дробыша — он безропотно полез в карман за деньгами. Пряча их в портмоне, Громов с удовлетворением отметил, что хоть таким способом, но все-таки отбил у Лехи тот тридцатник, который одолжил ему на презервативы. Поймав себя на мысли о кондомиках, Громов вновь обратился к Дробышу:

— Леха, ты свои презервативы еще не перепрятал?

— Не успел еще. А что?

— Дай мне пару штук.

— Зачем? — Маленькие глазки Дробыша до неприличия округлились.

— Надувать буду и в окошко пускать, — сострил Громов. — А то ты не знаешь, для чего нужны презервативы.

— Неужто бабу подцепил?

— Нет — мужика. Хочу попробовать для разнообразия. Так ты дашь или нет?

Не говоря больше ни слова, Дробыш полез в сейф и достал оттуда два презерватива. Бросая их на стол, спросил:

— Пользоваться, надеюсь, умеешь?

Громов ничего ему не ответил, так как был уже занят новым делом — набирал на телефоне один из номеров отдела по борьбе со сводничеством и притоносодержанием МУРа. Когда на другом конце провода подняли трубку, он произнес:

— Здорово, Муратов. Это Громов беспокоит. Помощь нужна срочная. Ищем одного человека, а он спутался с проституткой по прозвищу Афина. Тебе это имя ни о чем не говорит? Нет? Тогда кто может знать? Гурзо? А он на месте? Слушай, давай я подскочу сейчас к вам и мы вместе поищем. Лады?

Громов повесил трубку и поднялся из-за стола, чтобы покинуть кабинет.

— Так вот зачем тебе презервативы понадобились, — усмехнулся Дробыш. — На путану потратишь?

— У них свои имеются, — ответил Громов.

— А меня к ней взять не хочешь?

— У тебя на этот случай есть кассета. Рабочий день уже закончился, езжай домой и хоть обсмотришься.

— Куда она денется — кассета? А вот на путану посмотреть другого случая может и не представиться. Ну как, возьмешь?

И Дробыш с такой надеждой взглянул на приятеля, что тот в конце концов не устоял:

— Ладно, пошли. Веселей будет.

УБОЙНЫЙ КОМПРОМАТ

Дом, в котором проживал любовник Гоги, оказался сталинской восьмиэтажкой желтого цвета. Кадилин всю жизнь мечтал жить в таком доме, где потолки в квартирах были бы под три метра, а в подъезде дежурила бы вахтерша, но так и не сподобился. Однако, поднимаясь теперь на лифте на седьмой этаж, он с удовлетворением отметил про себя: «Хоть ночь проведу в таких роскошных хором».

Квартира, в которую его привел Гога, могла потрафить самым изысканным человеческим вкусам. Блестящий паркетный пол, массивная мебель, тяжелые шторы, картины на стенах. И так во всех трех комнатах.

— Хорошо живет твой любовничек, — с удивлением озираясь по сторонам, сказал Кадилин.

— Да уж, не хило, — ответил Гога. — Кстати, я даже не подумал о главном — а вдруг ты захочешь что-нибудь отсюда прихватить? А тут каждая мелочь стоит бешеных денег.

— Твое недоверие мне оскорбительно, — усмехнулся Кадилин, — я привык за добро платить добром.

— Это, крошка, только слова. А им сегодня цена маленькая.

— Что же ты предлагаешь?

— А я тебя на ключ закрою, а завтра утром сам выпущу. В таком случае ты вряд ли что отсюда прихватишь.

— Ну уж нет, — возразил Кадилин. — А вдруг ты ментам обо мне доложишь? Я ведь тоже имею право тебе не доверять.

— Здрасьте! А кто первым на эту хату напросился — я, что ли? Так что командовать здесь буду я. И не дрожи — я в ментовку идти не собираюсь. Мне эти гоблины тоже порядком жизнь попортили. Так что располагайся как можешь, а я возьму вещи и — назад. Вдруг мой барсик уже оклемался и зовет своего Гогочку?

С этими словами парень сходил в соседнюю комнату, нашел в ней злополучный чемодан и благополучно отбыл из квартиры. Как и обещал, уходя, он закрыл входную дверь на ключ.

Едва шум за дверью затих, Кадилин отправился в приятное путешествие по роскошным апартаментам. Он обошел все комнаты,

сходил на кухню, заглянул в туалет и ванную. Увиденное произвело на него такое ошеломляющее впечатление, что он в течение нескольких минут никак не мог справиться с охватившей его завистью к обладателю такого богатства. И хотя сам он в пору своего триумфа в «Спартаке» имел прекрасную четырехкомнатную квартиру в новой шестнадцатипятиэтажке, оказавшись теперь в таких хоромах, он понял, что его бывшая обитель в подметки не годится увиденному здесь.

В этом жилище ему нравилось абсолютно все: ковры на полу, огромный белый рояль, массивные кресла, люстры, книжный шкаф вдоль всей стены. Подойдя к нему, Кадилин стал внимательно читать названия книг на полках.

В основном это была отечественная классика, а также различные словари и справочники. Всю нижнюю полку занимали книги с иностранными названиями на корешках. Взяв одну из таких книг, Кадилин открыл ее и присвистнул от удивления. Это была не книга, а ловко имитирующая ее коробка, в которую была вложена видеокассета. Причем никакого ярлыка с названием на ней не было, что чрезвычайно разожгло любопытство футболиста. Он взял с полки еще одну «книгу» и обнаружил в ней то же самое, что и в первой — видеокассету. И так, видимо, было во всех этих «книгах», которых на полке стояло несколько десятков. Чрезвычайно заинтригованный этим, Кадилин решил проверить — какое же кино может быть записано на такой видеокассете, спрятанной хозяином в книге-коробке. Чтобы утолить любопытство, он отправился в соседнюю комнату, в которой он еще в начале своего знакомства с квартирой заметил телевизор и видеомагнитофон.

Пытаясь вставить кассету в видеак, Кадилин внезапно натолкнулся на неожиданное препятствие. Как оказалось, хозяин перед уходом смотрел видео и забыл вытащить из него кассету. «Интересно, что за кино смотрел этот барсик перед уходом?» — спросил себя футболист и, не пожалев времени, нажал на кнопку «Play» на дистанционном пульте. Тут же на экране телевизора появилось изображение, которое заставило Кадилина сразу нажать на другую кнопку — «Stop». Как оказалось, в видеаке была кассета с фильмом Джона Стёрджеса «Великолепная семерка», который футболист терпеть не мог. Причем это неприятие к замечательному фильму у него появилось лет тринадцать назад благодаря его футбольному тренеру. Тот был

большим поклонником этого классического вестерна и взял за моду чуть ли не каждую неделю крутить его своим игрокам. Причем просмотр был обязательным. В итоге почти все спартаковцы этот фильм буквально возненавидели.

Вытащив кассету с нелюбимым фильмом из видака, Кадилин бросил ее на диван и вставил другую — из «книжки». Затем, вновь вооружившись пультом, он примостился на стоявшее рядом кресло и включил видак. Тут же на экране возникло изображение, которое сильно смутило Кадилина. На кассете было записано кино из разряда порно, причем «домашнего приготовления». Суть его была в следующем.

В каких-то роскошных апартаментах двое мужиков предавались самому разнузданному разврату, а именно — совершали половой акт, именуемый анальным. При этом камера фиксировала всю сцену сверху и герои фильма, судя по всему, о ее присутствии не догадывались. Кадилин на своем веку повидал достаточное количество порнографических кассет, однако все они относились к традиционной направленности — гетеросексуальной. Кадилин всегда питал отвращение к подобного рода забавам, однако из чистого любопытства решил досмотреть действие до конца.

Лиц героев фильма он пока не различал. На экране была видна лишь мощная спина одного из них, который выполнял активную роль, и седой затылок второго, который, согнувшись пополам, представал в роли пассивного партнера. Судя по тому, как интенсивно работали оба, половой акт был в самом разгаре. Узкие бедра активного ходили ходуном, а седой затылок пассивного буквально болтался из стороны в сторону в такт движениям партнера. При этом оба любовника исторгали протяжные стоны и временами бормотали что-то бессвязное. Так продолжалось минуты две, пока активный наконец не кончил. Вскоре после этого его партнер наконец распрямылся и впервые показал в камеру свое лицо. Взглянув на него, Кадилин от неожиданности едва не выронил из рук пульт. С экрана на него глядел его старый знакомый — тот самый чиновник из спорткомитета, который пять лет назад перекрыл ему дорогу в тренеры. Это было столь невероятно, что Кадилин вскочил и буквально вплотную приблизился к телевизору, чтобы с близкого расстояния убедиться в реальности увиденного. Да, сомнений быть не могло — в качестве

пассивного партнера в этом фильме был запечатлен тот самый человек, с именем которого футболист с недавнего времени стал связывать многие свои беды.

Нажав на кнопку «Stop», Кадилин в течение нескольких минут стоял посреди комнаты и смотрел на потухший экран телевизора. Первое потрясение от увиденного прошло, и теперь он мучительно раздумывал над тем, в какую авантюру его угораздило влипнуть на этот раз. И хотя запечатленное на пленке кино вызывало у него чувство безразличия, он решил проверить, что же записано на остальных. Достав из «книжек» еще пару кассет, Кадилин одну за другой вставил их в видеокассету и в течение нескольких минут убедился в том, что и там записано кино из разряда «голубого».

«Да у этого пупсика целая коллекция «голубой» порнухи, — подумал про себя Кадилин. — Причем везде съемка велась скрытой камерой. Типичная компра, как модно нынче говорить. Хотя, может быть, я ошибаюсь? Вдруг хозяин всего лишь невинный извращенец, не имеющий за душой никакой корысти. Заснял своих дружков-пидоров на скрытую видеокамеру и смотрит по вечерам, тащится. Но что делать мне? Вернуть кассету на место, мирно переночевать и, слиняв отсюда завтра, навсегда забыть обо всем? Или все же воспользоваться моментом? Ведь такого шанса поквитаться с сукой-чиновником, как этот, у меня больше никогда не будет».

Из глубоких раздумий футболиста вывел внезапный шум автомобильных протекторов, донесшийся с улицы. Подталкиваемый каким-то нехорошим предчувствием, он выглянул в окно и убедился в правильности своих опасений — во двор въезжала милицейская «канарейка». Сомневаться в том, что они приехали именно по его — кадилинскую — душу, не приходилось. «Неужели Гога заложил, сука?» — выругался про себя футболист. Про старика с болонкой, который запомнил номер джипа, он, естественно, ничего не знал.

Понимая, что каждая секунда промедления может стоить ему свободы, Кадилин отскочил от окна и заметался по квартире. Однако бежать через входную дверь было невозможно — она была закрыта снаружи на ключ. И тогда он бросился к балкону, который выходил на противоположную сторону двора. Ему повезло — тот находился на незначительном расстоянии от соседнего балкона и перепрыгнуть с одного на другой не составляло большого труда. Но прежде чем

навсегда покинуть эту квартиру, Кадилин внезапно вспомнил о главном — о кассете, которая осталась лежать возле видеомэагнитофона. Вернувшись обратно в комнату, он сунул ее за ремень, рядом с пистолетом. И только после этого вернулся на балкон, встал на перила и совершил несложный акробатический прыжок.

Приземление прошло удачно, и уже через несколько секунд после него Кадилин взялся за ручку балконной двери. На удачу, она оказалась не запертой изнутри, и футболист смело шагнул в квартиру. Ступая в чужую обитель, он рассчитывал увидеть там любую, даже самую неожиданную сцену семейного общежития, но только не то, что внезапно открылось его взору. При свете включенного торшера, стоявшего в углу огромной комнаты, он увидел двух мужчин, которые сновали по жилищу взад-вперед и сноровисто заглядывали во все укромные уголки. Судя по всему, этот шмон длился уже довольно долго, так как пол в комнате был обильно усыпан разбросанными вещами, а все дверцы в ящиках и шкафах были открыты настежь. Когда Кадилин вошел в комнату, один из незнакомцев обернулся на шум и, вытаращив на нежданного гостя свои и без того выпученные глаза, спросил:

— Ты кто?

— Конь в пальто, — сурово молвил футболист и, не обращая внимания на застывших в разных концах комнаты мужчин, прошел в коридор.

Однако прежде чем выйти из комнаты, он обернулся и, глядя на остолбеневших мужиков, сообщил:

— Ментов не вы вызывали? А то они уже во дворе выгружаются.

Услышав эту новость, один из мужиков бросился к балкону, чтобы уже через несколько секунд вернуться обратно.

— Точно, менты прикатили, — подтвердил он только что услышанное. — Но они в соседний подъезд ломанулись.

Кадилин услышал эту реплику уже в коридоре, открывая входную дверь. На лестничной площадке было пусто, только на первом этаже, заходила в лае собака и слышались возбужденные голоса сразу нескольких человек. Этот шум был совсем некстати, и Кадилину не оставалось иного выхода, как отступить другим путем — через чердак. Здесь его ждало серьезное разочарование — на двери висел огромный амбарный замок. Подергав его пару раз; Кадилин, к своему большому

огорчению, понял, что местный домоуправ человек исполнительный и к своим обязанностям относится исправно. В тот момент, когда футболист уже распрощался с надеждой в очередной раз благополучно уйти от погони, кто-то толкнул его в спину, и он вновь услышал голос пучеглазого:

— Че, застрял, мужик?

Кадилин обернулся и увидел на лестнице все тех же двух незнакомцев. Причем у обоих в руках были большие хозяйственные баулы, так любимые «челноками».

— Да вот — замок на двери, — ответил Кадилин на вопрос незнакомца.

— Замок — фигня, — процедил сквозь зубы пучеглазый. — Ну-ка, отвали в сторону.

Кадилин подчинился и уступил дорогу пучеглазому. Тот ловко скинул с плеча баул и извлек из внутреннего кармана кожаной куртки увесистую связку отмычек. В следующую секунду одна из них легко вошла в отверстие замка, раздался слабый щелчок и замок открылся. Не говоря ни слова, пучеглазый вынул его из петель и повесил на дверную дужку. После этого он подхватил баул и первым исчез в чреве чердака. Следом за ним в темноту шагнули его напарник и Кадилин, который, замыкая процессию, не забыл плотно прикрыть за собой дверь.

Добежав до ближайшего слухового окна, беглецы выбрались на крышу и, стараясь ступать как можно тише, направились к дальнему концу здания. По словам пучеглазого, который, как понял Кадилин, идя на дело, успел провести рекогносцировку, там должна была быть пожарная лестница. Так оно и оказалось. Перекинув баулы за спину, оба незнакомца первыми ступили на лестницу, а футболисту вновь пришлось замыкать процессию.

Спустившись на землю, беглецы, ведомые все тем же пучеглазым, бросились бежать прочь от здания, в котором их едва не схватили стражи порядка. Бежали они не долго. Оказывается, в соседнем дворе новые приятели Кадилина оставили автомобиль — темно-синюю «Ниву» — и теперь, сноровисто забросив баулы в багажник, собирались на нем скрыться с места преступления. Кадилин не рассчитывал на то, что мужики, оказавшись в безопасности, вспомнят

и о нем, но ошибся. Усаживаясь за руль, пучеглазый, обращаясь к футболисту, сказал:

— Чего встал как вкопанный? Лезь быстрее в машину!

Повторять приглашение дважды не понадобилось — Кадилин без промедления забрался в салон автомобиля, и в следующую секунду машина рванула с места.

Отдел по борьбе со сводничеством и притоносодержанием, куда направлялись Громов и Дробыш, был создан в МУРе в начале 90-х. Причем сформировали его по настоянию верхов скорее для отписки, чем для реальной работы. В картотеке МУРа на тот период числилось 602 проститутки, а в отделе работало всего десять оперативников, которым начальство выделило в качестве технической помощи один раздолбанный автобус, который сами проститутки прозвали «штопаным кондомом».

Отдел работал не покладая рук, однако в ситуации, когда проституция стала серьезной проблемой для города, держать руку на пульсе становилось все труднее и труднее. Если в 1993 году в Москве насчитывалось семьдесят притонов и агентств по оказанию интимных услуг, то уже через год их число перевалило за тысячу. Естественно, чтобы бороться с такой прорвой подобных заведений, десяти сотрудников муровского отдела было недостаточно.

И все же, несмотря на явный дисбаланс в расстановке сил, муровцам удалось главное — создать богатую информационную базу на обитателей столичного дна, в частности на жириц любви. И одним из признанных специалистов в этом деле считался старший оперуполномоченный отдела по борьбе со сводничеством и притоносодержанием МУРа Семен Гурзо, которого сами коллеги по работе называли «профессором проституции».

Когда Громов с Дробышем пришли на этаж, где он работал, их встретил его коллега — Андрей Муратов, который сообщил, что Гурзо на данный момент сидит в буфете. Пришлось спускаться вниз — на первый этаж. Весь путь до буфета Громов молчал, а вот Дробыш, наоборот, забрасывал Муратова вопросами по горячо любимой им теме.

— Послушай, Андрюха, ваш Гурзо действительно лихой знаток столичных проституток?

— И не только столичных, — многозначительно поднимая указательный палец, отвечал Муратов. — Ты вот, к примеру, знаешь, кто такие оираны?

— Кто?

— Средневековые японские проститутки, сродни нашим нынешним путанам. Об изысканности и утонченности их манер в Японии слагали легенды.

— Надо же! — восхищенно качал головой Дробыш. — Вот бы такой оиране впендюрить от Вани.

— А что такое генисеи, знаешь? — явно получая удовольствие от собственного превосходства, вновь спросил Муратов. — Это публичные дома во дворцах первых королей Галлии. Умели жить люди!

Выдохнув протяжное «да-а», Дробыш тем самым выразил полное согласие с последней репликой коллеги.

Когда они пришли в буфет, посетителей там было немного и найти в зале Семена Гурзо не составило особого труда. Тот в одиночестве сидел за одним из столов в дальнем углу, жевал шницель и запивал чаем. Когда процессия приблизилась к столу, Муратов поздоровался с Гурзо за руку и коротко представил своих товарищей. Собственно, Громова ему можно было не представлять, потому что Гурзо был с ним уже знаком — пару раз сталкивались по работе. Однако на этот раз им предстояло познакомиться поближе.

— Чем обязан коллегам из «убойного»? — спросил Гурзо у коллег, когда они сели за стол напротив него.

— Как говорят французы: «Шерше ля фам», — коротко ответил Громов.

— И кто же эта «фам»?

— К сожалению, имя нам не известно, только прозвище — Афина. Тебе оно что-то говорит?

— Еще бы! — ответил Гурзо. — Диана Романиди по прозвищу Афина. Гречанка по отцу и русская по матери. Двадцать два года, не судима, проституцией занимается с девятнадцати лет. В основном тусуется в гостиницах «Националь», «Международная», «Континенталь», «Россия».

— Сеня, она нам нужна до зарезу. Где ее сейчас можно найти? — подал голос Дробыш.

— Думаю, в данную секунду ее трахает какой-нибудь лощеный иностранец, — ответил Гурзо. — Короче, отыскать ее будет трудно.

— Трудно, но можно? — спросил Громов.

— Если только со мной. — Гурзо наконец допил свой чай, аккуратно уложил стакан в тарелку и поднялся из-за стола. — Так как времени у нас немного, сделаем так: ждите меня на улице, а я пойду звякну супруге, чтоб не беспокоилась.

Беседа с женой заняла у Гурзо около десяти минут, в течение которых Громов и Дробыш терпеливо ждали его во внутреннем дворе Петровки, 38. Наконец Гурзо выбежал на улицу, и они втроем направились во 2-й Колобовский переулок, где стояла машина Громова.

— Первым делом заедем в «Россию», — усаживаясь на сиденье рядом с Громовым, произнес Гурзо. — Даже если Афины там нет, кое-кого из ее подруг там застать можно.

— Подруги-то ничего? — поинтересовался Дробыш.

— Всякие есть. Только тебе-то что — они за ночь меньше двухсот баксов не берут.

— Не хило. За такие бабки, наверное, хорошо работают.

— Хорошо, — подтвердил слова коллеги Гурзо. — И вообще, земля русская всегда славилась своими талантами.

— Удивительно только, откуда у нас объявились таланты в столь деликатном деле, если мы с ним семьдесят лет боролись? — заводя машину, подал голос Громов.

— Бороться можно и с ветром, да толку не будет никакого, — ответил на эту реплику Гурзо. — Проституция — профессия древняя, и с ней не бороться надо, а регламентировать. Если бы мы в свое время пошли по этому пути, то, уверяю вас, наше общество от этого только выиграло бы.

Так, за дискуссиями о роли и месте проституции в нашем обществе, они доехали до гостиницы «Россия». Припарковав машину возле одного из входов, они прошли внутрь гостиницы. Как и ожидал Громов, у Гурзо здесь все было схвачено. Его многие узнавали — швейцары, бармены, расфуфыренные дамы в дорогих вечерних туалетах.

— Как же ты работаешь, если тебя каждая собака в лицо знает? — искренне удивлялся Дробыш.

— Я же не шпион, Леша, чтобы от всех скрываться, — ответил с улыбкой Гурзо. — Моя миссия более скромная — служить официальной связующей нитью между этим «дном» и властями. Что-то вроде участкового.

В ресторане, который в этот вечерний час был забит до отказа, расторопный официант тут же нашел для Семена и его друзей столик в уютном уголке и любезно поинтересовался, что принести.

— Чего-нибудь легкого, Жора. Мы ведь сюда ненадолго заскочили, — ответил Гурзо.

В зале играла легкая музыка, и несколько пар одиноко кружились в медленном танце. Дробыш вертел головой, с интересом изучая собравшуюся в ресторане публику.

— Сеня, ты ведь специалист, — обратился он к Гурзо, — где же здесь проститутки? Все, что ли?

— Половина, — коротко ответил Гурзо.

— И все путаны?

— А кого ты конкретно имеешь в виду?

— Да вон хотя бы тех девиц, что сидят у окна. — И Дробыш кивнул головой в ту сторону, где за накрытым столиком сидели две смазливые девицы и двое парней в одинаковых кожаных куртках.

— Это — шушера, — взглянув в их сторону, ответил Гурзо. — И запомни, Леша: чем развязаннее ведет себя девка, тем больше шансов считать ее «пустышкой». Настоящая путана ведет себя скромно, но с достоинством. Клиент должен брать такую, как неприступную крепость.

— Кстати, Семен, откуда пошло это слово — путана? — подал голос молчавший до этого Громов.

— От французского «путэн» — шлюха, — ответил Гурзо. — Вон видите ту девицу за столиком с двумя «угольками»? — И он кивком головы показал в ту сторону, где сидели два негра и эффектная блондинка в дорогом вечернем платье. — Это Стелла. Знает двадцать два способа минета.

— Да разве бывает столько? — удивился Дробыш.

— Бывает. Только стоит это удовольствие не дешево.

Дробыш во все глаза стал разглядывать Стеллу и мысленно попытался представить себе хотя бы три-четыре способа минета помимо традиционного.

— А вот и та, которая нам нужна, — вновь подал голос Гурзо.

Громов с Дробышем посмотрели туда, куда был устремлен взгляд их гида, и увидели, как в противоположном от них углу зала из-за столика поднялась коротко стриженная девица в голубом платье и, сказав что-то своему партнеру — седому элегантному мужчине, направилась к выходу.

— Это Афина? — спросил Дробыш.

— Нет, это Вероника Лубман по прозвищу Пудра. Уж больно классно умеет она «пудрить» мозги солидным иностранцам. А нужна нам эта девица только потому, что она с превеликим удовольствием выведет нас на Афину.

— Тогда надо ее догнать скорее, — приподнимаясь со своего места, произнес Дробыш.

— Успокойся, Леша, — урезонил его Гурзо. — Никуда она от нас не денется. Видишь, сумочку свою оставила на столе. Да и клиент ее спокойно дожевывает мясо. Дальше дамской комнаты она не уйдет. Ты, Леша, дождись официанта, а мы с Кириллом минут на пять отлучимся.

Гурзо и Громов поднялись из-за стола и не спеша двинулись следом за девицей. В коридоре возле дамской комнаты, куда они вскоре пришли, было тихо и безлюдно. Примостившись у стены чуть поодаль от двери, они стали терпеливо ждать. А чтобы скоротать это ожидание, Гурзо стал объяснять коллеге смысл предстоящего разговора с Вероникой.

— Дело в том, что женщины по своей природе народ крайне завистливый и мстительный. Тем более проститутки. Так вот Пудра нам нужна именно потому, что она всем набором этих качеств обладает сполна. Смысл же в том, что самим найти Афину нам вряд ли удастся. Она как бабочка порхает от одного огонька к другому. Поэтому без посредников нам не обойтись. Есть у нее одна закадычная подруга, которой она многим обязана. Зовут ее Людмила Плясу-нова, прозвище Эдита. Она баба постоянная и чаще всего обитает в этой гостинице. Но в ресторане ее нет, значит, она, вполне вероятно, уже отвалила с клиентом в номер.

— Но Пудра здесь при чем? — спросил Громов.

— А при том, что Эдита охомутала одного пожилого бундса, то есть немца, на которого первой положила глаз Пудра. Он две недели, пока в Москве жил, с Эдиты не слезал, обещал даже на ней жениться,

чем очень расстроил Веронику. Банальная история, но для нас очень даже удобная. Да ты и сам сейчас в этом убедишься.

Не успел Гурзо произнести последнюю фразу, как из дверей дамской комнаты показалась Вероника Лубман. Она вышла в коридор, на ходу поправляя на себе свое роскошное платье, и в первое мгновение не заметила двух мужчин, стоявших у стены. Но затем, подняв глаза, она узнала в одном из них Гурзо, и ее красивое лицо озарила широкая улыбка.

— Боже мой, кого я вижу? Лучший друг московских проституток, бандерш и сутенеров.

И Вероника, приблизившись к Семену, бесцеремонно сунула ему под нос свою пухлую ручку. Однако тот, вместо того чтобы поцеловать ее, вяло пожал ее ладонь и произнес:

— Оставим поцелуи на потом.

— Какой ты холодный, Сенечка, — состроила недовольную гримасу Вероника. — Вот твой товарищ наверняка не такой.

И она стрельнула глазами в сторону Громова. Было видно, что ей сразу понравился этот высокий стройный мужчина с карими глазами.

— Опомнись, Вероника, тебя в ресторане ждет весьма респектабельный клиент, — одернул путану Гурзо.

— Брось, Сенечка, — вяло откликнулась на эту реплику девица. — В ресторане так — клиент-импотент.

— Ладно, замнем детали, — предпочел не ввязываться в дискуссию Гурзо. — К тому же нас интересуют не твои неполноценные клиенты.

— А кто бы, Сенечка, тебя не интересовал, но я ни на кого стучать не буду, — все так же мило улыбаясь, произнесла Пудра.

— Что ты говоришь? — картинно всплеснул руками Гурзо. — Даже на Эдиту?

Услышав имя ненавистной соперницы, Вероника тут же перестала улыбаться и серьезным тоном произнесла:

— На эту стерву — святое дело. Угости сигареткой и спрашивай.

Через пять минут сыщики уже знали точное местонахождение Эдиты. Не на шутку разошедшаяся Пудра заложила ее со всеми потрохами, сообщив двум ментам не только имя и фамилию ее клиента, эстонского коммерсанта, но и его гостиничный номер, куда они полчаса назад удалились.

— Вздрючите эту сучку по самое коромысло! — кричала Вероника вдогонку сыщикам, которые уже спешно удалялись по коридору.

Вернувшись в ресторан, они застали там Дробыша, с аппетитом уплетавшего за обе щеки принесенный официантом мясной салат. Сообщение о том, что надо срочно бросать это дело и пулей лететь на двенадцатый этаж, было встречено им без особого энтузиазма.

— Мужики, я жрать хочу по-страшному, — попытался было возмутиться Дробыш, когда друзья предложили ему следовать за ними.

Однако Громов прекрасно знал, чем можно было пронять его соседа по муровскому кабинету.

— Значит, ты не хочешь посмотреть, как на двенадцатом этаже в отдельном номере эстонский бизнесмен трахает нашу российскую проститутку «раком»?

После этого вопроса уговаривать Дробыша больше не пришлось. Всю дорогу до лифта он бежал впереди коллег, а когда они достигли нужного этажа, первым выскочил из кабины в коридор.

Дежурная по этажу, хорошо знавшая Семена, безропотно повиновалась его приказу и тут же отдала ему запасные ключи от нужного номера. Осторожно приблизившись к дверям и открыв замок, муровцы смело перешагнули порог номера.

Та завлекательная картинка, которую пять минут назад в ресторане нарисовал в воображении Дробыша Громов, по прибытии на место не подтвердилась. Но это совсем не значило, что муровцев ждало полное разочарование. При бледном свете стоявшего на тумбочке ночника вошедшие в номер увидели, как молодая обнаженная женщина, склонившись над таким же обнаженным мужчиной, совершала в кровати сексуальное действие, именуемое «оральный контакт». При этом она так выгнула спину, что вошедшие в номер мужчины буквально остолбенели на пороге, превратившись в три неподвижных изваяния.

Первым пришел в себя Гурзо, который хотел было уже шагнуть вперед и решительно пресечь затянувшееся безобразие, но в ту же секунду был схвачен Дробышем за рукав пиджака.

— Пускай мужик кончит, Сеня. Все-таки не гуманно, — зашептал ему на ухо Дробыш.

Наконец напряженную тишину номера огласил глубокий вздох удовлетворения, вырвавшийся из уст эстонского бизнесмена, и Гурзо, шагнув вперед, ударил по выключателю на стене.

— Всем оставаться на своих местах — проверка! — прокричал он на весь номер и приблизился к кровати.

К удивлению Гурзо и его товарищей, так и оставшихся стоять на пороге, Эдита не проявила никакого беспокойства в связи со столь бесцеремонным вторжением оравы мужчин в чужой номер. Более того, она даже позы не изменила, так и оставшись стоять на четырех точках, и лишь лохматая ее голова повернулась в ту сторону, откуда раздался зычный окрик.

Совсем другую реакцию на появление незнакомых людей проявил седой бизнесмен из Эстонии. Вскочив с кровати и смешно прикрывая руками свои мужские прелести, он возмущенно, с акцентом заклокотал:

— Э-то бе-зобра-зие! Я бу-ду жало-ваться.

Но эти причитания не возымели абсолютно никакого действия на Гурзо, успевшего за долгие годы работы привыкнуть к такого рода сценам. Отработанным до автоматизма жестом он достал из внутреннего кармана пиджака свое кумачовое удостоверение и буквально впечатал его в возмущенную физиономию эстонца.

— Трахает наших девиц и еще возмущается, — процедил сквозь зубы Гурзо, возвращая удостоверение обратно в карман. — Вы же вроде бы от нас отделились? — И обращаясь к Эдите: — А ты так и будешь жопой светить?

— А чем она тебе не нравится? — еще круче выгибая спину, ответила путана. — Смотри, пока я добрая. Жена небось такого не покажет.

Но Гурзо шагнул к стоявшему у кровати креслу и, взяв в руки лежавшую на нем одежду, кинул ее обнаглевшей проститутке.

— Даю тебе ровно минуту на одевание. Иначе ты меня очень сильно рассердишь.

И по тому, как он это произнес, девица, знавшая Семена достаточно давно, поняла, что время шуток истекло. Она наконец слезла с кровати и стала медленно натягивать на себя дорогие импортные шмотки. Причем видя, с каким интересом за ней наблюдают двое незнакомых мужчин, застывшие на пороге, она

постаралась максимально эффектно обставить это действие. К примеру, изящные трусики она надела в последнюю очередь и сделала это вызывающе медленно — сидя на кровати и высоко подняв обе ноги.

Эстонец тем временем уже успел одеться и теперь молча стоял у окна, ожидая, видимо, каких-то распоряжений от представителей властей.

— Ты с дамочкой расплатился? — поинтересовался у него Гурзо.

Эстонец сначала не понял смысла сказанного, а когда до него дошло, пробормотал:

— Нет, я не успел.

— Тогда плати, раз удовольствие получил. Небось не обедняешь?

Эстонец быстро достал из кармана пиджака, висевшего на стуле, кожаное портмоне и, отсчитав нужную сумму зелеными бумажками, аккуратно положил их на краешек кровати. Эдита ловким движением сгребла их в кулак и тут же сунула под натянутый на пышные груди бюстгальтер.

— Спасибо, Сенечка, за заботу, — улыбнувшись, произнесла она. — Я могу идти?

— Как же, разбежалась, — осадил ее Гурзо и, взяв за локоть, посадил на кровать. — Теперь ты обо мне позаботься.

Не успел муровец произнести эту фразу, как Эдита протянула к нему руку с явным намерением расстегнуть у него ширинку на брюках. Однако Гурзо проявил отменную реакцию и резким шлепком по шаловливой дамской ручке пресек эту попытку.

— Ты что себе позволяешь? — зашипел муровец на девицу.

— А что такое? Сам же сказал — позаботься, — удивилась путана.

— Я не это имел в виду.

— Тогда что?

Однако, прежде чем объяснить ей суть проблемы, Гурзо сделал знак эстонцу, чтобы он вышел из номера. И только после того, как тот удалился, сказал:

— Мне нужен адресок, по которому я через час найду твою подружку Афины. У меня к ней дело важное.

— Сенечка, ты же знаешь, что я на подруг не стучу, — произнесла Эдита.

— Тогда мне придется, милая, стукануть на тебя. Когда твой жених-бундс к нам возвращается? Ты кем ему представилась — экскурсоводом? Вот он обрадуется, когда узнает, какие экскурсии ты по кроватям водишь. Будет полный отсос.

Как только Гурзо закончил свой монолог, Эдита открыла лежавшую у нее на коленях сумочку и, достав из нее пачку сигарет и зажигалку, закурила. Затем, выпустив дым под потолок, спокойно и внятно произнесла:

— Ну и сволочь же ты, Сенечка.

— Это все эмоции, — ничуть не смутившись, ответил ей сыщик. — Но судя по интонации, говорить ты со мной будешь. Итак, где сейчас находится Афина?

Вместо ответа Эдита вновь полезла в сумочку и, достав из нее на этот раз миниатюрную записную книжку и ручку, ловко зажав сигарету между пальцами, быстро написала на чистом листке нужный адрес. Вырвав листок, она протянула его Гурзо.

— Что это за адрес? — прочитав написанное, спросил тот.

— Квартира съемная. Афина там с каким-то парнем любовь крутит.

— С каким парнем? — подал голос Громов, все это время безучастно наблюдавший вместе с Дробышем за происходящим.

— Она мне не докладывала. Знаю только, что он вроде бы спортсмен бывший. Афина баба сентиментальная, кого хочешь пригреет. Дура в общем.

— А ты, значит, умная? — спросил у девушки Гурзо.

— А как же? Уж я-то за здорово живешь ни с кем трахаться не стану. Сейчас не любовь надо крутить, а бабки зарабатывать. Вот у меня год назад тоже был один спортсмен — теннисист. Так я на его бабки себе туфли и юбку моднющие в бутике купила. И то прок. А Афине лишь бы сопли в шоколаде развести, да за жисть побазарить.

— Ладно, умная, кончай за проституцию агитировать, — прервал размышления девушки Гурзо. — Ты свободна. Кстати, за стриптиз спасибо. Замечательная родинка на твоей попке навсегда останется в нашей памяти.

Когда через несколько минут они вышли на улицу, Гурзо начал прощаться:

— На этом, мужики, наши пути расходятся. Я думаю, дальше вы и без меня Афины найдете. А я человек семейный, мне к очагу надобно возвращаться. К тому же устал я от этих проституток.

Ни у Громова, ни у Дробыша это заявление не вызвало ни малейшего протеста, так как и без того было ясно, что Семен сделал все, на что был способен. Требовать от него большего было бы по меньшей мере неприлично. Единственное, что предложил ему в качестве компенсации за доставленные хлопоты Громов, — это подбросить его до ближайшей станции метро. Но Гурзо и от этого отказался.

— Здесь до метро — две минуты хода. А вам по набережной совсем в другую сторону — в Фили. Так что не теряйте времени.

Еще раз поблагодарив коллегу, Громов и Дробыш сели в автомобиль и отправились по адресу, названному Эдитой.

Улицу они нашли довольно быстро. Гораздо труднее оказалось найти нужный дом — на улице уже смеркалось, фонари, как назло, не горели, и Громову пришлось выйти из машины и, пробираясь сквозь заросли кустов, буквально в упор разглядывать таблички с номерами домов. Эти поиски продолжались минут десять. Наконец нужный дом был найден и Громов, вполне удовлетворенный, вышел на тротуар. Автомобиль, за рулем которого сидел Дробыш, шумел где-то невдалеке, за углом, и сыщик, не желая терять времени, быстрым шагом направился к ближайшему подъезду. Не найдя на висевшей над дверью табличке с нумерацией квартир нужного номера, он отправился к следующему. И в это мгновение заметил, как из дальнего подъезда на улицу выбежала девушка. Лишь на мгновение остановившись под тускло мерцавшим фонарем, она побежала в противоположную от Громова сторону. А тот, повинувшись какому-то внутреннему позыву, бросился догонять растворившуюся в темноте незнакомку.

Интуиция, редко подводившая муровца, не подвела его и на этот раз. Выбегавшая из подъезда девушка была не кто иная, как Диана Раманиди по прозвищу Афина. Буквально пятнадцать минут назад ей позвонила подруга, Эдита, которая дрожащим от волнения голосом сообщила потрясающе веселую новость: мол, некие три мента интересовались местом пребывания Афины. В связи с чем ментам вдруг понадобилась ее подруга, Эдита не знала, но сама Афина связала

этот интерес к ее персоне со вчерашним извращенцем, которого она шарахнула по голове бутылкой. Короче, надо было рвать когти, поскольку эта драная лахудра Эдита, припертая к стенке, вынуждена была ее заложить. Подруга называется. При этом она решила ей позвонить спустя полчаса после ухода ментов, а значит, времени у Афины было в обрез. Поэтому, бросив трубку, она скинула с себя халат, быстро переделалась и, схватив с тумбочки в коридоре сумочку из крокодиловой кожи, выскочила из квартиры.

Оказавшись на улице, она решила бежать не в сторону шоссе, откуда вероятнее всего могли подъехать менты, а в обратную сторону — мимо стройки на соседнюю улицу, где можно было даже в такое позднее время поймать какого-нибудь частника. Диана собиралась ехать в Медведково к тетке и там переждать пару дней, пока шухер вокруг нее не уляжется. К тому времени надежды на то, что ее новый знакомый, футболист, все-таки вернется в этот дом, у нее уже иссякли. Однако в глубине души она благодарила судьбу за то, что, уходя сегодня утром из дома, додумалась оставить на клочке бумаги домашний телефон своей тетки. Теперь, если футболист надумает ее найти, он сможет дать о себе знать именно по этому номеру.

Не оглядываясь и крепко прижимая к груди сумочку, в которой покоились восемьсот долларов, Диана миновала темный двор и выбежала на тихую безлюдную улочку, по одну сторону которой тянулась строительная площадка. Не замедляя шага, девушка миновала уже половину этой улочки, как внезапно откуда-то сбоку к ней метнулась чья-то тень, и в следующую секунду холодные пальцы сдавили ей шею, а перед глазами мелькнуло лезвие ножа. Не давая ей возможности повернуть голову, незнакомец притянул девушку к себе, и в ту же секунду она услышала над ухом его зловещий шепот:

— Тихо, крошка. Слово пикнешь — тебе конец!

В подтверждение своих слов незнакомец приставил нож к ее горлу, и Диана почувствовала холод его лезвия. Все это произошло так неожиданно и быстро, что она даже не успела толком испугаться. Подталкиваемая в спину незнакомцем, она молча пошла вперед вдоль деревянного забора, который огораживал стройку от проезжей части улицы. Пройдя несколько метров, они остановились, и незнакомец ловким движением руки сдвинул одну из досок в заборе в сторону,

открыв довольно широкую щель, сквозь которую можно было пролезть на территорию стройки.

— Лезь сюда, — процедил сквозь зубы незнакомец и, все еще сжимая одной рукой ее шею, другой рукой заставил нагнуться и протиснуться в образовавшийся проем.

Диана шагнула в темноту, но сделала это неловко, и торчавший в доске гвоздь тут же превратил ее импортные колготки в рубище.

— Ничего, они тебе все равно уже не понадобятся, — прорычал над ее ухом незнакомец, который следом за ней быстро пролез в ту же дыру и вновь сомкнул пальцы на шее у девушки. Затем он поволок ее в сторону от забора, в полумрак строительной площадки.

Только после этих слов страшная реальность происходящего наконец дошла до сознания Дианы и она почувствовала, как ее начала бить сильная дрожь. Еле успевая переставлять ноги в туфлях на высоком каблуке, она семенила впереди незнакомца и, кажется, теперь стала догадываться, в какую историю ее угораздило влипнуть. Всего лишь несколько дней назад соседка по этажу рассказала ей жуткую историю о маньяке, который изнасиловал, а затем зверски убил молодую девушку. Это преступление произошло четыре дня назад, и до оврага, где было найдено изуродованное тело несчастной, отсюда была всего лишь одна автобусная остановка. Сопоставив эти детали, Диана с ужасом поняла, в чьи руки она попала.

Когда эта мысль мелькнула в ее сознании, она сделала попытку закричать, но вместо крика из горла вырвался невнятный всхлип, который еще больше раззадорил маньяка. Дотащив свою жертву до бетонных плит, сложенных на земле, он ловкой подсечкой сбил ее с ног, а сам навалился сверху. Все еще сжимая в одной руке нож, он другой схватил ее за ворот блузки и, не жалея пуговиц, с силой рванул ее вниз. Диана попыталась сопротивляться — выставила вперед обе руки, однако это слабое препятствие не остановило насильника, более того — разозлило еще сильнее. Воткнув нож в землю рядом с собой, он уже обеими руками принялся срывать с девушки одежду. Когда блузка вместе с бюстгалтером отлетели в сторону, маньяк издал нечеловеческий рык и припал горячими губами к обнаженной груди жертвы.

Громов, который потерял беглянку из виду, едва она выбежала из подъезда, пробежал несколько десятков метров вперед, пытаясь хотя

бы по стуку каблуков определить возможное направление ее бегства. Однако стук каблуков вскоре внезапно стих и сыщик лишился даже этой подсказки.

Миновав полутемный двор, он выбежал на узкую улочку, с обеих сторон которой возвышались заборы: один — деревянный, другой — бетонный. Улица была пуста, что крайне удивило Громова. Другого пути бегства у девушки не было, а пробежать ее столь быстро и скрыться незамеченной она, по его мнению, тоже не могла. Продолжая мысленно удивляться способностям беглянки покрывать такие расстояния, Громов побежал по улице в сторону огней, мелькавших впереди. Пробегая через несколько метров мимо сдвинутой в заборе доски, он лишь на мгновение остановился, но затем продолжил свой путь дальше, посчитав маловероятной мысль о том, что юная путана среди ночи способна искать спасения на безлюдной стройке, да еще пролезая сквозь дыру в заборе.

Тем временем маньяк продолжал терзать свою жертву. Натешившись с ее грудью, он стал срывать с девушки коротенькую юбку и колготки, которые уже через несколько секунд были превращены им в лохмотья. Оставив всякие попытки сопротивляться его звериному натиску, Диана безвольно распласталась на земле и только тихо стонала. В эти мгновения ей хотелось одного — скорее умереть, чтобы не видеть и не чувствовать всего того, что с ней сотворит этот выродок. Однако смерть не шла, тем самым удлинняя ее муки. Женщина, которая хорошо знала, что такое мужская страсть, испытывая на себе прикосновения не одного десятка чужих рук, теперь медленно умирала в объятиях зверя в человеческом облике. Сквозь пелену тумана, который окутывал ее, Диана почувствовала, как насильник преодолел последний бастион — сорвал с нее трусики — и резким движением обеих рук раздвинул ей ноги. Затем он стал расстегивать свои штаны, и девушка, чтобы не видеть того, что произойдет через секунду, закрыла глаза.

Громов пробежал еще несколько метров по тихой улочке, пока в его сознании не шевельнулась внезапная догадка. Чтобы проверить ее, он резко повернул назад и буквально в несколько прыжков достиг того места в заборе, где виднелась щель. Присев на корточки, он при слабом свете дальнего фонаря рассмотрел на торчавшем из доски

гвозде капроновую нитку. Поняв, откуда она могла здесь взяться, сыщик отодвинул доску в сторону и пролез в образовавшуюся дыру.

Очутившись по ту сторону забора, он на мгновение замер, вслушиваясь в тишину. И тут впереди себя Громов явственно услышал какой-то шум, отдаленно напоминавший то ли всхлипывания, то ли стоны. Не раздумывая больше ни секунды, он бросился на этот шум и вскоре увидел то, от чего ему в первые мгновения стало не по себе. Здоровый детина, усевшись верхом на чье-то распростертое на земле тело, обеими руками срывал с него остатки одежды. Подойдя ближе, Громов узнал в распластанной жертве именно ту девушку, за которой гнался. Теперь она неподвижно лежала на земле, и он с ужасом подумал, что она уже мертва. Детина же, разделавшись с одеждой несчастной, стал лихорадочно стаскивать с себя брюки, для чего ему пришлось встать с земли. И Громов понял, что лучшего момента для нападения не придумаешь.

— Руки в гору, ублюдок! — громко и внятно обратился он к детине, опуская руку на то место, где у него под мышкой должна была находиться кобура с «Макаровым», однако ни того ни другого на месте не оказалось. Громов вспомнил, что по дороге к Афине, еще в автомобиле, он снял с себя пиджак, а вместе с ним и кобуру. Теперь он оказался совершенно безоружным перед преступником. Такое головотяпство произошло с ним впервые.

«Вот, блин, он теперь еще и меня изнасилует», — мелькнула в сознании Громова шальная мысль, от которой ему стало не по себе.

За те четырнадцать лет, что он работал в столичной милиции, ему довелось повидать несколько насильников, наводивших ужас на добропорядочных москвичей. В ходе общения с этой публикой Громов сделал неожиданный для себя вывод о том, что внешний вид этих людей практически никогда не выдает их звериную сущность. К примеру, тот же лефортовский потрошитель, который своими зверствами наводил страх на жителей района в середине восьмидесятых, оказался вполне обычным инженеришкой, членом партии с двадцатилетним стажем, к тому же женатым и имевшим двоих детей. Насильник и убийца семерых женщин Грищенко, в течение двух лет водивший за нос столичных сыщиков, был маленьким тщедушным инвалидом второй группы, который в момент задержания с перепугу наделал в штаны.

Однако сегодняшний маньяк грозил внести существенные коррективы в умозаключения сыщика. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, какие бездны порока таятся в этом представителе homo sapiens. Сильные руки и ноги, мощный торс, низкий лоб и квадратное лицо со сломанным носом — вот внешний облик человека, с которым Громову «посчастливилось» встретиться на глухой строительной площадке.

Стоя напротив амбала, он стал мысленно прикидывать вероятность своей победы над столь грозным противником. Как ни странно, но, трезво взвесив все «за» и «против», он пришел к выводу, что шансы победить у него все же есть. Он размышлял следующим образом. От природы физически сильные люди во время драки очень часто теряют всякую осторожность, считая, что их прекрасные физические данные позволят им без труда осилить любого противника. Эта самонадеянность их часто и губит. Кроме этого, на руку Громову играла и неутоленная сексуальная страсть верзилы, которая должна была буквально подстегивать его побыстрее разделаться с противником, а торопливость, как известно, полезна только при ловле блох.

Терпеливо ожидая нападения амбала, Громов стал искать на его теле то место, куда он нанесет своей главный и решающий удар. Поскольку свернутый на сторону нос маньяка навсегда запомнил чье-то весомое прикосновение, сыщик скользнул взглядом ниже, считая дурным тоном дважды бить в одно и то же место. И в следующую секунду он понял, куда он нанесет свой решающий удар, который поставит точку не только в их поединке, но и в профессиональной карьере этого полового гиганта. В тот момент, когда амбал с ножом в руках бросился на Громова, тот заметил, что «молния» на его брюках растегнута. Его взору предстал белый клочок нижнего белья верзилы, который мгновенно превратился для него в ту красную тряпку, которой обычно тореадоры дразнят быка.

Этому правилу — выбрать на теле противника место для решающего удара — его обучил еще в далеком детстве дворовый приятель. Громов тогда жил на улице Казакова и вместе с пацанами частенько бегал в летний кинотеатр сада имени Баумана смотреть киношки. Однако тамошние пацаны взяли в моду отнимать у них

деньги, поэтому отстаивать свою правоту им приходилось с помощью кулаков.

Первое время Громову здорово доставалось от хорошо обученного врага, и синяки и шишки были привычными на его теле. Однако вскоре за его обучение взялся пацан постарше и буквально за месяц научил Громова правильно махать. С его помощью он постиг многие законы кулачного боя, научился не только наносить точные и выверенные удары, но и уворачиваться от ременных блях, палок и кулаков противника.

Чуть позже, уже в армии, у Громова появилась возможность усовершенствовать свое мастерство под руководством еще одного опытного наставника — корейца Вани Кима, который обучил его принципам тайцзи-цюань. Овладев этим учением, Громов получил в свое владение грозное оружие, которое затем неоднократно выручало его в схватках с заведомо сильным соперником. Согласно этому учению, воин, обороняющийся от противника, в несколько раз превосходящего его по силе, должен был избегать прямого контакта и, следуя его движениям, измотать его психологически, чтобы затем, выбрав момент, нанести решающий удар. «Круговые движения, совершаемые тобой, — учил Громова кореец, — позволят тебе свести на нет удары огромной силы. Когда, следуя твоей податливости, сила соперника сама себя исчерпает, тебе достаточно будет небольшого усилия, чтобы повергнуть врага окончательно».

Избегая прямого контакта с противником, сыщик стал всем телом совершать плавные движения из стороны в сторону, подстраиваясь под ритмику движений маньяка. Тот же, видимо, впервые столкнувшись с таким способом борьбы, не стал мудрствовать лукаво и попытался с одного удара покончить с противником. Он нацелил острие ножа ему в грудь и сделал резкий выпад вперед. Громов ловко увернулся от этого удара, плавно уйдя назад и ни на секунду не прекращая свои движения. Разъяренный амбал пошел в новую атаку, которая завершилась для него столь же безрезультатно.

Так продолжалось несколько минут, в течение которых Громов сумел известить амбала настолько, что тот уже ничего не соображал, а просто безоглядно бросался из стороны в сторону, пытаясь достать своим остро отточенным тесаком все время ускользающего врага. Наконец в один из таких моментов, когда он в очередной раз совершил

серию выпадов в пустоту, сыщик плавно ушел в сторону и тут же с разворота нанес точный удар ногой по руке, в которой верзила держал нож. Не ожидавший этого маньяк разжал пальцы, и огромный тесак отлетел далеко в сторону.

После первого удара, заставшего его врага врасплох, Громов нанес еще один — на этот раз в живот и, когда верзила от боли стал сгибаться пополам, заставил его распрямиться новым ударом — теперь уже коленом в челюсть. Оглушенный градом тумачков, маньяк на несколько секунд застыл в позе человека, которого хватил столбняк, чего, собственно, и добивался Громов. В следующую секунду он обрушил на противника последний удар — на этот раз в то самое место, которое приметил в самом начале поединка. Вложив в него всю свою мощь и злобу, он нанес его настолько точно, что участь амбала была решена окончательно и бесповоротно — закатив от боли глаза и раскинув руки в стороны, он рухнул спиной на холодную землю.

Отправив противника в долгий нокаут, Громов облегченно вздохнул и в следующую секунду услышал за своей спиной чьи-то громкие хлопки. Он обернулся и стал свидетелем душещипательной картины: совершенно голая девушка сидела на ворохе одежде, содранной с нее маньяком, и громко аплодировала безоговорочной победе своего спасителя.

АВАНТЮРА НА СТО ТЫСЯЧ БАКСОВ

Все то время, пока темно-синяя «Нива» мчалась по вечерним улицам Москвы, Кадилин молча просидел на заднем сиденье. Оба его попутчика также хранили молчание, занятые каждый своими мыслями. Наконец, когда минут через двадцать после старта автомобиль свернул с оживленной трассы в тихий переулочек и притормозил возле неприметной хрущобы, пучеглазый заглушил мотор и первым нарушил молчание:

— Слава Богу, вот мы и дома. — Затем он повернулся к Кадилину и, протягивая ему руку, сказал: — Теперь давай знакомиться. Меня зовут Володя, а моего кореша кличут Семей. А тебя?

— Сергей, — ответил Кадилин и пожал протянутую руку.

— Сергей — держи хрен бодрей, — скаламбурил пучеглазый, который теперь, когда опасность миновала, явно пребывал в прекрасном расположении духа. — За нами должок, Серега. Ты нас с ментами развел, поэтому проси все, что хочешь.

Кадилин ответил практически не раздумывая: «Пожрать бы от пуза», чем вызвал весьма бурную реакцию со стороны своих собеседников.

— Пожрать, говоришь? Это можно, — весело ответил пучеглазый и первым вылез из автомобиля.

Закинув за спины баулы, мужики повели своего нового приятеля в ближайший подъезд, где на третьем этаже, как оказалось, они снимали двухкомнатную квартиру. Интерьер у этого жилища был весьма убогий, однако Кадилина это обстоятельство тронуло мало — за время своих странствий он и не такого насмотрелся. Его волновало другое — могло ли быть что-то стоящее в холодильнике у обитателей столь скромного жилища.

Его сомнения улетучились в тот момент, когда они пришли на кухню и пучеглазый открыл холодильник «Бирюса», стоявший в углу. Тот был забит продуктами, что называется, под завязку, более того — когда дверца распахнулась, из него на пол вывалился длинный батон сервелата. Вскоре большая часть продуктов перекочевала из холодильника на стол, а украсила все это пиршество пузатая бутылка

водки «Абсолют». Разлив ее содержимое в три стакана, пучеглазый поднял первый тост — за знакомство. Все трое чокнулись стаканами и залпом опорожнили их содержимое. Затем приступили к трапезе.

— Серега, скажи нам честно: что ты делал в том «клоповнике», где мы хату заделали? — после некоторой паузы спросил пучеглазый.

— От ментов прятался, — честно ответил Кадилин.

— Так ты что — в розыске? — удивился Сема, который все это время предпочитал хранить молчание.

— Теперь — наверняка. Меня менты в метро остановили, завели к себе и собирались дубинками отметелить. Ну, я на них ствол навел, — при этом Кадилин задрал рубаху и показал своим собеседникам заткнутый за ремень пистолет, — и — деру. Менты — за мной. На улице, на удачу, парня одного знакомого на тачке встретил. Вот он меня в этот, как вы говорите, «клоповник» и привез. Я собирался там до утра перекантоваться. Но в окно выглянул — менты привалили. Поскольку входную дверь парень на ключ закрыл, я и сиганул через балкон. Дальше вы знаете.

— Ну, ты крутой! — с восхищением в голосе произнес пучеглазый. — Все при тебе — и ствол, и везуха. Давай к нам в компанию — будешь нашим талисманом. Мы тебя гоп-стопу обучим.

— А вы кто — домушники?

— Угадал, — ответил пучеглазый. — Домушники-экспроприаторы. Отнимаем у богатых буратин несправедливо нажитое добро. Знаешь, в чьей квартире ты нас застал? Вице-президента одного крупного банка. Причем эта квартира у него вторая или третья по счету. Жируют люди!

— За богатых буратин! — хохотнул Сема и вновь разлил в опустевшие стаканы водку.

Этот тост прошел без чоканья, и пауза после него была гораздо продолжительней, чем после первого, — все трое сидевших за столом плотно набивали свои желудки заморскими деликатесами. Наконец тишину вновь нарушил пучеглазый:

— Ты, Серега, не иначе как бомжуешь?

Кадилин, рот которого был набит едой, кивнул головой.

— Чего?

— Так получилось. Год назад братва квартиру за долги отобрала — с тех пор и бомжую.

— Хорошо, что живой остался, — подал голос Сема. — Братва нынче такая — шутить не любит. Чик — и ты на небесах.

— А где ты до этого работал? — продолжал донимать Кадилина вопросами пучеглазый.

— Я спортом занимался.

— Прыжками, что ли?

— Почему прыжками? — удивился Кадилин.

— По балконам хорошо сигаешь. — И пучеглазый засмеялся, довольный своей шуткой.

— В футбол я играл.

— Да ты че?! — искренне удивился пучеглазый. — В высшей лиге?

— А ты думал во дворе, что ли? В ней самой. Сергея Кадилина из «Спартака» помнишь?

При упоминании этой знаменитой фамилии пучеглазый едва не подавился огурцом, который он за секунду до этого успел отправить в рот. Поэтому Семе, сидевшему рядом, пришлось несколько раз ударить приятеля ладонью по спине.

— Так ты тот самый знаменитый Кадило? — откашлявшись, спросил пучеглазый.

— Тот самый, — подтвердил Кадилин. — Вернее будет сказать — то, что от него осталось.

— Это же надо! — всплеснул руками пучеглазый. — Сам Кадилин со мной ханку жрет. Да у меня твой портрет лет пятнадцать назад над кроватью висел. И сейчас любого мужика на улице останови, спроси у него, кто такой Серега Кадилин, и тебе каждый ответит: это эпоха.

— То-то я смотрю, что ты эту «эпоху» в лицо не сразу узнал, — огрызнулся Сема.

— Молчи, гнида, удавлю, — произнес пучеглазый, однако в его голосе не было слышно особой злости. — Да по этому случаю надо выпить.

И он собственноручно разлил в стаканы содержимое бутылки. Когда все три стакана были осушены, пучеглазый спросил:

— Как же так, Серега, ты — такая знаменитость и бомж?

— Думаешь, я один такой? — По губам Кадилина скользнула грустная усмешка. — Вон сколько знаменитых артистов, спортсменов,

ученых по уши в дерьме оказались. А простых трудяг? Да что там говорить? Другие нынче герои.

— В этом ты прав, — легко согласился с его доводами пучеглазый. — Такая страна была, а во что ее превратили? Даже у нас, у воров, все поменялось. Раньше все было ясно: с одной стороны мы, с другой — менты. А сейчас? Мы недавно с Семой хату одного «нового русского» заделали. Так он, падла, по нашему следу каких-то отморозков отрядил. Пришлось все обратно возвращать, да еще еле ноги унесли. Вот и получается: нам теперь не ментов приходится больше опасаться, а вот таких отморозков.

— А сегодня в «клоповнике» вы того грабанули? — в свете вышесказанного резонно спросил Кадилин.

— Сегодня как раз того, — ответил пучеглазый. — Здесь наводка надежная. Однако чего мы на ворах застряли? Давай лучше про футбол. Я «Спартак» просто о-бо-жа-ю.

— Во-во, совсем шизанулся на этом деле, — подтвердил слова своего коллеги Сема. — Недели две назад делали с ним «гутен морген», то есть утром грабили, а в хате до гребаной матери всякого барахла — шмотки, техника. Так этот шизоид, — и Сема ткнул огурцом, зажатым в руке, в сидевшего напротив него пучеглазого, — увидел на стене календарь с изображением «Спартака» и, что ты думаешь, заставил уйти голяком. Говорит: «Не могу обижать своего кореша — болельщика «Спартака». Ну, не мудак?

— Ты сам мудак, Сема, — ответил пучеглазый. — Сколько тебя учу, а все равно без толку. Не время нас делает, а мы — время. Хрен с ним — со спартаковским болельщиком. Но ты ведь, падла, месяц назад чуть ветерана войны, Героя Советского Союза не грабанул. Хорошо, я рядом оказался. Ладно молодняк наглый пошел, но ты-то домушник тертый, не шелупонь какая-нибудь.

— Ну, вот опять завел свою марксизму-ленинизму, — досадливо махнул рукой в сторону приятеля Сема. — Ты че, в натуре, и за столом меня лечить будешь?

Пучеглазый ничего не ответил — только еще раз с досадой отмахнулся от своего приятеля и вновь повернулся к Кадилину.

— Серега, я знаешь как тебя любил, когда ты в «Спартаке» играл? — положив руку на плечо футболисту, спросил пучеглазый. —

Я даже на зоне футбол по телику почти не пропускал. А когда ты болгарам пенальти не забил, я чуть не удавился, в натуре.

— Жаль, что у тебя не получилось, — хохотнул уже изрядно захмелевший Сема.

Однако пучеглазый и на эту реплику приятеля не отреагировал и продолжил свой диалог с футболистом:

— Но тебя, Серега, с этой бородкой и длинными волосами, в жисть не узнать. Тебе надо обязательно побриться. У меня есть офигенная бритва под названием «Жиллетт». Помнишь: «Жиллетт» — лучше для мужчины не-е-ет»? И обязательно клево одеться. Ты же эпоха в нашем футболе, а выглядишь, извини меня, как чухло задрипанное. Короче, мы тебя с Семой оденем, ты будешь у нас как огурчик.

— И обуем, — вновь вставил реплику Сема.

— Не надо, мужики, — попытался протестовать Кадилин. — Спасибо и на том, что к себе позвали.

— Что значит — не надо? — возмутился пучеглазый. — Я сказал, что сделаю из тебя опять человека, значит, так и будет. Какие-то твари бесталанные будут на крутых тачках разъезжать, а ты, который столько для нашего спорта сделал, бомжевать? Вот уж нет! Кстати, почему твой родной «Спартак» на тебе крест поставил? Они что — не знают, в каком дерьме ты оказался?

— У них, Вова, других проблем хватает, — ответил Кадилин.

— Во народ! — в сердцах всплеснул руками пучеглазый. — Бабок немерено, а чтоб помочь своему корешу — отсос! Ведь таких, как ты, футболистов — раз-два и обчелся. Да достигни ты таких же успехов в нашем воровском деле, неужели бы мы позволили тебе в бомжи скатиться? Да не в жисть!

— Я сам во многом виноват, — грустно резюмировал Кадилин. — Когда из «Спартака» ушел, на всех разобиделся, пить начал. Вот и допился до того, что стал никому не нужен.

— Что ты гонишь? — продолжал возмущаться пучеглазый. — Народ-то о тебе помнит. Да ты приди сегодня на стадион перед матчем, скажи, кто ты есть, — на части разорвут, А знаешь почему? Потому что ты звезда настоящая, а не дутая. Два года назад на зоне я специально корешей собрал и устроил диспут о футболе. Так почти все помнят ваш «золотой» спартаковский состав начала восьмидесятых.

Причем не только по именам, но и по номерам. А ты говоришь — не нужен!

Кадилину стало лестно столь высокое мнение о себе, и он, посчитав, что слова здесь не нужны, благодарно пожал пучеглазому руку. Добротная водка «Абсолют» делала свое дело, и все трое собутельников были уже изрядно навеселе. Однако закругляться никто не собирался.

— Мне, Серега, обидно, что люди, которые столько сделали для своей, блин, родины, сегодня стали никому не нужны, — продолжал возмущаться пучеглазый. — Взять того же Героя Советского Союза, к которому мы с Семой месяц назад заявили. Как же убого он живет по сравнению с каким-нибудь самым задрипанным «новым русским»! А мы-то с Семой знаем, как они живут, — в стольких квартирах побывали. Чего там только нет: джакузи, биде, пол с подогревом, бары под потолок, камины. Полгода назад вскрыли дачу одного спортивного чиновника — так у него унитаза позолоченный. Можешь себе представить?

— Могу, — ответил Кадилин и тут же внезапно вспомнил о своем обидчике — функционере от спорта, который был запечатлен в неприглядном виде на видеопленке.

В следующую секунду он достал из-под рубашки злополучную кассету и, положив ее на стол, спросил:

— А ты видел, Вова, как эти спортивные чиновники трахают друг друга в зад?

Пучеглазый, а также его приятель с удивлением уставились на пластмассовую коробку, лежавшую на столе, и в течение нескольких секунд осмысливали только что услышанное. Наконец пучеглазый спросил:

— Тут что — порнуха?

— Она самая, — ответил Кадилин. — Только наша — отечественная.

— И кого там в дежку долбят?

— Я же говорю — шишку спортивную, которая меня в свое время из футбола турнула. Я совершенно случайно в том «клоповнике», откуда мы сегодня еле ноги унесли, сел видак смотреть и обнаружил вот эту кассету. Включил, а там — пидоры. И один из них — мой старый знакомый.

Пучеглазый взял кассету в руки, осмотрел ее со всех сторон, как будто боялся подлога, после чего спросил у Семы:

— У нас видак пашет?

— Угу, — ответил Сема, язык которого уже не поворачивался.

— Тогда пошли, — произнес пучеглазый и первым поднялся из-за стола.

Новенький телевизор «Samsung» с видеомagneтофоном той же марки стояли в дальней комнате напротив одноместной тахты. Похлопав по телевизору ладонью и как бы между прочим сообщив, что «эту технику они с Семой стырили у какого-то барыги-торгаша», пучеглазый засунул кассету в нутро видака и взялся за пульт. Смотреть фильм стали с самого начала. Зрелище оказалось настолько захватывающим, что даже Сема, который на кухне уже начал клевать носом, внезапно проснулся и во все глаза уставился на экран.

— Вот это кино! — с удивлением воскликнул он после первой же откровенной сцены. — Много я вафлеров повидал, но этот — вне конкуренции!

— Заткнись, Сема! Дай кино спокойно посмотреть! — осадил его пучеглазый, которого происходящее на экране захватило не менее сильно, чем его приятеля.

Запись на кассете длилась около сорока минут и содержала в себе весь положенный для такого рода кино набор атрибутов, включая групповуху — когда главного героя фильма имели сразу двое партнеров с двух сторон. Когда запись наконец закончилась, пучеглазый выключил технику и, обращаясь к Кадилину, спросил:

— Значит, этот женива тебя из спорта выкинул?

— Он самый, — подтвердил Кадилин.

— Чем же он сейчас занимается?

— Точно не знаю, но вроде бы в каких-то руководителях ходит.

— Понятно теперь, в какой именно жопе находится наш футбол, — грустно резюмировал пучеглазый. — Что будем делать?

— Еще раз посмотрим, — высказал неожиданное пожелание Сема.

— Дурак ты, и не лечишься, — одернул приятеля пучеглазый. — Я о другом. Это же первостатейный компромат. Вы видели, как камера снимала все это действие — с одного места. Значит, никто из присутствующих про нее не знал. Во всяком случае этот чинуша —

однозначно. А что такое компромат в наше время? Это — бабки. Или я не прав?

— Ты на что намекаешь, Вова? Хочешь за эту кассету бабки срубить? — спросил Сема.

— Вот именно, — радостно потирая руки, ответил пучеглазый. — За одно и за тебя, Серега, поквитаемся.

— Стремно, Вова, вдруг не выгорит? — высказал внезапное сомнение в успехе этого мероприятия Кадилин.

— Что значит — стремно? — удивился пучеглазый. — Я тебя не понимаю, Серега. Ты эту кассету мог в «клоповнике» оставить, однако же нет — с собой прихватил. На фига? Чтобы на досуге лишний раз поглазеть? Вряд ли. Наверняка думку имел при случае этой компрой с ним поквитаться. Вот этот случай тебе и представился. Одному-то тебе это дело явно не потянуть, а с нами в связке — в самый раз. Или я не прав?

Пучеглазый настолько страстно и убедительно произнес свой монолог, что Кадилин, который минуту назад колебался в своем желании затевать шантаж, теперь уже думал диаметрально противоположное. «И впрямь, одному мне это дело не осилить, — размышлял он над словами пучеглазого. — А втроем мы этого хлюста быстро одолеем».

Приняв его молчание за знак согласия, пучеглазый подвел итог разговору:

— Значит, так: сейчас все по койкам, а с утра берем за вымя этого чмошника. У тебя, Серега, координаты его имеются?

— Только рабочий телефон.

— Вполне достаточно. Даже если он с этого места слинять успел, при грамотном разговоре с секретаршей можно раздобыть его нынешний телефон. Так что не мельтешите, мужики, — прорвемся.

День третий

РОКОВОЕ СВИДАНИЕ

Громов проснулся от незатихающей трели телефонного звонка и в течение нескольких секунд лежал неподвижно. Будильник, который вместе с телефоном стоял на журнальном столике у его изголовья, показывал шесть часов утра, а это значило, что какой-то чужак разбудил Громова на полчаса раньше положенного срока. Все близкие и даже сослуживцы сыщика прекрасно знали его привычки и распорядок дня, поэтому никогда не звонили ему в такую рань. Тот же, кто звонил ему теперь, судя по всему, этого не знал, а значит, в его ближайшее окружение не входил. «Кто же этот чужак?» — соображал Громов, продолжая лежать в кровати. Наконец, устав от бесконечных звонков, он протянул руку к аппарату. И тут же услышал нежный женский голос своей новой знакомой — журналистки Инги.

— Доброе утро, сыщик. Извините за столь ранний звонок, но застать вас на месте в иное время не представляется возможным. Я вчера звонила вам до двенадцати ночи, но трубку так никто и не поднял. Неужели, чтобы найти похищенную в песочнице игрушку, надо так выкладываться?

— Просто вы не в курсе всех деталей, Инга, — ответил Громов. — У этой игрушки каждый винтик из чистого золота. И привез ее своему отпрыску из Парижу один из членов нашего правительства. Теперь улавливаете?

— Теперь да. И как успехи — нашли?

— Нашел, но легче от этого не стало. Представляете, игрушку захапал не менее крутой сынишка, у которого папа — известный олигарх. Вот думаю, как теперь из этой ситуации выйти без потерь.

На другом конце провода раздался громкий смех.

— Я поражаюсь вам, Громов. Даже спросонья вы умудряетесь шутить.

— Зато вы прямо с утра ни о чем другом, кроме работы, говорить не умеете. Наверняка звоните мне с одной целью — взять интервью. Я угадал?

— Угадали, но лишь отчасти. У меня есть и другая цель.

— Интересно, какая?

— Пока это тайна.

— Понимаю, Аркадия Гайдара начитались: «И больше, проклятые буржуины, я вам ничего не скажу!» Однако вы забыли, что разгадывать тайны — моя профессиональная обязанность. Хотите с одного раза отгадаю вашу тайну?

— Попробуйте.

— Наверняка хотите выйти за меня замуж. Угадал?

— Громов, вы — хам. Я сейчас трубку повешу.

— А потом трезво поразмыслите и позвоните снова. Поэтому лучше сдержитесь.

На другом конце повисла пауза, которая длилась недолго.

— Уговорили, сдержусь. Но замуж за вас я пока не хочу.

— Правильно, я тоже. Нам сначала надо какое-то время пообщаться, сверить на практике наши сексуальные темпераменты. Вдруг мое либидо вам не понравится.

Ответом Громову вновь был громкий смех.

— Может быть, хватит острить? — вдоволь насмеявшись, спросила вскоре Инга. — Пора поговорить серьезно. Помните наш вчерашний разговор?

— До мельчайших подробностей. Особенно про ноги.

— Вот и хорошо. Если вам понравились мои ноги, значит, вы не откажете мне в новой встрече?

— Когда?

— Чем быстрее, тем лучше.

— Все-таки не передумали брать у меня интервью?

— Почему бы нет?

— А если мне захочется секса и я начну к вам приставать?

— Секс будет тогда, когда мне этого захочется. — Инга специально сделала ударение на слове «мне».

— Жаль. А то могли бы взять у меня интервью прямо в постели. Ну, да ладно, подождем до лучших времен. Итак, я должен назначить вам время? Трудная задача. Дело в том, что я совершенно не в курсе, каким образом сложится мой сегодняшний день. Вполне вероятно, что он закончится так же поздно, как и вчерашний.

— Громов, я не верю, что вы не можете выкроить в своем графике хотя бы час для общения со мной. — Голосом, не терпящим

возражений, заявила Инга. — К примеру, в ближайшее время вы чем намереваетесь заняться?

Громов хотел было сказать, что собирается отправиться на работу, но внезапно осекся. Он вспомнил о вчерашнем звонке матери, которая в отличие от Инги сумела дозвониться до него в половине первого ночи. Обычно многословная, на этот раз мать уложилась всего лишь в пять минут. Она попросила сына заехать в школу, в которой она когда-то преподавала и в которой учился он сам, и взять в тамошнем музее какие-то методички по истории.

— Мне они очень нужны, а Игоряша не может этого сделать — он уехал в командировку.

Игоряшей мать называла отчима Громова, писателя Игоря Васильевича Хорватова. Отказать матери сын не мог, поэтому твердо пообещал с утра заехать в школу за злосчастными методичками. О чем он и вспомнил во время разговора с Ингой.

— Кажется, вам повезло, — после небольшой паузы произнес Громов. — С утра мне надо заехать в одно место, и вы можете составить мне компанию. Правда, интервью я вам буду давать на ходу. Вас это устроит?

— Вполне. Где мы встретимся?

— Смотря где вы живете.

— Рядом с метро «Тульская».

— Замечательно, потому как мне это по пути. Насколько я помню, там есть два входа в метро. Вы будете меня ждать у того, который расположен ближе к Варшавскому шоссе.

— Во сколько? — спросила девушка.

Прежде чем ответить, Громов взглянул на будильник и, прикинув в уме время, которое ему понадобится для того, чтобы быстро собраться, ответил:

— В девять часов вас устроит?

— Конечно.

— Тогда до встречи. — И Громов повесил трубу.

Следующие полчаса он целиком посвятил приведению себя в порядок. Пожертвовав завтраком, Громов тщательно побрился, погладил брюки, тщательней, чем обычно, почистил туфли. Когда он вышел из дома, до встречи с Ингой оставалось чуть больше часа, и это свободное время он использовал с пользой для дела — заехал на

заправку. Очередь двигалась не спеша, поэтому у него было достаточно времени, чтобы оживить в памяти события минувшего дня.

«Итак, что мы имеем по двум делам? — уронив руки на руль, размышлял Громов. — В деле Раковского, кажется, наступает ясность. Шлыков был прав — к убийству мужа причастна его жена Людмила. Очкасов сломался на первом же допросе и теперь гонит «чистуху». По его словам, все было состряпано кое-как. Вот что значит непрофессионалы. Найти киллера Очкасова попросил любовник Людмилы Андрей. Причем на этом деле решили сэкономить и нашли киллера подешевле. Вот хмыри! Двух зайцев им, видишь, подавай. Короче, Очкасов нашел Матвея, который за дозу героина готов был кого угодно грохнуть. За это ему была обещана штука баксов, однако получил он всего лишь половину. Тут бы этим придуркам и отправить его на тот свет, глядишь, еще погуляли бы на свободе. Ан нет, профукали момент.

И все же Матвея они приговорили. Грохнуть его должен был человек, который и подрядил его на «мокруху» — Очкасов. И грохнул бы, не окажись мы поблизости. Теперь Матвей в реанимации, Очкасов — в КПЗ, а саму Раковскую и ее малолетку любовничка Шлыков должен был задержать сегодня утром.

Что касается героической смерти вора в законе Леонова по прозвищу Мудрец, то здесь пока больше вопросов, чем ответов. Если его грохнули казанцы, то друзьям Мудреца уже пора делать ответный ход, то бишь «обратку», ведь с момента убийства прошло уже два дня. Надо будет обязательно взглянуть на сводки происшествий по городу за эти дни. Если «обратки» нет, значит, друзья покойного на подставу с киллером не купились. Тогда интересно бы узнать, кого конкретно они подозревают. Здесь без помощи надежного источника не обойтись. Значит, сегодня необходимо увидеться с агентом «Стрелой».

Что еще? Кадилина я не нашел, и неизвестно, когда теперь найду. Афина, у которой он провел ночь, божится, что не знает, куда он слинял. Может быть, врет? Не похоже. Я ведь честно рассказал ей, зачем он нам нужен, и предупредил, какая опасность ему может угрожать, пока он в бегах. И девчонка мне поверила. Судя по ее поведению, она по уши втюрилась в этого футболиста и была бы рада спасти его от опасности.

Итак, единственная пока зацепка в этом деле — жмурик, который вылетел из окна. Если он действительно охотился за спортсменом, то сохраняется пускай маленький, но шанс выйти через него на его окружение».

Из глубоких размышлений Громова вывели настойчивые сигналы автомобильных клаксонов. Оказывается, его очередь давно уже подошла и двигавшиеся за ним автомобилисты громко сигналили ему об этом. Чертыхаясь, он нажал на педаль газа и подъехал к давно поджидавшему его с «пистолетом» в руках заправщику.

К станции метро «Тульская» Громов приехал на десять минут раньше положенного срока и был крайне удивлен тем фактом, что Инга уже дожидалась его на положенном месте. Впервые в своей жизни он встретил девушку, которая приходила к месту встречи раньше своего кавалера.

Однако здесь же Громова ждало еще одно открытие, причем менее радостное. Рядом с девушкой стоял некий молодой человек в дорогом костюме и с дипломатом в руках. По тому, как он периодически хватал девушку за локоть и что-то говорил ей на ухо, сыщик догадался о той степени близости, которая между ними существовала. Глядя на эту сценку, он поймал себя на мысли, что приятных чувств от этого не испытывает. «Неужели я ревную? — мысленно удивился Громов. — Странно, ведь больших надежд девушка мне не давала. И все же непонятно, какого лешего она притащила на место встречи этого хлюста?»

Припарковав машину недалеко от места встречи, Громов не спеша направился к девушке. Та заметила его на полпути, помахала рукой и улыбнулась. По этой искренней улыбке Громов понял, что его приходу Инга обрадовалась по-настоящему, и это окончательно запутало его мысли. Однако смятение, царившее внутри сыщика, на его лице практически не отразилось.

— Я надеюсь, вы не будете обвинять меня в опоздании — на часах только без пяти девять, — произнес он, подходя к девушке.

— Я вообще редко кого обвиняю, — ответила Инга и так взглянула на Громова, что на душе у него окончательно потеплело. — Познакомьтесь, это — мой хороший приятель Игорь.

Молодой человек оценивающе посмотрел на Громова и протянул свою руку для приветствия. Громов пожал его ладонь и сразу понял, кому она принадлежала. Это была сильная и крепкая ладонь человека, который всерьез увлекается спортом. Об этом же говорила и его внешность — широкие плечи, уверенный взгляд.

— Игоря мы берем с собой? — спросил Громов, вновь поворачиваясь к девушке.

— Нет, у него есть собственная машина, и он прекрасно доедет без нас, — ответила Инга. — А сюда его привело элементарное любопытство — он хотел на вас посмотреть.

Громов изобразил на лице искреннее удивление и, обращаясь к парню, спросил:

— Ну и как впечатление?

— Нормальное. Я думаю, вы мне не соперник.

— В смысле фантиков?

— Каких фантиков? — удивился Игорь.

— От жвачки, молодой человек. У меня богатая коллекция этого добра, но у вас, судя по всему, их собрано значительно больше?

— Никакие фантики я не собираю, — внезапно смутился парень и перевел взгляд на Ингу, видимо, надеясь найти у нее поддержку.

Та в ответ рассмеялась:

— Я тебя предупреждала, Игорек, что Громов — человек своеобразный. Застать его врасплох практически невозможно.

— Так это была шутка? — улыбнулся парень. — Теперь я понимаю, чем вы могли понравиться Инге. Она всегда говорила мне, что с чувством юмора у меня не очень. К счастью, это мой единственный недостаток.

— Это ты так считаешь, — вставила реплику Инга.

— Да, я так считаю. И уверен, что в жизни можно легко обходиться и без чувства юмора. Мне, во всяком случае, это удастся.

— И во многом вы преуспели? — спросил Громов.

— Представьте себе, да. Я учусь на факультете инженерного бизнеса и менеджмента, впереди меня ждет хорошая карьера, обеспеченное будущее.

— Откуда же вы берете деньги на престижное обучение?

— Родители помогают.

— У Игорька папа — дипломат, а мама работает в банковской сфере, — внесла необходимую поправку Инга. Однако сказала это таким тоном, что парня буквально всего передернуло.

— Значит, вы всем довольны? — вновь обратился к Игорю Громов. — Понимаю, ведь у вас в наличии весь джентльменский набор: богатые родители, престижный институт, крутая иномарка. И, видимо, это вы имели в виду, когда говорили, что я вам не соперник?

— Угадали. Инга вкратце рассказала мне о вас, и я приблизительно знал, что вы из себя представляете.

Парень внезапно замолчал, видимо раздумывая, стоит ли ему говорить всю правду о собеседнике. Но Громов сам подтолкнул его на откровенность:

— Что же вы замолчали? Или испугались?

— Ничего я не испугался. Хотите правды — пожалуйста. Вы — типичный неудачник, как и большинство представителей поколения семидесятников. Ничего существенного вы в жизни не достигли, а всех, кто достиг большего, мягко говоря, не любите.

— Это в вас говорит уязвленное самолюбие, — перебил парня Громов.

— При чем здесь мое самолюбие? — раздраженно спросил Игорь.

Не ожидавшая такого резкого поворота событий Инга не нашла ничего лучшего, как встать между мужчинами и заявить:

— Умоляю вас, только не подеритесь.

— Перестань молоть чепуху! — урезонил девушку ее молодой приятель. — Никто не собирается драться. Просто на твоих глазах происходит обыкновенный конфликт двух разных поколений. Так объясните, при чем здесь мое самолюбие?

— При том, что вы мне завидуете, юноша. Ведь Инга поедет со мной, а не с вами. Я не прав? — И Громов вопросительно взглянул на девушку.

— Совершенно верно, — сказала Инга и демонстративно взяла сыщика под руку.

Не говоря больше ни слова, они пошли прочь от застывшего в нелепой позе Игоря.

— Я думала, вы сейчас друг другу морду набьете, — произнесла Инга, удобно устраиваясь в салоне громовской «восьмерки».

Пока она накидывала на себя ремень безопасности, Громов скосил глаза на ее красивые ноги, слегка прикрытые коротенькой юбочкой. Вслух же он произнес:

— Правильно боялись — в гневе я страшен.

— А вдруг сильнее оказался бы Игорь? — поделилась своими сомнениями Инга. — Он все-таки спортом занимается.

— А я по-вашему штаны в канцелярии протираю? Однако в любом случае я бы драться не стал.

— Это почему?

— Потому что всю эту ситуацию вы намеренно спровоцировали. Ведь какой женщине не нравится смотреть на то, как ради нее мужики дерут друг другу холки?

— Честное слово, у меня и мысли такой не было, — принялась горячо уверять своего собеседника Инга. — Я ведь Игоря не ждала, он по собственной инициативе за мной заехал. Я попыталась его отвадить, но он стал допытываться, куда это я собираюсь в такую рань. И вот тут каюсь — я сказала ему, что познакомилась с интересным мужчиной и намереваюсь взять у него интервью. Я-то думала, что после этого он разобидится и уедет. А он захотел с вами лично познакомиться.

— Ладно, считайте, что я вам поверил, — небрежно махнул рукой Громов, трогая машину с места.

Когда они выехали на Большую Тульскую улицу, девушка вновь обратилась к сыщику:

— Надеюсь, этот инцидент не повлияет на ваше желание дать мне интервью?

— Увы, ничего не получится, — с печалью в голосе произнес Громов.

— Почему?

— Потому что без санкции своего руководства говорить о служебных делах с посторонними людьми, тем более с журналистами, я не имею права. У нас с этим строго.

— Врете небось? — с сомнением в голосе произнесла Инга.

— Честное слово. Вспомните хотя бы недавнюю историю с одним из моих коллег — начальником 4-го отдела Юрием Семеновым.

— Готова принять любые упреки, но мне эта история неизвестна.

— Странно, ведь о ней подробно писали, — удивился Громов.

— Что поделаешь, не все удастся прочитать. Если вам не трудно, расскажите.

— Только если вкратце. — Громов притормозил у очередного светофора и начал рассказывать упомянутую историю. — Семенов в девяносто четвертом окончил Академию МВД с красным дипломом и был приглашен в МУР на должность начальника отдела. Предложение на первый взгляд невыгодное, потому что, соглашаясь на него, он проигрывал в должности — в Главном управлении по борьбе с организованной преступностью у него она была полковничья. Однако принимая его, он рассчитывал в скором времени стать заместителем начальника МУРа. Но произошел облом. Нашлись завистники, которые стали нашептывать начальнику, что новичок метит на его кресло. Против Семенова стали интриговать и ждать удобного случая, чтобы и вовсе от него избавиться. Тут он и дал промашку. Помните, в октябре 1995 года террорист захватил недалеко от Красной площади автобус с корейскими туристами? Так вот, существенную роль в обезвреживании преступника сыграл именно Семенов. Естественно, мимо героя не смогли пройти журналисты. В те же дни он дал интервью одному из журналистов «Комсомольской правды», которое наше руководство расценило как предательское. Мол, Семенов в нем раскрыл некоторые секретные методы работы спецслужб. Ничего он, конечно, не раскрывал, но повод был найден, и Семенова уволили. Вот и вся история.

— Надо же, а я всегда считала, что в МУРе коллектив сплоченный, — с нескрываемой ноткой сожаления произнесла Инга.

— Наивный вывод для человека такой циничной профессии, как ваша. Хотя эту наивность я отношу к тому, что работать вам приходится в сугубо дамском издании. В МУРе работают порядка трехсот человек, и, естественно, люди там встречаются разные. В большинстве своем, конечно, хорошие. Но это мое мнение. Ветераны управления, к примеру, утверждают, что раньше атмосфера в коллективе была более товарищеской. Даже поговорку по этому поводу придумали: «Раньше был МУР, а теперь — «Мурзилка». В нашем департаменте в наличии имеется все: наравне с фактами героизма и мужества присутствуют интриги, склоки и тому подобное.

— Неужели и зарплату вам задерживают? — спросила Инга, заранее предвидя отрицательный ответ. Но собеседник ее разочаровал,

заявив:

— А чем мы лучше других? Пару лет назад нам впервые за всю историю столичной милиции не выплатили вовремя получку. И знаете почему? Тогдашний начальник ГУВД в приказном порядке перевел все деньги в некий коммерческий банк, несмотря на протесты финансовой службы. Шахтеры на нашем месте объявили бы забастовку, но милиция, сами понимаете, этой возможности лишена.

— В таком случае не легче ли сменить место работы?

— Кому-то действительно легче. Но я-то свою работу люблю. Во всяком случае, пока.

— Если вы с самого начала знали, что не будете давать интервью, зачем же тогда весь этот маскарад? — после короткой паузы искренне удивилась Инга.

— «Популярно объясняю для невежд», — строчкой из любимой песни Владимира Высоцкого предварил свой ответ Громов. — Во-первых, чтобы встретиться с вами еще раз. Во-вторых, кто вам сказал, что интервью вообще не будет? Я имел в виду, что не буду говорить с вами под диктофон о служебных делах, но о других — пожалуйста.

— Например о каких? О любимом вами сексе, что ли?

— О сексе, пожалуй, не будем, — с тайным вожделением разглядывая ажурный рисунок на модных колготках своей попутчицы, ответил Громов. — Однако разве мало других тем? К примеру, можно поговорить о моем далеком детстве. Кстати, знаете, куда мы сейчас с вами направляемся? В школу, где я проучился десять лет. Это уникальная школа.

— Уникальна тем, что вы в ней учились?

— Может быть, когда-нибудь кто-то вспомнит и об этом. А пока вспоминают других. В разное время в ней учились Марина Цветаева, Рина Зеленая, даже бывший министр внутренних дел Союза Виталий Федорчук.

— Что же это за заведение и где оно находится?

— Это средняя школа под номером 325 в Гороховском переулке, недалеко от Курского вокзала. Она считается одной из старейших в Москве — открылась в 1881 году и до революции функционировала как женская гимназия.

— Какой же интерес гонит вас туда сегодня?

— Сыновний. В этой школе много лет проработала учителем истории моя мама — заслуженный учитель республики Любовь Сергеевна Громова. Теперь она преподает в частном колледже. Ей срочно понадобились какие-то методички, вот я и вызвался ей помочь.

— Отец у вас тоже учитель? — с интересом внимая рассказу сыщика, спросила Инга.

— Нет, мой отец работал конструктором на авиационном заводе. К сожалению, он давно умер — мне тогда было всего четыре года. Мама через несколько лет вновь вышла замуж, и моим отчимом стал известный писатель Игорь Хорватов. Не слышали про такого? В свое время он был знаменит, писал романы на производственную тему. «Время смелых» — про строителей БАМа — не читали? Самый известный его роман. А теперь он директор издательства, которое специализируется на детективах.

— И вы конечно же ему в этом помогаете?

— Теперь придется. Он подарил мне машину, на которой мы с вами сейчас едем, и взял с меня слово, что по мере необходимости я иногда буду консультировать авторов, которые у него печатаются. Знаете, такие мелкие советы опера писателям, которые пишут детективы.

К зданию школы они подъехали через несколько минут. Припарковав машину напротив массивных металлических ворот, Громов услужливо открыл дверцу и помог своей спутнице выбраться из салона.

— Как я люблю такие тихие московские переулочки, — с интересом осматривая окрестности, произнесла девушка.

— Абсолютно с вами солидарен — здесь действительно прекрасные места. Видите вон то здание? — Громов указал рукой на красивый двухэтажный особняк, расположенный вниз по переулку. — Сейчас там размещается посольство Республики Эквадор, а более тридцати лет назад на втором этаже этого здания жил я со своими родителями. Комнатка у нас была небольшая, детская кровать не умещалась, и мне приходилось спать в металлической ванне.

— Я надеюсь, мемориальная доска на этом доме висит? — тут же сострила девушка.

— К сожалению, нет. В этих местах столько зданий, связанных с моим именем, что памятных досок на каждое не хватит. Однако

давайте зайдем в школу. — И Громов пригласил девушку пройти в небольшую калитку справа от ворот.

Войдя в здание, они поднялись на второй этаж, где в небольшом кабинете размещался школьный музей. Там их встретила невысокая пожилая женщина с интеллигентным лицом.

— Добрый день, Ирина Марковна, — поздоровался с ней Громов и галантно поцеловал женщине руку.

— Здравствуй, Кирюшенька, — улыбнулась хозяйка кабинета и нежно погладила по голове склонившегося над ее рукой Громова. — Что-то давненько ты не баловал нас своим вниманием.

— Работа такая, — с нескрываемым сожалением в голосе ответил Громов и добавил: — Как поется в старой песне: «Ни минуты покоя».

— А мы ведь тебя с твоей мамой предупреждали — не ходи работать в милицию. Однако ты нас не послушал. А ведь у тебя был неплохой литературный талант.

— Мой талант, Ирина Марковна, никуда от меня не делся. Знаете, какие я рапорты своему начальству пишу — они буквально зачитываются. Кстати, о писанине. Ирина Марковна, разрешите мне представить вам молодую и очень талантливую журналистку по имени Инга. — И Громов подвел к хозяйке кабинета свою спутницу.

Женщины с интересом посмотрели друг на друга и обменялись коротким рукопожатием.

— Ирина Марковна, вы в курсе, зачем я приехал? — после короткой паузы вновь обратился к хозяйке кабинета Громов.

— Конечно, твоя мама мне уже позвонила. Однако методички находятся у директора.

— Тогда если вам не трудно, Ирина Марковна, займите, пожалуйста, гостью чем-нибудь, а я вас на несколько минут покину. — И Громов, лукаво подмигнув девушке, вышел из музея.

Кабинет директора находился на этом же этаже, всего лишь в нескольких шагах от музея. В годы, когда в этой школе учился Громов, на этом месте располагался кабинет немецкого языка. Преподавал предмет Михаил Петрович Эпштейн, с которым у Громова, несмотря на его весьма средние показатели по языку, были довольно хорошие отношения. В 1976 году, во многом благодаря этим отношениям, Громов даже получил возможность с группой отличников съездить на неделю в ГДР. С тех пор минуло более двадцати лет, Михаил Петрович

в школе уже не работал, а на том месте, где когда-то был его кабинет, теперь находились владения директора.

Секретаря, которая обычно всегда сидела в приемной, на месте не оказалось, и Громов беспрепятственно прошел в директорский кабинет. На удачу, его хозяйка была на месте и, сидя за своим столом, что-то писала. Увидев, какой гость к ней пожаловал, она радушно улыбнулась и, отложив свою писанину, предложила ему сесть на один из стульев.

— К сожалению, Екатерина Ивановна, совершенно нет времени, — отказался от предложения Громов. — Да и вы, я вижу, вся в заботах.

— Угадал, Кирилл, — ответила женщина. — Сегодня в четыре часа отправляем детей в летний лагерь, а документы еще не готовы. А твои методички — вот они. — И директриса достала из стола небольшую стопку бумаг и отдала их гостю.

В это время зазвонил телефон, и Громов, посчитав за благо не отвлекать больше хозяйку от ее неотложных дел, вышел из кабинета. Если бы он еще на несколько секунд задержался у директора, он наверняка бы заинтересовался разговором, который она повела с неизвестным собеседником. Однако Громов покинул кабинет слишком быстро и плотно закрыл за собой дверь. Что же за разговор вела директор?

Мужской голос, который звучал на другом конце провода, директору был совершенно незнаком. Однако обладатель его говорил очень вежливо, в некоторой степени даже заискивающе, чем сразу расположил к себе собеседницу.

— Извините, что отрываем вас от дел, но нам срочно нужна ваша помощь. Вас беспокоит режиссер с телевидения Олег Иванович Елизаров. Дело в том, что мы собираемся снимать документальный фильм о наших прославленных спортсменах, в частности — о знаменитом когда-то футболисте Сергее КадиLINE. Вам наверняка знакома эта фамилия?

— Безусловно, — ответила директор. — Однако я не перестаю удивляться вашему брату телевизионщику. Где же вы раньше-то были? Год назад вы могли бы круто изменить его судьбу, но опомнились только сейчас.

— Однако согласитесь, лучше поздно, чем никогда, — вновь подал голос собеседник директора. — К сожалению, нам только сейчас стало известно о тех трудностях, которые пережил Кадилин. Говорят, что он даже крыши над головой не имеет. Мы пытались разыскать его через бывших друзей, но у нас ничего не получилось. Кстати, вам не известно, где можно его найти?

— К сожалению, нет.

— Жаль. Но мы знаем, что в вашей школе учится его дочь — Оксана Кадилина. Вы не могли бы дать нам ее адрес, чтобы мы вышли на ее маму — бывшую жену Кадилина? Мы хотели бы взять у нее интервью, но главное — может быть, через нее выйти и на самого спортсмена.

— Вы считаете уместным волновать человека, который вот уже несколько лет не живет с Кадилиным и имеет новую семью? Я лично считаю иначе. Поэтому никакого адреса я вам дать не могу.

— Неужели и вы нам ничем не поможете? — с нескрываемым отчаянием в голосе спросил «телевизионщик». — Ведь дело-то благое — мы хотим пускай с опозданием, но воздать должное этому замечательному спортсмену. Вы сказали, что надо было раньше об этом думать. Согласен. Но ведь и сейчас Кадилин испытывает серьезные трудности и наверняка будет рад любой помощи. С этим вы согласны?

Вопрос, который задал директору ее невидимый собеседник, заставил женщину задуматься. Она впервые за время разговора заколебалась в своей решимости не давать никаких адресов и теперь мучительно прикидывала в уме, как ей быть. И тут ее внезапно озарило.

— Можете радоваться, вам повезло. Я совсем забыла об одном мероприятии, которое у нас намечено на сегодня. В четыре часа мы отправляем детей в летний лагерь отдыха, и среди отъезжающих будет и Оксана Кадилина. Провожать ее наверняка придет ее мама и, вполне вероятно, сам Сергей Кадилин.

— Почему вы считаете, что он тоже может прийти? — спросил «телевизионщик».

— Точно я утверждать не могу. Однако все три предыдущих года он обязательно приходил провожать свою дочь в лагерь. Вот и я подумала: почему бы ему не прийти и сегодня?

— Вы нас очень сильно выручили. Спасибо вам большое, — радостно зазвенел в трубке голос «телевизионщика», после чего раздались короткие гудки, возвестившие о конце разговора.

Директриса положила трубку на рычаг, а сама подумала: «Я ведь даже не спросила, в какой телекомпании работает этот режиссер. Хотя, если они приедут сегодня в школу, времени для этого у меня будет предостаточно».

Громов, вернувшись в школьный музей, застал там идиллическую картину. Хозяйка музея и его белокурая спутница проводили время в разглядывании многочисленных фотографий, развешенных на музейных стендах. Громов подошел ближе и приятно удивился — женщины разглядывали фотографию, на которой был запечатлен его родной класс во время выпускного вечера.

— Вот, Кирюша, пытаюсь рассказать Инге о твоём классе, но память меня подводит, — смутилась хозяйка музея, увидев Громова. — Я думаю, лучше тебя это никто не сделает.

— Это верно. Только интересно ли это Инге?

— Очень интересно, — поспешила заверить Громова девушка. — К своему глубокому стыду, я окончила школу всего лишь пять лет назад, однако со своими одноклассниками с тех пор больше не виделась. Даже не знаю, чем большинство из них занимается. Неужели вы, Громов, знаете, кем стали ваши одноклассники после стольких лет разлуки?

— А кто вам сказал, что мы не встречаемся? — удивился Громов. — Периодически мы устраиваем совместные встречи и делимся друг с другом впечатлениями. А память у меня, к вашему сведению, отменная. К примеру, вот этот юноша, — и Громов ткнул пальцем в то место на фотографии, где был запечатлен симпатичный молодой человек с длинными волосами, — сейчас работает журналистом и пишет книги. Его зовут Влад Зорин. Слышали, наверное? Он написал несколько книг про знаменитых людей.

Инга ничего не ответила, лишь смущенно пожала плечами. Но Громов не стал заострять на этом внимание и продолжил экскурс по старой фотографии:

— Следующий юноша — Сережа Зикеев, сейчас работает врачом-психиатром. Рядом с ним — Наташа Уткина, управляет делами в одном из банков, ее подруга Таня Усачева работает в магазине,

Сергея Злобин всерьез увлекся туризмом, Андрей Минаев — мой коллега, только по другому департаменту — работает в ФСБ, Сергей Глушков служит в коммерческой фирме, Наташа Зимелева и Алла Анфиногенова — домохозяйки, Володя Степанов и Игорь Королев — бизнесмены, про меня вы знаете, Вадим Мер посвятил себя химической промышленности, Миша Баранов, царствие ему небесное, к сожалению, умер, Марина Юровецкая уехала в Германию, Гена Кузнецов — известный филателист, Марина Богомолова и Света Холина работают в коммерческих фирмах, а Лена Акимченко — учительница английского языка. Кстати, именно благодаря этой девушке я стал сыщиком.

— Как это? — удивилась Инга.

— Это очень занимательная история, — подала голос стоявшая в сторонке хозяйка музея. — После нее Кириюшу иначе, как сыщик, никто не называл. Кирилл, что же ты молчишь, расскажи девушке.

— Пожалуйста, — легко согласился тот. — Дело было, когда я учился в пятом классе. Как-то зимой после уроков я зашел в раздевалку и увидел, как Лена стоит в углу и плачет. Я поинтересовался, в чем дело, и она поведала мне грустную историю о том, что кто-то стащил у нее из рукава новую шерстяную шапочку. А дело было зимой, в жуткий мороз. Я попросил Лену никуда не уходить из раздевалки, а сам отправился к нянечке, сидевшей у дверей. Спрашиваю: никто вам шапочку не оставлял? Она отвечает, что нет. Тогда я вернулся в раздевалку и внимательно осмотрел пальто Лены. И нашел в рукаве, где лежала шапочка, табачные крошки. Тут я сразу смекнул, что вор либо старшеклассник, либо взрослый человек. Вновь отправился к нянечке. Спрашиваю: не заходил ли в раздевалку кто-то из взрослых. Тут она и сообщает, что за десять минут до звонка, возвестившего об окончании урока, в раздевалке крутился школьный слесарь, отопление проверял. Я бросился в каморку, где этот слесарь обитал. Дверь в нее находилась прямо возле входа в школу, на первом этаже. Раньше там был подвал, где проходили уроки труда для мальчишек, а потом эту дверь заделали. Слесарь сидел в своей каморке и что-то мастерил.

Войдя к нему, я сразу обратил внимание на то, что на столе у него лежит распечатанная пачка папирос «Беломорканал». Это открытие настолько меня вдохновило, что я прямо с порога заявил: мол, я знаю,

что это вы стащили у моей одноклассницы шапочку, и, если вы немедленно ее не вернете, я пойду к директору и обо всем расскажу. Я, конечно, тогда был обыкновенный пацан, ничего в психологии не соображал и действовал исключительно по наитию. Но как оказалось, угадал. Слесарь внезапно испугался, достал из своего фанерного чемоданчика злополучную шапочку и стал буквально умолять меня не выдавать его. До сих пор помню его глаза и слова, которые он повторил несколько раз: «Бес попутал». Вот, собственно, и вся история.

— И после нее вы решили пойти в милицию? — спросила Инга.

— Нет, конечно. В те годы я мечтал о карьере рок-музыканта. Обоожал «Битлз», «Слэйд», «Иглз», «Пинк Флойд», «Машину времени» и все такое прочее. Кстати, здесь есть фотография, на которой изображен наш школьный рок-ансамбль «Осколки радуги» образца 1979 года, в котором я был вокалистом.

Громов подвел Ингу к одному из стендов и указал на снимок в углу:

— Вот это — я, рядом со мной, с бас-гитарой в руках, Владик Зорин, а за ударными — Слава Фадеев. К сожалению, он сейчас в тюрьме.

— Он что — бандит? — спросила Инга.

— Почему сразу бандит? — удивился Громов. — Всего лишь профессиональный вор.

Инга вновь взглянула на фотографию и в течение нескольких секунд внимательно вглядывалась в лица людей, изображенных на ней.

— Вы были красивый юноша, — после небольшой паузы вновь обратилась она к Громову. — Девушки, наверное, вам на шею вешались?

— Они и сейчас на меня вешаются, — ответил сыщик. — Правда, теперь я песен не пою и вместо гитары предпочитаю пистолет Макарова. Однако хорошо, что мы вспомнили о моей работе. Мне ведь влететь может за мою длительную отлучку. А вам?

— Я, в отличие от вас, человек творческий, и график работы у меня свободный. А в данный момент я работаю.

— В каком смысле? — удивился Громов.

— В том смысле, что я надумала написать статью о вашей замечательной школе. Пока вы отсутствовали, Ирина Марковна успела

рассказать мне столько интересного про ее историю, что мысль о статье пришла в голову сама собой. Ведь журнал наш дамский, а школа ваша была когда-то женской гимназией. Так что вы, Громов, можете смело отправляться на свою работу, а я остаюсь.

Заявление девушки произвело на сыщика сильное впечатление. В течение нескольких секунд он стоял молча, пытаясь определить, шутит его спутница или нет. Но голубые бездонные глаза Инги были настолько искренними, что Громов мысленно укорил себя за то, что посмел хотя бы на мгновение усомниться в правдивости сказанного девушкой. Однако прежде чем удалиться, он спросил:

— Инга, если я приглашу вас в выходные сходить куда-нибудь, вы не откажетесь?

— Конечно нет, — улыбнулась девушка. — Тем более сейчас, когда я буду работать над материалом о вашей школе. Вы же кладезь ценной информации. Так что не волнуйтесь — поезжайте на работу, а вечером я обязательно вам позвоню.

Воодушевленный этими словами Громов наскоро простился с Ириной Марковной и вышел из музея. Он еще не знал, что с обеими женщинами ему предстоит встретиться еще раз через несколько часов, причем при обстоятельствах, которые идилическими никак не назовешь.

СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ

Кадилин проснулся от того, что кто-то рывком сорвал с него одеяло и сопроводил это действие громким возгласом: «Подъем!» Открыв глаза, футболист увидел над собой довольную физиономию пучеглазого, и тут же в его памяти стали медленно всплывать все перипетии вчерашнего вечера.

— Который час? — спросил Кадилин, протирая глаза.

— Одиннадцать часов двенадцать минут по московскому! — бодро отрапортовал пучеглазый. — Пока вы здесь с Семой дрыхли, я уже успел к метро смотаться.

— Зачем? — удивился Кадилин.

Вместо ответа пучеглазый запустил руку в карман своих брюк и, бросив на кровать, где лежал футболист, горсть жетонов для таксофона, спросил:

— Забыл, какое дело мы должны сегодня проверить?

В это время из соседней комнаты вышел заспанный Сема, который, увидев рассыпанные жетоны, удивился:

— На кой ляд ты их купил? У нас же здесь телефон имеется!

— Дурень ты, Сема, — усмехнулся пучеглазый. — Кто ж такие дела по домашнему телефону проворачивает?

Только теперь до Кадилина стал доходить смысл происходящего. Он вспомнил, какого рода мероприятие они договорились обтяпать сегодня, однако особенного прилива радости от этого не испытал. Его душу вновь стали одолевать сомнения. Видимо, пучеглазый догадался о том, какие мысли посетили футболиста, потому что присел к нему на кровать и спросил:

— Ты чего такой грустный, Серега? Или опять не веришь в успех нашего мероприятия?

— Честно говоря, не очень, — признался Кадилин.

— Ну и зря, — с жаром воскликнул пучеглазый. — Тебе такой фарт в руки привалил, а ты сомневаешься. И надо быть полным идиотом, чтобы пройти мимо денег, которые валяются у тебя под ногами. Ведь достаточно только руку к ним протянуть — и они твои.

— И сколько же этих денег у нас под ногами валяется? — поинтересовался Сема.

Пучеглазый думал всего лишь секунду, после чего ответил:

— Не менее ста тысяч баксов.

— Лучше сто две, — поправил приятеля Сема и тут же пояснил: — Чтобы разделить поровну.

— Как скажешь, — согласился с поправкой компаньона пучеглазый. — Ну, как, Серега, — по тридцать четыре штуки на брата не хило?

Кадилин в ответ улыбнулся, тем самым как бы подводя итог этому спору.

— Вот и ладненько, — потирая от удовольствия руки, произнес пучеглазый. — Времени у нас в обрез, поэтому действуем по ускоренному плану. Даю тебе, Серега, двадцать минут на то, чтобы побриться, после чего выезжаем. Звонить будем с таксофона недалеко от метро. О том, как себя вести во время разговора, поговорим по дороге. Все ясно? Тогда — вперед.

Кадилин управился со своей бородкой за пятнадцать минут, а еще через пять минут компаньоны уже выезжали на машине со двора. По дороге пучеглазый коротко обрисовал приятелям свой план. По нему выходило, что Кадилин должен был назначить встречу чиновнику возле центрального входа на ВВЦ, бывшую ВДНХ.

— Там площадь хорошо просматривается со всех сторон и народу всегда достаточно, — объяснял суть задуманного пучеглазый. — Ты, Серега, встанешь возле тротуара, а мы с Семой будем наблюдать за тобой из машины. Вместе нам пока появляться не надо — можем жертву спугнуть.

— Да погоди ты загадывать, — попытался одернуть компаньона Кадилин. — Еще никакого разговора не было, а ты уже о месте встречи печешься.

— А куда он денется — разговор-то? — удивился пучеглазый. — У тебя полный карман жетонов — звони сколько влезет.

— Я о другом — вдруг этого чмошника на месте не окажется?

— Окажется, — голосом, не терпящим возражений, произнес пучеглазый. — Я всем телом чую, что он на месте.

— Больше ничего не чуешь? В гадиловку к ментам мы не угодим? — подал голос сидевший на заднем сиденье Сема.

— Только без кипеша, Сема, ты же знаешь, что я вслепую не действую, — ответил пучеглазый. — Будете меня слушаться, все будет тип-топ.

Вскоре они подъехали к нужному месту и, выйдя из машины, подошли к таксофону, находившемуся недалеко от подземного перехода. Народу вокруг практически не было, что было на руку шантажистам — лишние свидетели конфиденциального разговора им не нужны. Кадилин снял трубку и быстро набрал номер, который он хорошо помнил все эти годы. Вскоре на другом конце провода ему ответил приятный женский голосок:

— Вас слушают.

— Девушка, мне, пожалуйста, Аркадия Петровича.

— А кто его спрашивает? — поинтересовалась девушка, тем самым подтверждая, что пучеглазый был прав — чиновник оказался на месте.

— Скажите ему, что звонят из футбольного клуба «Спартак» по очень важному делу, — ответил Кадилин и тут же увидел у себя перед носом вздернутый вверх большой палец пучеглазого — мол, молоток, все делаешь правильно.

— Соединяю, — произнесла девушка, и в следующую секунду Кадилин услышал в трубке приятную мелодию.

Мелодия звучала недолго — уже через несколько секунд ее прервал хорошо знакомый Кадилину баритон:

— Говорите, я слушаю.

— Добрый день, Аркадий Петрович. Не узнаете, кто вас беспокоит?

— Мне сказали, что из «Спартака». Кузьмич, ты?

— Нет, не он. Неужели мой голос так сильно изменился, что вы перестали его узнавать?

— Что за угадку вы там устраиваете? Вам что, делать нечего, как отвлекать людей от работы? — В голосе чиновника слышалось раздражение. — Короче, либо вы говорите, кто вы, либо я немедленно кладу трубку!

— Класть трубку не в ваших интересах, Аркадий Петрович. А звонит вам Сергей Кадилин. Помните такого?

На другом конце провода повисла пауза — видимо, там мучительно прикидывали, стоит ли продолжать беседу с внезапно

объявившимся футболистом. Наконец выбор был сделан.

— Куда же ты пропал, Сергей? — Голос чиновника заметно подобрел. — Сколько лет от тебя ни слуху ни духу.

— Зато вы с газетных полос не сходите. Правда, толку мало — наш футбол как был в заднице, так там и торчит.

— Ты что, ради этого мне позвонил? Неужели до сих пор злишься на меня за ту последнюю встречу? Напра-а-асно. Я ведь действительно вынужден был срочно уехать в командировку. Сам понимаешь, работа такая.

В это время трехминутный лимит времени истек и в таксофоне прозвучал предупредительный сигнал. На него оперативно среагировал стоявший рядом пучеглазый, который тут же опустил в щелочку очередной жетон. В дальнейшем подобные манипуляции он совершил еще несколько раз. Разговор между тем продолжался.

— Наверное, хорошие деньги за свою работу получаете? — спросил Кадилин.

— Нормальные, — уклончиво ответил чиновник.

— Я читал, вы себе шикарный дом на Рублевке построили?

— Врут газеты — обычный дом в два этажа.

— Ну да, у вас же у всех — скромные зарплаты, обычные дома, недорогие автомобили.

— Сергей, извини, но у меня нет времени обсуждать с тобой мою зарплату. — В голосе чиновника Кадилин вновь уловил раздражение. — Ты в свое время тоже жил неплохо — имел и квартиру, и машину, ездил по заграницам. Разве я виноват в том, что затем ты все это потерял? Пить надо было меньше.

— А вы, значит, не пьете?

— Я, дорогой мой, знаю меру. А ты этой меры не знал. Станный вы народ, спортсмены! Вечно обвиняете кого угодно, только не себя, в своей неудавшейся жизни.

— А вы считаете, что ваша жизнь удалась?

— Во всяком случае я не жалею. Как умею работаю, по мере сил помогаю нуждающимся.

— Что же вы мне не помогли, когда я к вам за помощью пришел?

На другом конце провода вновь повисла пауза. Наконец собеседник Кадилина произнес:

— Сергей, мы с тобой взрослые люди и играть в прятки нам не пристало. Поэтому скажу тебе прямо — помогать тебе я не хочу. Барсукову, Епишеву или другим ребятам — пожалуйста, но тебе — нет. И в этом ты сам виноват. Ты ведь у нас всегда был гордым, никогда ничего не просил. Вот и живи со своей гордостью.

— Спасибо за откровенность. Только вы зря думаете, что я звоню вам с очередной просьбой о помощи. Я ведь каким был гордым, таким и остался, и на ваш счет не заблуждаюсь.

— Тогда чем вызван этот звонок?

— Если честно, то элементарной жаждой мести. Вы откровенно признались в том, что меня не любите, вот и я хочу ответить вам тем же. Подвернулся случай вам отомстить — вот я и позвонил.

— Что же это за случай? — продолжал удивляться чиновник.

— Да так, мелочь — одна видеокассета. А записаны на ней вы, причем в очень интересной компании.

— Какой компании? Что ты мелешь? И вообще, я чувствую, что продолжать разговор дальше бессмысленно, поэтому кладу трубку.

— Если вы положите трубку, то эта кассета попадет в руки людям, которые спят и видят, как бы турнуть вас из вашего кресла. Понимаете, о ком я говорю? Понима-а-ете. Так что в ваших интересах выслушать меня до конца.

— Хорошо, я выслушаю тебя, — после короткой паузы произнес чиновник. — Только имей в виду, если ты перейдешь рамки приличия...

— Рамки приличия перешли вы, — перебил собеседника Кадилин. — Вы говорите, я меры не знал? А вы знали, когда вас в хвост и в гриву двое пидоров трахали? Или этого не было? Тогда позвольте вам напомнить, где конкретно все это происходило. На пленке зафиксирована дата — восьмое марта этого года. То есть в женский праздник спортивный чиновник достаточно высокого ранга позволяет пользоваться себя по-дамски двум мужикам. Эдакий обоюдный подарок. Все это действие происходит в роскошных апартаментах, на фоне камина и висящей над ним картины Айвазовского «Девятый вал». Не могу сказать точно, подлинник это или всего лишь копия, но то, что творят с вами под картиной, — самая настоящая реальность.

— Какая мерзость! — с возмущением воскликнул на другом конце провода чиновник. — Это грубая провокация, которую я без внимания не оставлю. Ты еще пожалеешь, что ввязался в это дело.

— А что вы мне можете сделать? — засмеялся в ответ Кадилин. — Я и так опустился на самое дно. А вот вам есть что терять. После того как эту кассету обнародуют, я просто уверен — ваша беззаботная жизнь завершится. Такого рода компромат наши охочие до скандалов граждане с удовольствием посмакуют. Я уже приблизительно представляю себе, какого рода заголовки украсят наши газеты.

На другом конце провода вновь повисла пауза, во время которой пучеглазый успел отправить очередной жетон в чрево таксофона. При этом он специально показал Кадилину, сколько жетонов у него осталось — четыре, что означало — времени на разговор осталось всего лишь двенадцать минут.

— Что замолчали? — первым нарушил тишину Кадилин. — Или все еще не верите в правдоподобность такой съемки? Чтобы вам окончательно стало ясно, что я не вру, назову еще ряд деталей, запечатленных камерой. Одного из ваших партнеров вы пару раз назвали Славиком, а второго — Ленечкой. Последний — высокий блондин лет двадцати пяти. Вас они, на вашу беду, называют вполне однозначно — Аркадием Петровичем. Кроме этого, на пленке прекрасно видно родимое пятно у вас на поясице. Теперь верите?

— Откуда у тебя эта кассета? — откликнулся наконец чиновник.

— Купил в палатке, — засмеялся Кадилин. — Шучу. Случайно оказался в гостях у одного человека и наткнулся на нее в видеомэгнитофоне. Естественно, узнав в одном из героев вас, я не мог остаться безучастным — без ведома хозяина взял ее себе.

— Кто этот человек?

— Какая разница? Хотя для вас, конечно, — большая. Однако имени его я вам не назову.

— Но это же шантаж и вторжение в личную жизнь! — все еще пытался защищаться чиновник.

— Ошибаетесь, Аркадий Петрович. Какая же это, к черту, жизнь? Это самая настоящая гнусность. Ведь в конце фильма вы забавляетесь с мальчиком, которому от силы лет тринадцать-четырнадцать!

— Чего же ты хочешь от меня? — усталым голосом спросил у Кадилина чиновник.

— А вы сами не догадываетесь?

— Денег?

— Угадали.

— Сколько же тебе надо?

— А сколько вам не жалко выделить на такое дело из своей скромной зарплаты?

— Десять тысяч долларов тебя устроят?

— Издеваетесь? Думаете, если Кадилин в бомжи скатился, значит, на любые деньги согласится? Дудки! Моя цена — сто тысяч долларов. Вернее — сто две, — поправился Кадилин, после того как его толкнул в бок стоявший рядом Сема.

— Откуда у меня такие деньги? Ты просто сошел с ума! — взвился на другом конце провода собеседник.

— Ничего подобного, — с той же твердостью в голосе произнес Кадилин. — Прибедняться будете перед лохами-журналистами, а мне лапшу на уши вешать не надо. Не хотите идти на мои условия — пожалеете. Пусть я ничего на этом деле не заработаю, не страшно — к нищете я уже привык. Но вам жизнь испорчу капитально. Итак, в последний раз спрашиваю: вы согласны на мои условия или нет?

— Хорошо, предположим, что я соглашусь. Только предположим. — Голос чиновника дрожал, былая уверенность исчезла без следа. — Однако где гарантия, что эта кассета единственная?

— Это вы у меня спрашиваете? — искренне удивился Кадилин. — А вы не посещайте сомнительных заведений, где в стены вмонтированы видеокамеры, и будете спать спокойно. Гарантий вам захотелось!

— И все же цена, которую ты заломил, слишком высока.

— Для водителя троллейбуса — пожалуй, но не для вас. Что, ваше кресло не стоит ста двух тысяч долларов? Низко же вы себя цените, Аркадий Петрович.

— Но эту кассету никто больше не видел?

— Поскольку хозяин коллекции передо мной не отчитывался, я могу ответить только за себя, — нет, — соврал Кадилин.

— Где я могу ее получить и когда?

— Да хоть сегодня. В час дня вас устроит?

— Где?

— Возле входа на ВВЦ. Я буду вас ждать с правой стороны, возле касс. Только сразу предупреждаю: приедете без денег — разговора не получится. Понятно?

— Конечно, — ответил чиновник и первым повесил трубку.

Кадилин последовал его примеру и тут же попал в объятия своих компаньонов, которые, не жалея эпитетов, принялись хвалить его за удачно проведенные переговоры. Затем все трое отправились к машине, чтобы по дороге к ВВЦ обсудить все детали предстоящего randevu. Им казалось, что заветные доллары практически у них в кармане, и ничто не могло поколебать их в этой уверенности. Однако если бы они могли знать, что в это время делала их жертва, то их радость, возможно, была бы менее бурной. Тот же, набрав на своем телефоне какой-то номер, произнес в трубку всего лишь две фразы:

— Срочно зайди ко мне. У меня проблемы.

Приехав на Петровку, 38, Громов первым делом отправился в дежурную часть, чтобы в рабочей книге дежурного по городу отследить происшествия, случившиеся за два последних дня. Это заняло не так много времени, потому что бытовуха Громова не интересовала, а лишь криминальные разборки с применением огнестрельного оружия. Таковых набралось четыре эпизода, однако ни в одном из них в качестве пострадавших не фигурировали представители казанской преступной группировки. «Значит, «обратки» со стороны друзей Мудреца еще не было», — сделал вывод Громов и покинул дежурную часть.

В коридоре своего этажа его угораздило столкнуться с Петровичем, который, выходя из кабинета, едва не сбил сыщика с ног.

— Громов, черт, где ты ходишь? — с ходу взъелся шеф, сверля своего подчиненного глазами-буравчиками. — Вся Петровка на ушах стоит от твоих вчерашних приключений, а у меня на столе до сих пор нет твоего рапорта. Что за фигня?

— Петрович, ты же знаешь мою нелюбовь к писанине, — попробовал отбрыкаться от наезда своего начальника Громов. — Но даю слово — сегодня в течение дня обязательно сяду за рапорт.

Последняя фраза заставила шефа сменить гнев на милость, он улыбнулся и сказал:

— Ладно, верю. Вообще ты, Громов, — молоток. Маньяка, которого ты вчера захомутил, наши коллеги из «убойного» целый месяц поймать не могли. Кстати, яйца ты ему серьезно отбил. Небось специально?

— Так получилось, Петрович, — развел руками Громов. — Я-то метил по четвертой пуговице у него на рубашке, да в темноте не рассчитал. Вот прицел малость и сбился.

— Ничего себе малость — мужик до сих пор еще не оклемался.

— Что поделаешь — тяжела доля у маньяка. Вот и этот схлопотал производственную травму.

Петрович от души гоготнул над этой шуткой, после чего сказал:

— Ладно, ступай к себе, а то тебя Дробыш обыскался. И с рапортом не тяни.

Когда Громов подошел к своему кабинету и дернул за ручку двери, оказалось, что она закрыта. Это было странно, потому что, подходя к кабинету, он ясно слышал чьи-то шаги, доносившиеся изнутри. Значит, Дробыш был там. Закрывался же он в двух случаях: либо потому, что работал с материалами разработок (по инструкции о соблюдении режима секретности закрывать дверь на ключ в таких случаях было необходимо), либо по причине своих личных нужд. Громов решил, что скорее всего вероятен второй вариант. «Видимо, презервативы в новое место прячет», — догадался он и стукнул в дверь заранее условленным кодом. Через несколько секунд дверь отворилась.

— Ну ты и сучок, Громов! — со злостью в голосе произнес Дробыш, едва его сосед по кабинету ступил за порог. — Всучил мне вместо порнухи какую-то индийскую лабуду.

— Я всучил? — искренне удивился Громов. — А может быть, Смычков? Это же он ее с «Горбушки» приволок. С ним и разбирайся.

— А деньги с кого мне востребовать? Я ведь тебе за нее заплатил.

— Во-первых, тридцатка из этого полтинника — твой долг мне. А двадцатку мне пришлось отдать Смычкову, за кассету. В другой раз будешь знать, кого разыгрывать. Как говорится, не умеешь — не берись.

С этими словами Громов прошел к своему столу и, подмигнув суровой индийской премьерше, взиравшей на него со стены, опустил

на стул. Наблюдая оттуда за тем, как Дробыш продолжает на него дуться, он произнес:

— И вообще, Леха, хочу тебе заметить, что ты натура неблагодарная. Обижаешься на меня за то, что я вместо порнухи подсунил тебе кассету с чистым и светлым фильмом о любви. Да там одни песни чего стоят.

И Громов, подражая услышанной им еще в глубоком детстве песне из популярного индийского фильма, пропел:

— Аварая-я-я. Если хочешь, могу дать слова списать.

Ария, с неподдельным воодушевлением пропетая Громовым, растопила Лехину душу, и он, улыбнувшись, сказал:

— Просто нехорошо получилось. Я жене такое про эту кассету расписал, что у нее среди ночи глаза разгорелись. А там такой облом.

— Подумаешь, трагедия. Облом на кассете ты с лихвой компенсировал в гостинице. Кто, как не я, взял тебя вчера вечером в общество путан? И ты за бесплатно увидел сеанс орального секса с расстояния всего в семь-восемь шагов. Разве может сравниться живое действо с записанным на пленке?

— За увиденное в гостинице — спасибо. — Дробыш почтительно склонил голову перед собеседником. — Однако вспомни, что было потом, после гостиницы. Ты завез меня к черту на кулички и заставил общаться с каким-то реликтовым маньяком. У меня после встречи с ним всякая потенция пропала. Я-то думал — приеду домой, включу твою кассету и верну утраченное. А там еще один облом.

— Леша, не надо ля-ля, — небрежно отмахнулся от коллеги Громов. — За твою потенцию я спокоен на все сто. Общение с маньяком, конечно, штука неприятная, однако ножиком своим он тыкал не в тебя, а и меня. И волноваться за свою потенцию должен я. Но я как раз не жалуясь. Так что кончай размазывать сопли по шоколаду и переходи к теме служебной деятельности. Что-нибудь новое о пальчиках жмурика с «Киевской» есть?

— Есть, — коротко ответил Дробыш, заставив тем самым сердце Громова счастливо екнуть в груди.

Однако излагать подробности Дробыш не спешил, явно пытаясь таким образом компенсировать свое недавнее унижение перед коллегой. Ему хотелось, чтобы тот вдоволь помучился, находясь в неведении.

— Будешь молчать — я в тебя книгой захреначу, — не выдержал наконец Громов и действительно протянул руку к увесистому тому Уголовного кодекса России, лежавшему у него на столе.

— Все понял, излагаю, — замахал руками Дробыш, которому до этого неоднократно приходилось убеждаться в том, что все свои угрозы его коллега обычно выполняет. — В общем, этот парень давно числится в нашей картотеке. Это — некто Мякотин Олег Евгеньевич, 1972 года рождения, уроженец небольшого городка в Западной Сибири. В свое время учился в институте физкультуры в Новокузнецке, но затем бросил его и перебрался в Москву. В наше поле зрения попал в январе 1993 года, когда был осужден на два года за хулиганство. Отсидев свое, судя по всему, вновь вернулся в Москву. Какого рожна он оказался на квартире у Яши-инвалида, пока не ясно.

— Это тебе не ясно, — поправил его Громов.

— А тебе, значит, ясно? Конечно, ты ведь до сих пор уверен, что он искал этого спортсмена. А вдруг ты ошибаешься? Я лично продолжаю думать, что серьезных доказательств того, что сибиряк приходил к инвалиду по душу твоего спортсмена, нет. Может быть, у них с Яшей были какие-то свои дела? И в этом случае твоя версия уведет нас в другую сторону.

— А ты по-прежнему хочешь свернуть к казанским? — спросил Громов. — Говорю тебе, не было у них никакого резона убивать Мудреца. Им бы сейчас со своими проблемами как-то разобраться, а не вешать на себя такую головную боль, как убийство вора в законе. И потом — два дня с момента убийства прошло, а «обратки» со стороны коллег Леонова нет. Значит, и они не лажанулись и в подброшенный трупешник не поверили.

— Ну, это еще ни о чем не говорит. Все-таки два дня — срок не такой большой, — продолжал возражать Дробыш, но в его голосе уже не слышалось былой уверенности.

После этого в кабинете повисла пауза, которую первым нарушил Дробыш.

— Что будем делать теперь? — спросил он коллегу.

— Жить и работать, как завещал великий Ленин, — сострил Громов. — Надо пробивать этого сибиряка дальше. Зайди к коллегам из отдела «А» и проверь — не стоит ли он у них на оперативном учете. А я пока с одним человечком встречусь и кое о чем его расспрошу.

Человеком, о котором говорил Громов, был его секретный агент «Стрела». В миру это был трижды судимый вор-рецидивист Коровянский Евгений Игнатьевич, 1954 года рождения, уроженец города Москвы. Работать на МУР он начал еще в середине восьмидесятых и за это время сменил нескольких хозяев. С Громовым судьба свела его несколько лет назад при следующих обстоятельствах. В начале девяностых, когда в МУРе были не самые лучшие времена, прежний хозяин «Стрелы» бросил его на произвол судьбы, и Коровянский на несколько лет исчез из поля зрения органов. Однако, когда он вновь дал знать о себе, его прежнего хозяина уже не было в живых — он погиб во время одной из операций, обезвреживая особо опасного преступника, и личное дело агента переключалось в руки Громова. В отменных профессиональных качествах своего нового источника тому удалось убедиться довольно скоро — именно благодаря информации, добытой Коровянским, Громов с коллегами в короткие сроки раскрыл убийство известного банкира Линариса.

Встречи Громова со «Стрелой» каждый раз проходили в разных местах и всегда сопровождались соответствующими мерами предосторожности. Среди этих мест неоднократно фигурировали безлюдные аллеи парков, выселенные дома и гостиничные номера. Однако на этот раз Коровянский выбрал для встречи неожиданное место — свою голубятню в Черкизово. На удивленную реплику Громова: «Почему вдруг там?» — Коровянский ответил весьма убедительно:

— Меня два дня не было в городе. А голуби, как люди, — тоже скучают.

Любой другой человек мог отнестись к подобному доводу как к причуде, но только не Громов. За несколько лет знакомства он успел достаточно изучить характер агента и научился с пониманием относиться к его увлечению. Коровянский это ценил, что придавало их отношениям дополнительную прочность.

Учитывая, что однажды Громову уже доводилось посещать голубятню, найти ее вновь не составило для него особого труда. Припарковав машину на соседней улице, он дворами дошел до голубятни и, удостоверившись в наличии условного знака — вывешенного из-за решетки на короткой палке белого платка,

означавшего «добро» на встречу, поднялся по деревянной лестнице наверх.

Коровянский сидел на небольшой скамеечке с зажатым в ладонях голубем. Увидев гостя, он освободил ему место на скамейке рядом с собой и кивком головы предложил присесть.

— Познакомься, Громов, — моя любимая голубка, — произнес Коровянский, показывая сыщику птицу. — Была еще одна любимица, но ее вчера сокол забил.

— Откуда здесь соколы? — удивился Громов.

— На Лосином Острове соколиный клуб работает, вот оттуда они к нам и залетают. Я Пашке — пацану, которому в свое отсутствие голубятню оставил, — уезжая, сказал: «Смотри, гаденыш, головой за моих голубок отвечаешь». А он не уберег. Правда, двух почтарей чешских поймал, но разве они могут заменить мне голубку? Знаешь, какая у нее любовь была с одним из моих русских почтовых? А спаривать их нельзя — голубка-то крестовая — дворняжка получится. Я ее и отсаживал от него, и домой забирал — все впустую. И вот на те — погибла. Теперь он без нее совсем затоскует.

Произнеся этот грустный монолог, Коровянский поднялся с лавки и отнес птицу в клетку. Вернувшись назад, он присел на прежнее место и спросил:

— Ты заметил, Громов, что в Москве стало меньше голубей?

— Разве? — удивился Громов. — Интересно, почему? Соколы виноваты?

— Если бы это сделали соколы, было бы не так обидно. Природа, как известно, пустоты не терпит. А здесь наш брат человек постарался. Есть целые группы мошенников, которые лазают по московским чердакам, собирают голубиные яйца и затем продают их как перепелиные.

— Разве их яйца похожи на голубиные?

— По форме — да. А внешний вид они с помощью краски изменяют. Методом набрызга. Вот, смотри. — Коровянский нагнулся и достал из-под лавки небольшую картонную коробку с красивой этикеткой, на которой крупными буквами была выведена надпись: «Яйца перепелиные». Коровянский приподнял крышку и Громов увидел внутри коробки ровно уложенные в ряд яйца.

— Эти гады так наловчились их красить, что даже опытный голубятник с первого взгляда не определит подделку, — продолжил свою речь Коровянский. — Это можно сделать, только бросив яйцо в кипяток, — если вода окрасится, значит, перед тобой фальшак. Как этот. — И он продемонстрировал одно из яиц, которое по цвету отличалось от своих собратьев.

— Но какая выгода подделывать одни яйца под другие? — спросил Громов.

— Дело в том, что перепелиные яйца, в отличие от голубиных, очень полезны для здоровья — хорошо лечат язву, анемию, помогают от высокого давления, поэтому и цена на них соответствующая. — Положив яйцо в коробку, Коровянский вновь отправил ее под лавку, после чего мрачно резюмировал: — Правильно в песне Танича поется: «Птицы в клетке, а на воле — воронье».

— Танич знает, что пишет, как-никак сам сидел, — согласился со своим собеседником Громов. — Кстати, о воронье. В твоё отсутствие кто-то из снайперской винтовки смертельно клюнул вора в законе Леонова. Слышал об этом?

— Еще бы, — согласно кивнул головой Коровянский.

— Ну и какие мысли на этот счет?

— Мыслей много, но какая из них верная, сказать трудно, — пожал плечами Коровянский. — Братва до сих пор пока не определилась, на кого эту мокруху повесить.

— А как же казанские? Ведь труп одного из их киллеров нашли недалеко от места убийства?

— Туфта все это, — небрежно махнул рукой Коровянский. — Кого такой дешевкой купить хотели, до сих пор понять не могу. Вас, ментов, что ли?

— Положим, я на нее как раз не купился, — внес необходимую поправку в рассуждения собеседника Громов.

— Так то — ты. Но среди вашего брата сегодня столько дебилов развелось, что просто диву даешься. В былые годы такого не было.

— Что поделаешь, Женя, мельчает народ. Однако и ваш брат уголовник не тот нынче пошел, коли таких людей, как Мудрец, отстреливает. Кто же у вас за порядком приглядывать будет?

— Не сыпь соль на рану Громов. Сам поражаюсь тому, что происходит. Молодняк прет наглый, ни с какими законами не

считается. Да и воры многие совсем совесть потеряли. За бабки мать родную продадут. Мудрец таким не был.

— Согласен, хотя идеализировать его не буду, — возразил Громов. — Но мы отвлеклись. По-твоему, кому выгодно было его убрать? Много таких было?

— Не очень. Мудрец ведь умный был и конфликтов старался избегать.

— Женя, ты меня поражаешь. Что значит жить без конфликтов в наше конфликтное время? К тому же шибко умных людей везде не любят. Классику помнишь — «Горе от ума»? Даже у нас в МУРе к ним относятся настороженно. Разве у вас не так?

— Так. Однако Мудреца уважали без понтов. Завтра будут похороны на Ваганьке — увидишь, сколько народу со всех концов съедется. А знаешь почему? В нем стержень был. Он никогда не шел против своих принципов. Взять хотя бы тот же общак. Не счесть воров, держателей общака, которые используют их в личных целях — профукивают в казино, на бабах и так далее. Мудрец же ни копейки на личные нужды не взял. Говорил: «В первую очередь — грев для зоны». Ты видел квартиру, в которой он жил? Вполне обычная «трешка».

— Женя, о личных качествах господина Леонова я слышал достаточно, — перебил страстную речь собеседника Громов. — Меня занимает другое — кто его грохнул. Вот ты упомянул про общак, который он держал и за которым жестко следил. Разве за это его не могли «заказать»?

— Не думаю. Ни с одним из воров у Мудреца серьезных конфликтов не было.

— Разве? А с кавказскими?

— Вспомнил! Когда это было — год назад. За это время столько воды утекло. Говорю тебе — с ворами у Мудреца не было конфликтов, из-за которых ему могли намазать лоб зеленкой.

— Тогда с кем были?

— В основном с молодняком. Причем сам он никогда этого не скрывал. Ты — знаешь, какую книгу он читал незадолго до смерти?

— Какую? Ленин, том пятьдесят второй?

— Сам ты — Ленин. Про американскую мафию.

— А ты откуда знаешь?

— Я был у него дома месяц назад и увидел ее на его ночном столике. Спрашивать у него я ничего не стал, но то место, где он закладку оставил, открыл. А там сплошные подчеркивания. Запомнил я страницу, и на следующий день — в книжный магазин. Купил такую же книгу и дома стал читать. Так знаешь, какие места он на той странице выделил? Про зипсов. Знаешь, кто это такие?

Громов пожал плечами.

— Это молодые мафиози из Сицилии, которых старые боссы мафии выписывают для своих нужд в Америку. А началось это в середине семидесятых, когда старики столкнулись с серьезной проблемой — появлением в мафии так называемых «уайз гайз», или «умников». Этот молодняк, сплошь состоящий из уроженцев Штатов, ни во что не ставил стариков мафиози и стал теснить их в криминальном бизнесе. Благодаря «умникам» мафия стала разлагаться изнутри, ведь молодняк не подчинялся никаким законам, в грош не ставил те традиции и нравы, которые десятилетиями складывались внутри мафии. Кроме этого, многие из «умников» охотно становились стукачами у ментов, вернее у копов.

Поначалу старики мафиози думали справиться с ними своими силами, однако вскоре поняли, что дело — вилы. И тогда кто-то из них предложил: надо сравить «умников» с молодняком из Сицилии. Это был гениальный ход. Почему? Во-первых, сицилийцы патриархальны и ради своего хозяина готовы пойти на все, а во-вторых, в отличие от «умников», никто из них не был засвечен полицией. В итоге зипсы стали постепенно отвоевывать у «умников» их позиции — сначала взяли на себя уличные разборки, затем перешли к более серьезным делам — угон тачек, вымогательство, рэкет, «заказуха» и так далее. Старики не могли на них нарадоваться, потому что эти молодые «итальянос» выполняли любые их приказы, были покладисты и учтивы. К тому же они очень дешево обходились своим хозяевам. Однако так было лишь до поры до времени.

Когда зипсы вкусили власти и денег, их поведение резко изменилось. Им захотелось большего и они стали теснить не только «умников», но и самих стариков. В итоге те взвыли, но теперь уже от тех, на кого совсем недавно молились. Они внезапно поняли, что времена изменились и даже молодежь, рожденная на Сицилии, не застрахована от порчи.

— Каково же резюме у твоего рассказа? — после того как Коровянский замолчал, спросил Громов.

— Резюме простое: нас ожидает то же самое.

— Не нас, а вас, — поправил его Громов. — У нас в МУРе никаких зипсов нет, только чипсы иногда сотрудники приносят.

— Неуместная шутка, Громов. Когда в начале девяностых в криминал попер молодняк с одной извилиной в башке, взвыли все — и в зоне, и в МУРе, везде. Я не прав?

Громов предпочел не отвечать на этот вопрос, однако по его обескураженному лицу было видно, что с выводом Коровянского он согласен.

— Однако хорошо бы вновь вернуться к главной теме нашего разговора — к покойному Мудрецу, — вновь напомнил собеседнику цель своего прихода Громов.

— А мы никуда от этой темы и не уходили. Я ведь почему вспомнил про книгу, которую он читал? Потому что его эта проблема с молодняком сильно доставала. Он еще год назад встречался с несколькими крупными авторитетами, которые перетягивали в Москву боевиков из провинции, и предупреждал их о возможных последствиях таких действий. Говорил им: «Братва, сегодня эти пацаны работают на вас, однако, как только встанут на ноги, вас же и замочат». С тем же Сильвестром что стало? Поднял курганских, а они же его потом и грохнули.

— Ты хочешь сказать, что и Мудреца кто-то из них замочил? — удивленно спросил Громов.

— Вполне вероятно.

— Кто именно?

— Если бы я знал, — развел руками Коровянский. — У меня же за душой одни лишь догадки.

— Так поделись ими со мной. Я ведь к тебе за этим и пришел. Итак — кто?

Однако Коровянский ответил не сразу. Попросив Громова подождать, он ушел к своим голубям, чтобы дать им корма. Через несколько минут он вернулся и, присев на лавку, как ни в чем не бывало продолжил прерванный разговор:

— Я грешу на двоих: Тимошу и Севу Шумского.

— Причины?

— Разные. К примеру, Тимошу воры короновать собирались, а Мудрец это дело зарубил. Сказал: рано еще парню в законниках ходить, пусть поумнеет. Кому такое понравится?

— Резонно. А Шумский какой зуб на него имел?

— Я думаю, что с ним они могли из-за наркотиков схлестнуться. Ты про Мейера Лански слышал? — задал неожиданный вопрос Коровянский.

— Еще бы — гений американской мафии! — не ударил лицом в грязь Громов. — Только при чем он здесь?

— При том. Я в той же книжке про мафию вычитал одну интересную деталь из его биографии. Оказывается, он еще в молодости влюбился в проститутку, которую у него на глазах убили местные братки. И он с тех пор дал себе слово никогда ни в каком виде не иметь дело с проституцией. И слово свое сдержал — даже став боссом мафии, никогда не зарился на доходы проституток. Так вот, и у Мудреца тоже было свое табу — он старался не иметь дело с наркотиками. Ты ведь слышал, что его пятнадцатилетний племянник пять лет назад обкололся и сиганул с двенадцатого этажа? Мудреца с тех пор на этом деле и заклинило. А Шумский собирался завалить Москву самой дешевой «дурью». Зная о том, как Мудрец на это среагирует, он вполне мог дать отмашку своим зипсам.

— Каким зипсам? — удивился Громов.

— Я же говорю — своим. На Шумского работает целая команда молодых бойцов родом из Сибири. Он их специально в Москву перетащил для разовых акций. Кстати, и Мудрец об этом знал. Ты в Сибири был когда-нибудь?

— К сожалению, нет.

— А я там сидел. В тех краях многие города окружают лагеря, тюрьмы и поселения. Тамошний молодняк с детства не в войну играет, а в ментов и зеков. Помню, однажды иду по городу и вижу: в песочнице детишки строят из песка не куличики, а зону — с бараками, вышками, колючей проволокой. Рядом сидит седой дедушка и консультирует мелюзгу: «Сынок, вот тут неправильно — здесь КПП должен стоять, а тут — запретная зона». Поэтому тамошняя молодежь к блатной романтике, как нигде, адаптирована. Однако пацаны там разные, но Шумский себе специально самых отмороженных выписал. Для них человека грохнуть, что высморкаться — сделают и не заметят.

В этот момент на лестнице послышались чьи-то шаги. Коровянский сделал жест рукой и показал Громову, куда надо спрятаться — в небольшой закуток в глубине голубятни. Сам же отправился встречать нежданного гостя. Как оказалось, это был соседский парнишка Пашка, который принес Коровянскому корм для голубей. Передав его хозяину, пацан ушел, даже не заглянув внутрь. Едва его шаги на лестнице стихли, Громов вышел из своего убежища. Коровянский стоял у небольшого шкафчика и аккуратно складывал туда пакеты с кормом.

— Много жрут твои питомцы? — спросил Громов.

— Много: две литровые банки в день. А корм нынче стоит недешево.

— А сами голуби дорогие?

— Всякие есть. Самый дешевый обошелся мне в тридцатку. Но я знаю одного «нового русского», у которого есть голубь за шестьдесят тысяч баксов.

— А отдача?

— Материальная, что ли? Никакой. Только одна радость. К тому же голуби хорошо снимают стрессы, давление. Актера Павлова знаешь? Ну, он еще бандита играл в «Адъютанте его превосходительства»? Так вот, он голубятню держит на крыше Малого театра, в котором играет. По его мнению, души умерших актеров, игравших когда-то в театре, переселились в его голубей. Красивая теория.

Кстати, и Мудрец голубей тоже очень любил. Знаешь, какую фразу из Библии он часто повторял? «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби». Может быть, и его душа теперь переселилась в какую-нибудь из этих птиц — в монаха или пермяка? Как думаешь?

Громов ничего не ответил — его голова в этот момент была занята совсем другими мыслями.

ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ В ГОРОХОВСКИЙ

Кадилин стоял у входа в ВВЦ и внимательно всматривался в каждую проезжавшую мимо машину. В руках у него был полиэтиленовый пакет, в котором лежала злополучная видеокассета. В нескольких десятках метрах от того места, где он стоял, у кромки тротуара притулилась темно-синяя «Нива», в которой сидели его приятели, не спуская с него глаз. Однако время шло, а тот, кого они с таким нетерпением ждали, не появлялся.

Несмотря на будний день, народ толпой валил на выставку. Но если в былые годы люди спешили сюда с одной целью — провести время в приятном отдыхе, то теперь все было иначе. С тех пор как на выставке открыли торговые павильоны, подавляющая часть посетителей шла сюда с одной целью — затовариться аппаратурой, одеждой, мебелью. Исчезая за воротами выставки, люди через некоторое время уже шли назад, сгибаясь под тяжестью всевозможной поклажи — картонных коробок, огромных баулов, пакетов.

Глядеть на этих людей Кадилину было странно. С удивлением он отметил про себя, что практически не видит среди них детей, которых совсем недавно на выставке было очень много. Видимо, наличие бойких торговцев отбило охоту у большинства москвичей приходить сюда семьями. Кадилин и сам, будь он семейным человеком, остерегся бы это делать. Когда десять лет назад вместе с женой и дочерью он был на выставке, здесь была совсем иная обстановка. Он помнил практически каждую деталь того дня. Толпы людей шли от станции метро к входу на выставку, из репродукторов раздавалась бодря музыка, и буквально на каждом шагу стояли палатки, в которых торговали мороженым, воздушными шарами и другой всячиной, так обожаемой детьми. А что теперь? Никакой музыки нет и в помине, а путь от метро до выставки оккупировали нахрапистые наперсточники.

С интересом вглядываясь в лица людей, проходивших мимо, Кадилин настолько увлекся этим занятием, что не заметил, как рядом с ним притормозила шикарная «Ауди-100». Едва иномарка остановилась, как ее заднее боковое стекло поползло вниз и наружу выглянуло лицо седого господина в темных очках. В течение

нескольких секунд он внимательно наблюдал за Кадилиным, после чего окликнул по имени. Футболист обернулся и, несмотря на наличие темных очков, сразу узнал в окликнувшем его мужчине человека, которого ждал. Стараясь не выдать своих чувств, Кадилин не спеша направился к иномарке.

— Опаздываете, Аркадий Петрович, — пожурил он мужчину, когда вплотную приблизился к машине.

Тот не стал оправдываться и с ходу спросил о главном:

— Кассета с тобой?

— А деньги при вас? — спросил в свою очередь Кадилин.

Вместо ответа мужчина открыл дверцу автомобиля и жестом пригласил Кадилина занять место рядом с собой. Футболист в течение нескольких секунд обдумывал это приглашение, пытаясь сообразить, нет ли здесь какого-либо подвоха. Однако, заметив, что в машине кроме чиновника и водителя никого больше нет, решил принять приглашение. Когда он уселся и захлопнул дверцу, его визави спросил:

— Итак, кассета с тобой?

— Аркадий Петрович, я — человек слова. — И Кадилин похлопал ладонью по пакету, который лежал у него на коленях. — Теперь дело за вами.

— Я тоже привык свое слово держать. Однако везти столь крупную сумму через весь город я посчитал делом достаточно рискованным. Это — во-первых. А во-вторых, где гарантия, что на этой кассете записано именно то, о чем ты говорил? Мне нужно лично в этом убедиться.

— И что вы предлагаете?

— Поехать ко мне и там уладить наши проблемы. Как только я удостоверюсь в том, что кассета подлинная, я тут же отдам тебе твои деньги.

Кадилину вновь пришлось решать сложную дилемму. Думал он не долго. Посчитав, что претензии партнера вполне резонны, он согласился с его предложением. Едва он произнес это вслух, как машина тут же тронулась с места. В зеркальце Кадилин заметил, как им в «хвост» пристроилась «Нива» с его приятелями, и у него окончательно отлегло от сердца.

В течение нескольких минут пассажиры «Ауди» сидели молча, занятые каждый своими мыслями, пока наконец тишину первым не

нарушил Аркадий Петрович.

— Чем же ты занимаешься, Сергей? — спросил он у футболиста.

— Представьте себе — ничем. Бомжую.

— Как же это получилось?

— Долгая история. А вы почему меня об этом спрашиваете — из любопытства?

— Не только. Может быть, я тебе помочь хочу?

— А я в вашей помощи не нуждаюсь. У нас с вами на этот раз чисто деловые отношения: я вам предлагаю товар — вы его покупаете. Если сделка состоится, считайте, что вы мне уже помогли.

— Однако можно договориться иначе. Ты отдаешь мне кассету, а я помогаю тебе устроиться на работу, помогу с квартирой.

— Вы мне однажды уже помогли — оставили телефон, а сами скрылись. Как я могу вам после этого доверять?

— Но сейчас обстоятельства изменились. Не в моих интересах тебя теперь отфутболивать.

— Бросьте, Аркадий Петрович. Вы всю жизнь только этим и занимались. Я ведь вас знаю почти второй десяток лет. Достаточное время для того, чтобы сделать определенный вывод.

— Каков же он?

— Я уже говорил вам сегодня — не лестный. Для вас люди всегда были всего лишь строительным материалом, из которого вы возводили свое благополучие. Слабых вы презираете. К примеру, стоит мне только поверить вам, дать слабину, и вы тут же меня сожрете. Разве не так?

Как и следовало ожидать, этот вопрос остался без ответа — отвернувшись от собеседника, чиновник уставился в боковое окно автомобиля. В салоне повисла гнетущая тишина. Наконец Кадилину надоело молчать и он вновь обратился к своему собеседнику:

— Удивительное дело, Аркадий Петрович, за последние пятнадцать лет столько футболистов сменилось на зеленых полях, а вы по-прежнему в руководителях ходите. Вы, как и Колосков, какой-то непотопляемый.

— Значит, нужда есть в таких, как я, — ответил чиновник.

— Да какая к черту нужда! Просто в аппаратных интригах вам нет равных. Сами же вы никогда не уйдете со своего поста, поскольку хорошо с этого дела кормитесь — присосались к деньгам, которые

поступают к вам из-за кордона. Тех же ФИФА или УЕФА. И ведь что поражает — где-нибудь на Западе таких, как вы, за то, что футбол угробили, давно бы с работы сняли, а у нас вы по-прежнему на коне. Идиотизм, да и только! Вы же публично обещали, что наша сборная достойно выступит и на чемпионате мира, и на чемпионате Европы. Где же обещанный результат?

— Мы проиграли по объективным причинам. Ты же знаешь, что на чемпионате Европы мы попали в «группу смерти», где нашими соперниками были немцы и итальянцы.

— Не спорю, обе сборные — серьезные противники. Но ведь там была еще сборная Чехии, которую мы были обязаны обыграть. А мы с ней вничью сыграли. В конце концов именно чехи вышли в четвертьфинал, а мы — нет.

А на чемпионате мира что произошло? Ладно, мы проиграли фавориту — сборной Бразилии. Но шведам-то почему уступили? Да, конечно, Камерун мы натянули со счетом 6:1! Однако эта победа была как мертвому припарка — дальше чемпионат продолжался без нас. Какие теперь обещания последуют?

— Мы всерьез рассчитываем выиграть путевку на финальный турнир чемпионата мира во Франции, — ответил чиновник. — Мы считаем, что такие шансы у нашей сборной есть.

— Ха-ха, — рассмеялся Кадилин. — Опять за старое: есть шансы. Уж сколько раз вы подобные речи говорили, а воз и ныне там. Я читал, что в некоторых африканских племенах колдунов, прогнозы которых не сбывались, в огонь бросали. Вот если бы у нас ввели подобную меру для таких, как вы, может быть, тогда наш футбол сдвинулся бы с мертвой точки. А то взяли моду — сборная проиграла, а снимают тренера. Сколько их у нас за эти годы было: Бышовец, Садырин, Игнатьев, Романцев. Сколько же это будет продолжаться?

— Ты судишь, как обыватель, который абсолютно не понимает сути проблемы, — пытался защититься чиновник. — А ведь не все так просто.

— Конечно, не просто. За эти годы вы столько проблем создали — годы не расхлебать. Футбольный союз грызется с футбольной лигой, судьи с инспекторами, игроки с тренерами и так далее и тому подобное.

Вы как-то сетовали в газете, что трудно стало заполучить легионеров в сборную, мол, у них начисто отсутствует желание играть за родину. Ловко вывернулись, по-вашему получается, вы, чиновники, патриоты, а игроки нет. Все в дерьме, а вы — в белом. Но это же ложь. Именно такие, как вы, сделали все возможное, чтобы ребята перестали стремиться играть за сборную. Они ведь не дураки, прекрасно все понимают и видят. Футбол для вас — всего лишь средство для извлечения собственной выгоды, а футболисты — оловянные солдатики, которых вы двигаете в зависимости от собственного интереса. Разве не так?

Ответа на свой вопрос Кадилин так и не услышал. Как раз в это время машина подъехала к подъезду многоэтажного дома и водитель заглушил мотор. Чиновник первым вышел из автомобиля и, даже не пригласив Кадилина следовать за собой, направился к подъезду.

Выйдя из машины следом за ним, футболист оглянулся и увидел, как во двор медленно въехала «Нива» с его компаньонами. Вполне удовлетворенный этим обстоятельством, Кадилин отправился следом за чиновником. Он нагнал его возле лифта, в котором они поднялись на четвертый этаж, причем в полном молчании.

Как и предполагал Кадилин, квартира чиновника представляла из себя весьма роскошное зрелище: несмотря на то что хозяин не стал водить гостя по всем комнатам, даже по одной из них, в которой они оказались, можно было судить о всем жилище в целом. Изысканная мебель, пластиковые окна, исправно работающий кондиционер и другие прибабасы говорили о хорошем достатке хозяина квартиры. Однако телевизора и видеомэгнифона в этой комнате не было, поэтому чиновник, взяв у футболиста кассету, удалился в другую, а гостя попросил подождать.

Оставшись в одиночестве, Кадилин не стал терять времени даром, а подошел к окну, выходящему во двор. Ему требовалось сообщить приятелям, оставшимся внизу, точные координаты своего местонахождения, что он и сделал. Стоявший возле «Нивы» пучеглазый, заметив в окне компаньона, тут же известил его об этом легким кивком головы.

Хозяин квартиры все не объявлялся, и Кадилин, чтобы убить время, принялся внимательно изучать интерьер комнаты. Вскоре его внимание привлекла большая цветная фотография, которая стояла на

видном месте — на журнальном столике. На снимке была изображена семья чиновника — он сам, жена и двое детей. Лица всех изображенных на снимке людей светились от счастья, но особенно довольным выглядел глава семейства, который, глядя в объектив, заразительно смеялся. Эта фотография смутила Кадилина, который, зная о тайных наклонностях чиновника, теперь с удивлением взирал на его счастливых домочадцев.

В этот момент в комнату вернулся хозяин квартиры, и Кадилин, не увидев в его руках ни кассеты, ни кейса с деньгами, вопросительно уставился на него.

— Так ты говоришь, что никому не показывал эту пленку? — спросил чиновник у гостя.

— Никому.

— Это хорошо, — с удовлетворением отметил хозяин квартиры и жестом пригласил гостя сесть в кресло, стоявшее возле журнального столика.

— А где деньги? — опускаясь в кресло, спросил Кадилин.

Прежде чем ответить, чиновник в течение нескольких секунд не сводил глаз с футболиста, после чего внезапно спросил:

— А куда тебе столько денег, Сергей? Что ты собираешься с ними делать?

— Какое вам дело до этого? — удивился Кадилин.

— Просто любопытно, что ты будешь делать с такой прорвой денег?

— Вы мне их отдайте, а уж я найду, как их применить. Итак, где деньги?

— Понимаешь, Сергей, их нет. Помнишь наш разговор в машине? Так вот, я вновь предлагаю тебе за эту кассету свою помощь в деле твоего обустройства.

— И как вы себе представляете мое дальнейшее обустройство? — из чистого любопытства спросил Кадилин.

— Ну, например, я постараюсь устроить тебя на какую-нибудь работу. Манны небесной, конечно, не обещаю, но каким-нибудь рабочим на склад спортивного инвентаря устроить могу. Пробью тебе комнату в общежитии. Документы у тебя есть?

— Нет, только справка.

— Плохо. Но я и здесь постараюсь тебе помочь — у меня есть свои завязки в милиции, так что паспорт ты получишь. Ну, как — неплохая перспектива для бомжа?

Нарисованная чиновником картина действительно сулила Кадилину неплохие перспективы, и в другой ситуации он бы, может, на нее и согласился. Однако в нынешней ситуации, когда за спиной футболиста стояли еще двое компаньонов, она была абсолютно нереальной. К тому же Кадилин прекрасно знал человека, с которым имел теперь дело, и сильно сомневался в его честности. Заполучив в свои руки вожделенную кассету, он может попросту навешать ему на уши лапшу и не выполнить ни одно из своих обещаний.

— Что же ты решил, Сергей? — первым прервал затянувшуюся паузу чиновник.

— Я решил взять деньги, — ответил Кадилин. — Спросите почему? Объясню. Во-первых, как я уже говорил, ваши обещания стоят недорого, а во-вторых, с этими деньгами я и без вас смогу благополучно устроиться. Так что не тратьте напрасно времени.

Однако, несмотря на эти объяснения, хозяин квартиры продолжал тянуть время и за обещанными деньгами идти не торопился.

— Что же вы медлите? — не выдержал Кадилин. — Или передумали? Если так и наша сделка не состоялась, верните мне кассету. Я найду для нее более сговорчивого покупателя.

Чиновник внезапно рассмеялся:

— Наивный ты человек, Сергей! Неужели ты думаешь, что, получив такую запись, я верну ее тебе? Ис-клю-че-но!

— Значит, вы с самого начала разыгрывали передо мной спектакль?

— Что-то вроде этого.

— Но я ведь могу проболтаться об увиденном. Этого вы не боитесь?

— Нисколько. Ты ведь всего лишь бомж и веры твоим словам — ноль. Знаешь такую поговорку: «Собака лает, ветер носит»?

— Это я — собака? — Кадилин вскочил с кресла и сжал кулаки. — Верни кассету, падла, иначе я за себя не ручаюсь.

В это мгновение дверь соседней комнаты отворилась и из нее вышел шкафоподобный мужик в рубахе с засученными рукавами. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы оценить его

физические возможности — под рубашкой играли бицепсы, а кулаки были похожи на пивные кружки.

И все же несмотря на заметное превосходство противника, сдаваться без боя Кадилин не собирался. Едва чиновник приказал своему «шкафу» выкинуть гостя взащей из квартиры, футболист схватил с пола огромную вазу с искусственным цветком и бросил ее в нападавшего. Однако тот проявил отменную реакцию, вовремя пригнулся и ваза, пролетев над его головой, ударилась о стену. Раздался оглушительный грохот, который буквально потряс квартиру. В следующую секунду Кадилин метнулся в сторону, однако верзила успел схватить его за ворот рубахи и опрокинул на диван. Падая, футболист сумел изловчиться и, выбросив вперед правую ногу, впечатал ступню в грудь противника. Не ожидавший удара, тот оступился и рухнул на журнальный столик. Новый грохот, не менее сильный, чем предыдущий, потряс помещение.

Тем временем Кадилин вскочил на ноги и попытался выбежать в коридор. Однако у него на пути вырос хозяин квартиры, силы которого футболист явно недооценил. Понимая, что в открытом бою справиться с более молодым соперником ему не удастся, чиновник пошел на хитрость — он бросился ему в ноги и, вцепившись в них обеими руками, заставил Кадилина упасть на пол. Этих мгновений вполне хватило верзиле, который, поднявшись на ноги, в три прыжка настиг футболиста и обхватил его шею «замком». Причем в порыве злости он не рассчитал своих сил и сомкнул руки настолько сильно, что уже через несколько секунд его противник вырубился. Последнее, что зафиксировало сознание футболиста, был шум в коридоре и чей-то истошный крик: «Стоять! Всех перестреляю!»

Как оказалось, это кричал пучеглазый. Прождав компаньона на улице около десяти минут, они с Семой поднялись на четвертый этаж и, встав у двери квартиры чиновника, стали внимательно прислушиваться к тому, что происходит внутри. Услышав грохот разбившейся вазы, они поняли, что их компаньон попал в беду, и бросились ему на выручку. Пучеглазый с помощью отмычки легко справился с замком в двери и, выхватив из-за пояса пистолет, переданный ему на хранение Калининым, ворвался в квартиру. Появление вооруженного человека мгновенно внесло коррективы в

ситуацию — победители тут же превратились в побежденных. Но дальше произошло неожиданное.

Едва верзила отпустил Кадилина и поднялся на ноги, как пучеглазый опустил руку с пистолетом и с удивлением спросил:

— Гера — ты?

Верзила ответил на этот вопрос не менее удивленным восклицанием:

— Вовчик?!

Следом за этим произошла сцена, которая напомнила всем присутствующим эпизод исторического братания русских и американских солдат, запечатленный в фильме «Встреча на Эльбе», — верзила заключил пучеглазого в свои объятия и принялся подбрасывать его в воздух. Эта сцена длилась примерно полминуты, до тех пор, пока лежавший без движения на полу Кадилин внезапно не очнулся и не застонал. Едва это произошло, пучеглазый тут же вырвался из медвежьих объятий верзилы и склонился над футболистом.

— Серега, ты живой? — спросил он у компаньона и, получив утвердительный ответ, повернул свое возмущенное лицо к верзиле: — Ты что, Гера, сотворил с моим приятелем, а?

— Дык откуда же я знал, что он твой кореш? — удивленно развел руками верзила.

— Да ты знаешь, блин, на кого ты руку поднял? — продолжал возмущаться пучеглазый. — Это же сам Серега Кадилин — «звезда» «Спартака»! Ты же сам мне на зоне говорил, как в свое время от его игры тащился! А теперь его чуть не угробил!

Услышав имя недавнего кумира миллионов болельщиков, который всего лишь пять минут назад едва не отдал Богу душу в его стальном «замке», верзила опустился на одно колено и осторожно приподнял опущенную на грудь голову футболиста. Вглядевшись в лицо, которое каких-то десять лет назад глядело со всех постеров, верзила воскликнул:

— Точно — Кадилин!

— А ты думал кто? — спросил пучеглазый и даже легонько пнул верзилу ногой.

— Откуда же я знал, что это он? — поднимаясь с колен, попытался оправдаться верзила. — Ты же меня знаешь, Вовчик, разве

я бы стал мордовать своего спартаковского кореша?

— Ладно, успокойся, — осадил своего приятеля пучеглазый. — Ты лучше расскажи мне, как ты здесь оказался?

— Дык работаю я здесь.

— Кем работаешь?

— Охранником.

— У этого пидора? — спросил пучеглазый и ткнул пальцем в сторону хозяина квартиры, который все это время безучастно подпирал стену.

— Почему пидора? — возмутился верзила. — Аркадий Петрович весьма уважаемый человек. Большими делами заправляет в нашем спорте.

— Знаем мы, какими он делами заправляет, — ухмыльнулся пучеглазый. — Ты кассету видел, на которой его двое мужиков в дежку долбят?

— Врешь? — выдохнул верзила.

— Когда я тебе врал, Гера? То-то же. А про кассету ты у хозяина спроси, он тебе и ответит.

Верзила повернулся к хозяину, который стоял ни жив ни мертв у него за спиной, и спросил:

— Это правда?

Чиновник в течение нескольких секунд колебался, после чего наконец утвердительно кивнул головой.

— Я же тебе говорил! — злорадно воскликнул пучеглазый. — Интересно, что он тебе про нас наплел?

— Сказал, что какой-то шантажист требует с него денег, — ответил верзила.

— Про шантажиста он тебе правильно сказал, — согласился пучеглазый. — Однако умолчал, гнида, чем мы его шантажируем. Видимо, рассчитывал, что ты и без объяснений выгонишь футболиста взашей. И ведь выгнал бы, если бы мы под дверью не стояли! Но мы на тебя, Гера, не в обиде — он же тебя втемную использовал. — И пучеглазый в знак окончательного примирения похлопал верзилу по плечу.

В это время Кадилин наконец пришел в себя и с помощью стоявшего рядом Семы поднялся на ноги.

— Ну и хватка у тебя, — потирая шею, обратился он к верзиле.

— Так он же борцом был когда-то, — внес необходимое пояснение пучеглазый. — Выступал за «Спартак», правда в Воронеже. Валерий Геращенко! Не слышал про такого?

Кадилин пожал плечами.

— Зато он тебя хорошо знает, — продолжал свой монолог пучеглазый. — Когда мы с ним на зоне сидели, он мне все уши прожужжал про то, как он любит тебя, Черенкова и Хидиятуллина. Верно, Гера?

Верзила в знак согласия кивнул головой. Затем подошел к Кадилину и, протянув ему свою ладонь, сказал:

— Дай пять, Кадило, и прости за грубость.

Футболист не смог отказать своему бывшему одноклубнику и с удовольствием пожал протянутую ладонь.

— Однако что будем с этой жилой делать? — спросил пучеглазый, указывая пальцем на хозяина квартиры. — Кассету он получил, а бабоньки отдавать не хочет. Или уже хочет?

Под устремленными на него взглядами Аркадий Петрович внезапно стушевался, его лицо покрылось пятнами, и он смущенно произнес:

— Хочу.

— Тогда чего стоишь — неси.

— Дело в том, что я такие большие деньги дома не держу.

— А где ты их держишь — в банке небось?

— Совершенно верно.

— Тогда в чем дело? Сейчас поедem в банк, и ты снимешь нам причитающуюся сумму. Или ты передумал покупать у нас кассету и хочешь, чтобы ее купили другие?

— Ни в коем случае, — запротестовал Аркадий Петрович. — Только такую большую сумму нам в банке сразу не выдадут. Надо предварительно сделать заказ, который выполнят только через несколько дней.

— Через несколько дней? — удивился пучеглазый. — Ну уж нет! Я тебя, жилу, насквозь вижу — ты за эти несколько дней еще что-нибудь учудишь, только бы нам бабки не платить.

— Что же вы предлагаете? — спросил хозяин квартиры.

И тут внезапно в разговор вмешался Гера.

— У вас же есть в доме деньги, Аркадий Петрович, — обратился он к чиновнику. — В вашем тайнике.

После этих слов чиновник внезапно побледнел, на его лбу выступила испарина.

— Гера, ты — молоток! — радостно воскликнул пучеглазый. — Если бы не ты, этот гад нас бы снова кинул. Где у него тайник находится?

— Этого я не знаю, — развел руками верзила.

Тогда пучеглазый подошел вплотную к чиновнику и, глядя ему в глаза, спросил:

— Скажешь, где тайник?

Хозяин квартиры молчал.

— Ну что же, тогда мы поступим следующим образом. Видишь вон того человека? — И пучеглазый указал пальцем на стоявшего в коридоре Сему. — На своем веку он нашел десятка три самых разных тайников. Я сейчас дам ему команду, и он минут через десять не только найдет твою долбаную заначку, но и вскрыет ее, как орех. Но имей в виду, чмошник, если это произойдет — все бабки, которые лежат в твоём тайнике, автоматически перейдут к победителю. Подчеркиваю — все, а не те, что ты нам обещал за кассету. Согласен с таким условием?

Чиновник ответил практически мгновенно:

— Нет-нет, я все сделаю сам.

— Мудрое решение, — похвалил его пучеглазый и повернулся к верзиле: — Гера, если тебе не трудно, сходи, пожалуйста, с этим чмошником к тайнику и проследи, чтобы он не выкинул еще какой-нибудь фортель.

Хозяин квартиры и Гера удалились в соседнюю комнату, где находились минут пять. Когда они вернулись обратно, в руках у чиновника уже был дипломат, в котором лежали обещанные деньги. Пучеглазый принял кейс у хозяина квартиры и, удостоверившись в наличии в нем баксов, спросил:

— Сколько здесь?

— Как договаривались — сто две тысячи, — ответил чиновник.

Пучеглазый взглянул на верзилу, и тот, как бы в подтверждение слов своего хозяина, кивнул головой — мол, все правильно.

— Ну что ж, сделка состоялась, — подвел итог встречи пучеглазый. — Нам здесь больше делать нечего.

И пучеглазый первым направился к выходу. Однако у самых дверей их процессию догнал верзила, который заявил:

— Вовчик, и я с вами пойду. Мне с этим пидором дел иметь больше не хочется.

— Разумно, Гера. Но в таком случае не мешало бы и тебе получить расчет у бывшего хозяина.

— Я уже получил, — ответил верзила и в подтверждение своих слов достал из кармана «котлету» баксов.

Громов вернулся в МУР в начале третьего, и, как оказалось, весьма вовремя. Когда он вошел в свой кабинет, Дробыш уже прилаживал у себя под мышкой кобуру и собирался в дорогу.

— Как кстати ты вернулся, Громов, — радостной репликой встретил приход коллеги Дробыш. — Мне в сомовском автобусе ехать не в жилу.

— В каком автобусе? Куда ехать? — удивился Громов. — Ты толком объяснить можешь?

— Чего тут объяснять-то? Я был у ребят из отдела «А» и от них узнал, что наш жмурик с «Киевской» давно уже стоит у них на оперативном учете. Знаешь, в чью группировку он входил?

— Севы Шумского? — догадался Громов.

— Откуда знаешь? — удивился Дробыш.

— Человек один рассказал, с которым я только что встречался.

— Больше он тебе ничего не говорил?

— Сказал, что у Шумского с Мудрецом были большие непонятки из-за наркотиков. Поэтому вполне вероятно, что именно Шумский вора и грохнул.

— Жаль, что самого Шумского об этом уже спросить не удастся.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что два часа назад Шумского грохнули.

— Как грохнули?! Где?!

— На Комсомольском проспекте. Он на своем навороченном джипе куда-то летел, и на светофоре бомба сработала. Ее некий умелец под днище его автомобиля приладил. Так что в данный момент

Всеволод Шумский пребывает в небесной канцелярии и отчитывается там о своих земных прегрешениях.

— Ты случайно не туда же лыжи наострил?

— Типун тебе на язык, Громов, — укоризненно покачал головой Дробыш. — Ребята из отдела «А» собираются накрыть базу боевиков Шумского в Теплом Стане. Вот я и напросился. Тебе, я думаю, тоже не мешает туда съездить.

Когда Громов с Дробышем вышли во внутренний двор Петровки, 38, автобус с бойцами спецназа, или «физиками», и две легковушки с оперативниками из отдела «А» уже готовы были к отправлению. В головной машине сидел руководитель операции — подполковник милиции из отдела «А» Юрий Гордеев (в просторечии — Гордей Горыныч), с которым у Громова были не самые теплые отношения. Вот и сейчас, узнав о том, что Громов собирается присоединиться к их процессии, Гордеев скорчил недовольную гримасу, однако отказать коллеге не решился. Бросил только:

— Мы выезжаем. Если не успеете пристроиться, ждать не будем.

Но Громов с Дробышем успели. Выскочив в переулок, они быстро загрузились в громовскую «восьмерку» и рванули вдогонку уже удаляющейся процессии. Однако на углу 2-го Колобовского переуллка и Петровки им пришлось сделать короткую остановку, чтобы посадить к себе старшего опера отдела «А» Ивана Зотова, который малость припозднился и теперь вынужден был догонять коллег на громовской «восьмерке».

— Ты хорошо подумал, к кому сел, Ваня? — спросил Громов у Зотова, когда тот устроился на заднем сиденье. — Гордей Горыныч тебе этого не простит.

— Пошел он в задницу! — выругался Зотов. — Без году неделя в отделе, а корчит из себя офигенного корифея.

Гордеев действительно пришел в отдел всего лишь несколько месяцев назад. До этого он работал в УЭПе, в его оперативно-розыскной части. Это подразделение было создано в пику РУОПу, который отказывался делиться с коллегами из УЭПа компроматом на коммерсантов. Уэповцам этот компромат был нужен для того, чтобы вытягивать из коммерсантов средства в специально созданный фонд социальной защиты сотрудников УЭПа. Естественно, что создание ОРЧ было воспринято руоповцами в штыки и отношения между двумя

подразделениями еще больше осложнились. В конце концов безучастно взирать на все это высокому руководству надоело и оно приняло соломоново решение: провело кадровые чистки в обоих подразделениях.

Многие сотрудники были уволены, однако Гордеев, у которого были хорошие завязки в центральном аппарате МВД, был переведен в МУР.

Судя по всему, обсуждать личность Гордей Горыныча у пассажиров «восьмерки» никакого желания не было, поэтому Громов сменил тему разговора.

— Что за база у боевиков Шумского в Теплом Стане? — спросил он у Зотова.

— Хорошая база. Шумский арендовал бывшее здание детского сада и зарегистрировал там торговую фирму. Несколько дней назад мы получили информацию о том, что эта вывеска всего лишь ширма. На самом деле там у братков настоящая база — склад оружия, спортивный зал, даже тир имеется. Сегодня утром мы собирались задержать самого Шумского, но его прямо на наших глазах в собственной «недорожке» грохнули.

— На кого грешите? — спросил Громов.

— Думаем, свои же и убрали — сибирские. В последнее время у них к Шумскому много претензий накопилось. Он и с бабками их кинул, и воли не давал. Думал, видно, что раз их в Москву вытащил, так они ему по гроб жизни обязаны будут. Вот уж ни фига! Молодежь нынче борзая, к тому же с большим аппетитом.

— Есть еще одна версия, за что Шумского могли грохнуть, — подал голос молчавший до этого Дробыш. — Вполне вероятно, что именно он Мудреца заказал, вот и заработал «обратку».

— Так вот почему вы с нами увязались? — догадался наконец Зотов о цели, которая подвигла его коллег отправиться в Теплый Стан. — Думаете, на базе какие-то улики по этому поводу имеются?

— Все может быть, — туманно ответил Громов.

Примерно через полчаса они подъехали к месту назначения. Здание бывшего детского сада, в котором братва устроила для себя базу, находилось в тени густых деревьев, что значительно облегчало подход к нему «физиков». Даже несмотря на это, надеяться на легкий штурм не приходилось. По словам двух оперативников отдела «А»,

которые пасли базу последние несколько часов (местное отделение милиции в эту операцию посвящено не было), внутри здания находилось несколько боевиков, которые наверняка были вооружены. Учитывая, что входная дверь металлическая, сам вход в здание контролируется видеокамерой, а на всех окнах двухэтажного здания установлены решетки, проникнуть на базу незаметно вряд ли удастся. Поэтому начальник спецназа после короткого совещания предложил единственно верный в такой ситуации вариант: подождать, пока кто-то из братков выйдет на крыльцо покурить, схватить его и под этим прикрытием ворваться в здание. Однако Гордеев эту идею подверг вполне справедливому сомнению:

— Вдруг они предпочитают курить внутри, тогда что — ждать до темноты? Тем более кто даст гарантию, что кто-то из их дружков сейчас не находится вне пределов базы? Стоит ему вернуться, заметить нас — и все пропало. Для этого достаточно одного телефонного звонка с ближайшего таксофона.

Стоявший неподалеку и прислушивавшийся к разговору двух начальников Громов мысленно согласился с этим выводом подполковника, однако ничего путного со своей стороны предложить не мог. Между тем время играло на руку братве.

Идея, как обычно, пришла неожиданно. Она была настолько проста и гениальна, что для ее воплощения не требовалось никаких особенных усилий, а всего лишь наличие средней руки актера. Не теряя больше ни секунды, Громов подошел к руководителям операции и выложил перед ними свой план. Как и следовало ожидать, оба руководителя приняли его по-разному. Если «физик» сразу воспринял идею Громова «на ура», то Гордеев встретил ее с недоверием.

— Детский сад, да и только! — голосом, полным раздражения, воскликнул он. — Ты что думаешь, эти братки такие дураки, чтобы купиться на этот спектакль? Я лично так не думаю. К тому же — кто будет ломать перед ними дурочку?

— Я предложил, мне и ломать, — искренне ответил Громов.

Эта фраза мгновенно поставила точку в недолгом споре. Узнав о том, что рисковать жизнью будут не сотрудники его подразделения и даже не «физики», а приبلудный опер из 12-го отдела, Гордеев тут же снял свои претензии и разрешил Громову действовать.

— Ты что задумал? — с тревогой в голосе спросил у приятеля Дробыш, когда тот подошел к нему и передал на хранение свой пиджак и пустую кобуру.

— Хочу юность вспомнить, — ответил Громов, выпуская наружу рубаху и засовывая пистолет под ремень на животе. — Я ведь в школе в самодеятельности играл, читал монолог Райкина «В греческом зале». Помнишь такой?

— Кто же его не помнит? — удивился Дробыш. — Однако при чем он здесь?

— Сейчас узнаешь, — ответил Громов и несколькими движениями взъерошил себе волосы на голове.

Затем он расстегнул пару пуговиц на рубашке и закатал чуть ли не до колена левую брючину. Теперь любой человек, глядя на него со стороны, мог предположить в нем кого угодно, но только не сотрудника легендарного МУРа.

Закончив перевоплощение, он подошел к начальнику спецназа и в последний раз обсудил с ним все детали предстоящей операции. Наконец, получив окончательное добро, Громов, а с ним десяток «физиков», направились к зданию бывшего детского сада. Причем спецназовцы вскоре отстали и спрятались в ближайших зарослях, а оперу пришлось весь дальнейший путь до дверей идти в одиночку. Твердо следуя своей роли, Громов шел, покачиваясь из стороны в сторону, старательно изображая из себя пьяного. Если бы он видел, с каким восхищением следят за ним из укрытия его коллеги, он бы понял, что эта роль дается ему весьма неплохо.

Наконец подойдя к двери, Громов, согласно роли, пару раз сильно долбанул ее ногой и только после этого нажал на кнопку домофона. Тут же недоуменный мужской голос откликнулся на звонок стандартным вопросом:

— Кто там?

— Это я — Костя! — чуть ли не по слогам произнес Громов.

— Чего надо? — грубо спросил голос.

— Люську мою позови, чувак. Я ключи от дома забыл.

— Нет тут никакой Люськи. Проваливай, пока тебе оплеух не отвесили!

— Чего ты ругаешься, чувак? — продолжал играть свою роль Громов. — Я тебя трогаю? Мне Люська нужна, коза драная. Пусть

выйдет на пару минут, что, ей трудно?

— Тебе же русским языком сказали — нет здесь никакой Люськи! — Судя по голосу, говоривший терял терпение, чего, собственно, и добивался Громов. — Ты знаешь, куда пришел, чудило?

— В банк пришел, где Люська работает.

— Так вот — это не банк! Ты понял, в натуре? И Люська твоя в другом месте работает. Пшел отсюда!

— Ну ладно, чувак, не злись, — переходя на более миролюбивый тон, произнес Громов. — Нет Люськи, и хрен с ней. Но у меня так живот от пива пучит, что я умираю, как в сортир хочу. Туалет у вас есть?

— Какой туалет, пидор гнойный?! Ты че, в натуре, гонишь? Кустов, что ли, мало?

— Чего ты обзываешься? — Громов вновь перешел на разговор на повышенных тонах и снова долбанул по двери ногой. — Какой я тебе пидор? Щас вот возьму и наассу у тебя на крыльце.

И в подтверждение своих слов Громов действительно стал расстегивать ширинку у себя на брюках.

— Ах ты, гнида подзаборная! — донесся из домофона возмущенный голос охранника, и через пару секунд сыщик услышал, как в двери щелкнул замок.

Еще через мгновение на крыльцо выскочил коротко стриженный парень с бычьей шеей, который, подскочив к Громову, схватил его за ворот рубахи и уже собирался отвесить ему мощного пинка под зад. Однако сыщик, только и ждавший этого, резким движением локтя нанес противнику сильный удар в солнечное сплетение, а затем, когда парень отпустил ворот его рубахи, развернулся и вторым ударом, на этот раз кулаком в челюсть, послал его в нокаут. Затем, не дожидаясь, пока парень рухнет на крыльцо, Громов выхватил из-под ремня свой «Макаров» и бросился внутрь здания. Краем уха он слышал, как следом за ним во всю прыть, топя как лошади, мчатся бравые спецназовцы.

Проскочив мимо пустой каморки охранника, Громов вскоре оказался в широком коридоре, уходившем в обе стороны. Прямо перед ним была лестница на второй этаж, на которой стоял молодой парень, точная копия того, что Громов вырубил на крыльце, — бычья шея, стрижка «под ноль», темная рубашка с засученными рукавами. Парень

стоял вполоборота к Громову и курил. Услышав чьи-то шаги в коридоре, он обернулся и тут же увидел наставленный на себя пистолет.

— Руки в гору! — заорал Громов.

Однако парень оказался не робкого десятка и, вместо того чтобы беспрекословно подчиниться приказу, бросился бежать вверх по лестнице. В этот момент Громов заметил, что за ремень на спине у него заткнут пистолет, который рука парня уже успела нащупать на бегу. Времени для раздумий у муровца не было, и он принял единственно правильное решение — открыл огонь на поражение. Обе выпущенные им пули угодили парню в ноги, и он, выронив оружие, с диким воплем покатился с лестницы вниз. В этот миг на шум выстрелов из ближайшей к Громову двери выскочили сразу трое здоровенных братков, от вида которых оперу в первые мгновения стало не по себе. Немая сцена длилась всего лишь секунду, после чего в коридор ворвалась целая орава разъяренных «физиков», которые, оттеснив в сторону сыщика, быстро и грамотно разобрались с братвой. Понимая, что он здесь лишний, Громов устремился по лестнице на второй этаж.

Он поступил опрометчиво, когда, практически не останавливаясь, выскочил в коридор верхнего этажа. Шум снизу переполошил здешних обитателей, и они успели похватать свое оружие. Поэтому прямо в коридоре Громова встретил разъяренный парень со сломанным носом и автоматом Калашникова в руках, который едва не отправил муровца на тот свет. Дуло автомата застыло на уровне его груди, и палец парня уже был на курке. Все решили какие-то доли секунды. Прямо перед Громовым была дверь, на которую он в прыжке и бросил свое тело. При этом, как заправский герой фильмов про суперменов, он в полете разрядил в автоматчика свой «Макаров». Пули угодили парню точно в грудь, и он так и не успел воспользоваться своим «калашом». Поверженный противник рухнул на пол, а Громов, чуть ли не срывая хлипкую дверь с петель, влетел в помещение, где его ждало новое, не менее суровое испытание.

На разложенных на полу матах лежали три обнаженные девицы, а между ними — такой же голый парень. Громов заметил, как рука парня скользнула под мат, где, судя по всему, было оружие. Муровец вскинул свой пистолет, однако стрелять не решился, потому что одна из девиц,

вместо того чтобы последовать примеру своих подруг и с визгом скатиться с матов, всем телом прижалась к парню. Мысленно проклиная глупую девчонку, Громов прямо от двери бросился на маты и, прежде чем парень успел достать свою вольну, со всей силы саданул его рукояткой «Макарова» по голове. Парень тут же обмяк, а у Громова впервые за эти несколько минут появилась возможность перевести дух. Но оказалось, что успокаиваться было рано.

Девушка внезапно пришла в себя и, завопив во все горло, обеими руками вцепилась Громову в волосы. Этот поступок девушки настолько ошеломил сыщика, что в течение нескольких секунд он безропотно сносил ее тычки по голове и пинки коленками в пах. Наконец, когда один из таких пинков причинил ему весьма ощутимую боль, терпение Громова лопнуло и он свободной рукой больно ущипнул девушку за мясистую грудь. В тот момент, когда это произошло, в помещение вбежал запыхавшийся Гордеев.

— Ты что делаешь, Громов? — удивленно спросил он у коллеги.

— Трахаюсь, Гордей Горыныч, — ответил Громов, высвобождаясь из объятий девушки.

— Как ты меня назвал?! — округляя глаза, спросил подполковник у капитана.

Но Громов предпочел не отвечать на этот вопрос и вышел в коридор, где его уже поджидал живой и невредимый Дробыш.

Тем временем заполнившие здание бывшего детского сада спецназовцы продолжали зачистку помещений. Длилась она недолго, поскольку оставшаяся в живых братва сочла за благо не вступать в противоборство с муровским спецназом и добровольно сложила оружие. Всех задержанных — а их оказалось ни много ни мало одиннадцать человек — «физики» согнали в спортзал на втором этаже и выстроили вдоль стены. Здесь же, в одном из помещений рядом со спортзалом, был обнаружен и арсенал братвы, в котором оказалось несколько десятков единиц оружия, включая и взрывчатку. Однако еще большее впечатление на стражей порядка произвело помещение, где располагался пункт технической разведки братвы. Аппаратура, которая там находилась, тянула на сотню тысяч долларов, и ей могли позавидовать любые спецслужбы. На братву исправно работали: несколько сканирующих приемников, десяток компьютеров с мощными процессорами, приемники-усилители. Когда Громов с

Дробышем увидели это хозяйство, они оба не сговариваясь присвистнули от удивления. Однако впереди их ждало еще большее открытие. Стоявший возле небольшого стола в углу комнаты Зотов подозвал обоих коллег к себе и вручил им какие-то бумаги:

— Кажется, вы искали это?

У Громова в руках оказалось несколько листков, на одном из которых он прочитал «шапку»: «Путь М. от аэропорта до дома. От дома до пункта назначения». Далее следовал рисунок маршрута с точным указанием даты, времени (поминутно) и названия улиц.

— Буква «М» — это не ваш Мудрец? — высказал догадку Зотов.

— Точно — он, — подтвердил предположение коллеги Дробыш. — Совпадает все — дата, время, адрес. Как это можно, Зотов?

— С такой аппаратурой все можно, — ответил тот. — Судя по всему, братки использовали сотовый телефон Мудреца в качестве радиомаяка. Достаточно установить контроль над техническим каналом телефона, и дело сделано: с помощью этого канала сервер компании «передает» пользователя из одной соты в другую. По этому каналу телефон получает данные о том, на какой частоте он будет взаимодействовать с очередной сотой, а та — в свою очередь, когда абонент окажется в зоне ее действия. Однако Мудреца не только вели по маршруту, но и активно подслушивали все его разговоры. Вот распечатки этих бесед. — И Зотов достал из стола еще несколько листков.

— Лихо работают! — не скрывая своего восхищения перед техническими возможностями братвы, произнес Дробыш. — Причем на этих распечатках абонент обозначен полностью — Мудрец.

Громов пробежал глазами по первой странице распечатки, после чего отдал все листки Дробышу. Сам же полез в ящик стола, надеясь найти в нем еще что-нибудь интересное. Интуиция его не обманула — он действительно нашел там такое, от чего у него мгновенно перехватило дыхание. В стопке бумаг он обнаружил несколько пропущенных через ксерокс фотографий, на которых был изображен один и тот же человек — девочка в возрасте примерно 10–12 лет. Судя по снимку, это была обычная фотография, какие делают во всех столичных школах платные фотографы. В красивой рамке были проставлены не только имя и фамилия школьницы, но также класс и

номер школы, в которой она учится. Не веря своим глазам, Громов прочитал под снимком все данные на изображенное лицо. Кадилина Оксана, 5-й класс и — главное — 325-я средняя школа г. Москвы. Подталкиваемый каким-то нехорошим предчувствием, Громов повернулся к Зотову и спросил:

— Ваня, а где хозяин этого кабинета?

— Где ему быть — вместе со всеми в спортзале стенку подпирает.

— Пойдем, покажешь мне его, — почти на ходу произнес Громов.

Когда они пришли в спортзал, там все было по-прежнему — под надзором трех вооруженных автоматами «физиков» братва стояла у стены, широко расставив ноги в стороны и заложив руки за голову. Подойдя к одному из братков — небольшого роста парню в светлой рубашке с короткими рукавами, Зотов вывел его из общего строя и отвел в коридор к поджидавшим коллегам.

— Как тебя зовут? — спросил Громов у парня.

— Юра, — ответил тот.

— Значит, так, Юра: честно ответишь на мои вопросы — получишь поблажки. Эти фотки тебе известны? — И Громов показал парню одну из фотографий девочки.

— Да.

— Какого лешего они лежали в твоём столе?

Однако парень молчал, насупив брови. Первым не выдержал Зотов. Он саданул парня кулаком в бок и процедил ему в ухо:

— Ты че — глухой? Говори, когда тебя спрашивают!

— Это дочка футболиста, — ответил наконец парень. — Мы по ней на его папашу должны были выйти.

— Когда?

— Сегодня.

Едва парень произнес эту фразу, как Громову все стало ясно. Он вспомнил утренний разговор с директором школы, в котором она обмолвилась о предстоящей сегодня церемонии отправки детей в летний лагерь отдыха. Учитывая, что на такие мероприятия дети обычно приходят с родителями, вполне можно было предположить, что и Кадилин окажется там.

— Сколько ваших отправилось в школу? — спросил Громов у парня.

Глазами, полными недоумения, тот взглянул на сыщика. По этому взгляду Громов понял, что его догадка о школе оказалась верна.

— Трое, — ответил парень после новой оплеухи от Зотова.

— На чем поехали? Как выглядят?

— На пятисотом «мерине». Главный у них Капоне.

— Почему Капоне? — удивился Громов.

— У него шрам через всю левую щеку.

Больше ни о чем спрашивать парня Громов не стал. Сведений, которые он узнал, ему было вполне достаточно, но главное — времени было в обрез. Стрелки на его часах показывали пятнадцать десять, а это значило, что до начала церемонии отправки детей в лагерь оставалось чуть меньше часа.

ПУЛЯ ДЛЯ КИЛЛЕРА

Без десяти минут четыре Кадилин доехал до станции метро «Курская» и, пройдя по длинному тоннелю, вышел на улицу в районе Театра имени Гоголя. Отсюда до школы, в которой училась его дочь, было несколько минут ходу. Предстоящая встреча с дочерью не предвещала Кадилину никаких неприятностей, и он шел на нее, переполняемый самыми радужными надеждами. К этому чувству примешивалась и другая радость — за удачно проведенную акцию по выбиванию денег. Тридцать четыре тысячи долларов, полученные за видеокассету, теперь покоились в небольшой спортивной сумке, которая висела у него на плече. Там же лежал и пистолет Макарова.

Когда Кадилин миновал Малый Демидовский переулочек и свернул направо, в Гороховский, он уже издали заметил столпотворение людей возле здания школы. По правую сторону переулка стояли три автобуса «Икарус», которые должны были отвезти детей в летний лагерь, и два гаишных автомобиля прикрытия. Сами дети вместе со своими родителями пока находились по другую сторону переулка и терпеливо ждали команды своих руководителей, чтобы занять места в «Икарусах».

Отыскать в этой толпе своего ребенка было непросто, однако Кадилин не волновался — предыдущие три года они с дочерью встречались в одном и том же месте — напротив металлических ворот. Но на этот раз Кадилин напрасно искал глазами родную фигурку — вместо нее он увидел совсем не ту, кого надеялся здесь застать. На привычном месте вместо дочери стоял ее отчим Николай, который, по словам Оксаны, должен был в эти минуты находиться вдали от этих мест — в командировке. Однако отступить было поздно — Николай уже успел заметить Кадилина и теперь испытующе наблюдал за его реакцией. Уклоняться от встречи было глупо, и Кадилин подошел к отчиму. Тот встретил его неласково.

— Опять ты здесь? — Физиономию Николая исказила гримаса раздражения. — Сколько же раз повторять, чтобы ты не попадался мне на пути?

— Твоя рожа мне тоже неприятна, — глядя в недобрые глаза Николая, ответил Кадилин.

Этот ответ Николаю не понравился, и в следующую секунду он сжал кулаки и стал угрожающе надвигаться на футболиста. Но тот даже на шаг не отступил и продолжал спокойно взирать на своего оппонента. В тот момент, когда расстояние между ними сократилось до минимума и, казалось, что драка неминуема, к ним подошла бывшая жена футболиста Светлана и спросила:

— Мужчины, что здесь происходит?

— Ничего, дорогая, — как ни в чем не бывало ответил Николай. — Просто мы с твоим бывшим мужем мирно беседуем.

— Я вижу, что это за мир. Готовы чуть ли не на глазах у детей набить друг другу морду, — возмутилась Светлана.

— Что поделаешь, если этот бомж не понимает русского языка. Может быть, ты уговоришь его оставить нас в покое?

Светлана повернула голову к Кадилину и спросила:

— Действительно, Сергей, сколько можно? Твои приходы только травмируют Оксану. Пойми, я была бы совершенно не против ваших встреч, но твое нынешнее положение...

— Какое положение? — спросил Кадилин.

— Ты сам прекрасно понимаешь, о чем я говорю, — не скрывая своего раздражения, произнесла Светлана. — Посмотри, как ты выглядишь! Грязная рубашка, мятые брюки. Что подумают люди, когда увидят тебя рядом с дочерью? Ну что нам сделать, чтобы ты от нас отстал? Денег тебе дать?

— Я ему уже предлагал взять деньги, — встрял в разговор Николай. — Однако три тысячи баксов его не устраивают.

— Сколько же ты хочешь? — спросила Светлана.

— Миллион, — ухмыльнулся Кадилин.

— Он еще шутит! — всплеснул руками Николай. — Да у тебя, бомжара, с тех пор как тебя из футбола выкинули, и рубля завялящего в кармане не было. Чего ты выеживаешься?

Не успел Николай закончить свою пламенную речь, как Кадилин рывком расстегнул «молнию» на своей сумке и, достав оттуда «котлету» баксов, сунул ее ему под нос.

— А это видел?

Оба супруга недоуменно уставились на увесистую пачку денег, которую в течение нескольких секунд держал перед ними футболист. Затем доллары вновь перекочевали в сумку.

— Ты где взял столько денег? — первой пришла в себя Светлана.

— Где взял — там уже нет, — ответил Кадилин. — И вообще, какая вам разница? Главное, что теперь я смогу выкинуть свои задрипанные брюки и рубашку и купить себе более цивильную одежду. Ты ведь этого хотела?

Светлане не оставалось ничего иного, как согласно кивнуть головой. Кадилин между тем продолжал:

— Ладно, мне с вами разговаривать скучно. Я хочу повидать свою дочь. Где она?

— В школе, — ответила Светлана. — Одной из ее подруг приспичило в туалет, и Оксана пошла за компанию.

Узнав то, что ему было нужно, Кадилин не стал больше отнимать время у своих собеседников и покинул их, даже не попрощавшись. В тот момент, когда он входил в ворота, его заметил из окна своей «восьмерки» Громов, который вместе с Дробышем и Зотовым только что примчался к школе из Теплого Стана. Несмотря на то что муровец видел Кадилина только на фотографии, он безошибочно узнал в мужчине со спортивной сумкой на плече того человека, которого он вот уже три дня искал по всему городу. Однако тормозить посреди проезжей части было нельзя, поэтому Громову еще в течение минуты пришлось искать приемлемое место для парковки автомобиля. Тем временем Кадилин уже скрылся за школьными дверями.

Футболист хорошо знал школу, в которой училась его дочь, поэтому уверенно шел туда, где могла быть девочка. И он действительно обнаружил свое чадо. Компания, в которой она находилась, была по меньшей мере странной — дочь и ее подруга стояли в окружении трех коротко стриженных парней. Причем внешность одного из них — того, что стоял к нему спиной, — показалась футболисту страшно знакомой. Мучительно стараясь вспомнить, где он мог видеть этого парня, Кадилин шел по коридору, не сводя глаз с затылка незнакомца. В тот миг, когда его отделяли от дочери не более двадцати шагов, девочка внезапно заметила его, радостно воскликнула: «Папочка!» — и попыталась броситься

навстречу. Один из парней помешал ей это сделать: грубо схватив девочку за руку, он заставил ее остановиться.

В это мгновение стоявший спиной к футболисту незнакомец повернулся, и Кадилин мгновенно опознал в нем киллера, которого три дня назад видел на чердаке. Заметив, как рука незнакомца полезла под куртку, Кадилин резким движением выхватил из сумки пистолет. Но уже в следующую секунду он сообразил, что начисто проиграл поединок — двое парней тут же извлекли на свет свое оружие и направили его на беззащитных девчонок.

— Брось волыну, спортсмен, — приказал футболисту человек со шрамом и для пущей убедительности тоже направил дуло своего пистолета на школьниц.

Кадилину не оставалось ничего иного, как подчиниться. И в тот момент, когда он собирался разжать пальцы, произошло неожиданное — в коридор выскочили трое незнакомых Кадилину мужчин, которые, увидев, что происходит, мгновенно выхватили из-под пиджаков пистолеты и направили их на парней.

— Стволы на землю — МУР! — почти одновременно закричали мужчины, и эта фраза мгновенно повернула стрелки противостояния в обратную сторону.

Парни внезапно засуетились, и двое из них действительно опустили пистолеты вниз. Однако человек со шрамом поступил иначе. Молниеносным движением он свободной рукой притянул к себе Оксану и приставил дуло пистолета ей к виску.

— Не двигаться, менты! — закричал он во все горло. — Один шаг — и она труп!

Громов и его коллеги (а это были именно они) застыли там, где стояли, не решаясь двинуться с места. Застыл и Кадилин, понимая, что любое подозрительное движение с его стороны может трагически обернуться для его дочери. Тем временем под влиянием поступка своего лидера один из парней сгреб в охапку подругу Оксаны и тоже приставил к ее виску пистолет. Ситуация приобрела еще более угрожающий оборот. Продолжая держать на мушке парней, каждый из муровцев мучительно соображал, как выйти из создавшегося положения бескровно, однако ничего путного им в голову не приходило. Наконец первым нарушил тишину Громов, который обратился к парню со шрамом:

— Капоне, отпусти детей, и я даю тебе слово, что мы вас не тронем.

Услышав свою кличку из уст муровца, тот удивился, однако на его предложение не клюнул. Голосом, полным презрения, он заявил:

— Пошел на хрен, мент. Знаем мы ваши штучки.

Один из парней, тот, который остался без заложницы, внезапно произнес:

— Капоне, может быть, сдадимся? Ведь влипли уже по уши?

— Ты что мелешь, сука? — процедил сквозь зубы Капоне и наградил своего приятеля таким взглядом, от которого тот съежился. — Менты тебе лапшу на уши вешают, а ты им веришь?

— Так ведь застукали нас. Еще немного — их здесь целая кодла будет!

— Только ты этого не увидишь, падла!

Капоне буквально на секунду оторвал пистолет от виска девочки и практически в упор выстрелил своему приятелю в грудь. Взмахнув руками, тот рухнул на пол. Дикий визг двух юных заложниц, ставших свидетелями жуткого убийства, огласил своды коридора. На этот крик из ближайшего кабинета выскочила девушка, в которой Громов, к своему ужасу, узнал Ингу. С тех пор как он оставил ее на попечение хозяйки музея, прошло вот уже более пяти часов, и по всем расчетам она должна была давно покинуть школу. Но случилось необъяснимое — девушка не только осталась в школе дольше положенного времени, но и оказалась в самом неподходящем месте и в самый неподходящий момент.

Появление нового действующего лица сыграло только на руку преступникам. Пользуясь тем, что увиденное в коридоре произвело на журналистку ошеломляющее впечатление, оба парня под прикрытием заложниц переместились к распахнутой настежь двери и, затолкнув в кабинет девушку, вскоре и сами оказались внутри. Еще мгновение — и ключ, все это время находившийся в замке, окончательно отсек беглецов от их преследователей.

— Что будем делать? — после короткой паузы спросил у коллег Дробыш.

— А ты не знаешь? — удивился Громов и, повернувшись к Зотову, сказал: — Ваня, направо за углом — кабинет директора. Иди вызывай «скорую» и спецназ. Видимо, без штурма здесь не обойтись.

— Но там же дети! — подал голос все это время молчавший Кадилин. — Может быть, все-таки попытаться поговорить с ними по хорошему? Ведь не самоубийцы же они?!

— Попробуй, Кадилин, поговори, — предложил Громов.

Футболист приблизился к двери и обратился к парню со шрамом:

— Капоне! Отпусти заложников, я заплачу за них.

— Во сколько же ты их оценил? — спросил бандит.

— У меня с собой тридцать четыре тысячи долларов.

— Не-а, маловато будет, — рассмеялся бандит. — Я столько «капусты» за два дня заработаю.

— Сколько же ты хочешь?

— По пятьсот штук за голову, итого — полтора лимона. Кроме того, нам нужен автобус, из тех, которые сейчас стоят на улице. Ты меня слышишь, мент?

Громов понял, что обращаются к нему, и ответил: «Слышу».

— Тогда не стой как вкопанный, а действуй. Иначе я начну злиться. И первой, кого я грохну, будет блондинка. Ты понял?

«Чего уж не понять», — подумал про себя Громов, а вслух произнес:

— Автобус я тебе могу дать хоть сейчас, а вот с деньгами напряженка. Сам понимаешь, чтобы собрать полтора лимона нужно время.

— Даю тебе полчаса, — отозвался Капоне.

Громов ничего ему не ответил, лихорадочно соображая, где ему удастся за столь короткий срок раздобыть такую прорву денег. «Видимо, этого отморозка душит жаба, — размышлял Громов. — Ему бы, дурню, пока спецназ не примчался, надо было к автобусу прорываться, а он о бабках думает. На что он рассчитывает?»

Однако ответа на этот вопрос Громов найти не успел. Кто-то тронул его за рукав, он обернулся и увидел рядом с собой хозяйку музея — Ирину Марковну. С ужасом глядя на своего бывшего ученика, она спросила:

— Кирюша, что здесь происходит?

— Ничего хорошего, Ирина Марковна. Двое преступников захватили заложников: двух школьниц и Ингу. Кстати, почему она до сих пор в школе?

— Она захотела познакомиться с нашими архивами начала века.

— Дальше можете не объяснять, — прервал хозяйку музея Громов. — Вы передали ей документы и отвели в этот кабинет. Как говорится, судьба.

— При чем здесь судьба? — не понял смысла последней фразы, сказанной муровцем, Кадилин.

— Все очень просто: в этом кабинете в четвертом классе я едва не вывалился из окна, теперь в нем захватили заложников. Однако не все так плохо. Если я не погиб много лет назад, глядишь, и на этот раз судьба окажется ко мне благосклонной. Да и тебе, Кадилин, удача в последнее время не изменяет. Я не прав?

— В каком смысле? — спросил футболист.

— В прямом. Ты ведь и от братвы благополучно ушел, и кучу баксов заимел.

— О чем ты говоришь, опер, если за этой дверью у меня дочь в заложницах находится? — искренне возмутился Кадилин.

— Извини, футболист, я не хотел тебя обидеть. — И Громов в знак примирения положил свою руку на плечо собеседника. — Однако за этой же дверью и моя девушка в заложницах сидит. И ты сам только что слышал, кого этот упырь первым на тот свет отправит. А в том, что рука у него не дрогнет, мы уже убедились на примере этого парня. — И сыщик кивнул на лежащего в луже крови молодого человека.

— У него это не первый, — сообщил Кадилин. — Три дня назад именно он грохнул с чердака вора в законе.

Стоявший рядом Дробыш, услышав эту новость, присвистнул от удивления.

К месту происшествия вернулся Зотов, а с ним прибежала и взволнованная директриса. Увидев на полу окровавленный труп, она тихо ойкнула и, схватившись за сердце, прислонилась к стене. Стоявшая рядом Ирина Марковна принялась приводить ее в чувство. Громов тем временем продолжал отдавать команды своим коллегам:

— Теперь, Ваня, дуй на улицу к гаишникам. Объясни им ситуацию и сделай так, чтобы они увели зевак со школьного двора на другую сторону переулка. Короче, чтобы ни один случайный человек не попал в поле зрения киллера.

— Какого киллера? — удивился Зотов.

— Того, который грохнул Мудреца. Этот парень со шрамом — профессиональный снайпер. Три дня назад его отделяли от жертвы

двести пятьдесят метров, а он замочил ее с одного выстрела. А здесь, со второго этажа, он может нащелкать с десятков людей, как куропаток. Линия прицела — лучше некуда. Кстати, в твоём отделе на этого парня что-нибудь имеется?

— Я лично не припомню, — ответил Зотов. — Но можно навести справки.

— Наведи, — попросил его Громов.

Зотов бегом отправился выполнять распоряжения коллеги, а следом за ним вскоре покинули опасное место хозяйка музея и директор школы. Возле кабинета с оружием в руках остались только три человека: Громов, Дробыш и Кадилин.

Примерно через двадцать минут Капоне стал нервничать, и его раздраженный голос вновь зазвучал из-за двери:

— Мент, ты здесь? Прошло уже двадцать две минуты. Если через восемь минут у меня не будет бабок, я замочу эту девку.

— Капоне, ты же умный мужик и должен понимать, что полчаса — не то время, за которое можно раздобыть такую прорву денег. В МУРе таких бабок нет.

— Меня не дерет, чего у вас нет в МУРе! — закричал бандит. — Ты что, издеваешься надо мной?

— Не горячись, Капоне, — стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее, произнес Громов. — Я тебе сказал — деньги у тебя будут. Я хоть три лимона тебе отдам, лишь бы ты отпустил заложников. Но дело в том, что эти деньги мы можем взять только в банке. Поскольку мне их не дадут, на банкиров должен выйти кто-то из моих начальников. Процесс уже пошел, так что потерпи немного.

Стоявший рядом Дробыш внезапно зашептал на ухо Громову:

— Ты что с ним играешь в кошки-мышки? Надо сказать ему прямо, что деньги можно будет раздобыть в лучшем случае через час-полтора. Иначе он точно грохнет девушку.

— Он ее грохнет еще скорее, если мы назовем ему такое время, — не согласился с коллегой Громов. — К тому же я не уверен, что мы и за полтора часа сумеем раздобыть эти гребаные баксы. Под мое слово — капитана милиции — ни один банкир таких денег не даст. Надо ждать начальство из главка.

Однако чуть раньше упомянутого начальства к месту происшествия прибыло чуть ли не все руководство соседнего

отделения милиции. Седовласый полковник в окружении свиты поднялся на второй этаж и выслушал от Громова подробный рапорт о происшедшем. Когда муровец закончил свой рассказ, полковник искренне возмутился:

— Что же это делается? Уже и до школ добрались, сукины дети!

Громов предпочел не спорить с этим, в общем-то, верным выводом, только заметил:

— Террористы уже на взводе и требуют выкуп. Надо выйти на ближайший банк и попросить их немедленно начать собирать деньги.

Полковник на удивление легко согласился с этим предложением и тут же отдал соответствующий приказ одному из своих замов. Едва тот исчез, как в коридор ввалилась новая толпа людей, среди которых Громов различил хорошо знакомые ему лица сановных представителей главка. Среди вновь прибывших были: один из заместителей начальника ГУВД, начальник МУРа, один из руководителей РУОПа и еще несколько высоких руководителей, включая и чиновника из мэрии. Докладывать обстановку им стал начальник местного отделения милиции. Выслушав его, замначальника главка тут же взял бразды правления в свои руки и уверенным шагом приблизился к двери, за которой прятались преступники.

— С вами разговаривает один из руководителей столичной милиции, — командным голосом обратился к бандитам генерал. — Мне рассказали о ваших требованиях, и я гарантирую вам, что все они будут выполнены. Однако, прежде чем мы передадим вам деньги и предоставим автобус, мы просим отпустить хотя бы детей. Вместо них мы готовы немедленно дать вам других заложников.

— Кого, например? — отозвался из-за двери Капоне.

— Хотя бы меня. Я — генерал!

— Тю, удивил. Да у вас в ментяре столько генералов развелось, что их никто и жалеть не будет.

Стоявший неподалеку Громов мысленно удивился осведомленности бандита в столь деликатном вопросе. Действительно, до нынешнего года в МВД насчитывалось 92 генерала, однако за последние несколько месяцев их численность выросла еще на тридцать человек.

— Кого же ты хочешь в обмен? — продолжал вопрошать генерал.

— Никого. Нам с детишками надежней — уж по ним-то вы точно стрелять не будете. Так что кончай базар и позови мне того мента, с которым я до тебя разговаривал.

Генерал повернулся к своим подчиненным и недоуменно спросил:

— Кого он имеет в виду?

Громов вышел вперед и представился:

— Старший оперуполномоченный МУРа капитан милиции Громов.

— Ну что ж, капитан, веди переговоры, — сказал генерал и уступил своему подчиненному место у двери.

— Чего ты хочешь, Капоне? — обратился Громов к бандиту.

— Где деньги?

— Уже собирают.

— Что-то долго, твою мать!

— Я же тебе объяснил, почему это нельзя сделать быстро. Потерпи еще немного.

За дверью наступила небольшая пауза, после чего бандит на удивление спокойно произнес:

— Хорошо, потерпим.

По этому ответу Громов понял, что первоначальная агрессия в преступнике заметно спала, и это его обнадежило. Он решил воспользоваться этим моментом.

— Капоне, нельзя мне поговорить с девушкой? — спросил он у бандита.

— О чем? — удивился тот.

— Хочу узнать, как там дети?

— Валяй, разговаривай.

Громов услышал, как бандит обратился к Инге и разрешил ей подойти к двери.

— Инга, ты меня слышишь?

— Да, — ответила девушка.

— Как вы там?

— Держимся, Кирилл.

— Как девочки?

— Не очень. Но плакать перестали. Я постараюсь сделать все, что смогу.

— Мы тоже постараемся, — обнадежил девушку Громов. — Потерпите еще немного.

Отойдя от двери, он подошел к членам оперативно созданного штаба и доложил о разговоре. Выслушав его, генерал сказал:

— То, что он успокоился, играет нам на руку. Если никого из заложников он до сих пор не тронул, значит, и впредь можно рассчитывать на его благоразумие. Однако надо выработать план по нейтрализации преступников. Какие будут мнения?

Генерал обвел присутствующих взглядом, ожидая от них предложений. Слово взял представитель РУОПа:

— Я изучил возможный путь, по которому преступники могут пройти к автобусу, и думаю, что устраивать на них засаду в стенах школы рискованно. Лучше попытаться достать их с помощью снайперов на улице, когда они будут садиться в автобус.

— С какого места вы хотите их достать? — спросил генерал.

— Напротив школы стоит полуразрушенное здание, из которого хорошо просматривается пространство перед выходом из школы. Это единственное место, где можно застать их врасплох и хорошо прицелиться.

— Может, не стоит рисковать и дать им возможность сесть в автобус? — высказал свои сомнения чиновник из мэрии. — Стопроцентной гарантии того, что снайперам удастся поразить обоих преступников, как я понял, нет, а это значит, что мы подвергаем смертельному риску заложников.

— Наивно полагать, что преступники, войдя в автобус, отпустят заложников, — ответил руоповец. — Если это произойдет, мы осложним себе жизнь еще больше. Увидев слежку за собой, они могут среагировать на это самым непредсказуемым способом. В том, что это за люди, мы уже убедились. — И руоповец кивнул на тело убитого бандита, которого в этот момент укладывали на носилки только что прибывшие медики.

В этот момент к совещающимся подошел Зотов и, обращаясь к генералу, сообщил новые данные о главаре преступников, скрывающемся под кличкой Капоне:

— Настоящее его имя — Дегтярь Андрей Олегович. Он уроженец города Кемерово, бывший спортсмен-биатлонист. Судим — отсидел срок за незаконное хранение огнестрельного оружия. Год назад в

Новокузнецке проходил по делу об убийстве коммерсанта Будского. Однако из-под стражи бежал и был объявлен во всероссийский розыск.

— Серьезный клиент, — с тревогой в голосе отреагировал на это сообщение генерал.

Зотов продолжал:

— На улице собралось настоящее столпотворение, даже телевидение приехало.

Генерал встретил эту новость смачной руганью, после чего обратился к начальнику местного отделения милиции:

— Полковник, разве это не в вашей компетенции? Немедленно навести порядок вокруг здания. Всех зевак разогнать, а детей, которых собирались увезти в лагерь, погрузить в автобусы и отправить к месту назначения.

— Однако один из автобусов просят себе преступники, — напомнил генералу полковник.

— Значит, немедленно достаньте еще один. Не мне вам объяснять, как это делается!

Пока высокие начальники выясняли между собой отношения, Зотов тронул за локоть стоявшего рядом Громова и отозвал в сторонку:

— Я пока не стал говорить генералу — там внизу какая-то братва на двух джипах подъехала. Оказывается, вторая девчонка-заложница — дочь местного авторитета. Он узнал, что ты здесь, и попросил тебя спуститься.

— Он не сказал, как его зовут? — спросил Громов.

— Какой-то Самсон.

— Какой-то?! — удивился Громов. — Да это же сам Самсонов — один из лидеров бауманских. Мы с ним в этой школе когда-то учились, правда в разных классах. Неужели никогда не слышал про него?

— Я же в МУРе человек новый, — спускаясь по лестнице, оправдывался Зотов.

Когда они вышли на улицу, Громов поразился тому, сколько народу скопилось в переулке. Вся его противоположная сторона была буквально запружена людьми, которые оккупировали даже ближайшие деревья. Огромную толпу зевак сдерживали несколько десятков милиционеров из местного отделения, а также несколько спецназовцев из РУОПа. Глядя на эту толпу зевак, Громов сделал для себя невеселый

вывод о том, что любая попытка разогнать этих людей по домам — дело практически безнадежное.

Самсона и его братву тормознули метрах в тридцати от школы — недалеко от здания посольства Республики Эквадор. Однако, прежде чем муровцы дошли до них, им пришлось сделать небольшую остановку. Громов услышал, как его окликнули из толпы, обернулся и увидел машущего руками Кадилина.

— Ты как там оказался? — подойдя к футболисту, спросил Громов.

— Вышел свою бывшую жену успокоить, а назад вернуться не могу — не пускают, — ответил Кадилин.

— А нужно ли тебе возвращаться обратно, футболист? Мы и без тебя справимся.

— Ты что несешь, там же дочь моя?! — возмутился Кадилин.

Громов в течение нескольких секунд размышлял, как ему быть, после чего приказал милиционерам пропустить Кадилина сквозь оцепление. Затем они втроем спустились вниз по переулку.

Человек, на встречу с которым шел Громов, никогда не был ему близок. Несмотря на то что они были одноклассниками, учились в одной школе и даже жили по соседству, общих интересов у них не было. В отличие от Громова, который никогда не имел серьезных нареканий со стороны учителей, Самсонов был на особом счету не только у преподавателей, но и у местной милиции. Единственный сын матери-алкоголички Вадик Самсонов слыл отъявленным хулиганом в районе и по количеству приводов в милицию мог дать фору любому столичному урке. В итоге в шестнадцать лет он уже угодил в специнтернат, а в восемнадцатилетнем возрасте, вместо того чтобы, как все его сверстники, уйти в армию, загремел в тюрьму на пять лет за вооруженный разбой. С тех пор его жизнь и судьба тесно переплелись с уголовным миром, в котором Самсонову в конце концов удалось достичь больших высот. Правда, в последние несколько лет он ушел из чистого криминала в легальный бизнес — открыл собственное дело и вполне комфортно чувствовал себя в роли удачливого коммерсанта.

В последний раз Громов виделся со своим однокашником лет пять назад. Их случайная встреча произошла на Тверской и длилась всего лишь пару-тройку минут. Обменявшись несколькими стандартными фразами о здоровье и жите-бытье, земляки тут же разбежались в

разные стороны. С тех пор, как отметил про себя Громов, его однокашник практически не изменился — все та же крепко сбитая фигура, золотая цепь на шее, короткая шевелюра, несколько телохранителей по бокам. Даже сигареты, которые курил теперь Самсон, были те же, что и во время их последней встречи — «Винстон».

Увидев Громова, Самсонов первым шагнул навстречу и протянул для приветствия руку. Затем спросил:

— Что с моей дочерью, Громов?

— Не волнуйся, она жива. Мы делаем все, чтобы уговорить этих ублюдков отпустить детей.

— Пропусти меня к ним, я сам с ними поговорю.

— Не могу, Самсон. Во-первых, потому что сюда уже понаехала тьма-тьмушая всякого начальства. А во-вторых, не думаю, что у тебя что-нибудь получится. Это отморозки, для которых никаких авторитетов не существует. Они три дня назад самого Мудреца грохнули.

Судя по тому, как поперхнулся дымом Самсонов, последняя новость его ошеломила.

— Чего они хотят? — спросил он после некоторой паузы.

— Полтора лимона баксов.

— Так дайте им — пусть подавятся!

— Откуда же у бедной московской милиции такие деньги? Мы отправили людей в банк, однако они медленно шевелятся. Сам понимаешь — банкирам нужны гарантии.

— Плевать на банкиров, я сам достану эти гребаные бабки! — сказал Самсонов.

Он подошел к одному из своих качков и сказал ему несколько фраз. Качок в ответ согласно кивнул головой, вскочил в джип и укатил в сторону Денисовского переулка. Самсонов тем временем вернулся к Громову.

— Минут через десять эти полтора лимона будут здесь. Что еще надо? Может быть, дать тебе моих людей?

— Не надо, Самсон. Ты же видишь, здесь до хреновой тучи спецназовцев. А за деньги спасибо. — И Громов в знак благодарности пожал руку своему однокашнику.

Оставив Зотова дожидаться обещанных денег, Громов и Кадилин вернулись в школу. И как оказалось, очень вовремя. Капоне вновь стал отпускать угрозы в адрес заложников и требовать деньги.

— Через двадцать минут деньги будут у тебя, — сообщил ему Громов.

Стоявший рядом генерал, услышав это, удивился:

— Откуда у вас такая информация? По моим данным, деньги будут не раньше чем через час.

— Эти деньги нам даст один знакомый мне коммерсант, — ответил Громов.

Капоне, услышав об очередной затяжке с выплатой выкупа, потерял терпение и заорал:

— Слушай, мент, ты меня уже достал своими байками! Я тебе обещал, что грохну девку, так что не обижайся.

В следующую секунду за дверью раздалось какое-то непонятное движение, после чего тишину пронзил оглушительный визг. Судя по голосам, это кричали юные заложницы. Затем возле самой двери Громов вновь услышал голос Капоне:

— Мент, ты здесь? Девка рядом со мной, и сейчас ты услышишь, как я ее грохну.

— Постой, Капоне! — закричал Громов и буквально припал к двери. — Я же сказал тебе, что через двадцать минут деньги будут у тебя. Всего лишь двадцать минут! Даю тебе слово.

— Слово, говоришь? — переспросил бандит. — Мне еще ни один мент слова не давал. Ну, ладно, уговорил: жду двадцать минут — ровно до шести. Но если наврал, не обижайся — смерть этой девки будет на твоей совести.

Добившись очередной отсрочки с выплатой, Громов на этот раз не испытал никакого облегчения. Слишком маленьким было время, которое ему удалось отвоевать у преступника. Шансов на то, что гонец, посланный за деньгами, действительно успеет обернуться за столь короткий промежуток времени, были равны нулю. Громов взглянул на часы — до окончания отпущенного бандитом срока оставалось уже десять минут. «Где же ты, где?» — пульсировала в сознании сыщика одна и та же мысль. Когда стрелки на часах отсчитали еще две минуты, а гонца все не было, Громов не выдержал и сам отправился к нему навстречу. Выбежав из школы, он подбежал к

тому месту, где несколько минут назад он разговаривал с Самсоном. Тот по-прежнему стоял возле своего навороченного джипа и курил.

— Где же твой человек с деньгами? — спросил Громов.

— Я только что звонил ему — он уже едет обратно, — ответил авторитет. — А в чем дело?

— Этот ублюдок хочет убить одного из заложников, если деньги не вручат ему немедленно.

— Кого? — подался вперед Самсон.

— Девушку-журналистку.

— Слава Богу! — вырвался из уст авторитета облегченный вздох, который Громову показался кошунственным.

В этот миг один из телохранителей Самсона издал радостный возглас и указал рукой в ту сторону, откуда должен был появиться гонец с деньгами. Все повернули головы в этом направлении и заметили в самом начале переулка долгожданный джип, который на огромной скорости мчался к школе. Буквально через минуту автомобиль затормозил, и качок, сидевший за рулем, передал Громову дорожную сумку, доверху набитую деньгами. До окончания срока ультиматума оставалось две минуты.

Когда Громов бежал по коридору, он уже слышал разъяренные вопли Капоне, который собирался привести смертный приговор в отношении девушки в исполнение. Но сделать это он не успел. Громов застучал кулаками в дверь и закричал:

— Капоне, я принес деньги! Открой дверь и возьми их!

Услышав эту новость, бандит несколько успокоился и спросил:

— Ты меня не обманываешь, мент?

— Нет. В сумке, которая у меня в руках, ровно полтора лимона баксов.

— Ну, что ж, повезло девушке — она пока поживет, — снял камень с души сыщика бандит. — Но ты понимаешь, мент, что жить она и другие заложники будут до тех пор, пока вы хорошо себя ведете?

— Чего ты еще хочешь?

— Автобус на месте? Тогда слушай меня внимательно. Дураком я никогда не был, поэтому ваших снайперов, которые засели в разрушенном доме, засек еще час назад. Поэтому автобус вы подгоните не к воротам, а прямо к дверям школы.

«Хитрый, бестия, — по достоинству оценил выдумку бандита Громов. — Если автобус поставить таким образом, то он полностью закроет снайперам обзор».

— Ни одного человека в школе остаться не должно, — продолжал диктовать свои условия Капоне. — Вы сейчас всей сворой отправитесь в переулок, и не дай бог я засеку хотя бы одну ментовскую рожу в здании. Взорву «лимонкой» и себя и заложников.

«Так вот на что надеялся этот выродок, — догадался наконец Громов. — Граната дает ему хороший шанс держать нас на расстоянии. Чуть что — и все кончено».

— Ты все понял, мент? — подвел итог своим условиям бандит.

— Да, — ответил Громов.

— Тогда действуй. Даю вам две минуты на то, чтобы покинуть здание. Сумку с деньгами оставь возле двери.

Поскольку время для отхода бандитом было отпущено минимальное, все, кто в данную минуту находился в коридоре, спешно направились к выходу.

— Товарищ генерал, может быть, все-таки оставить кого-нибудь из наших в школе? — подал неожиданную мысль кто-то из свиты.

— Нет! — жестко отреагировал генерал. — Вы же слышали, что у него есть граната. Подвергать риску жизнь заложников мы не имеем права. Пусть эти твари уходят ко всем чертям, лишь бы никого не убили. Мы с ними потом разберемся, никуда они не денутся.

Буквально через пять минут все условия бандитов были выполнены: деньги оставлены, все люди выведены за пределы школы, к входной двери подогнан автобус. Теперь оставалось ждать, когда преступники под прикрытием заложников выйдут из здания. Однако они не торопились. Что же они делали в эти минуты?

Едва в коридоре стих шум шагов, Капоне открыл дверь и осторожно выглянул наружу. Сумка с деньгами лежала в полуметре от двери, и бандиту потребовалось небольшое усилие, чтобы достать ее рукой. Занеся сумку в класс, он открыл «молнию» и с удовлетворением отметил, что первая часть его плана удалась — сумка была доверху набита деньгами.

— Е-мое, сколько у нас теперь бабок! — вырвался возглас восхищения у стоявшего рядом компаньона Капоне.

— Заткнись, Змей, дело еще не сделано, — оборвал приятеля главарь. — И не мелькай перед окнами — иначе тебя первый же снайпер уделает.

Закрыв наконец сумку, Капоне приказал заложникам подняться.

— А теперь, Змей, сними с себя ремень и оба пояска с платьев у девчонок, — отдал он команду своему напарнику.

Тот беспрекословно подчинился. Когда все три предмета оказались в руках у главаря, он накрепко связал их друг с другом, сделав тем самым нечто вроде длинной веревки. Затем он приказал двум юным заложницам встать рядом с журналисткой и, когда они безропотно исполнили его приказ, связал всю троицу.

— Теперь не вырветесь, — удовлетворенно изрек главарь.

Приказав Змею взять сумку с деньгами, сам Капоне достал из куртки «лимонку» и, дергая за веревку, вывел заложников в коридор. Вся процессия осторожно двинулась к выходу. Обхватив одной рукой журналистку, Капоне в другой руке зажал гранату, готовый в любой момент выдернуть чеку. Они благополучно миновали весь путь до лестницы и спустились на первый этаж. Теперь им оставалось пройти еще один лестничный пролет и оказаться у парадной двери. И здесь Капоне поступил неожиданным образом. Заставив журналистку раскрыть обе ладони, он осторожно положил в них гранату и сказал:

— Держи ее крепко, красавица. Я снял чеку, так что теперь ваша жизнь зависит от тебя. Будешь хорошо себя вести — все будет тип-топ.

— Что мне делать? — с ужасом глядя на гранату, зажатую у себя в руках, спросила Инга.

— Ровно через пять минут начнешь спускаться вниз. Предупреждаю — ровно через пять минут. Выйдя на улицу, замри у выхода и стой. Понятно?

Девушка согласно кивнула головой.

— Вот и умница, — удовлетворенно произнес Капоне и вместе с напарником покинул заложников.

Пробежав несколько метров, они свернули в боковой коридор, окна которого выходили во внутренний двор школы. Здесь Капоне открыл ближайшее окно и первым спрыгнул на землю.

Между тем Инга продолжала с ужасом глядеть на свои руки, в которых притаилась смерть. Девчонки, тесно прижавшись к ней с обеих сторон, тоже стояли ни живы ни мертвы, лишь изредка сотрясая

воздух легкими всхлипываниями. Из оцепенения их вывел внезапный шум, который раздался у них за спиной, — это бандиты выпрыгивали в окно. После этого Инга не стала больше медлить и вместе с девчонками стала осторожно спускаться по лестнице.

В отличие от большинства своих коллег, которые заняли место на противоположной стороне переулка, Громов с Дробышем отошли на правую сторону школьного двора, откуда был хорошо виден пяточок возле парадного входа. С этого места им прекрасно была видна в окно и площадка первого этажа, с которой должны были спуститься вниз бандиты и их заложники. Именно в это окно сыщики и увидели все манипуляции бандита с гранатой, которую он вложил в руки журналистки. Первым сообразил, что происходит, Громов.

— Леша, кажется, он хочет вывести заложников через парадную дверь, а сам слиняет через другой выход.

— Но школа окружена со всех сторон! — возразил коллеге Дробыш.

Однако едва он успел произнести эти слова, как совсем неподалеку от них раздались сразу несколько выстрелов. Громов, прекрасно знавший эти места, сразу определил, откуда стреляли. Выхватив из кобуры свой пистолет, он бросился на шум выстрелов, крикнув на ходу приятелю:

— Леша, он оставил гранату девчонкам! Выручай их!

Прибежав во внутренний двор, Громов сразу определил причину выстрелов. Возле металлического забора-сетки на земле лежали два человека — подельник Капоне и спецназовец, прикрывавший это место. Оба, судя по всему, были мертвы. Понимая, что иного пути бегства, кроме как через забор к Малому Демидовскому переулку, у главаря быть не может, Громов легко перемахнул через сетку и бросился в погоню за бандитом. «Не уйдешь, сука!» — билась в сознании сыщика одна-единственная мысль.

Громову повезло — бандит действительно предпочел не прятаться где-нибудь в подъезде, а побежал в сторону ближайшего переулка. Несмотря на то что был он молод и имел за плечами богатое спортивное прошлое, бежать в полную силу ему мешала увесистая сумка с деньгами. Поэтому миновать переулок незамеченным ему так и не удалось — Громов засек его в тот момент, когда бандит сворачивал на улицу Казакова, причем не вправо, к Курскому вокзалу, а

налево, туда, где когда-то провел свое детство преследующий его сыщик. «Ну, все — там ему от меня не скрыться! — с облегчением подумал Громов, прибавляя ходу. — Победить меня на родной улице никому не удастся!»

Когда Громов выбежал из-за поворота на прямую дистанцию, бандит находился всего лишь в полутора десятках метров от него. Улица в эти вечерние часы была совершенно пуста, что предопределило дальнейшие действия сыщика. «Хватит играть в догонялки», — разумно решил Громов и остановился. В следующее мгновение он уже опустился на одно колено и попытался взять бандита на мушку своего «Макарова». Однако хорошо прицелиться с первого раза ему не удалось. Мешало сбитое во время бега дыхание. А преступник тем временем убегал все дальше. Понимая, что времени у него в обрез, Громов сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, после чего на несколько секунд задержал дыхание и вновь прицелился. В сознании тут же всплыла сцена из знаменитого боевика Никиты Михалкова и пронзительный вопль героя в исполнении актера Кайдановского: «Убей его, Шилов!» Точно следуя этому призыву, Громов плавно нажал на курок и почти на подсознательном уровне увидел, как дуло пистолета выплюнуло из себя кусочек свинца и тот, стремительно преодолев расстояние между сыщиком и бандитом, вонзился в спину последнего.

Когда, сгибаясь под тяжестью сумки, набитой долларами, Громов вернулся к школе, первое, что он увидел, как счастливый футболист Сергей Кадилин обнимает свою дочь. Тут же неподалеку другой счастливый отец — Самсон — обнимал вторую спасенную заложницу. Муравец не стал им мешать — передав сумку с деньгами тому самому качку, который их привез, Громов продолжил свой путь.

В школьном дворе, куда он вошел через минуту, царило настоящее столпотворение. Возле автобуса сновали спецназовцы, а генерал из главка бодро докладывал телевизионщикам об успешном завершении операции. Скользя по Громову равнодушным взглядом, генерал как ни в чем не бывало продолжал живописать о том, как под его мудрым руководством удалось обезвредить опасных и жестоких террористов.

Неподалеку от того места, где генерал давал интервью, Громов увидел человека, которого, собственно, и искал. На каменном бордюре

сидела Инга. Глядя на снующих мимо нее людей, она плакала. Слезы вперемешку с тушью катились по ее щекам и беззвучно падали на асфальт. Присев на корточки рядом с ней, Громов спросил:

— Все в порядке?

Девушка кивнула головой. Затем легким движением руки она смахнула со щеки слезу и внезапно спросила:

— Громов, у вас есть носовой платок?

— Конечно, — ответил тот и полез во внутренний карман своего пиджака.

А затем произошло неожиданное. Когда он доставал платок, из кармана внезапно упали на асфальт... два презерватива в яркой упаковке, которые еще вчера принадлежали Дробышу. В течение нескольких секунд девушка с недоумением глядела на них, а затем внезапно начала смеяться. Да так заразительно, что Громов, в первые мгновения не знавший, куда себя деть от стыда, стал смеяться следом за ней. С каждой секундой их смех становился все громче и громче, пока наконец не вырвался со школьного двора в переулок, а оттуда разнесся по окрестностям и унесся ввысь под облака.

ЭПИЛОГ

Под веселую песню Филиппа Киркорова, который во все горло надрывался в телевизоре, Громов занимался не самым любимым делом — старательно гладил вещи, которые ему предстояло взять с собой в отпуск. Тщательно прогладив очередную рубашку, Громов аккуратно сложил ее вчетверо и уложил в чемодан. Затем под раскаленный утюг легли легкие шорты с витиеватым узором, которые отпускник купил два дня назад в универмаге «Московский» специально по случаю своего отбытия на юга. «Надеюсь, эти фривольные шортики произведут приятное впечатление на Ингу», — с удовлетворением подумал Громов, проводя по ним утюгом. Эта мысль пришла ему в голову не случайно — дело в том, что журналистка на удивление легко приняла приглашение сыщика провести вместе с ним две недели на побережье Черного моря и в эти утренние часы у себя дома тоже готовилась к отъезду.

Отправив шорты туда же, куда и рубашку, — в чемодан, Громов наконец выключил утюг и отправился на кухню ставить чайник. Внезапное сообщение, зачитанное диктором с телевизионного экрана, заставило его чуть ли не бегом вернуться из коридора обратно в комнату. Скорбным голосом диктор вещал:

— Сегодня утром на своей даче в пригороде города Петушки во Владимирской области была убита директор футбольного клуба «Спартак» Лариса Нечаева. Убийство произошло в тот момент, когда Нечаева вместе со своим братом и близкой подругой отдыхали в поселке Таратино. Двое неизвестных молодых людей, вооруженных пистолетами, проникли на дачу Нечаевой и хладнокровно расстреляли двух беззащитных женщин. На звуки выстрелов к месту происшествия бросился брат Нечаевой, который в момент убийства находился в бане, однако преступники ранили его выстрелом в грудь и спешно скрылись. Раненый нашел в себе силы доползти до соседей и вызвать по телефону милицию. Однако оперативно-следственная группа из Петушков прибыла в дачный поселок спустя два часа после трагедии. Время было упущено, и преступникам удалось беспрепятственно покинуть пределы области. Для раскрытия этого дерзкого убийства в

УВД Петушков создан штаб, в который вошли лучшие сыщики Владимирской и Московской областей. Кроме того, активную поддержку в розыске киллеров оказывает ГУВД столицы, сотрудники которого проводят проверку деятельности Ларисы Нечаевой на посту генерального директора футбольного клуба «Спартак».

После этого трагического сообщения на экране на несколько секунд появилась фотография погибшей. Глядя на снимок молодой красивой женщины, Громов невольно поймал себя на мысли, что внешне она очень похожа на Ингу.

Это сообщение внесло смятение в душу Громова. Интуиция сыщика внезапно подсказала ему, что так давно ожидаемый им отпуск, судя по всему, накрылся медным тазом. И хотя преступление было совершено не в столице и подпадало под юрисдикцию областных сыщиков, Громов ни капли не сомневался в том, что высокое столичное начальство вынуждено будет впрячь в это дело и своих сыскарей.

«И все же, может, обойдутся без меня? — мысленно успокаивал себя Громов. — Хватит с меня спартаковских заморочек в деле Кадилина». Однако в тот момент, когда он об этом подумал, в коридоре надрывно зазвонил телефон...

Фёдор Раззаков

Фёдор Раззаков по образованию историк. Первую книгу опубликовал в 1994 году. С тех пор из-под его пера вышли больше десятка книг. Среди них: "Досье на звезд", "Бандиты времен социализма", "Бандиты времен капитализма", "Век террора" и другие.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.